

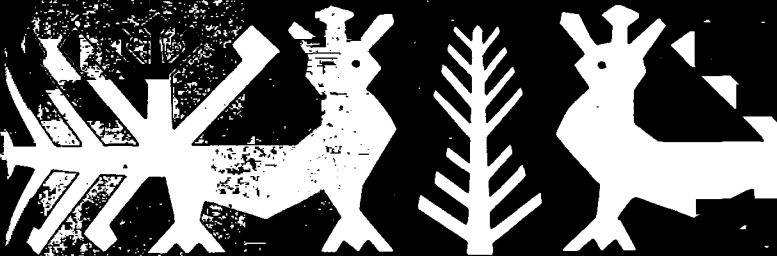
ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1989

ISSN 0038-5050 Советская этнография, 1989, № 2

Вологодская областная универсальная научная библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

www.booksite.ru

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3
Май — Июнь
1989

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

В. В. Чистов (Ленинград). Национальные проблемы в Ленинграде и Ленинградской области	3
Отклики на статью В. А. Тишкова «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР» (А. И. Кузнецов; Г. Е. Марков; С. В. Чешко — Москва).	12
И. И. Крупник, Т. М. Мастюгина, Е. Э. Носенко (Москва). Заседание секции социологии национально-политических отношений по проблеме будущего национального устройства Крыма	18

Статьи

В. В. Бочаров (Ленинград). Этнография и изучение политических традиций общества	29
Н. Н. Великая, В. Б. Виноградов (Грозный). Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов	39
Т. С. Балыева, Е. В. Веселовская (Москва). Новый комплекс антропологических признаков в пластической реконструкции	48

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статьи В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа: проблемы перестройки» (Л. П. Лашук — Москва; В. И. Наулко — Киев). От редакции	60

Сообщения

А. И. Куприянов (Москва). Календарные праздники в быту русского городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в.	70
В. П. Иванов, А. А. Трофимов (Ленинград). Народное искусство чувашей: современное состояние и проблемы	81
И. В. Шталь (Москва). К исторической палеоэтнографии Северо-Кавказского региона: данные нарративных источников и изобразительного искусства	90
А. Ю. Синицын (Ленинград). Культ предков и этнические стереотипы поведения бирманцев	102
А. Р. Садокова (Москва). Жанры японской народной календарно-обрядовой поэзии	109

Хроника

А. Е. Тер-Саркисянц (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1988 г. 119

Научная жизнь

В. А. Тишков, В. А. Шнирельман (Москва). XII Международный конгресс антропологических и этнологических наук	127
Ю. Д. Анчабадзе, Л. Т. Соловьева (Москва). Всесоюзная научная сессия по итогам антропологических и этнографических исследований 1986—1987 гг.	139
В. В. Бочаров (Ленинград). Некоторые итоги работы научно-теоретического семинара «Этнические аспекты власти в современном мире»	145
О. М. Фишман (Ленинград). Проблемная выставка «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона XX в.»	147
Коротко об экспедициях	151

Наши юбиляры

Список научных трудов доктора исторических наук Р. Г. Кузеева (К 60-летию со дня рождения)	154
--	-----

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. А. Белик (Москва). Этологические исследования в этнологии (Англия, ФРГ, США)	159
---	-----

Общая этнография

Т. А. Воронина (Москва). <i>Food in Change. Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day</i>	166
---	-----

Народы СССР

Б. М. Фирсов (Ленинград). Т. А. Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры	169
--	-----

О ситуации в сфере межнациональных отношений в СССР

(Заявление ученых-этнографов, принятое на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР 4 мая 1989 г.)	172
--	-----

Редакционная коллегия

К. В. Чистов — член-корр. (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад., С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Г. Е. Марков, Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц,
Н. С. Полищук (зам. главн. редактора), П. И. Пучков, Ю. И. Семенов,
В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

К. В. Чистов

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЛЕНИНГРАДЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Национальные проблемы, так же как и проблемы межнациональных отношений должны обсуждаться на всех уровнях — общесоюзном, межреспубликанском, внутриреспубликанском, региональном, локальном, областном, городском (особенно, если речь идет о современном большом городе). На всех этих уровнях национальные проблемы имеют не только теоретический интерес (хотя мы постоянно сталкиваемся с недостаточной теоретической разработанностью многих их аспектов), но и вполне конкретные черты, сложившиеся под воздействием специфических этнических, этнокультурных и этнополитических ситуаций.

Один из первых вопросов, с которым сталкивается исследователь, можно было бы сформулировать так: проблемы, тревожащие нас сегодня, достались нам по наследству или возникли в наши дни в условиях гласности и демократии? Ответ не может быть однозначным. Известно, что несколько десятилетий в прессе, в учебниках, в ответственных партийных документах неизменно утверждалось, что национальный вопрос у нас решен окончательно и бесповоротно. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что впервые в докладе Ю. В. Андропова, посвященном 50-летию образования Советского Союза, было сказано значительно точнее: национальный вопрос, в том виде, в каком он достался нам от царского времени, решен успешно, но это не значит, что нет никаких проблем национального и межнационального характера, порожденных самим существованием нашего государства как многонационального. Там же содержался призыв относиться к этим проблемам с максимальным вниманием. Позже М. С. Горбачев неоднократно говорил, что «заслуженные тосты» в честь дружбы народов СССР, к которым мы привыкли, не способны ничего решить, они явно не способствуют разработке средств и способов совершенствования межнациональных отношений. События последних лет в различных районах страны (в Закавказье, Прибалтике, Казахстане, Якутии и т. п.) показали чрезвычайную актуальность как теоретического, так и практического решения наболевших вопросов.

В отдельных регионах имелись конкретные особенности, связанные с сложившимися там ситуациями. Вместе с тем это вовсе не значит, что между ними нет ничего общего. Нет оснований сомневаться в том, что действуют некие общие закономерности современного развития и нашего государства, и всего современного человечества в целом. Процесс урбанизации, охвативший весь земной шар (разумеется, он развивается в разных странах в различном темпе), и, что не менее важно — бурно развивающаяся интернационализация техники и — шире —

¹ Статья написана на основании доклада, прочитанного на областной научно-практической конференции по национальным проблемам.

материально-экономических связей, культуры и науки и даже определенных сфер духовной культуры — не может не вызывать при определенных условиях напряженности национального самосознания. А это, в свою очередь, заставляет воспринимать интернационализацию как денационализацию культурных и социальных ценностей (так называемые «вестернизация», «американизация» и т. п.). Отсюда обилие этнических конфликтов в современном мире (ср. Северную Ирландию, Канаду — англоязычную и франкоязычную, Фландрию и Валлонию в Бельгии, Ближний Восток, Индию и Пакистан, не говоря уж о ЮАР и др.). Неоднократно публиковались впечатляющие цифры — из примерно 120 войн и военных конфликтов после Второй мировой войны по крайней мере 86 (или 72%) имели этнический, этнорасовый или этнорелигиозный характер.

Вместе с тем, объяснять этнические конфликты, возникавшие в нашей стране в последние годы, только действием этой глобальной закономерности было бы далеко недостаточно. Более того, мы должны признать, что в ряде случаев мы тоже не сумели избежать подобных конфликтов, хотя, казалось, это не должно было произойти — национальная политика РКП(б) в первые годы советской власти была нацелена на выработку научно обоснованных и рациональных форм национальной государственности и развития национальной культуры. Границы между союзными республиками и национальными автономными образованиями были согласованы, как правило (за некоторыми исключениями, которые позже дали о себе знать), с реальной этнической структурой населения. Принимались меры по обеспечению нужд и прав так называемых национальных меньшинств, которые в той или иной республике не составляли большинства, или не имели своих фиксированных территорий, или же их основные этнические территории находились за пределами этих республик. Так, следует напомнить о факте, который в наши дни зачастую предается забвению — только в РСФСР и УССР в 20-е годы существовало 270 национальных районов и около 300 национальных сельсоветов.

Известны и другие достижения национальной политики 20—30 годов. Во многих республиках стала появляться и развиваться своя национальная, в том числе и художественная интеллигенция. Довольно быстро была ликвидирована массовая неграмотность, появилась сеть школ, клубов, национальных театров, ансамблей песни и пляски. Несколько десятков бесписьменных в прошлом народов впервые обрели свою письменность. Все шире издавались книги, журналы и газеты на национальных языках.

Когда вспоминаешь обо всем этом, невольно возникает вопрос: почему же большинство национальных районов и сельсоветов в последующие годы исчезло, интересы этнических групп, не принадлежащих к так называемому «коренному населению», перестали удовлетворяться, о них как бы стали забывать; почему некоторые народы, недавно только получившие письменность, перестали ею пользоваться, а тиражи книг на национальных языках и число национальных школ (даже школ коренных национальностей!) стали падать. Эти странные явления до недавнего времени замалчивались, о них изредка говорилось в служебных записках, но отнюдь не в открытой печати. Разумеется, развивались, как и во всех странах, процессы естественной ассимиляции, которые в определенной мере объясняются созданием единой всесоюзной экономической (индустриальной, транспортной и т. д.) системы или естественным сближением наций, живущих в одном государстве, естественным развитием двуязычия, при котором русский язык выполняет функции макропосредника, и т. д. Однако основная причина событий последних лет — в той деформации, которой подверглась национальная политика (или, как принято было говорить в 20—30 гг., — национальное строительство) в годы сталинской диктатуры и в годы застоя. Огульное обвинение национальной технической, научной, художественной интеллигенции и работников советского и партийного аппаратов в национализме привело к ликвидации многих форм административной и культурной жизни, которые столь успешно развивались в начале 20-х гг. Обсуждение национальных проблем и меж-

этнических отношений в духе и стиле «засдравных тостов» не могло не способствовать накоплению негативных явлений в этой столь важной в политическом, культурном и психологическом отношениях сфере. Следовательно, деформации подверглась не только национальная политика, но и длительно пребывавшая в состоянии застоя и оцепенения теория национального вопроса. Достаточно обратиться к многочисленным публикациям по теории и истории национальных проблем, издававшимся на протяжении нескольких десятилетий философами, историками советского периода, историками КПСС, психологами, даже этнографами, чтобы убедиться в этом. Впрочем, не будем и в этом случае мазать все, что попадется под руку, черной краской. Кроме «засдравных тостов» формировались иногда и весьма важные идеи, как бы подготавливавшие новое мышление эпохи перестройки. Так, например, не следует забывать, что именно в годы так называемого «застоя» интенсивно развивалась общая теория этноса, которая заметно углубила понимание природы этнических явлений, их связь с явлениями социальными, экономическими, культурными, языковыми, политическими. Именно в эти же годы стала формироваться этносоциология, разработавшая методы изучения современных этнических процессов как социальных или, может быть, точнее — находящихся в сложной взаимозависимости с процессами социальными. Без подобного рода разработок мы не смогли бы и в современных условиях создать теорию, адекватную современным национальным процессам.

Эпоха сталинизма образвала становившийся все заметнее зазор между словом и делом, между прекрасноречивыми декларациями и жесткой практикой. Одним из последствий этого и была потеря навыка многостороннего рассмотрения исторических процессов и отдельных политических актов или концепций. Обществоведы отвыкли видеть, что одни и те же явления могут иметь одновременно как положительные, так и отрицательные последствия. Между тем это чрезвычайно важно при прогнозировании управления и вообще любых современных процессов. Приведем некоторые примеры. Так, бесспорно правильный, вероятно, даже единственно правильный лозунг «сближение наций через их расцвет» таит в себе определенное противоречие, о котором не принято было говорить. Сближение наций, живущих в едином государстве, не может не происходить, но, конечно, следует систематически заботиться о том, чтобы ни одна из этнических общностей не только не теряла своих культурных ценностей, но развивала и приумножала их. Однако надо отдавать себе отчет и в том, что развитие наций неизбежно ведет к укреплению национального самосознания и при определенных условиях — к его перенапряжению, если национальная политика окажется (что в действительности и было) недостаточно гибкой и тактичной.

Подобная опасность таилась, например, в так называемом «национальном размежевании», которое осуществлялось в 20-е годы в Средней Азии. Если раньше наибольшее значение имели различия между оседлыми земледельцами и кочевыми и полукочевыми скотоводами, то в результате перехода на оседлость в сочетании с национальным размежеванием первостепенную роль стали играть национальные различия, т. е. социально-психологические противопоставления (по схеме «мы» и «они») узбеков и таджиков или узбеков и туркмен. Подобные усложнения обычно вовремя не оценивались и не предупреждались.

Еще один пример. Как уже говорилось, в 20—30-х гг., и в последующие десятилетия много делалось для создания и развития национальной интеллигенции, особенно в тех республиках, где ее раньше не было или почти не было, и для привлечения национальных кадров к управлению «своей» республикой. Нельзя не расценить это как положительное явление. Однако практически это привело к созданию целой системы привилегий для национальных кадров (при приеме в вуз, защите диссертаций, выдвижении на руководящую работу и т. д.), что не могло не внушать заведомо ложную мысль — ценность человека находится в прямой зависимости от его принадлежности к «коренной национальности», т. е. к национализму. Совершенно ясно, что следовало так организовать всеобщую помощь в овладении недостававшими знаниями и навыками там, где

это надо было, чтобы при этом ни на йоту не снижать требований, не развращать национальные кадры. Вообще следует сказать о явно неудачном термине «коренная национальность», одно время активно вошедшем в политический обиход (так же, как словосочетание «коренизация кадров»). Он тоже таил в себе немалую опасность, способствуя формированию представлений о неполноценности и меньших правах тех, кто в этой республике к «коренной национальности» не принадлежал, либо к предположению (которое, правда, вслух не высказывалось) о неизбежности и желательности их ассимиляции все той же «коренной национальности».

И, наконец, последний пример. С давних пор стала употребляться устойчивая формулировка «нации и народности». Скажем сразу, что мы не считаем излишним употребление термина «народность» в этнографии или — шире — в обществоведческой теории. Впрочем, можно не настаивать именно на этом термине. Важно не потерять представления о различных типах этнических общностей на определенных этапах их развития. Другое дело — политический обиход. В этом случае нельзя отвлекаться от того, что народы, причисленные к «нациям» имеют право на свою союзную республику и, тем самым, на больший круг юридических, политических, экономических, культурных и др. прав, чем народности. Это таит в себе определенную опасность. Позволим себе не обсуждать этот вопрос специально. Отметим только, что в политическом обиходе, видимо, правильнее все народы называть одинаково (например, народом или каким-нибудь другим одним термином), а не группировать их на традиционные «нации» и «народности».

Ограничимся этими примерами, чтобы перейти к основной теме, обозначенной в заглавии. Относительно обширное введение было необходимо для того чтобы найти правильный ключ к тем проблемам, которые будут дальше обсуждаться.

Прежде всего следует ответить на вопрос: есть ли основание говорить о межнациональных проблемах в Ленинграде и Ленинградской области? Несомненно есть, и они всегда были. Петербург возник как столица многонациональной империи. Он был и остается важным для страны морским портом, а с XIX в. — одним из крупнейших промышленных городов России. Если бы мы ничего не знали об этнической структуре его населения в XVIII—XIX вв., то и в этом случае не могли бы даже теоретически предположить, что Петербург мог быть однонациональным. Вместе с тем это, разумеется, был русский город. Славянофильское противопоставление «русской Москвы» «немецкому Петербургу» или «финскому Петербургу» никогда не имело реальных оснований. В 1869 г. петербургские немцы составляли 6,8% жителей города (45,6 тыс. чел. при общем числе жителей 555 тыс.). К 1910 г. процент немцев в Петербурге падает до 2,5% при сравнительно небольшом росте абсолютной численности — до 47,4 тыс. За эти годы общая численность населения Петербурга увеличилась до 1,905 600 человек, т. е. почти в четыре раза. В целом же этнический состав Петербурга выглядел к 1910 году следующим образом (см. табл. 1).

Таким образом, нерусское население Петербурга в 1910 г. составляло около 18% общего количества жителей или иначе — каждый шестой был нерусским, причем из них только около 0,5% иностранного происхождения. Мы пишем «около», так как большинство немцев было прибалтийского происхождения. Польша и Финляндия входили в состав России, следовательно, Петербург был для них столицей. Собственно, можно говорить об иностранном происхождении только французов, англичан и шведов и то с некоторой оговоркой. Шведы могли приехать в Петербург не только из Швеции, но и из Финляндии, где они составляли определенную часть населения. Французы и англичане могли быть петербуржцами как первого, так и второго и третьего поколений.

Таким образом, этническая структура Петербурга — столицы Российской империи, как и всякой столицы, в определенной степени отражала этническую структуру страны.

Таблица 1

Этнический состав населения
Петербурга

Этническая группа	тыс. человек	%
Русские	1568,0	82,3%
Белорусы	70,0	3,7
Украинцы	17,0	0,9
Евреи	35,1	1,8
Эстонцы	23,4	1,2
Латыши	18,5	1,0
Финны	18,0	0,9
Шведы	3,0	0,2
Поляки	65,0	3,4
Литовцы	11,5	0,6
Немцы	47,4	2,4
Французы	3,7	0,2
Англичане	2,2	0,1
Татары	7,3	0,4
Прочие	17,8	1,1
Все население	1905,6	100 *

* См.: Юхнева Н. В. Этнический состав этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 24. Табл. 1. / Составлено по: Петербург по переписи 1910 г. СПб., 1911 г. ч. 1, вып. 1.

Таблица 2

Национальный состав населения
Ленинграда

Этническая группа	тыс. человек
Русские	4098
Украинцы	117
Белорусы	82
Эстонцы	6
Латыши	4
Евреи	143
Татары	39
Поляки	10
Финны	6
Армяне	8
Грузины	4
Чуваши	6
Карелы	3
Азербайджанцы	3
Другие национальности	36
Все население	4569*

* Дается по кн.: Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном русском городе. Социологические очерки. Л., 1987. С. 26. Табл. 2.

В советское время население города заметно выросло. По данным переписи 1979 г., оно достигло 4 569 700. Известно, что рост населения Ленинграда не был непрерывным и плавным. В годы Гражданской войны он не только прервался, но население Петрограда уменьшилось. Сильно выросло оно в предвоенное десятилетие и снова уменьшилось в 1941—1945 годах, во время войны и блокады. Характерно, вместе с тем, что этническая структура населения Ленинграда принципиально осталась прежней. При этом, разумеется, отдельные этнические группы росли быстрее или медленнее. Анализировать этот процесс мы не предполагали. Следует только пожалеть, что он остается мало исследованным. Изучение этнической истории Ленинграда и даже шире — Петербурга — Ленинграда, несомненно, могло бы способствовать углубленному пониманию современных проблем межэтнических отношений в этом городе.

Приведем данные по этническому составу населения по переписи 1979 года (см. табл. 2).

Перепись 1989 года покажет, изменилось ли что-нибудь в этих соотношениях. Уже заранее можно ожидать, что в современном Ленинграде проживает не менее полумиллиона лиц, не русских по происхождению, т. е. каждый восьмой — девятый человек.

Этническая структура Петербургской губернии — Ленинградской области уже издавна была сложна. До VIII—IX вв. нынешняя территория ее была заселена финноязычными водско-чудскими племенами, которые соседствовали с племенами балтскими и палеоазиатскими (предками саамов и ненцев). В VIII—IX вв. сквозь сравнительно редкую сеть поселений этих племен стали просачиваться предки русских (восточные славяне — ильменские словене и, может быть, кривичи). И, наконец, во второй половине XVI — начале XVII в. в эти районы (преимущественно в их центральные и западные части) стали переселяться относительно компактные группы собственно финских — суоми племен (эвримий и савакот). Несколько раньше сюда пришла ижора, близко родственная карелам и, возможно, составлявшая с ними прежде какое-то единство. Ижора передвинулась с Карельского перешейка на юг и юго-запад и тоже расселилась

в пределах бывшей Петербургской губернии. Именно по имени «ижора» (вариант — «ингери», «ингерикот», «ижорилайзет») весь край стал называться Ингрией или Ингерманландией, а финноязычные группы все вместе — «ингерманландскими финнами», хотя собственно финнами из них были только «эвримайзет» и «савакот». Сближению этих групп содействовало и то обстоятельство, что собственно финны в местах своего прежнего расселения в Приладожье контактировали с карелами и ижорой. В советское время все эти группы обычно объединялись общим термином «ленинградские финны» (включая и финнов, живших в самом Петербурге и его окрестностях; частично издавна, частично приехавших в Петербург на заработки из Финляндии или Ингерманландии).

Ингерманландская и петербургская финская интеллигенция активно участвовала в революционном движении в контакте с русской социал-демократией и в советское время встала во главе политической, общественной и культурной жизни «ленинградских финнов». Они были учителями в финских школах, сотрудниками финского Домпросвета и издательства, актерами финского театра. Появились первые писатели-ингерманландцы и первые журналисты.

В предвоенные годы ингерманландские финны (эвримайзет и савакот) заселяли весь Карельский перешеек до границы с Финляндией, а на юг от Ленинграда финские деревни располагались вперемежку с русскими — в Детскоельском, Павловском, Гатчинском, Вырицком и других районах. С началом Великой Отечественной войны часть жителей этих и других районов успели эвакуироваться в восточные районы страны. Другие не успели уйти и оказались в оккупации. Немецкие власти отселяли и русское, и финское население от линии фронта, причем значительная часть финнов оказалась в оккупированной Эстонии, а часть — даже в Финляндии. По мирному договору с Финляндией ленинградские финны имели право вернуться на родину. По сообщениям финляндской печати, из общего числа ленинградских финнов, оказавшихся в Финляндии (около 40 тыс.), примерно две трети захотели вернуться. К сожалению, их судьба оказалась трагичной — они все были сосланы в Тюменскую и другие области Западной Сибири.

В 1942 году были депортированы и сосланы и финны из сел севернее Ленинграда, попавшие вместе с ленинградцами в блокаду.

Если эвакуация ленинградцев в целом началась после прорыва блокады и ликвидации непосредственной опасности Ленинграду, то финнам Ленинградской области до 1954—56 гг. не разрешено было возвращаться в город и область. Некоторые из них направились в Карелию, где стали полноправными гражданами, других (в основном, тех, кто стремился возвратиться в деревни) — направляли в Вологодскую, Ярославскую и другие области.

Можно припомнить несколько случаев, в буквальном смысле этого слова, анекдотических. Так, студентка М., финка по национальности, после окончания университета была выдвинута секретарем ЦК ЛКСМ Карело-Финской республики. Однако ей хотелось продолжить учебу в аспирантуре в Ленинграде. Она блестяще сдала экзамены, но в аспирантуру принята не была, так как не могла быть прописана в Ленинграде. Доктор исторических наук, профессор С. финн по национальности (в то время он был председателем президиума Карело-Финского филиала АН СССР) приехал в Ленинград в качестве оппонента кандидатской диссертации, но в гостинице ему отказали в прописке.

После 1956 года многие финские семьи вернулись в город и область. По переписи 1979 года их числилось несколько больше 30 тыс. Характер их расселения в Ленинградской области досконально не выяснен. Видимо, ни севернее, ни южнее Ленинграда сейчас нет сплошных финских деревень. Финские семьи расселены по многим селам. Так случилось не потому, что их прежние села были кем-то за это время заняты, что могло быть. Села были малолюдны, но финские семьи приезжали постепенно, кроме того, многие села, существовавшие до войны, были разорены, разрушены. Эти процессы и современная ситуация должны быть тщательно изучены. Только тогда можно будет принять адекватные ситуации

меры для восстановления справедливости и гармонизации межнациональных отношений.

На западе Ленинградской области и частично на территории самостоятельной с 20-х годов Эстонии продолжала проживать «водь» — прямые наследники древних племен, населявших эту местность до прихода ижоры, русских и финнов. Уже довольно давно началась их ассимиляция эстонцами, ижорой и русскими. Ассимиляции русскими способствовало то, что водь (по крайней мере значительная часть ее) так же, как ижора, в прежние времена была православной в отличие от собственно финнов (эвримайзет и савакот) — лютеран. В опубликованные данные переписи 1979 года ижора не попала, так как их в Ленинграде и Ленинградской области оказалось всего 315 чел. (не исключено, что эти данные занижены).

На востоке Ленинградской области, в районах, примыкающих к Карелии, и в Вологодской области издавна были расселены вепсы — еще один финноязычный народ. Когда-то, по-видимому, они довольно широко расселились на нынешней территории Ленинградской области, в южной Карелии (на Олонецком перешейке), в Вологодской и частично Архангельской областях. Вепсы не подвергались в 30—40 гг. насильственной депортации или эвакуации. Они в основном оставались на своих местах, если не считать сселение из малых деревень, объявлявшихся когда-то «неперспективными», в деревни, по тогдашнему разумению областного начальства, более «перспективные». После неоправданного закрытия вепских школ, библиотек и клубов в 1936—1937 гг. вепсы лишились письменности. Экономическое состояние районов, в которых они проживают, долгое время было крайне тяжелым (как, впрочем, и многих других районов Ленинградской области), что способствовало значительному оттоку сельских жителей (прежде всего молодежи) в города. Ускорился процесс двуязычия и даже потери частью молодежи родного языка (такие же процессы шли и в водской, ижорской и финской среде). Определенные негативные последствия имел и тот факт, что после пересмотра границ Вологодской и Ленинградской областей вепсы оказались разделенными между ними и Карелией.

По переписи 1979 года значится всего 6,5 тыс. вепсов. Если иметь в виду насильственную запись части вепсов русскими, то, как показывают полевые данные З. И. Строгалыщиковой, их сейчас, вероятно, 13—15 тыс. Учитывая, что по переписи 1926 года их значилось 32 773 человека, следует признать, что произошло довольно сильное снижение численности этого маленького народа.

За последние десятилетия сильно уменьшилась и численность других финноязычных групп в городе и области. Если по расчетам на начало 20-х гг. их было не менее 300 тыс., то в настоящее время — 75—80 тыс. О причинах этого мы уже говорили.

Кроме процессов естественной ассимиляции (например, посредством смешанных в национальном отношении браков, которые для некоторых этнических групп Ленинграда и Ленинградской области достигают 30—40%), этому способствовали факторы административные, которых можно было бы избежать, но которых мы, к сожалению, не избежали (репрессии, выселения, закрытие школ и других культурных учреждений, насильственная запись русскими и т. п.). Кроме упомянутых собственно национальных и национально-культурных проблем надо постоянно не упускать из виду и другой аспект межнациональных отношений. Это — изучение так называемых этнических установок русского населения, т. е. стереотипы поведения русских, составляющих большинство населения города, при контактах с иноэтническими группами. Деформация национальной политики, о которой уже говорилось, несомненно имела отрицательное воздействие и на русское население — она привела к усилению шовинистических настроений в различных социальных слоях, разумеется, в разной степени и в разных формах, от обыденных, бытовых до организованных объединений, имеющих откровенно шовинистическую программу. Мы не имеем в виду подвергать подробному анализу известные выступления общества «Память», прини-

машние крайние формы на митингах в ленинградском Румянцевском сквере. Касались только двух идей, выдвигавшихся лидерами этого объединения на заключительном заседании научной сессии, посвященной 1000-летию крещения Руси. Здесь развивалось два тезиса: а) «надо четче очертить русскую национальную территорию». Что же это значит в переводе на язык повседневности? Выдворить из Ленинграда 0,5 млн. «инородцев», если пользоваться этим официальным термином царского времени? Русским уйти из всех национальных республик, где они составляют довольно значительный процент? И вообще, что это может означать в стране, в которой, как уже говорилось, около 55,5 млн. чел. живут вне своих этнических территорий или не имеют их (т. е. каждый пятый — шестой человек)? Какими же мерами, кроме насильственных, это может быть осуществлено? За этим тезисом таится не только шовинистическая агрессивность, но и историческое невежество. Известно, что русская история представляет собой процесс непрерывных миграционных движений по чрезвычайно обширной территории, обтекания целых народов или диффузионное внедрение на их территорию. Даже если считать за исконную русскую национальную территорию земли Киевской Руси, и то придется вспомнить, что у Киевской Руси были «свои поганые» (т. е. язычники) — торки, берендеи, белые клобуки и др.

б) Второй тезис содержал призыв к русским не вступать в смешанные браки. Тезис откровенно расистский! Как же быть нам теперь, если есть районы, где существует от 5 до 40% таких браков? Провозглашается этот тезис под предлогом сохранения чистоты русского генофонда. Это тоже невежество, на этот раз биологическое (антропологическое). Можно ли в русской истории выделить период, когда русский генофонд был «чистым»? Существуют ли вообще «чистые» генофонды? Кроме того, русский вовсе не утверждает, что скрещивания ухудшают генофонд, как раз наоборот!

Несомненно, следует выяснить, на какой бытовой и социальной почве могут формироваться подобные идеи, насколько широко они распространены и, главное, к каким последствиям могут привести.

Что же теперь следовало бы предпринять, чтобы ликвидировать тяжелые последствия деформации национальной политики, ликвидировать, елико это возможно, последствия социально-национальной несправедливости, допущенной в предшествующие десятилетия? При этом нельзя не помнить, что в тех ситуациях, какие существовали на протяжении длительного времени в городе и области, особенно большой ущерб наносился именно немногочисленным народам и этническим группам — они оказываются на грани исчезновения. Ныне всего несколько человек в мире еще говорит на водском языке, а такие народы, как ижоры и вепсы, тают на глазах. Несколько в лучшем положении собственно финны. Эта группа многочисленнее (хотя известно, что из финнов Ленинграда и Ленинградской области хорошо владеют своим родным языком не более 25—30%), в соседней Финляндии продолжает развиваться родственная культура на родственном языке. Финский язык принят в Карелии в качестве одного из коренных языков — на нем издаются книги, газеты и журналы, вещает радио и телевидение. Вообще надо сказать, что финны и финский язык никогда в Карелии не подвергались дискриминации. Но современное положение с преподаванием финского языка в школах Карелии тревожит. Ассимиляционные процессы здесь тоже идут, правда, в более естественной форме.

Конечно, при поверхностном взгляде на вещи легче всего было бы посоветовать вернуться к тем формам национально-культурной автономии, которые существовали в 20-х — начале 30-х гг. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается невозможным. Многие процессы, как бы мы их не оценивали, необратимы. При резком уменьшении численности финноязычного населения Ленинградской области и при современном дисперсном его расселении было бы странно восстанавливать все те национальные районы и национальные сельсоветы, которые когда-то существовали. Видимо, прежде чем принимать решения, надо тщательно изучить современное расселение финноязычных групп по райо-

нам области, степень владения детьми из финских и смешанных семей финским языком, выяснить, какие формы его изучения рекомендовали бы своим детям сами родители (школа на финском языке, школы с факультативным его изучением, обучение языку в кружках и клубах), где нужны сельские школьные интернаты, для того чтобы сосредоточить желающих заниматься финским языком, краеведением, историей, культурой и т. д. и тем самым обеспечить возможность каждому желающему воспользоваться своим правом, записанным в конституции.

В последние годы возникло своеобразное общественное движение: специализированные неформальные объединения стремятся организовать клубы, общества, землячества, целью которых было бы удовлетворение национально-культурных потребностей этнических групп, проживающих в Ленинграде и Ленинградской области. На современном этапе это движение несомненно надо поддерживать, если не на государственном, то хотя бы на первых порах на общественном уровне. В этом смысле плодотворной представляется идея создания в городе Дома дружбы, который объединил бы отдельные клубы, общества и землячества, но, разумеется, не заменил бы их. Известно, что в Баку с некоторых пор существовал Музей дружбы, но, видимо, он приобрел столь официозный характер, что в трагические дни Сумгаита о нем никто не вспомнил.

Должна быть восстановлена регулярная продажа книг на национальных языках и республиканских изданий. Такой отдел национальной и республиканской книги существовал в Ленинградском Доме книги еще сравнительно недавно. Работа его должна быть организована по заявкам, и об этом следует широко оповестить население в газетах, по радио и телевидению. Не парадоксально ли, что в Ленинграде есть Дом дружбы с зарубежными странами и магазины, в которых продаются книги социалистических и даже капиталистических стран, но нельзя купить книгу, вышедшую в какой-нибудь из наших союзных или автономных республик либо, тем более, на языке какой-нибудь этнической группы, не имеющей своей республики?

То же следует сказать и о периодической печати. Разве можно считать нормальным, что в Ленинграде и области можно подписаться на любую газету социалистических стран, но чинились препятствия тем, кто хотел выписать газету или журнал на татарском или армянском языке? Организовать все это, видимо, нетрудно и следует всерьез оценить, сколько потерь влечет за собой нежелание наладить дело. Каждый такой отказ осознается как национальное оскорбление, проявление недружелюбия, попрание конституционных прав.

И, наконец, как приходилось неоднократно в этом убеждаться, многие ленинградцы мало знают о реальной этнической структуре населения города. Областная и городская печать почти ничего не делает для преодоления этого незнания. Нет смысла специально доказывать, что публикация демографических и исторических справок, статей о достижениях национального искусства и литературы, фольклора, народного художественного ремесла, о выдающихся деятелях прошлого, об активных участниках революции, гражданской и отечественной войн, ленинградцев — выходцев из отдельных народов могла бы сыграть значительно большую роль в гармонизации межнациональных отношений, в укреплении взаимопонимания между отдельными этническими группами и преобладающим русским населением, чем риторические заклинания о процветании дружбы народов.

Итак, мы в общих чертах ответили на поставленный вопрос: национальные проблемы и проблемы межнациональных отношений в Ленинграде и Ленинградской области издавна существовали и существуют. Их решение требует всестороннего и тщательного изучения. Можно уверенно сказать, что мы находимся в начале этого пути и дальнейшее продвижение потребует немалых усилий.

Одновременно мы ответили и на другой вопрос. В решениях XIX конференции КПСС говорилось о необходимости образования при Верховном Совете СССР и Верховных Советах республик специальных комиссий по межнациональным отношениям. При местных советах рекомендовалось создавать подобные комиссии там, где это окажется нужным. Из всего сказанного выше следует, что при

Ленгорисполкоме и Леноблисполкоме должна быть подобная комиссия. Должен существовать также общественно-научный центр экспертов, постоянной консультацией которого будет пользоваться комиссия. И, наконец, существующие специализированные исследовательские учреждения (Ленинградская часть Института этнографии АН СССР, Государственный Музей этнографии народов СССР, Научно-исследовательский Институт комплексных социальных исследований при ЛГУ и Институт социально-экономических проблем АН СССР, Социологическая ассоциация и др.) должны вести постоянную исследовательскую работу по рекомендациям комиссии и экспертов. Разумеется, могут возникнуть и другие системы обнаружения и изучения национальных и межнациональных проблем с целью их совершенствования; важно, чтобы было признано, что такие проблемы существуют и они заслуживают общественного внимания.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В. А. ТИШКОВА «О КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СССР»

В статье В. А. Тишкова поставлены вопросы, требующие безотлагательного решения. Это, в первую очередь, относится к теории этнической общности и ее применению в практике национально-государственного строительства.

К сожалению, мы до сих пор занимаемся цитированием классиков, толкованием употребляемых ими не терминологически слов «нация», «национальность», «народность», «народ». Создается впечатление, что таким образом мы пытаемся воссоздать утраченное явление — этническую общность и ее типы. Но этнические общности существуют и сейчас, и именно они должны стать объектом нашего исследования, в результате которого может быть создана теория этнической общности.

Нужно признать, что ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина нет законченной теории этнической общности. Работы же Сталина, если к ним подходить не как к откровениям «великого теоретика», не выдерживают критики ни с точки зрения логики, ни с точки зрения рассмотрения конкретного материала.

Анализ существующих классификаций этнической общности показывает неявную подмену понятий «общество» и «этническая общность». отождествление этих понятий объясняется распространенным мнением, что человечество существовало и существует в виде народов, народностей, наций, тогда как на самом деле человечество всегда существовало в виде отдельных конкретных исторических обществ, которые включали в свой состав людей различной этнической принадлежности. Полное совпадение «общества» и «этнической общности» могло быть только в племени.

Ни даже при полном совпадении общества и этнической общности мы не можем отождествлять эти два понятия. Общество и этническая общность соотносятся как целое и часть. Человек как личность выступает в обществе в различных социальных ролях и его этническая принадлежность является только одной из этих ролей. Этническая принадлежность личности определяется ее самосознанием, выраженным в самоназвании, языком и культурой. Эти три признака, принадлежащие индивиду, не вызывают ни у кого возражений.

* Сов. этнография, 1989, № 1. Сокращенный вариант статьи, опубликованный в журнале «Коммунист» (1989, № 1), обсуждался на методологическом семинаре Ин-та этнографии АН СССР 13 и 31 января 1989 г. Мы публикуем мнения некоторых участников семинара по основным проблемам статьи.

Общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру и одинаково называющих себя, и представляет собой этническую общность. Общность, родовое и классовое, объединяет людей другими связями. Территориальные связи свойственны обществу (Морган, Энгельс); экономические связи создают общество, для которого безразлична этническая принадлежность людей, вступающих в производственные отношения, в экономические связи. Поэтому выделять типы этнической общности по территориальному или экономическому признакам неправомерно.

Мы можем отделить лишь этнические общности родового строя от этнических общностей классового общества на основании того, что в родовом обществе все связи между членами племени, в том числе и этнические, опосредованы социальной, родовой организацией. А в классовом обществе государство имеет отношение к своим членам через территорию, этнические связи становятся самостоятельными. Территориальные и экономические связи, предлагаемые для выделения «народности» и «нации», являются внешними признаками этнической общности и поэтому не могут быть использованы в качестве критерия для выделения ее типов.

Таким образом, мы можем выделить только два типа этнической общности: племя из родового общества и народ (этнос) для классового. Логическим выводом из этого должно быть признание таксономической равноценности таких этнических общностей как древние египтяне и чукчи, собственно римляне и современные англичане, австрийцы и нивхи. Понимание этнической общности как самостоятельной этнической единицы не только в абстрактно логическом смысле, но и в конкретной исторической обстановке, поможет нам избежать деления современных народов на неравноценные «народности» и «нации». Могут быть неравноценны лишь социально-экономические, политические и другие характеристики народов, рассматриваемых как общества, а не сами народы.

Провозглашаемое сейчас строительство правового государства должно исходить из принципа абсолютного равенства народов — этнических общностей. Каждый народ, как об этом говорит В. А. Тишков, должен иметь права на существование, самоидентификацию, суверенитет, самоопределение, самоуправление, сохранение культурной самобытности, контроль за использованием природных ресурсов на территории его проживания. Существующая в настоящее время система национально-территориального деления нашей страны, система союзных и автономных республик, автономных областей и округов не предоставляет и не гарантирует эти права.

Только 89 народов имеют сейчас политическую или административную автономию. 54 малочисленных коренных народа и национальные меньшинства, многие из которых в прошлом имели национальные районы, не обладают в настоящее время национальной автономией. Не было объективных критериев, по которым народы объединялись в союзные или автономные республики. Устарели, на наш взгляд, и критерии для выделения автономных областей и автономных округов.

В качестве примера, можно сравнить численность населения и площади некоторых союзных и автономных республик. Башкирская АССР по этим показателям превосходит союзные республики — Литву, Латвию, Таджикистан, Армению и Эстонию, Татарская АССР — Литву, Латвию, Армению, Эстонию, Дагестанская АССР — Эстонию, площади и численность населения Удмуртской АССР и Эстонии почти равны.

Было бы целесообразно отказаться от деления на союзные и автономные республики, преобразовав их в советские социалистические республики с равными правами.

Исходя из права каждого народа на суверенитет, самоопределение и самоуправление необходимо вывести автономные округа из подчинения областям и краям, которое означает их подчинение другим народам. Вполне возможно приравнять автономные округа к автономным областям. Необходимо тщательно

разработать положение о национально-культурной автономии для всех малочисленных коренных народов и национальных меньшинств.

Таким образом, СССР должен, на наш взгляд, представлять собой союз народов, объединенных в республики, национальные области, округа и районы. Каждый народ должен быть непосредственно представлен в Совете Национальностей Верховного Совета СССР. Национальные области, округа и районы также должны быть выведены из подчинения республикам и прямо подчиняться Верховному Совету СССР, прямо быть представлены в Совете Национальностей.

Выборы в Совет Национальностей целесообразно проводить отдельно от выборов в Совет Союза. Депутатов в Совет Национальностей следует выбирать не от населения территории, а от граждан одной национальности, вне зависимости от места их проживания. Совет Национальностей должен вести вопросы культуры, языка, представлять и защищать этнические интересы народов. Общегосударственные экономические, социальные и другие вопросы нужно вывести из компетенции Совета Национальностей. Но если они будут влиять на культуру и язык какого-либо народа, нарушать его права как отдельного народа, тогда Совет Национальностей совместно с Советом Союза правомочен решать и эти вопросы.

В то же время в каждой республике, национальной области, национальном округе и районе должны быть защищены права всех национальностей, живущих в этих национально-территориальных образованиях.

Таким образом, каждый человек будет иметь права и обязанности личности и своей национальности, т. е. будет выступать как гражданин СССР и как представитель своего народа.

А. И. Кузнецов

1. В Новое и Новейшее время в многонациональных странах на основе конкретных исторических и демографических условий сложились различные виды административного членения государственных структур. В одних, как то в США, они основывались на принципах региональных штатов, что изначально предполагает приоритет «американской нации» перед национальными особенностями и интересами. В других, как то в СССР, был принят национально-территориальный принцип, при котором приоритет принадлежал «национальному» образованию государства из национальных союзных и автономных республик, краев, областей и т. д. При том, что установление такого рода структуры государства субъективно исходило из стремления создать наиболее благоприятные условия для национального развития, объективно оно изначально несло в себе неизбежно усиливавшуюся центробежную тенденцию, которая является следствием декларируемой «национально-республиканской» государственности, «коренизации» аппарата управления, роста национального самосознания, и как ни парадоксально, недостатка внимания к национальным проблемам.

2. Государственность национальных образований связывалась с тем, что она принадлежала преобладающей в данной республике, области и т. п., «нации» или «народности» как самостоятельному социально-национальному организму, однако не всегда этот принцип выдерживался. Не во всех республиках, областях и др. имело место абсолютное численное преобладание так называемого «коренного» населения, особенно в городах. По этой причине они не могли быть в полной мере национальными «государственными образованиями», что заключало в себе залог внутренних противоречий, обострившихся вследствие развития процессов миграции населения. Несмотря на то, что национальные республики были декларируемы как государственные образования, государственными они, в том смысле, который В. И. Ленин вкладывал в это понятие;

полностью не стали, вследствие отсутствия некоторых существенных признаков государственности, таких как полный суверенитет и др.

3. Вызывает известное сомнение объективное существование иерархической структуры в виде социально-национальных организмов — «наций», «народностей», «этнографических групп» и т. п. Как известно, возникновение «наций» как социально-национальных организмов относится к эпохе разложения феодализма и формирования капитализма, когда важнейшими видами общественных связей становились экономические, возникал единый национальный рынок. При этом в однопациональных государствах понятия «нация» и «население государства» совпадали. В многонациональных развевывались, в зависимости от исторических условий, разные процессы. При наличии государственно-национального угнетения вполне сложившихся, экономически и политически зрелых народов, шло формирование обособленных наций, борьба за национальную независимость, что вело в конечном счете к распаду государства (Австро-Венгрия). Существование в многонациональном государстве прочных исторических и культурных связей между наиболее крупными и развитыми народами, и неразвитости экономической и политической жизни у прочих, приводило к тому, что формирование наций происходило замедленно, центробежные тенденции были слабыми, зато заметно обнаруживались центростремительные (царская Россия).

«Народности» складывались на основе территориальных общественных связей, характерных для рабовладельческой и феодальной эпох. Для капитализма и социализма народности не характерны, так как в условиях этих общественно-экономических формаций действуют иные виды общественных связей.

4. В условиях становления Советское государство в целом приняло на себя функции общего экономического, политического и культурного центра общественных связей всех народов, вследствие чего народы нашей страны не стали складываться в обособленные социально-экономические и политические организмы, так как все эти функции приняло на себя государство. Это значит, что «нации» в сталинском понимании не сложились; они декларировались искусственно, о чем свидетельствуют многочисленные попытки дать определение социалистической «нации», и найти признаки, разграничивающие «нации» и «народности». Попытки эти не привели к положительному результату.

5. В настоящее время, за исключением ряда развивающихся стран, где еще только идет процесс становления наций-народов, можно говорить только о «национальностях», обитающих в едином государстве. Никакими иными признаками, кроме языкового и традиционного национального самосознания — более или менее ярко выраженного — они не обладают. Попытка установления иерархии национальных организмов в виде «наций», «народностей», «этнографических групп» не только обречена на неуспех, так как субъективна, но и несправедлива и обидна для представителей многих национальностей.

6. Население США, пестрое по национальному происхождению, составляет «американский народ» или «американскую нацию». В СССР входят концентрированные либо рассеянные группы представителей многих национальностей, которые в последние десятилетия все в большей мере приобретают общие признаки «новой исторической общности — советского народа» или «нации». Признаки «советского народа» («нации») — общие исторические судьбы, единство политической и социально-экономической систем, единство целей, сходство жизненных установок, множество общих, постоянно вновь возникающих культурно-бытовых черт, вольно или невольно ведущих к объективному укреплению единства «советского народа».

7. Современные межнациональные противоречия вызваны рядом внешних и внутренних факторов. Внешние — отмеченные выше противоречия между национально-территориальным принципом организации республик и областей и реальной демографической картиной. К внутренним — относятся экономические трудности, допущенные в прошлом деформации в области национальной

политики, в частности, вследствие того, что с одной стороны, велась идеологическая пропаганда фактической обособленности «наций» и «народностей», что влекло обострение интереса к собственной национальной исключительности, а с другой — имело место невнимание к национальным нуждам и интересам. Негативные последствия имела приверженность к догматической формуле «культура социалистическая по содержанию, национальная по форме». Что «форма», что «содержание» — дело спорное, «национальной» может быть не только форма. Зачастую благодаря поискам «национальных форм» без внимания оставалось истинное содержание: язык, национальные традиции и т. п.

8. «Этническое возрождение» будет и в дальнейшем возрастать, захватывая в свою орбиту большие и малые национальности. Этот процесс объективен и неизбежен, однако при учете интересов национальностей, он также может идти по объективному историческому пути на основе стимулирования двух принципов: интеграции национальностей в «советский народ» и развития культуры и традиций национальностей, учета их нужд и интересов.

9. Справедливо мнение о необходимости изменения паспортного режима и системы прописки. В случае их сохранения весьма сложен вопрос о графе «национальность». Предложение о внесении, по желанию человека в эту графу национальности, или обозначения «советский», нецелесообразно вследствие разнопорядковости этих понятий. Устранение этой графы может вызвать протест со стороны представителей многих национальностей.

10. В условиях единого государства и существования «советского народа» или «нации» не может не быть единого национального языка, при полном праве на развитие всех национальных языков.

Г. Е. Марков

Почти со всеми положениями статьи В. А. Тишкова я могу согласиться, хотя кое-что, на мой взгляд, требует уточнения. Соглашаясь с идеей «разгосударствления», т. е. движения по пути создания гражданского общества, думаю, однако, что ее реализация не обязательно должна быть сопряжена с разделением крупных государств. Пожалуй, скорее наоборот. Чем больше государств, тем больше «государства на душу населения»: По-видимому, «разгосударствление» лежит не на пути дробления функций управления, отчужденных от массы населения, а на пути широкого местного самоуправления на уровне первичных территориальных общностей. Оно же обеспечит свободное от администрирования развитие этнических культур.

К вопросу об этнической терминологии подход должен быть двояким. Следует продолжать научные исследования по классификации этнических общностей. Какой бы результат они ни дали, эти исследования помогут лучше познать сущностные свойства этноса. Однако в политике, в государственном строительстве, в области права использование этой классификации, во всяком случае пока она недостаточно хорошо отработана, может навредить. Соединение иерархической структуры этнических общностей с иерархической структурой национально-государственных образований неизбежно приведет к установлению между народами страны неравенства по их юридическому статусу, правам, возможностям развития. Для целей национальной политики целесообразно ограничиться родовыми синонимическими понятиями «этнос», «этническая группа» (как элемент социальной структуры общества), «народ».

Публичные выступления в печати, подобно статье В. А. Тишкова, полезны, кроме всего прочего, потому, что имеется потребность противопоставить научный подход чрезвычайно идеологизированным, псевдодемократическим взглядам на национальный вопрос в СССР.

В противовес концепции единого союзного государства формируется концепция национального государства как базовой парадигмы развития советского общества. Ее сторонники априорно отождествляют национальное государство

с демократией, а союзное государство — с антидемократией. Национальные задачи фактически противопоставляются задачам общедемократическим, отрицается возможность достижения социального прогресса в рамках Союза и через Союз, а в области национальных отношений в качестве главного приоритета выдвигается удовлетворение интересов основных коренных национальностей союзных республик.

Эту концепцию, как ни парадоксально, пытаются обосновать, ссылаясь на В. И. Ленина. Цитируют его высказывания о праве наций на самоопределение, о советском федерализме, о том, что в отношении национальных меньшинств «лучше пересолить, чем недосолить» в удовлетворении их интересов. Попутно вспоминают о демократическом централизме, о политике в интересах большинства: в результате некоторые народы оказываются и «меньшинством», и «большинством» и, следовательно, якобы могут претендовать на всевозможные преимущества, пользуясь своим двойным статусом. Все это делается под лозунгом возрождения ленинизма, а на деле по-прежнему занимаются выборочным цитированием: берут у Ленина то, что раньше замалчивалось, замалчивают то, что раньше выпячивалось.

Ленин последовательно отстаивал право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, но именно право, а не целесообразность (с точки зрения социального прогресса), полагая, что лучше разъединение, чем насильственное объединение. Ленин выступал за федерацию суверенных республик, но, во-первых, явно считал это вынужденной мерой, а во-вторых, видел в федерации промежуточный этап на пути к полному единству общества. Ленин действительно выражал патетику своего подхода к национальному вопросу знаменитой фразой «лучше пересолить...», но тут же формулировал программный принцип политики: никаких привилегий по национальному признаку.

Сопоставление подобных «оппозиций» показывает, что нельзя понять Ленина, лишь выясняя, что он написал раньше, а что позже: нередко такие оппозиции присутствуют в одних и тех же ленинских работах. Социальные идеалы Ленин умел сочетать, а когда надо, то и подчинять требованиям политической ситуации, первоочередным задачам построения социализма.

Неверен лозунг «назад к Ленину»: то, что было необходимым семьдесят лет назад, сегодня может оказаться ошибочным. Лучше двигаться «вперед к Ленину», учась у него строить политику в точном соответствии с объективными процессами развития. И, конечно же, нет никаких оснований представлять Ленина апологетом идей национальной обособленности, национальной государственности, «оборонительного национализма» малых наций.

В сложившихся в СССР условиях представляется необходимым и неизбежным преодоление издержек сверхцентрализации посредством четкой правовой регламентации прерогатив Союза, республик, автономий. Например, в области законодательства следует, по моему мнению, принять такой порядок, когда основополагающие законы (хотя бы наиболее важные) будут вступать в силу лишь после их ратификации Верховными Советами союзных республик (простым большинством республик). Требуется также в полной мере осуществить принцип добровольности объединения, обновив и подтвердив союзный договор и конституировав возможность и порядок исключения из Союза.

Вместе с тем, важно обеспечить условия для дальнейшей внутрисоюзной интеграции. Между тем, идея экономического суверенитета республик, означающая замену централистской системы внеэкономического вмешательства в экономику аналогичной децентрализованной системой, реализованная к тому же в условиях политического федерализма, нанесет ущерб и экономической интеграции, и политическому единству.

Разрабатывая реформы в области правового регулирования государственной системы, надо понимать, что имеющаяся система не является идеальной и не может существовать вечно. Уже сегодня не рано задумываться о будущем,

моделировать его одновременно с тенденциями мирового развития. По-видимому, перспектива совершенствования советского государства состоит в замене национально-территориальных федеративных связей преимущественно территориальными связями.

Вызывает удивление весьма распространившийся и оказывающий влияние даже на партийную идеологию императив о том, что этнический плюрализм — это одна из непреходящих ценностей цивилизации и ее надо сохранять всеми силами через государственную политику в национальном вопросе. В конечном счете регулятором этнических процессов выступают объективные законы развития, не подверженные ни идеологии, ни политике. Пагубность и тщетность попыток вмешательства в действие этих законов история, в том числе нашей страны, демонстрировала неоднократно.

С. В. Чешко

ЗАСЕДАНИЕ СЕКЦИИ СОЦИОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ БУДУЩЕГО НАЦИОНАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЫМА

Среди сложных национальных вопросов, доставшихся нам в наследство от сталинской эпохи, одним из наиболее болезненных является судьба крымских татар и в целом состояние межнациональных отношений в Крыму. В последнее время вопрос этот стал, наконец, обсуждаться на страницах прессы, популярных и научных изданий, местной крымской печати¹. Частью этого обсуждения стало проведенное 9 февраля 1989 г. заседание секции социологии национально-политических отношений Советской социологической ассоциации (ССА) «Будущее национального устройства Крыма и проблема крымских татар».

Заседание, собравшее около 70 специалистов-обществоведов — историков, социологов, этнографов — прошло в ответственном, конструктивном духе. Основной упор был сделан на научное формулирование разных позиций о будущем Крымской области, оценку предлагаемых программ совершенствования межнациональных отношений. С четырьмя основными докладами выступили: А. И. Курочки (председатель общественной организации «Крым», Москва), В. Э. Шемьизаде (секретарь исполкома организаций, Москва), А. Г. Герцен (Симферопольский гос. ун-т); И. И. Круглик (Ин-т этнографии АН СССР, Москва, сопредседатель секции социологии национально-политических отношений). Выдвинутые докладчиками программы оценивал организованный секцией «совет экспертов», в который вошли девять человек: Г. В. Старовойтова (Центр по изучению межнациональных отношений, сопредседатель секции, Москва), Г. Ч. Гусейнов (Ин-т мировой литературы АН СССР), Ю. А. Лешков (Симферопольский гос. ун-т), Я. Р. Дашкевич (Археографическая комиссия АН УССР, Львов), Э. А. Пайн (ЦНИИП градостроительства, Москва), В. Ф. Козлов (Историко-архивный ин-т, Москва), И. В. Шабдурастов (Ин-т географии АН СССР, Москва), Г. Г. Ворсбехер (альманах немецкой литературы «Хайматлихе вайтен», Москва), В. Г. Садур (ИНИОН, секретарь Московского общества татарской культуры, Москва).

При всех различиях по некоторым конкретным пунктам общей для участников дискуссии была идея многонационального Крыма. Общим было и их отношение к главной на сегодняшний день проблеме: как может быть осуществлено возвращение в Крым крымских татар и других депортированных в 1944 г. этнических групп (крымских греков, болгар, армян, цыган) с наибольшими плюсами для современного населения Крыма и всех заинтересованных сторон. Ниже приводится краткое изложение основных выступлений и мнений, высказанных экспертами.

А. И. Курочки (председатель общественной организации «Крым», созданной в октябре 1988 г.) отметил, что за последние 25 лет проблема крымских татар сильно усложнилась. С конца 50-х годов вплоть до 1987 г. со стороны крымскотатарского движения проблема рассматривалась,

Прежде всего, как политическая и моральная. Речь шла о полной реабилитации крымских татар и разрешении им на общих основаниях селиться в Крыму.

Теперь, по мнению докладчика, положение обострилось. Среди самих крымских татар существуют крайние позиции: от требования возвращения автономии Крыму до неверия в возможность положительного решения вопроса. Лозунги «немедленной автономии» или «немедленного возвращения всех крымских татар в Крым» скорее воздействуют на эмоции, но не содержат никаких конкретных предложений. Кратковременная эйфория летом 1987 г., когда для решения вопроса была создана правительственная Комиссия под председательством А. А. Громыко, быстро окончилась. Настроения интеллигенции начинают определять усталость и разочарование, результатом чего становится самоустранение от политической активности. В такой обстановке на первый план выдвигаются лозунги «непримиримых» — не желающих более ждать.

Общая атмосфера упадка хозяйства и экологического кризиса в Крыму, неоправданное силовое давление со стороны местных властей на проживающих в Крыму татар (например, декабрьское 1987 г. постановление о запрете на их прописку в большинстве районов Крыма) усугубляют проблему.

Проблема (или проблемы) крымских татар очень многопланова. Она включает историю создания и ликвидации Крымской АССР, правду о Великой Отечественной войне и партизанском движении в Крыму, оценку депортации крымских татар в 1944 г., их возвращение на родину, современную этническую и политическую ситуацию в Крыму.

На сегодняшний день наиболее неотложная задача — возвращение крымских татар. Их общая численность составляет, по оценке специалистов, около 440—470 тыс. чел. (точную цифру вскоре даст перепись 1989 г.). Многие из них хотят возвратиться в Крым: по косвенным данным, можно ожидать, что в ближайшие два года в Крым будут стремиться переехать 70—100 тыс. крымских татар. Дальнейшее будет зависеть от позиции властей, в том числе местных.

Первостепенное значение здесь приобретает позиция общественности и государства. От этой позиции будет зависеть решение целого комплекса вопросов, в том числе наиболее острых: 1. реализация процесса переезда; 2. официальное наименование этого процесса («возвращение на историческую родину», «восстановление статуса этнокультурной единицы», «иммиграция» и т. д.); 3. вопрос прописки, т. е. получение крымскими татарами равных гражданских прав с остальными жителями Крыма; 4. юридические основания для вселения татар в места их прежнего проживания; 5. вопрос покупки домов (их стоимости, помощи переселенцам и т. п.).

По мнению А. И. Курчи, возвращение крымских татар должно проходить без каких-либо предварительных условий с чьей-либо стороны. Именно тогда оно будет воспринято на Украине, а также украинским и русским населением Крыма как нормальный, естественный процесс. В противном случае у всех затронутых сторон могут возникнуть более жесткие требования. Для крымских татар, рассматривающих историю и территорию Крыма как неотъемлемую часть своей национальной истории и территории, это может вызвать требования о создании независимого от СССР автономного Крыма с возвращением в состав РСФСР.

На сегодняшний день положение в Крыму определяют два фактора: предельно обострившаяся экологическая ситуация на п-ве и отрицание за инонациональным меньшинством права на собственные культурно-исторические ценности. Причем положение ухудшается, так как в целях «оздоровления» экологии п-ва декларируется установка на нежелательность въезда новых поселенцев, хищническая эксплуатация природы и ресурсов Крыма может окончательно «закрыть» проблему возвращения нежелательных мигрантов. Таким образом, для крымских татар ответ сводится к следующему: «в Крыму мест нет», и поэтому автономия нежелательна.

Но помимо тезиса о «перенаселенности Крыма» для большей обоснованности было выдвинуто положение, существовавшее до XX съезда КПСС и в определенной мере убедительное для массового сознания. Это обвинение в нелояльности крымских татар во время Великой Отечественной войны. Однако в настоящее время советская межнациональная политика не может определяться подобными установками, которые исподволь оправдывают «наказания» целых народов по принципу коллективной ответственности.

Общественная организация «Крым» создала свою рабочую комиссию, которая должна исследовать положение в Крыму. Но поскольку сделать это собственными силами в полной мере не представляется возможным, организация «Крым» предлагает следующее.

* С марта 1989 г. действие постановления приостановлено.

1. Создать экспертную комиссию научной общественности по делам Крыма с участием представителей Крымского обкома КП Украины, облисполкома, других заинтересованных организаций. Привлечь архивные данные и материалы ведомств, использующих природные ресурсы полуострова. Проблема гуманизации отношений в Крыму не может быть решена без учета взаимосвязи национального и экологического вопросов.

2. Активизировать административную политику в отношении трудоустройства крымских татар и строительства для них новых жилых поселков в Крыму. Просить Госстрой оказать содействие в таком строительстве. Армения, а затем Таджикистан обратили внимание государственных строительных организаций на то, что сельское строительство должно быть экологичным и в правовом отношении определяться национальными приоритетами.

3. Разработать документы о содействии государственных экономических органов крымским татарам в переселении и покупке домов в Крыму. Ознакомительные поездки лиц, желающих вернуться в Крым, должны быть оплачены из фондов союзных и республиканских ведомств.

4. Предложить создать фонд крымскотатарского народа для финансирования конкретных программ и предложений. Просить Совет Министров СССР оказать в этом содействие на правительственном уровне. Просить руководителей, участвовавших в организации помощи Армении (заместители Председателя Совета Министров СССР Ю. П. Баталин и Л. А. Воронин), оказать содействие в жилищном строительстве на освоенных территориях Крыма и прилегающих районах Причерноморья.

5. Одной из рекомендуемых мер могло бы стать создание национального совета или совета по делам национальностей при облисполкоме Крымской области для оперативной помощи возвращающимся крымским татарам.

Лишь принимаемые в комплексе, все эти меры помогут решить проблемы крымских татар.

В. Э. Шемь-из-а-де отметил, что в настоящее время возвращение крымских татар на родину осуществляется стихийно (менее тысячи человек в год), в основном путем индивидуальной купли-продажи домов. За последние два года цены на жилье в Крыму выросли в 5—6 раз, в то время как в Средней Азии, где проживает основная часть потенциальных мигрантов, цены снизились. Следовательно, основная масса людей лишена возможности вернуться: это могут позволить себе лишь очень состоятельные семьи. Что же касается оргнабора, то по нему приезжают лишь несколько сот семей в год.

Кроме того, недавно был принят ряд мер, препятствующих возвращению крымских татар в Крым. Так, постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1987 г. затрудняет прописку в ряде крупных городов и районов Крыма*. А там, где можно прописаться, нередко раздаются призывы со стороны местных властей: не продавать дома крымским татарам. Те, кто все же осуществляет такую продажу, рассматриваются как «совершившие антипатриотический поступок». Крымским татарам также чинятся препятствия при трудоустройстве: например, предприятие, принявшее на работу вновь приехавшего работника, должно выплатить несколько тысяч рублей местным советам.

Все эти меры никак не обоснованы. Распространено мнение, что Крым перенаселен. Однако в настоящее время там проживает около 2,5 млн. чел. (без жителей Севастополя), т. е. плотность населения составляет 91 чел. на кв. км. В соседней с Крымом Донецкой области плотность населения — 200 чел. на кв. км. А в Ферганской долине, где живет основная масса крымских татар, плотность населения равна 370 чел. на кв. км. В Узбекистане ощущается избыток трудовых ресурсов — по оценкам, не менее 1 млн. чел. Государство затрачивает огромные средства, пытаясь решить этот вопрос путем переселения узбеков в Нечерноземье, где они практически не приживаются. Одновременно крымским татарам препятствуют при выезде из Средней Азии.

Далее В. Э. Шемь-из-а-де предложил ряд мер, направленных на разрешение проблемы крымских татар. Желательным, по его мнению, было бы строительство нового города на 80—100 тыс. жителей и нескольких поселков городского типа для татар-переселенцев. Эти пункты должны располагаться в соответствии с хозяйственными условиями, а также исторически сложившимся расселением крымских татар до депортации 1944 г. Поэтому несколько раз мелькавшая идея создания Присивашского национального округа (в северном Крыму) путем вселения туда возвращающихся крымских татар неприемлема.

Необходимо также создавать новые рабочие места. Наряду с плановой миграцией может продолжаться индивидуальная купля-продажа домов при условии ее регулирования.

* Как уже указывалось, действие постановления приостановлено.

Для осуществления перечисленных мер потребуются ежегодные капитальные вложения в размере нескольких сот миллионов рублей. Но следует помнить, что крымские татары пережили национальную трагедию. Во время переселения в 1944 г. и в первые годы после него погибло около трети крымскотатарского народа. У людей были конфискованы дома, почти все имущество. Поэтому народ имеет моральное и юридическое право просить финансовой помощи у государства. Организация «Крым» имеет по этому вопросу конкретные реалистические предложения.

Вопрос о восстановлении государственности также стоит на повестке дня. Но он непременно должен решаться не только как создание автономии для крымских татар, а как создание в Крыму автономии для всех проживающих там народов.

Затем с докладом выступил А. Г. Герцен, обративший внимание на то, что представления многих нынешних жителей Крыма о так называемых «наказанных народах» расплывчаты или деформированы. Проблема эта ранее почти не поднималась. Для большинства населения она встала лишь летом 1987 г. Однако вопрос не только в том, чтобы восстановить социальную справедливость по отношению к народу, который в своем этнониме носит название Крыма. Это необходимо сделать и по отношению к другим, также выселенным отсюда этническим группам: грекам, армянам, болгарам и др. Поэтому не следует выделять в крымской проблеме исключительно крымско-татарский аспект. Акцент на многонациональном составе населения Крыма может содействовать созданию морального климата, благоприятного для возвращения выселенных народов.

Нужно также учесть положение ныне живущих в Крыму людей, которые не всегда поселялись тут по своей воле (этот вопрос еще почти не изучен). Современное население Крыма представляет своеобразный конгломерат народов, имеющих тем не менее свое самосознание, определенные земляческие настроения. Уже сейчас возникают проблемы, как примет население Крыма, сформировавшееся преимущественно на славянской основе (свыше 60% его составляют русские и около 25% — украинцы, пользующиеся в основном русским языком) саму идею вселения иноэтнического компонента. В настоящее время среди этого населения широко распространено мнение, что крымские татары были наказаны за «реальные грехи». Так, в Ялте происходили антитатарские выступления (не вполне ясно, были ли они спровоцированы местными группами или явились реакцией на пропаганду общества «Память»). Имели место аналогичные выступления и со стороны крымских татар. Негативную реакцию местных жителей вызвали действия крымскотатарских активистов — например создание «полян протеста». Что же касается местных властей, то они обнаружили полную неспособность действовать в условиях массовых движений.

Подход к решению проблемы Крыма может быть только однозначным: путем возвращения туда всех желающих (причем не только крымских татар). Однако для этого необходимо тщательно подготовить общественное мнение. Заявление ТАСС (опубликованное 9 июня 1988 г.), напротив, подняло антитатарские настроения. Нужно добиваться, чтобы у нынешнего населения Крыма сформировались адекватные исторические представления: крымские татары, как и другие наказанные народы, имеют полное право возвратиться на родину, что никак не ущемит интересов остального населения. Для этого следует развернуть направленную публицистическую деятельность и пропагандистскую работу.

Нужна также сбалансированная программа переселения с учетом социально-экономических экологических и др. факторов. С этой целью при Крымском обк. КП Украины создан сектор по межнациональным отношениям. В круг его задач входит забота о культурном развитии крымских татар (поддержка самостоятельности, создание факультативов языка крымских татар и т. п.). В заключение докладчик подчеркнул, что для проведения соответствующих исследований необходима помощь специалистов: этнографов, социологов и в частности со стороны США.

Последний «пакет предложений» был выдвинут И. И. Крупником. Он подчеркнул, что любое предлагаемое решение о будущем переустройстве Крыма (тем более, что оно затрагивает интересы сотен тысяч людей) должно опираться на четко сформулированные принципы, а именно:

Принцип справедливости, предполагающий, что возвращение в Крым депортированных народов и возрождение их социального статуса есть акт социальной справедливости со стороны государства. Это значит, что депортация 1944 г. и программа возвращения крымских татар должны получить политическую и нравственную оценку всего советского общества. Возвращение татар в Крым станет таким же демократическим символом перестройки, как в 50-е гг. возвращение на родину северокавказских народов стало одним из символов постсталинской оттепели.

Принцип общей заботы, означающий, что в выбранном варианте решения проблемы должен быть стимул, жизненно важный для всех слоев населения. Такой «общей заботой»

выглядит резкое ухудшение экологической ситуации в Крыму, в равной мере угрожающее всем его жителям. Следовательно, программа возвращения должна осуществляться в контексте перестройки экологической политики, переориентации экономики, развития более рациональных систем природопользования.

Принцип искусства возможностей, имеющий в виду, что программа возвращения крымских татар должна быть построена так, чтобы все участники чувствовали себя в выигрыше. Одновременно надо исключить все попытки изобразить решение проблем одних «за счет других». Плюсы решения должны быть хорошо известны каждой из сторон.

Принцип преемственности моделей, означающий, что решение данной проблемы должно опираться на существующие или известные ранее организационные мероприятия — из современной общесоюзной реальности, опыта других республик, истории советского строительства в Крыму и т. п.

Всем этим принципам, по мнению докладчика, наилучшим образом может отвечать восстановление в пределах нынешней Крымской области Крымской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР как формы *многонационально-территориальной автономии*.

В последнее время средства массовой информации и популярные издания неустанно подчеркивают, что Крымская АССР была создана в 1921 г. по территориальному признаку. Хотя это более чем спорный тезис, его следует тем не менее принять сейчас как основу для восстановления Крымской АССР. В таком случае она станет многонациональным автономным образованием с тремя равноправными государственными языками (русский, украинский и крымскотатарский) и тремя основными этническими компонентами (русские, украинцы, крымские татары), а также некоторым числом коренных (караимы, крымчаки, крымские греки, болгары, армяне, возможно, немцы) и новоприезжих национальных меньшинств.

Такое решение проблемы имеет следующие плюсы для всех заинтересованных сторон.

Для Крымской области это будет означать резкое повышение административного статуса, что открывает возможность более широкого представительства на общесоюзном и республиканском уровне, дает право на создание новых социально-производственных структур, ответственных за развитие Крыма (Совета Министров АССР, республиканских научно-исследовательских центров и т. п.).

Для УССР появление в ее структуре первой за послевоенный период национально-территориальной автономной единицы означает начало самостоятельной внутренней национальной политики. В том, что Украине подобная политика необходима, убеждает не только опыт национального строительства 1920—1930-х гг., когда в ее составе было свыше 20 национальных районов (русских, немецких, болгарских, еврейских, польских, греческих и др.), более тысячи национальных советов и автономная республика (Молдавская АССР), но и современное состояние самой украинской культуры. Встав перед необходимостью сформулировать национальную позицию по отношению к этническим меньшинствам, украинцы как народ (включая украинское население Крыма) получают импульс сформулировать ту же позицию для себя. Кроме того, УССР получит расширенное представительство на уровне Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов.

Для крымских татар и других депортированных в 1944 г. народов (крымских болгар, армян, греков и др.) восстановление Крымской АССР открывает путь к организованному возвращению на родину и полному восстановлению своего гражданского статуса.

Для русского населения Крыма создание автономной республики, где русский язык будет обладать статусом государственного, будет означать конституционную гарантию национально-культурных прав в пределах другой союзной республики.

Для советского правительства возрождение Крымской АССР может послужить одной из моделей конституционного оформления сложных ситуаций, где затрагиваются интересы нескольких народов.

Решение о восстановлении Крымской АССР, продолжал докладчик, вероятно, должно быть вынесено на самом высоком уровне и оформлено в виде аналогичных общесоюзных и республиканских постановлений, которые должны официально утвердить программу «Возвращение», а также обозначить сроки и исполнителей конкретных решений. Такой путь снимет дилемму: «сначала возвращение» или «сначала автономия», поскольку возвращение станет условием объявления автономии, а автономия — гарантом возвращения. Одним из контрольных сроков возрождения автономии может стать октябрь 1991 г. (70-летие декрета ВЦИК об образовании Крымской АССР), а завершения программы «Возвращение» — 2000 год.

Восстановление Крымской АССР потребует крупных организационных мер (финансовых расходов, перераспределения капиталовложений и т. п.). В последние годы наше государство продемонстрировало способность к проведению подобных действий. Кроме того, вывод войск из Афганистана, начавшееся сокращение вооружений в Европе позволяет выделить дополнительные ресурсы на проведение внутренних социально-экономических программ.

Важным условием, по мнению И. И. Крупника, должно стать одновременное осуществление двух аналогичных программ по восстановлению разрушенных в период сталинизма автономий: Крымской АССР в составе УССР и Немецкой автономной республики в Поволжье в составе РСФСР. Это позволит расширить их общественную и финансовую поддержку. Такой шаг будет убедительным свидетельством решимости государства искоренить наиболее болезненные пережитки сталинских беззаконий в сфере национальной политики.

Наконец, еще одним принципом восстановления автономии Крыма должно стать право населяющих его народов на создание низовых форм национально-территориальных автономий в пределах АССР. Условием для этого может быть только ориентация на компактное расселение тех, кто возвращается в Крым (естественно там, где для этого имеются возможности). Докладчик напомнил, что в 30-е гг. в Крымской АССР было 20 административных районов, 11 из которых считались национальными (6 татарских, 2 немецких, 2 еврейских, 1 украинский). Ничто не мешает вернуться к такой дробной структуре, конечно, при ином сочетании и соотношении национальных автономий.

Главное отличие восстановления Крымской АССР и возвращения депортированных народов от аналогичных действий в 50-е гг. состоит сейчас в более широком спектре возможностей. Современный характер демократических преобразований позволяет сочетать централизованные меры государства и индивидуальные действия граждан с различными общественными инициативами. Поэтому решение проблемы возвращения крымских татар следует видеть в признании трех самостоятельных форм возвращения.

Организованное возвращение — должно вестись в рамках централизованных государственных программ. Его основным ареалом могут стать районы степного Крыма, где, как считается, имеются свободные земли, пригодные для сельскохозяйственного освоения. Развитие этой схемы должно в перспективе привести к разукрупнению нынешней системы районирования степного Крыма и выделению нескольких новых районов со статусом национальных.

Групповое возвращение — должно опираться на наиболее современные формы хозяйственных отношений (арендный, семейный подряд, кооперативы и т. п.). Его главной целью будет реконструкция или возрождение небольших поселений силами самих переселенцев. Основным ареалом группового возвращения могли бы стать предгорные и горные районы Крыма, где имеется большое число заброшенных деревень, и создание в них рентабельной системы производства и устойчивого природопользования.

Индивидуальное возвращение — может вестись на основе свободной купли-продажи домов переселенцам на всей территории Крыма.

Важным шагом могло бы стать обращение Крымского областного совета депутатов и Крымского обкома КП Украины к правительствам и Верховным Советам РСФСР, УССР, УзССР (где проживает большинство крымских татар) с просьбой выступить гарантами программы «Возвращение». Участие трех республик в возрождении Крыма придаст программе дух подлинного интернационализма, что чрезвычайно важно для современного этапа межнациональных отношений. Необходимо также привлечение к реализации программы ВЦСПС, различных ведомств и организаций. Резкое обострение экологической ситуации в Крыму имеет значение не только для местных жителей, но и для всех, кто использует его в качестве общесоюзной курортной зоны. Следовательно, в оздоровлении экологической обстановки должны принимать участие все ресурсо- и землепользователи.

И. И. Крупник перечислил некоторые конкретные действия и научные программы, необходимые для реализации выдвинутых предложений. Первым и наиболее важным является технико-экономическое обоснование проекта возвращения с выделением районов приоритетного заселения и реконструкции. Для этого необходимы изучение нынешней и составление новой схемы земельно-водного устройства Крымского п-ова, отбор перспективных территорий и населенных пунктов. Важным фактором станет также составление современной карты плотности населения Крыма (по данным только что проведенной переписи населения 1989 г.) и подробной этнографической карты п-ова в 1920-е — 1930-е гг. Наконец, нельзя будет обойтись и без карты «экологической опасности» Крыма, чтобы

определить зоны нарушенного экологического равновесия, а также природно-исторические территории, требующие заповедного или охранного режима.

Необходимым шагом будет и социологический опрос крымскотатарского (как и болгарского, греческого и армянского) депортированного населения в основных районах его нынешнего проживания. Это позволит оценить потенциальный поток будущих мигрантов; их демографический и профессиональный состав; территориальные, культурные и экономические предпочтения.

Параллельно с этим следует начать разработку серии историко-культурных программ, рассчитанных на более длительные сроки. Среди них: преподавание на крымскотатарском и других языках (программы, методики, учебные пособия, подготовка преподавателей и т. п.); программа «Культурное наследие» (поиск и сбор крымскотатарских музейных, архивных, книжных фондов, охрана и реставрация памятников культуры); подготовка специалистов в области крымскотатарского языка, истории, культуры (для будущих научно-исследовательских центров, музеев, издательств, преподавания в вузах); разработка топонимической программы для восстановления десятков и сотен утраченных географических названий; популяризаторская и научно-пропагандистская работа — выпуск новых книг, брошюр, путеводителей, использование средств массовой информации и т. п. Все эти действия потребуют значительных усилий. Но это как раз та сфера, где могут внести свой реальный вклад историки, этнографы, социологи, лингвисты, т. е. специалисты, объединяемые секцией социологии национально-политических отношений ССА.

Во второй части заседания были заслушаны выступления экспертов.

Г. Ч. Гусейнов: Мы услышали сегодня четыре варианта программы возвращения крымских татар на их историческую родину. Все эти программы объединяет одна общая черта — оптимистичность и ориентация на успех. Однако необходимо учитывать, что при неопределенной позиции центральных властей многие ведомства, а также средства массовой информации на местах систематически провоцируют разные группы населения к антагонистическому отношению к переселенцам — крымским татарам. Существуют активно действующие силы, поддерживающие ситуацию национального конфликта в Крыму. Поэтому мы обязаны думать не только об «оптимистических» программах типа тех, что были изложены сегодня, но и о том, как будут развиваться инерционные процессы.

Чтобы им противостоять, нужно создавать общественные «советы национального доверия» для разъяснительной и пропагандистской работы среди местного населения. Это самая действенная форма работы, которую могут организовать в Крыму историки, филологи, социологи и другие специалисты. Один такой совет уже работал там в прошлом году, и его деятельность дала ощутимые результаты.

Очень важно также продумать кооперативную программу. Существует практика зарубежных кооперативных сельскохозяйственных предприятий для работы на самых неудобных землях. Нужно вовлекать в эту программу различных специалистов, общественные и государственные организации, как отечественные, так и зарубежные.

В. Г. Саду: Согласен, что предложенные проекты возможно реализовать лишь в том случае, если стороны пойдут навстречу друг другу. А между тем реальная расстановка сил иная: по-настоящему заинтересованы в возвращении только сами крымские татары. Местные советские и партийные органы и руководство Украинской ССР пока не хотят предпринимать усилий без указаний из центра. Объективно же их деятельность способствует формированию у населения негативного отношения к переселенцам.

Для центральной власти сейчас крайне невыгодно выступать против национальных чаяний крымских татар. Напротив, в настоящий момент, когда национальная ситуация в стране обострилась, справедливое решение крымскотатарской проблемы могло бы стать примером налаживания межэтнических отношений и для других регионов страны.

На сегодняшний день трудность проведения программ в жизнь состоит также в отсутствии конкретных данных. Мы не знаем, сколько крымских татар реально готовы в ближайшее время вернуться в Крым и на каких основаниях; к каким социальным группам они принадлежат, и чем смогут заниматься. Необходимо немедленно начать проводить среди них социологические исследования с четко поставленными задачами, наладить службу учета. В целях формирования общественного мнения считаю целесообразным привлекать общественные организации, чей авторитет в последнее время сильно вырос, например, общество «Мемориал», а также организации, ставящие перед собой национально-культурные задачи. Перспективность обращения к ним уже

казала поддержка, оказанная крымским татарам со стороны Татарского общественного центра в Казани.

Я. Р. Д а ш к е в и ч ²: В современном состоянии крымскотатарской проблемы на Украине можно выделить три аспекта: официальное отношение, позиция неформальных движений и отношения на местах. Официальные власти УССР в настоящее время практически не располагают никакими политико-административными полномочиями. Неформальные организации и интеллигенция Украины неоднократно выступали в поддержку крымских татар, за возвращение их в Крым. О положении на местах было сказано, что массовое переселение крымских татар в Херсонскую область (преддверие Крыма), а также выделение им участков в северокрымских совхозах, заселенных преимущественно украинцами, не вызвало там видимых национальных антагонизмов. Выводы складника сводились к следующему:

Во-первых, сегодня нельзя говорить об угрозе возникновения конфликтной ситуации в Крыму в местах непосредственных татарско-украинских контактов. Правда, состояние определенной свободной настороженности существует. Если целью внутренней политики в Крыму считать сглаживание национальных антагонизмов, нельзя не удивиться, сколь мало используется в этом направлении агитационно-пропагандистский аппарат на местах. Требуется, видимо, более четкое определение своих позиций со стороны возникающих в Крыму группировок крымских татар.

Во-вторых, восстановление крымской автономии по модели, действовавшей в отношении алмакы, балкарцев, чеченцев и др. кажется в настоящее время мало реалистичным. Не говоря о том, что эта идея вызывает на местах значительное сопротивление, следует помнить, что восстановление автономии северокавказских народов происходило в условиях этнодемографически благоприятных для возвращающегося населения, способного образовать большинство или же компактное заселение вновь обретаемой территории. Данная модель к условиям Крыма не подходит.

В-третьих, национальное движение крымских татар нуждается в легализации. Оно должно стать равноправным партнером переговоров и, соответственно, нести полную меру ответственности за свою программу и свои действия.

В-четвертых, совершенно неудовлетворительной на сегодня выглядит культурная программа, находящаяся формально в компетенции органов УССР. В ней ничего не говорится о культурных объединениях, отдельных школах, радиовещании, театре, учебно-научном центре, хотя бы при Киевском, если не при Симферопольском университете, о свободном отправлении религиозных культов. Между тем, повышение культурного уровня населения должно способствовать преодолению межнациональных конфликтов.

Г. Г. В о р м с б е х е р: В изложенных проектах многое кажется разумным и продуманным. Основной вопрос о действующих силах и учете интересов всех участвующих сторон особенно убедительно рассмотрен в программе, предложенной И. И. Крупником. Пункт о подготовке общественного мнения — один из важнейших в программе, и его следовало бы перенести на первое место.

Неконструктивным и несправедливым представляется положение, при котором люди, подвергшиеся принудительной депортации 45 лет назад, должны на свои средства возвращаться обратно, покупать свои собственные дома. Крымские татары в Средней Азии, так же как и советские немцы, проживающие в Казахстане или Сибири, при переезде оставляют свои квартиры. То же можно сказать о распределяемых сейчас расходах на транспорт, детские учреждения, школы и т. д. Таким образом, речь пойдет просто о перераспределении фондов. Кроме того, и немцы, и крымские татары все эти десятилетия трудились наравне со всеми советскими народами, однако получали из государственного бюджета далеко не наравне с ними, особенно на развитие национальной культуры, искусства, родного языка и т. д.

Далее Г. Г. Вормсбехер коротко проинформировал собравшихся о состоянии вопроса восстановления автономной республики советских немцев в Поволжье и выразил уверенность в том, что вопрос этот будет решен положительно, возможно, еще до пленума по межнациональным отношениям ³.

В конце выступления Г. Г. Вормсбехер еще раз подчеркнул необходимость восстановления автономии крымских татар. Восстановление автономии, — считает он, — официально снимет все выдвигавшиеся против крымских татар несправедливые обвинения, и позволит народу самому решать свои проблемы: готовить кадры, возрождать национальную культуру, обеспечивать занятость и др.

В. Ф. К о з л о в: Нужны решительные меры: все этапы возвращения крымских татар должны

субсидироваться государством за счет специального фонда, куда будут выделяться средства и из бюджетов тех республик, где они жили. Депортированные народы должны получить приоритет в вопросах прописки и приобретения жилья в Крыму.

Думается, что вопрос о возвращении не следует связывать с немедленным восстановлением автономии. Такой акт в условиях демократизации не может быть осуществлен без осознания его необходимости большей частью населения п-ова. Такого осознания у нынешнего населения Крыма пока нет, что является закономерным результатом полувекового замалчивания национальных проблем в стране. Кроме того, этническая карта Крыма неузнаваемо изменилась с 1944 г. Сейчас крымские татары составляют 1,5% населения Крыма. Поэтому мне кажется, что не этническую причину надо выдвигать как основную для автономии.

Современный Крым с катастрофическим состоянием его экологии, бесхозяйственным отношением к уникальным природным ресурсам, безусловно, нуждается в придании ему совершенно особого административного статуса, своеобразной автономии. Это позволило бы резко увеличить бюджет, спасти уникальную природу п-ова для всей страны. Такая постановка вопроса будет более понятна всему населению Крыма. Таким образом, возвращение коренного населения естественно станет важнейшей частью программы эколого-национальной автономизации. Проведение в жизнь этой программы, рассчитанное, вероятно, на 5—10 лет, должно сопровождаться агитационно-пропагандистской работой среди населения Крыма, подготовкой национальных кадров из среды крымских татар, широкой культурно-просветительской деятельностью. До сего дня в этом отношении делается очень мало. Основой этих начинаний может служить программа общественной и научно-просветительской организации «Крым».

И. В. Ш а б д у р а с у л о в : Здесь говорилось о четырех вариантах программы, но мне кажется, что основная концепция, достаточно логичная и конструктивная, представлена И. И. Крупником. Другие докладчики не предлагали альтернативных программ, а как бы дополняли ее по ряду принципиальных вопросов. В концепции же И. И. Крупника видится серьезный пробел, связанный с экономической стороной его предложений.

Необходимость разработки новой стратегии социально-экономического развития и использования природно-ресурсного потенциала области в равной мере касается как нынешнего, так и перспективного населения Крыма. Вопрос в том, чем будут заниматься люди на его территории. Не очень убедительно выдвинутое предложение о подъеме силами переселенцев сельского хозяйства степного Крыма с упором на орошаемое земледелие или животноводство. Такая схема выглядит явно устаревшей.

Наиболее обоснованным и перспективным представляется развитие рекреационного комплекса в приморской зоне, сельского хозяйства в степной части и возрождение традиционных видов хозяйства в горном Крыму. При этом приоритет должен быть отдан созданию новых курортно-рекреационных зон различного типа, что даст возможность рационального использования вновь прибывающих в Крым трудовых ресурсов, хозяйственного освоения ценнейшего природного потенциала с наименьшим экологическим ущербом, применения передовых экономических форм и методов хозяйствования со сравнительно высокой эффективностью капиталовложений.

Развитие хозяйства Крыма в этом направлении предполагает пересмотр нынешней структуры использования ресурсов Крымской области (имеется в виду настоятельная необходимость сокращения земель спецназначения Министерства обороны СССР в приморской зоне, вывод с территории Крыма ряда вредных производств). Освоение новых, не занятых сейчас, участков побережья как курортной зоны, позволит селить и трудоустраивать там значительные группы переселенцев из числа крымских татар, не ущемляя интересов местного населения.

Э. А. П а и н : К числу достоинств, отличающих заслушанные нами доклады, относится и то, что они не противоречат друг другу. Особенно плодотворным мне кажется предложение И. И. Крупника о создании многонациональной автономной республики с тремя государственными языками. Его можно рассматривать как модель решения национального вопроса во многих других регионах страны.

В выступлениях экспертов большое внимание уделялось различным способам предупреждения и разрешения межэтнических конфликтов. Это действительно серьезный вопрос. Однако первичным и определяющим является политическое решение проблемы, а именно: признание государством, что депортация крымских татар была актом репрессий; необходимость их социально-политической реабилитации; разработка правительством СССР и УССР плана комплексного социально-экономического развития Крыма с учетом возможности массового возвращения крымских татар, выделение

ассигнований на подготовку и реализацию этой программы. Только принятие такого решения открывает возможность для широкой пропаганды о положении крымских татар, просвещения населения Крыма через средства массовой информации, создания общественных фондов и других акций, о которых сегодня уже много говорилось.

Необходимо сказать и о трудностях, которые непременно возникнут на пути практической реализации программы национально-территориального устройства Крыма. Программа нуждается в профессионально выполненном социальном и технико-экономическом обосновании. Крым представляет сейчас собой узел экологических и социально-экономических противоречий. «Залповое» переселение туда около 200 тыс. чел. может эти противоречия только усугубить. Чтобы избежать этого, необходимо провести расчеты размещения и конверсии производства, размещения населения и гражданского строительства в разных зонах, определить соотношение между прогнозируемой численностью населения и запасами питьевой воды, демографической емкостью территории и многими другими ограничениями. Центральный институт градостроительства сейчас разрабатывает новую методику комплексного развития территорий в масштабе областей и автономных республик. Есть предложение избрать Крым для ее апробации. Авторы могли бы использовать архивные материалы, в частности, довоенные схемы районной планировки Крымской автономной республики.

Ю. А. Лещук о в: Остановлюсь лишь на некоторых моментах, нуждающихся в корректировке. Нельзя не учитывать наличия негативного стереотипа по отношению к крымским татарам среди местного русского и украинского населения. Необходима широкая, рассчитанная на длительное время пропаганда, разъясняющая основные положения программы населению. С этого надо начинать. Также необходимо выяснить социальный состав переселенцев, их поло-возрастную структуру, уровень образования. В связи с этим, вопрос об автономии ставить в ближайшие годы, на мой взгляд, — преждевременно. Автономия должна как бы завершить процесс переселения, а не наоборот. Кроме того, вопрос об автономии надо решать посредством референдума. А в настоящее время решение его было бы однозначно не в ее пользу.

Г. В. Старовойтова: В морально-политическом отношении депортация целых народов — одно из тяжелейших преступлений против человечества. Но в нашей стране акты депортации корейцев, немцев, калмыков, чеченцев и крымских татар осуждены как бы на «закрытом уровне». Все это не может не влиять на позицию органов власти и на общественное мнение на местах. Поэтому публично и официально осудить выселение крымских татар и других народов — дело первейшей необходимости; без этого все предложенные меры не будут эффективны. Пока же в глазах современного крымского населения на крымских татарах сохраняется бремя коллективной ответственности. Трудно преодолеть этнопсихологический стереотип, сложившийся исторически, — татары (как и немцы Поволжья) одноименны тем народам, с которыми Россия неоднократно воевала на протяжении всей истории. Необходима безотлагательная работа по изменению морально-политического климата.

С практической стороны, мы недостаточно информационно обеспечены: нет данных самообследования крымских татар, плохо известна их социально-профессиональная структура и т. д. Это упрек в равной степени как науке, так и национальному движению.

В решении вопроса об автономии решающим аргументом является не историческая справедливость, а реальный этнический состав населения и его волеизъявление. Поэтому крайне важно, чтобы татары жили на территории Крыма хотя бы как дисперсное меньшинство. Только при таком условии можно говорить о проведении в Крыму какой-либо специфической национальной политики по отношению к крымским татарам с возможной конечной целью создания автономии по типу предложенных здесь проектов.

В заключительной части заседания выступили К. М. Текеев (Карачаево-Черкесский педагогический ин-т) и Д. Халдоев (Ин-т языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР). Они рассказали о процессе возвращения в конце 1950-х гг. депортированных в Среднюю Азию и Казахстан карачаевцев и чеченцев-ауховцев.

Таким образом, мнение экспертов в целом свелось к двум пунктам. Во-первых, предложенные программы представляют собой не разные платформы, а фактически разные аспекты одного подхода. Во-вторых, идея многонационального автономного Крыма заслуживает всяческой поддержки, и ССА может оказать такую поддержку в форме поиска необходимых специалистов, участия в разработке конкретных программ, подготовке социологического обследования и т. п. Называвшиеся в ходе обсуждения различные общественные фонды, типа Советского фонда культуры или Фонда социальных инициатив, могли бы обеспечить финансирование подобных начинаний.

Всех, естественно, волнует вопрос: что же дальше? Первым шагом, на наш взгляд, станет сама публикация материалов обсуждения в научной и, желательно, также в широкой печати. Ведь главный итог заседания секции — возможность конструктивной и плодотворной дискуссии, открытого профессионального анализа одной из самых болезненных тем наших межнациональных отношений. Культура принятия решения начинается с культуры диалога, культуры совместного поиска выхода из трудной ситуации. Организовав такой диалог, секция социологии национально-политических отношений ССА сделала важный шаг в правильном направлении.

И. И. Крупник, Т. М. Мастюгина, Е. Э. Носенко

Примечания.

¹ См., например: «Комсомольская правда», № 118, 21.05.1988; «Дружба народов», 1988, № 12 (выступление Т. Пулатова); «Сов. этнография», 1988, № 5 (рец. И. И. Крупника); Крым многонациональный. Вып. 1. Симферополь, 1988; и др.

² Большая часть выступления Я. Р. Дашкевича была посвящена истории украинско-крымско-татарских отношений — от момента ликвидации Крымского ханства до наших дней.

³ Секция социологии национально-политических отношений планирует в будущем провести специальное обсуждение, посвященное программе восстановления автономии советских немцев.

В. В. Бочаров

ЭТНОГРАФИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ОБЩЕСТВА

На современном этапе развития советского общества возрастает потребность в научных разработках в сфере политических отношений. Именно преобразования в этой области, содержанием которых являются коренные изменения в управленческой деятельности политико-административных структур, основанные на демократизации, составляют суть проводимого КПСС курса на перестройку жизни общества. Однако очевидно, что эти преобразования должны осуществляться не на «глазок», а опираться на солидный научный фундамент, подготовленный глубокими научно-теоретическими исследованиями в области политических отношений. Революционный характер преобразований требует в свою очередь как коренных изменений в исследовательских подходах, так и выделения новых сторон в их изучении. В связи с этим представляется актуальным и своевременным поставить вопрос об организации изучения политических традиций общества и, в частности, посредством такой научной дисциплины, как этнография.

Сформулировав нашу задачу таким образом, четче определим объект нашего внимания. В широком смысле им является политика как относительно самостоятельный вид человеческой деятельности. Это означает, что ее функционирование и развитие детерминируются не только всей общественной структурой, неотъемлемую часть которой она составляет, и прежде всего экономикой, но внутри нее действуют собственные закономерности. Политика неразрывно связана с отношениями власти и управления в обществе, в которых и заключается ее сущность. Ф. Бурлацкий и А. Галкина, например, понимают под политикой форму взаимоотношений между классами, социальными группами, нациями, связанную прямо или косвенно с проявлениями власти и деятельности властвования¹. Политические отношения таким образом, в известной мере совпадают с властно-управленческими отношениями в обществе.

Как и любой другой вид общественных отношений, политические (или властно-управленческие) не могут быть понятны вне исторического анализа. Однако самый беглый взгляд на практику изучения их в марксистской, и прежде всего отечественной, литературе позволяет заключить, что этот основополагающий принцип исторического материализма не всегда последовательно проводился в жизнь. В целом на протяжении последних десятилетий в советских разработках господствовал синхронный подход при исследовании политических отношений в каком-либо конкретном обществе, преимущественно методами юридической науки, которые прежде всего ориентированы на анализ формально-правового аспекта этих отношений. Ограниченность такого подхода заключается в том, что он не дает представления о реальном политическом процессе, осуществляемом в том или ином обществе, так как последний может существенно отличаться от модели, зафиксированной в политико-правовых документах. В частности, такой подход не раскрывает роли политических традиций, которые формируются культурой того или иного общества в ходе его исторического

развития и действуют в политической жизни в большинстве случаев неформально, причем при смене типов политической власти. Недооценка этой проблемы в теоретическом плане означает абсолютизацию нового качества в процессе исторического развития общества, т. е. отрицание момента преемственности, что в корне противоречит марксистской методологии. Удержание обществом в ходе исторического процесса элементов прошлого — такое же необходимое условие, как и возникновение инноваций, в том числе и в сфере политических отношений.

Следует отметить еще одну особенность, характерную в последние годы для отечественной общественной науки в области изучения политических отношений: проводимые исследования в основном были ориентированы на изучение содержательных аспектов властно-управленческих отношений, которые рассматривались прежде всего как надстроечные, детерминированные базисными. Выявление этой корреляции, таким образом, выступало в качестве главной цели научных работ по данной проблематике. Исследуя закономерности взаимодействия в первую очередь экономической и политической общественных подсистем, авторы указанных работ видели свою задачу в том, чтобы определить социально-классовое содержание властно-управленческих отношений, т. е. ответить на вопрос, в чьих интересах управляется то или иное общество. Изучение же политической сферы как относительно самостоятельной общественной подсистемы или же ее обусловленности другими общественными процессами (демографией, культурой, психологией и т. д.) практически выпадало из поля зрения ученых. В результате основными темами исследования в данной области были преимущественно функции государства как орудия классового господства и механизмы его осуществления (в синхронии) или же проблема возникновения государства (в диахронии). Выделение именно социально-классового аспекта в качестве основного при изучении данного типа общественных отношений в рамках этнографической науки, например, нашло отражение в появившейся в последние годы категории «потестарное», которая введена с единственной целью — обозначить качественную специфику властно-управленческих отношений в доклассовых обществах². Понимание же под «политическим» лишь отношения доминирования одного какого-либо класса над остальными существенно, на наш взгляд, ограничивает содержание этой категории. Дело здесь в том, что при абсолютизации собственно классового аспекта в отношениях по поводу власти и управления в процессе перехода общества ко вторичной формации упускается из виду, с нашей точки зрения, то, что качественно новые отношения не охватывают всю совокупность властно-управленческих отношений. Другими словами, формы этих отношений, характерные для первичной формации, могут сохраняться и в развитых классовых обществах, особенно на низших иерархических уровнях. В целом противопоставление категорий «потестарного» и «политического» не отражает реально осуществляющегося диалектического развития властно-управленческих отношений в историческом процессе.

Понятно, что акцент в исследовании политических отношений в сторону их содержательных характеристик был обусловлен эпохой, на протяжении которой зарождалось и существовало советское обществоведение. Эта эпоха определилась как переход от капитализма к социализму, что вызвало к жизни специфические научные подходы к изучению политических отношений. Исследования прежде всего стремились показать обусловленность возникновения государства как орудия классового господства и неизбежность его исчезновения в будущем. В известной степени существующий в советском обществоведении крен в анализе политических отношений можно объяснить также как своего рода ответную реакцию на буржуазные подходы, полностью игнорирующие содержательные критерии и сводящие роль государства лишь к управленческой функции. В. И. Ленин в работе «Государство и революция», давая определение государства, акцентировал внимание именно на его сути, а точ-

нее — как на машине «для поддержания господства одного класса над другим»³. В то же время, как известно, К. Маркс наряду с этой функцией государства выделял и выполнение им «общих дел» в интересах всего общества⁴. Эта функция эксплуататорского государства может быть определена как собственно управленческая (наряду с эксплуататорской), реализация которой обеспечивает существование общества как целостного организма, в чем в известной степени заинтересованы все слои общества.

Однако выделение именно содержательного аспекта в структуре властно-управленческих отношений, которые преимущественно сводились к анализу деятельности государства, в конечном итоге привело к тому, что конкретные исследования в области политики проводились в рамках традиционной научной схемы, конечной целью которой было установление ее формационной атрибуции. Таким образом, снова и снова доказывались общеизвестные положения марксизма об эксплуататорской сущности государства в антагонистическом обществе и его преходящем характере.

Ориентация на исследование преимущественно содержательных аспектов политических отношений обычно мотивировалась необходимостью борьбы с буржуазной идеологией, и прежде всего по вопросу о государстве. Не отрицая всей важности данной проблемы для марксистской науки, следует, однако, отметить, что полемика с западными оппонентами по этому вопросу часто не достигала своей цели. Причина заключается в том, что некоторые навыки теоретических исследований ученых-марксистов в указанной области существенно отличаются от исходных посылок, лежащих в основе других, буржуазных научных направлений. В этих условиях чисто теоретическая дискуссия в принципе невозможна. Например, обвиняя западных оппонентов в постулировании ими извечности существования государства (это обвинение является наиболее частым), обычно не отдают себе отчет в том, что под государством западные исследователи часто по существу понимают социальное управление, которое, действительно, возникает с возникновением общества. Непонимание сути разногласий можно усмотреть и в полемических высказываниях западных оппонентов. Так, Р. Коен обвиняет марксистов в том, что они вообще отрицают наличие управления на ранних стадиях эволюции общества (этот вывод он делает на основании того, что марксисты отрицают извечность существования государства)⁵. Естественно, ни один марксист никогда не согласится с этим обвинением.

Исследование политических отношений в соответствии с потребностями современной общественной практики предполагает, на наш взгляд, перенос акцента в их изучении с содержания на форму. Форма же реализации этих отношений в том или ином конкретном случае безусловно зависит от их содержания, но в то же время не совпадает с ним полностью. К. Маркс, определяя диалектику формы и содержания, писал: «...если бы форма проявления и сущность вещей совпадали, то всякая наука была бы излишня»⁶. Иллюстрируя это положение, он, в частности, писал: «Современное общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, современное государство меняется с каждой государственной границей. В Пруско-Германской Империи оно совершенно иное, чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах»⁷. Изучение формы политических отношений означает, на наш взгляд, сосредоточение внимания на собственно управленческом аспекте этих отношений, который характерен для них на любой стадии развития и который К. Маркс определял как выполнение «общих дел». Именно исследование этого аспекта может создать наибольшую вероятность использования полученных в ходе теоретической работы результатов в практике управления общественными процессами. И. В. Блауберг справедливо заметил: «...специфической особенностью социальной науки в современных условиях

является направление научного познания в целом на создание эффективных средств управления как природными, так и социальными процессами»⁸. Иными словами, сегодня более актуальным стал вопрос: «Как управляется общество?»

Форма, в которой реализуются политические отношения в том или ином конкретном обществе, наиболее полно охватываются понятием политической культуры общества. В политической культуре какого-либо конкретного социума реализуется его политическое бытие, включающее не только идеологические и политико-правовые установления, принятые в этом обществе, но и реальное политическое поведение его членов, ценностные ориентации, действительные мотивы политических актов и т. д. Следовательно, под политической культурой мы понимаем комплекс взаимоотношений между людьми по поводу власти и управления, сформировавшихся в ходе всей истории его политического развития. Определив таким образом понятие политической культуры, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью уяснения роли в ней традиций, так как именно традиции оказывают сильное воздействие на все стороны политической жизни общества. В большинстве случаев традиции неформально влияют на возникновение стереотипов политического поведения, ценностные ориентации общественного сознания относительно властно-управленческих отношений и т. д., обуславливая тем самым возможность отклонения реального политического процесса от формально закрепленного в политико-правовых документах.

Важную роль в исследовании политических культур конкретных социумов с последующим выходом на теоретические обобщения относительно места в них политических традиций может сыграть этнография. В исторической перспективе этнография (этнология) изначально была теснейшим образом связана с потребностями общественной практики по социальному управлению, и в частности по колониальному управлению поработенными народами. К. Бродье, например, так определил практическую функцию этнографии в конце XIX в., т. е. в период активизации колониальной политики крупнейших государств Европы: «В настоящее время общепризнано, что этнология требует самого пристального внимания не только потому, что она способствует удовлетворению любопытства тех, кто любит заглядывать в деяния природы, а из-за ее практического значения, особенно для страны, чьи многочисленные колонии и интенсивная торговля способствуют контактам с различными видами рода человеческого, которые отличаются друг от друга физическим обликом и нормами морали». Эта цель этнографии еще более категорично была сформулирована В. Флаурэром в его послании президиуму Королевского антропологического института: «Предмет этнологии наиболее выражен в практическом отношении. Он важен для того, кто должен управлять»⁹. Функция этнографии в колониальной практике была связана с исследованием механизмов саморегуляции традиционных обществ, т. е. тех социумов, в которых традиция играла решающую роль в организации общественной жизни, что давало возможность использовать эти механизмы в колониальном управлении. Наиболее ярко выраженный характер этой функции этнографии проявился в английской колониальной практике, где ученые-антропологи непосредственно принимали участие в создании аппарата управления. Именно англичане сознательно и целенаправленно использовали традиции местных народов в управлении колониями в рамках так называемой политики косвенного управления. Под давлением в первую очередь этих практических потребностей возникла и особая отрасль этнографической науки — политическая антропология, которая занимается теоретическим осмыслением управленческих процессов в традиционных обществах, а также их взаимодействием с политическими культурами развитых государств.

Не только не уменьшается, но, наоборот, еще более возрастает как теоретическая, так и практическая функция этнографии в условиях социалистического строительства, особенно в многонациональных социалистических государствах, крупнейшим из которых является СССР. Известно, что в состав СССР как единого политического организма были включены общества, находившиеся

на различных стадиях социально-экономического развития. Многие общественные организмы, например народы Средней Азии и Казахстана, народности Севера и Сибири, находились на докапиталистической стадии развития, а последнее — на различных стадиях разложения первичной формации. У всех этих народов преобладал традиционный тип политической культуры (ТПК) ¹⁰, т. е. естественно сложившиеся нормы, зафиксированные в обрядах, ритуалах, символах и т. д., передаваемые вербально из поколения в поколение. В то же время в политической жизни нашей страны имела место тенденция к унификации формально-правовой стороны политической жизни в соответствии с принципами, сложившимися в России после Великой Октябрьской социалистической революции. Однако ТПК этих обществ не могла не повлиять на реальное протекание политического процесса, не внести своеобразие, в основе которого лежат политические традиции того или иного конкретного народа. Это особенно ярко проявилось в последнее время, когда в нашей печати стали открыто обсуждаться недостатки в жизни нашего общества, в том числе в деятельности аппарата управления. Основываясь только на материалах, опубликованных в центральной прессе, а также в местной печати некоторых союзных республик, можно с большой степенью вероятности утверждать, что вскрытые недостатки в деятельности партийно-административного аппарата этих республик во многом обусловлены действием традиций, уходящих корнями в ТПК этих народов. Так, например, семейственность — явление, широко распространенное в среднеазиатских республиках, — по всей видимости, обусловлена традиционным способом регуляции общественной жизни, основанной на родственных связях, в соответствии с которым родственники составляли корпоративную группу, жестко связанную взаимными социальными обязательствами. В настоящее время эта традиция может приводить к тому, что некоторые люди, занимающие должности в системе управления, порой «пристраивают» своих родственников в управленческий аппарат, злоупотребляя, таким образом, своим служебным положением ¹¹. Если они откажутся это делать, их работа может быть негативно оценена не только их многочисленными родственниками ¹², но и всеми слоями общества, в котором традиционные мотивы продолжают влиять на формирование шкалы ценностей. Типологически близкое явление наблюдается в развивающихся странах, где оно получило название *трибализма* (по всей видимости, тот термин в известной степени применим и для обозначения аналогичного феномена в жизни ряда народов и народностей СССР). Можно усмотреть влияние политических традиций и в таком широко распространенном явлении жизни среднеазиатских народов, как превышение власти партийными и государственными служащими. Это, в частности, может выражаться в воспроизводстве нынешними руководителями стереотипов поведения, характерных для традиционных лидеров или во всяком случае, приписываемых этим лидерам. Материал, опубликованный в «Казахстанской правде» от 27 января 1987 г., говорит о фактах использования титулов традиционных лидеров по отношению советским и партийным руководителям республики ¹³. Речь, в частности, идет об использовании титула *улы* по отношению к бывшему первому секретарю Чимкентского обкома КПСС (*улы* в традиционной политической культуре казахов означает «великий хан»). Этот факт свидетельствует о том, что как управляющие, так и управляемые еще в значительной степени являются носителями элементов ТПК, которые продолжают, вероятно, функционировать на уровне обыденного сознания и могут в определенных условиях воспроизводиться и на столь высоком управленческом уровне с ярко выраженной тенденцией к их формализации.

Однако все суждения относительно указанных явлений неизбежно покаются лишь гипотетический характер, так как научных исследований в этой области практически нет. В то же время только научный анализ и прежде всего с помощью этнографии (или потестарно-политической этнографии) ¹⁴ может вскрыть закономерности функционирования элементов ТПК в современ-

ных политических культурах народов и народностей СССР. Будучи дисциплиной исторической, этнография должна поставить вопрос об изучении этих элементов прежде всего в эволюционной перспективе, о выявлении механизмов их воспроизводства в качественно новом политическом организме. Теоретическое осмысление этих проблем на основе исторического подхода позволит определить роль политических традиций в жизни социума, что в свою очередь может быть использовано в общественно-политической практике, например при организации системы социального управления, в которой бы учитывались эти традиции, а также в сознательной и научно обоснованной борьбе против тех из них, которые противоречат нормам социалистического общежития.

Важное значение имеет этнографическое исследование политических отношений в развивающихся странах в интересующем нас аспекте. Выделение отдельной группы развивающихся стран обусловлено наличием у них общих экономических, социальных и политических свойств. Характерной особенностью политических культур этих государств является огромный удельный вес традиций в регулировании социально-политической жизни общества. Традиции здесь буквально пронизывают все уровни политической культуры. В основе этого явления лежит опять же прошлое этих политических систем. Они возникли, как известно, в результате взаимодействия различных по уровню социально-экономического развития обществ, чем было обусловлено и глубокое различие их политических культур. С одной стороны, выступали социумы, социально-экономический уровень которых часто не превышал стадии первичной формации, где традиция играла решающую роль в регуляции общественных процессов, с другой же — развитые капиталистические общества, социально-политическая жизнь которых регулировалась преимущественно нормами, зафиксированными в политико-правовых документах. Возникшие в результате этого взаимодействия политические единицы представляли собой колонии, где верхние эшелоны управления функционировали преимущественно в соответствии с политической культурой метрополий, низшие же — в соответствии с ТПК обществ, входивших в состав колоний¹⁵. Это привело к формированию особой колониальной политической культуры с существенной ролью традиций. Велик удельный вес традиции и после достижения колониями политической независимости. Поэтому именно в развивающихся государствах наблюдается наиболее значительное несовпадение формального политического процесса и реально существующего. Правительства этих стран, заимствуя опыт и технику управления развитых в экономическом отношении государств, не в состоянии при помощи этих механизмов овладеть регулятивными системами, функционирующими в соответствии с традиционными нормами и продолжающими оказывать существенное влияние на политический процесс в стране. Поэтому для понимания специфики политических процессов в государствах данного типа этнография также имеет важное значение, поскольку именно она способна дать о них реальное представление, что в свою очередь может быть использовано в практике международных отношений.

В современных же исследованиях проблем развивающихся стран, и в частности стран Африканского континента, к сожалению, обнаруживается «разделение труда». Этнографы ограничивают круг своих интересов исторической реконструкцией преимущественно частных аспектов социально-политической жизни традиционных африканских обществ. Политологические же исследования современной Африки в основном ориентированы на изучение содержательных аспектов политических отношений, а также на их отражение в формально-правовой сфере. В данном случае это привело к тому, что на первый план выдвинуты проблемы, связанные с социально-политической ориентацией африканских государств, а также проблемы государственной деятельности. Однако очевидность несовпадения формального и реально осуществляемого политических процессов на Африканском континенте вынуждает ученых искать причины этого явления, и они довольно часто апеллируют к прошлому, т. е.

культурным традициям народов. Чаще всего упоминаются трибализм, сохраняющееся значение традиционных лидеров в жизни общества и некоторые другие тенденции. Однако они рассматриваются многими авторами как атаки, как своего рода политическое бескультурье. Политическая культура здесь, как можно заметить, понимается в узком смысле, т. е. как овладение членами общества политическим поведением, предусмотренными нормами, зафиксированными в политико-правовых документах. В широком же смысле, т. е. в понимании политической культуры автором данной статьи, эти обычаи и традиции, часто уходящие корнями в доколониальное прошлое, сами составляют неотъемлемую часть политической культуры. Потребность адекватного отражения политических процессов в африканских странах можно обнаружить в эпизодических попытках советских авторов, занимающихся проблемами Африки, обращаться к этнографическим материалам. Необходимо отметить, что эти материалы, как правило, носят поверхностный характер и не дают прежде всего понимания механизмов включения традиций в новый политический контекст, что требует специальных исторических исследований. Без этого использование этнографических данных способно еще раз подтвердить довольно банальную истину, что прошлое оказывает определенное влияние на современную политическую жизнь Африки. Разберем конкретный пример. В. Е. Чиркин в своей монографии «Буржуазная политология и действительность развивающихся стран» отмечает, что «трудности политического развития государств Тропической Африки состоят в том числе и в многочисленных этнических различиях, в противоречивости систем обычаев разных племен»¹⁶. Заметим, что здесь автор ставит по сути дела проблему традиций в образовании формально-правовой политической культуры, которая выступает в качестве цели политического развития. Далее для иллюстрации этого положения дается описание социальной структуры народности аруша. Избранный пример, как явствует из дальнейшего изложения, должен показать особенность социальной структуры данного этноса, заключающуюся в преимущественном праве управления общественными делами старших по возрасту членов социума. В связи с этим автор пишет: «В некоторых странах Тропической Африки неодинаковое управление делами племени, поселения связано также с возрастными различиями»¹⁷. Для африканиста-этнографа очевидно, что «неодинаковое участие в управлении делами племени, поселения», связанное с возрастными различиями, — явление для африканских народов универсальное. Общества же с институализированными возрастными классами, к которым относятся и аруша, являются частным, хотя и наиболее ярко выраженным случаем. Этот традиционный принцип частно-управленческих отношений является одним из основных действующих в политических культурах африканских стран, и именно его универсальность (а не особенность, как считает автор) дает возможность использовать его в современной политической жизни многих государств континента. В Танзании, например, в состав которой входит около 120 этносов, он в значительной степени определяет структуру правящей партии (ЧЧМ), и даже президент, принимая наиболее ответственные для нации решения, старается предварительно заручиться поддержкой высшего звена секции старейшин, являющейся коллективным членом партии¹⁸. Действие авторитета старших в новых условиях существенно отличается от механизма использования ими авторитета в доколониальных традиционных обществах, включая реальные права по управлению общественными делами. Для понимания бытования этого элемента ТПК в новом политическом контексте необходимо восстановить весь процесс политического развития африканских народов, включая доколониальный, колониальный и независимый периоды, т. е. исследовать проблему исторически.

Приведем еще один пример, который, с одной стороны, говорит о возросшей потребности объяснить явления современной политики в Африке исходя из ТПК этих народов, а с другой — о трудностях на этом пути, связанных с существующим разрывом между политологией и этнографией. Л. М. Энтин видит

помимо прочих причин, обуславливающих авторитарные тенденции в политической жизни африканских народов, и «влияние родоплеменных пережитков»¹⁹, ссылаясь в качестве авторитета на Б. О. Нвабузе — нигерийского ученого, считающего, что в странах Африки исключительной концентрации власти способствует то обстоятельство, что она в значительной мере покоится на традиционных представлениях и верованиях, характерных для условий родоплеменной жизни. Вождь в доколониальном африканском обществе, по Нвабузе, — это одновременно и законодатель, и правитель, и судья, и священник, и медиум и т. д. Исследователь считает, что все эти черты нашли свое отражение и в современных африканских государствах, в которых почти неограниченные полномочия президента представляют собой как бы проекцию прерогатив вождя на современное общество. Л. М. Энтин совершенно справедливо сомневается в правомерности отождествления вождя в доколониальном африканском обществе и современного президента в африканском государстве²⁰. Аргументируя свою точку зрения, он, в частности, пишет: «Да к тому же авторитаризм — это явление, свойственное отнюдь не только странам Тропической Африки, где пережитки родоплеменного строя особенно сильны»²¹. Проанализируем вышеобозначенную дискуссию между нигерийским и советским учеными. Прежде всего отметим, что у этнографа-африканиста, знакомого с политической культурой доколониальных африканских обществ, вызывая большое сомнение характеристика Нвабузе роли вождя в тех социумах. Даже для вождей наиболее развитых доколониальных политических образований (т. е. допуская, что нигерийский ученый использовал в качестве эталона верховного вождя надплеменного образования — вождества) все его определения требуют как минимум уточнения степени — в какой степени законодатель, священник и т. д. Особенно большое сомнение вызывает определение вождя как правителя. Известно, что функции вождя по управлению общественными делами даже в тех обществах были весьма ограниченными, и его деятельность жестко контролировалась обществом. Действительно, в колониальный период традиционные вожди были в значительной степени освобождены от этого контроля колониальной администрацией. Но это уже качественно новый институт, возникновению которого предшествовал период разрушения доколониальной управленческой структуры, а также насильственного «обучения» как самого вождя, так и тех, кто оказался под его управлением²². Иными словами, процесс взаимодействия доколониальных властно-управленческих отношений с современными гораздо сложнее, чем непосредственное влияние, и может быть реконструирован лишь в ходе исторического рассматривания. Л. М. Энтин не приводит таких доводов. Его же аргументация по существу вынесена за пределы рассматриваемого объекта, так как причина авторитарных тенденций в африканистских политических системах, утверждаемая Нвабузе, представляется несостоятельной советскому автору, который обосновывает свою точку зрения наличием аналогичных явлений в других культурных ареалах. И это существенно снижает убедительность приводимых аргументов. Таким образом, вырисовывается еще одна задача в изучении политических отношений, стоящая перед этнографией, а именно критика буржуазных научных концепций, причем не только с общеметодологических позиций, но и с конкретно-научных.

Следует отметить, что для западной политологии в большей степени характерен культурологический подход к исследованию политических отношений. В частности, это можно объяснить тем, что там политология находится под сильным влиянием политической антропологии, которая, как мы уже отмечали, изначально ориентировалась на изучение властно-управленческих отношений в традиционных обществах, а также взаимодействия этих отношений с политическими структурами современного типа. Характеризуя в общих чертах подходы западной науки к проблеме культурологического изучения политики, можно отметить характерное для нее отождествление разнокачественных по своей сути явлений. Для примера возьмем взгляды того же Нвабузе. Подобным

правомерные отождествления различных по своей сути явлений и процессов можно найти и у других авторов.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что этнографическое изучение политики предполагает прежде всего рассмотрение ее как относительно самостоятельного вида общественной деятельности. Это означает, что акцент делается на собственно управленческом аспекте этой деятельности, который выступает по отношению к ней как форма, а не на содержательном, т. е. социально-классовом уровне. Следует иметь в виду, что политические отношения — процесс и они не сводимы к структуре и функциям органов власти, будь то традиционное общество или же общество, развитое в социально-экономическом отношении, в котором доминирует формально-правовая политическая культура, закрепленная в специальных документах. В качестве способа видения этого процесса может быть использована кибернетическая трактовка управления. В этом случае управление понимается как информационный процесс, в ходе которого осуществляется циркуляция информации от центра управления (генератора управляющей информации) по каналам связи к управляемым элементам и от них в центр по принципу обратной связи. На этом этапе она определяется как осведомляющая или контролирующая. Ее функцией является корректировка действий центра в соответствии с результатами воздействия управляющей информации.

Видение политических отношений как процесса представляется существенным, и если в целом характеризовать научные подходы политической антропологии, например, то можно отметить, что они в основном ориентированы на изучение структуры и функций институтов власти в обществе, т. е. если ориентироваться на кибернетическую трактовку этого процесса, — лишь на этап, связанный с выработкой управляющей информации и доставкой ее управляемым элементам, а обратные связи, т. е. механизмы контроля за системой управления, зачастую не рассматриваются. Недооценка же обратных связей в процессе социального управления чревата просчетами в практическом использовании научных результатов. В качестве примера можно сослаться на опыт тех же англичан в проведении политики косвенного управления в колониях. Так, с точки зрения теоретиков, для использования традиционных институтов власти в колониальной администрации достаточно было расширить функции этих институтов, что, как предполагалось, и должно было обеспечить управление в интересах метрополии. Когда же это было осуществлено на практике, традиционный процесс управления разрушился, так как народные массы (управляемые) потеряли присущие им механизмы контроля за своими институтами власти. Это же, с точки зрения общей теории управления, и привело к краху политики косвенного управления, поскольку процесс не может развиваться при отсутствии обратных связей. Естественно, эта кибернетическая схема при изучении политических отношений должна быть наполнена политико-социологическим (этносоциологическим) содержанием, основывающимся на принципе принятия управленческого решения. Органы верховной власти в соответствии с ним обладают преимущественным правом принятия этих решений и выступают, таким образом, как центр управления. Каналами связи служат иерархические подчиненные органы управления, которые реализуют эти решения в практику поведения народных масс (управляемых элементов). Обратную связь осуществляют специальные институты, в функции которых входит контроль за системой управления, а также неформальные механизмы (как, впрочем, и на других этапах процесса), например общественное мнение и др.

Историческое исследование политических отношений реализуется через изучение политической культуры общества. Политические традиции являются неотъемлемой ее частью. Изучение традиций происходит в ходе исторической реконструкции политического развития какого-либо конкретного социума путем рассмотрения механизмов, обуславливающих преемственность прошлых элементов в качественно новом образовании, а также функционирование этих элемен-

тов в новой структуре. Традиции могут влиять на политический процесс в целом, т. е. как на формирование официальной политико-правовой структуры, так и на действительную ее реализацию.

Традиции, несомненно, представлены в политической культуре любого общества. Однако они наиболее ярко выражены в тех обществах, которые во времена империалистических колониальных захватов оказались на периферии общественной эволюции относительно передовых европейских государств и которые вошли в мировую политическую систему империализма в качестве подчиненного элемента. Это были преимущественно социумы, в которых ТПК играла решающую роль в регуляции общественных процессов. После достижения политической независимости (либо включения в состав многонационального социалистического государства) их политические культуры продолжают сохранять черты, обусловленные прежде всего их колониальным прошлым, и прежде всего огромную роль элементов ТПК и сегодня. Следует отметить, что именно мировая этнографическая наука располагает солидным материалом по традиционным обществам различных регионов, накопление которого так или иначе было связано с колониальными захватами. Это и свидетельства первых путешественников, миссионеров, чиновников колониальных администраций и т. д. Поэтому именно этнография может наиболее достоверно фиксировать элементы ТПК в политических культурах современных государств и во взаимодействии с социологией определить роль, которую они играют в их жизни.

Исторический подход к изучению традиций в политической жизни какого-либо конкретного общества предполагает последовательное рассмотрение воспроизводства элементов ТПК в процессе его политического развития. Начальным этапом, таким образом, является разработка проблем, связанных с ТПК этих социумов, преимущественно на базе письменных источников доколониального и колониального периодов. Здесь необходимо исследовать традиционные институты власти, их структуру и функции, их идеологическую и мировоззренческую основу, которая обеспечивает авторитет этой власти, формы традиционного лидерства и осуществление контроля за деятельностью лидеров и др.

Второй этап предполагает анализ взаимодействия социумов с ТПК с политическими культурами стран-метрополий. В частности, необходимо проанализировать влияние новой политической ситуации на ТПК в колониальных обществах, роль традиционных лидеров в колониальных политических структурах и др.

На следующей стадии разрабатываются проблемы воспроизводства элементов ТПК в условиях национальной независимости или многонационального социалистического государства. Здесь можно выделить следующие направления исследования: влияние ТПК на функционирование государственных и партийных органов, авторитет современных политических лидеров, модели политического поведения, формы и методы управления и др.

Примечания

¹ Бурлацкий Ф., Галкин А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.

² Бромлей Ю. В. Опыт типологизации этнических общностей // Сов. этнография. 1972. № 63.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 73.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 422.

⁵ Cohen R. Political Anthropology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. N. Y., 1974. P. 86.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 324.

⁷ Их же. Соч. Т. 19. С. 27.

⁸ Foster G. M. Applied Anthropology. Boston, 1969. P. 7.

⁹ Ibid. P. 182, 184.

¹⁰ Куббель Л. Е. Традиционная потестарная и политическая культура в колониальном и современном развитии африканских государств // Этнографические исследования развития культуры М., 1985.

- ¹¹ Престижность управленческой деятельности является характерной особенностью ТПК.
- ¹² Круг различаемых родственных связей у среднеазиатских народов гораздо шире, чем, например, у русских, что опять-таки свидетельствует о значимости элементов ТПК в жизнедеятельности этих народов.
- ¹³ Казахстанская правда. 1987. 27 янв.
- ¹⁴ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- ¹⁵ Его же. Традиционная потестарная и политическая культура... С. 128.
- ¹⁶ Чиркин В. Е. Буржуазная политология и действительность в развивающихся странах. М., 1980. С. 84.
- ¹⁷ Там же. С. 84—85.
- ¹⁸ Somoff J. Tanzania. Local Politics and Structure of Power. Wiskonsin, 1974. P. 147—148.
- ¹⁹ Энтин Л. М. Политические системы развивающихся стран. М., 1978. С. 212.
- ²⁰ Отметим здесь же, что функции традиционных лидеров (вождей) в доколониальных африканских обществах были весьма различными, поэтому и сама аналогия представляется не совсем корректной.
- ²¹ Энтин Л. М. Указ. раб. С. 213.
- ²² Боцаров В. В. Власть и управление в колониальных обществах Восточной Африки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

Н. Н. Великая, В. Б. Виноградов

ДОИСЛАМСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ У ВАЙНАХОВ

Проблема взаимодействия языческих и монотеистических верований и культов является одной из наиболее сложных и наименее разработанных в религиозно-кавказоведческой литературе. Цель данной публикации — проследить характер доисламских верований вайнахов¹.

До проникновения монотеистических религий (христианства — с рубежа VIII—IX вв. и ислама — не позднее XVI в.) у чеченцев и ингушей сложилась довольно развитая система политеистических верований. Основными божествами у них являлись: Дела (первоначально бог солнца и неба, отец иных богов), Села (бог грома и молнии, блюститель нравственности), Тушоли (первоначально женский дух возрождающейся природы, растительности, затем богиня плодородия), Галь-Ерда (покровитель скотоводства), Елта (хозяин диких зверей и покровитель охотников), Эштр (бог загробного мира), Молдзы-Ерда (бог войны) и др.² В разных обществах возникали специфические особенности культов одних и тех же божеств, видоизменялись их имена; поклонялись также местным божествам-покровителям.

Култ богов был в основном умиротворяющим с элементами более ранних религиозных форм. Празднества в честь общевайнахских патронов были приурочены к началу или окончанию сельскохозяйственных работ, к важнейшим датам традиционного календаря. Языческие обряды, которыми руководили жрецы³, включали моления, жертвоприношения, а также песни, танцы, гадания.

В период средневековья на традиционные верования и культы вайнахов заметное влияние оказало христианство. В горные районы края оно проникало неоднократно: в IX—XIV вв.⁴ — преимущественно из Грузии, в конце XVI—XVII веков⁵ — из Грузии, во второй половине XVIII в.⁶ в основном из России.

Процесс христианизации оказался длительным и незавершенным вследствие ряда причин: недостаточной активности политических сил, заинтересованных в христианизации, замедленных темпах социально-экономического развития вайнахского общества (отсутствие четкой классовой структуры, государственности), неблагоприятных внешнеполитических событий (особенно в XIII—XIV в. — нашествия чингизидов, Тимура), подчиненности религиозного фактора

политической конъюнктуре в грузино-вайнахских (конец XVI—XVII в.) и русско-ингушских (вторая половина XVIII в.) взаимоотношениях и др.

Изучение тех верований и культов вайнахов, которые образовывались при взаимодействии местного язычества и христианства, началось сравнительно поздно.

Уже в XVIII в. И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, Л. Л. Штедер и др.⁷ отмечали в их верованиях следы христианства. В начале XIX в. С. Броневский писал, что, хотя ингуши — мусульмане, но «держатся еще совокупно языческих и христианских обрядов»⁸. На религиозный синкретизм у ингушей обратил внимание и А. М. Шегрен: «Мулла свободно кричит при колокольном звоне. Кистинский (ингушский. — Авт.) кумир Гальберд покойно стоит в старой оставленной церкви царицы Тамары»⁹.

Первый ингушский этнограф Чах Ахриев, описавший ряд доисламских празднеств, высказал мнение, что «христианство существовало у ингушей не как догматическое учение, а только как новый обряд»¹⁰. Языческая мифология горцев, по свидетельству Н. Харузина, свободно уживалась с христианством, языческие верования со временем получили перевес¹¹. Таким образом, уже дореволюционные исследователи писали о синкретическом характере религиозных верований вайнахов.

В советский период возрос интерес исследователей к доисламским верованиям и культам. Еще в 1930 г. А. Н. Генко ввел в кавказоведческую литературу более удачное и отражающее суть явления определение — «религиозный синкретизм»¹². Однако впоследствии долгое время изолированно изучались, с одной стороны, политеистические формы религии¹³, с другой — этапы христианизации и их следы в верованиях местных горцев¹⁴.

Опираясь в основном на данные этнографии, рассмотрим главные черты доисламского религиозного синкретизма вайнахов и те изменения, которые претерпели традиционные верования под влиянием христианства.

Образ Делы, практически утративший первоначальную «специализацию», превратился во всемогущего и всевидящего бога, который создал небо и землю первых людей. По отношению к нему все остальные божества стали выступать в роли посредников. Значение Делы в иерархии божеств было столь велико, что некоторые дореволюционные исследователи определенно утверждали, что вайнахи верят в единого бога¹⁵. Очевидно, именно с Делой были связаны представления о триничности божественных сил. По этому поводу Ч. Ахриев и М. Ковалевский писали, что в среде ингушей существовало понятие о боге в трех лицах, которым они нередко и клялись¹⁶. Весьма показательным является обращение к Деле: «Мы, боже, твои рабы...»¹⁷, что повторяет формулу христианства «рабы божьи», выражавшую полное и беспрекословное подчинение верховному богу.

Тушоли стала именоваться богородицей или девой Марией¹⁸. Подобная метаморфоза являлась вполне закономерной, если учесть те функции, которые выполняло данное божество. По сведениям населения Хамхинского общества праздник Тушоли справлялся в одно из ближайших к пасхе воскресений («верное» или «фомино»). Обязательным приношением считалось треугольное обрядовое печенье с изображением креста¹⁹.

Согласно позднейшим представлениям вайнахов, бог подземного царства Эштр творил справедливый суд над умершими; праведных он отправлял в рай, а грешников — в ад²⁰. В рай праведники получают вознаграждение и соединяются со своими родственниками, в то время как грешники мучаются в аду, который представлялся в виде большого огненного озера²¹. Представление о суде божьем и возмездии за дурные дела, возникшее под влиянием христианства, было связано не только с Эштром, но и с Селой, Тамаж-Ердой²².

Окончательно утратили свою антропоморфность Молдзы-Ерда и Галь-Ерда (идолы сохранились лишь у богини Тушоли). Знаменательно и добавление к именам указанных божеств термина «Ерда». Относительно его происхождения существует несколько точек зрения. Термин возводят к аланскому «ард»

«магическая сила», «святость», «бог», «клятва»²³; к имени святого Георгия, названию р. Иордан, где был крещен Иисус Христос²⁴; к греческому «Иеракс» - «священный»²⁵. Но какого бы происхождения ни был термин «Ерда», ясно одно, что в вайнахских языках он употреблялся в значении христианский (христианизированный) патрон, святой. Например, Маги-Ерда — «святой Маго», Алби-Ерда — «святой Алби»²⁶ и др. Сведения по Чечне также подтверждают этот вывод²⁷.

Приведенные данные показывают, что отдельные божества, а также исторические личности (Маго, Алби и др., по-видимому, первыми принимавшие христианство) становились местными христианскими святыми; другие идентифицировались с уже имеющимися в христианстве и наиболее приближенными к ним по своим функциям, например, Тушоли-Мария. Ингушам было известно и имя архангела Гавриила²⁸.

Библейские мотивы (в частности, сюжет о Содоме и Гоморре) прослеживаются в предании, связанном с возникновением оз. Кезенойам²⁹. Согласно легенде, раньше на месте озера существовало селение. В нем жили люди, не знавшие никакой религии, не почитавшие бога. К ним пришел ангел божий и стал проситься на ночлег, но его отовсюду гнали, и только в доме бедной вдовы он нашел приют. Разгневанный бог затопил селение, пощадив лишь семью гостеприимной вдовы³⁰.

Было распространено и библейское предание о войске фараона, преследовавшем израильтян и потонувшем в море³¹.

Следует отметить, что практически ни один христианский сюжет не воспринимался вайнахами в «чистом» виде. Все они перерабатывались, изменялись народной фантазией, привязывались к местным географическим точкам, своеобразно использовались для объяснения окружающей действительности. Еще одним подтверждением сказанному является предание о происхождении человека. Согласно ему, бог сотворил мужчину из земли, а из ребра его сделал женщину. После их смерти из спинного мозга первого человека родился муравей, из которого со временем сделался новый человек³².

В лексический фонд вайнахских языков прочно вошел большой слой религиозных терминов, заимствованных из грузинского языка. Это «мозгIар» — чеч., инг. (священник), «марха» — чеч., инг. (пасха), «жIара» — чеч., «жIарг» — инг. (крест), «ялсамани» — чеч., «ялсамале» — инг. (рай), «жожжахати» — чеч., «жожгIате» — инг. (ад), «чIурам» — чеч., «кIерам» — инг. (свеча) и др.³³ В этой связи нам представляется верной мысль лингвистов о том, что, если есть культурное заимствование, можно с полным основанием ожидать соответствующего заимствования слов³⁴.

Из грузинского календаря в вайнахские языки вошли названия таких дней недели, как понедельник («оршот» — чеч., инг.), пятница («пIераска» — чеч., «пIабраска» — инг.), суббота («шот» — чеч., «шоатта» — инг.), воскресенье («кIиранан де» — чеч., «кIиранди» — инг.)³⁵.

Погребальный обряд также отразил изменения религиозных воззрений вайнахов, вызванные христианством. В период развитого средневековья появляются захоронения в каменных ящиках, в основном соответствующие раннехристианским канонам, характерным для горцев всего Кавказа³⁶. В позднем же средневековье отмечены захоронения в склепах в деревянных гробах. С. Ц. Умаров также обратил внимание на то, что хотя погребальный инвентарь (в том или ином количестве) и присутствует в позднесредневековых захоронениях, однако он уже не содержит металлических фигурок людей, животных, столь характерных для V—IX вв.³⁷

Изменились и поминальные культы. По сообщению А. Тутаева, «Галгай архи цей» была сходна с грузинской пасхой. Перед началом праздника ходили в Ерды (храмы), зажигали там свечи. Затем несли покойникам, похороненным в склепах и мавзолеях, кушанья и напитки³⁸.

Возможно, что христианизированный характер имели до проникновения

ислама и похоронные обряды. Большой интерес в этой связи представляет огромный могильник Мохде в горной Ингушетии, который назывался еще «райским холмом». Считалось, что похороненный здесь не попадет в ад, так как это место хоть раз в день освещается солнцем³⁹. Но само название холма и одно из наиболее ранних погребений (в каменных ящиках)⁴⁰, видимо, указывают на связь с христианством. Еще Б. Далгат отмечал, что здесь среди могил находилось своеобразное святилище («эльгыц») без крыши, которое в конце XIX в. уже не использовалось⁴¹. Во время раскопок на Мохде М. Б. Мужухоев выявил две аналогичные постройки, площадью 30 и 45 м², с каменными сиденьями и алтарем, с нишами на внешних сторонах стен. В раскопе были найдены два больших металлических креста, один из которых датруется первой половиной XIII в.⁴² Вполне возможно, что эти постройки в период средневековья служили своеобразными часовнями, где проходил обряд прощания с умершим (модификация соответствующего христианского обряда).

В религиозные празднества вайнахов прочно вошло употребление христианских символов и утвари: больших железных крестов, свечей, псалтирей, церковной посуды и др.⁴³ Были распространены обычаи снимать шапки перед святыми, преклонять колени, петь молитвы с непременным возгласом «амин»⁴⁴.

Особо следует сказать об осмыслении вайнахами христианских символов. Наибольшее распространение у них получили кресты и свечи. Кресты ставили на башни, на культовые постройки, на очажные цепи, на утварь, хлеба и пр.⁴⁵ Восковые свечи использовались во время моления как внутри святилищ, так и на открытых местах. По мнению М. Б. Мужухоева, свечи использовали не только для освещения, но и как предмет культа огня⁴⁶. Эту точку зрения нельзя признать правильной. Помимо культа домашнего очага, тесно связанного с культом предков, у вайнахов не наблюдалось каких-либо заметных форм почитания огня. Кроме того, поскольку внутри святилищ в дни молений, как правило, ненадолго заходило лишь несколько человек (жрец, старейшины семейств с жертвенной пищей), то в искусственном дополнительном освещении они не нуждались. Тем более, ни о каком освещении не могло идти речи, когда зажженные свечи ставились во внешние ниши святилищ-зданий или святилищ-столпов. Вайнахи заимствовали свечи из христианской грузинской традиции, но четких канонических представлений о них не имели; однако считали, что эти предметы обладают магическими свойствами. В частности, если свеча горела прямо, это значило, что святой благоволил к семейству, которое ее поставило. А если же «свеча счастья» тухла, то считалось, что семья должна принести храму еще одну жертву⁴⁷.

Таким образом, и здесь наблюдается одна из главных черт синкретизации религий, происходившей у вайнахов в средневековье. Ее результатом были не утверждение канонического христианства и не господство «канонического» языка, а возникновение совершенно особых представлений, генетически связанных с христианскими мифами, обрядами, предметами культа.

Этот вывод относится и к изображению крестов. Декларативными выглядят заявления о том, что «изображение креста было знакомо вайнахам еще задолго до появления у них первых миссионеров Грузии»⁴⁸. Археологические материалы свидетельствуют, что с I тыс. до н. э. у предков вайнахов был широко распространен знак свастики, который в период развитого и позднего средневековья встречается уже крайне редко⁴⁹. Зато с этого времени широко распространены четырехконечные кресты и кресты с голгофой⁵⁰. За ними закрепляется грузинское название, и в сознании верующих они воспринимаются как христианские символы. Информаторы сообщали нам о том, что изображения крестов связаны с христианством. Поэтому нет оснований утверждать, что они олицетворяли «культ огня и солнца»⁵¹. Отчасти, как и в христианстве, крест воспринимался как символ спасения через лишения и страдания (верующие «несли свой крест», о чем свидетельствуют нательные кресты в захоронениях)⁵², как предмет, от которого исходит чудесная сила (кресты помещали на хра-

53. Однако подобные представления, судя по археологическим данным, облюбовались лишь в периоды усиления христианизации. В позднем средневековье с крестами связывали магическую сверхъестественную силу. Кресты изображались на различных предметах, с ними связывались те или иные процессы. Так, переворачивание каменных крестов должно было обеспечить урожай⁵⁴. Кресты использованы и при предсказаниях будущего. Так, например, если на празднике Тамаба-Ерда помощник жреца выносил народу один крест, то это означало, что год будет неурожайным, если два, — то урожай ожидается средний, а если три, — год будет урожайным⁵⁵.

Особо следует сказать о крестах с голгофой, выкладывавшихся на стенах жилых и культовых сооружений. Они напоминают фигуру человека, а на камнях в Малхисте это уже явно распростертая фигура человека. Можно предположить, что первоначально этот знак толковался как распятие. Считать его каким-либо языческим антропоморфным символом оснований нет, поскольку его называли «ж'ларг» (крест), так же как и другие известные на территории края, более «канонические» изображения. К тому же в литературе справедливо отмечено, что крест с голгофой является не только конфессиональным, но и социальным символом, знати, ориентировавшейся на феодальную Грузию⁵⁶.

Столь же неправомерно считать и большие каменные кресты изначально языческими антропоморфными стелами⁵⁷. Подобно тому как это было в Дагестане, Осетии, Хевсуретии⁵⁸, христианизация Чечено-Ингушетии сопровождалась появлением каменных крестов (один из наиболее ранних обнаружен в храме Тхаба-Ерда⁵⁹). По свидетельству П. Хицунова и В. Ф. Миллера, каменный крест у аула Чахкери (Чечня) имел даже углубление для иконы, а крест у с. Цон был поставлен на горе в честь победы над мусульманами⁶⁰, т. е. также являлся христианским символом.

О том, как некоторые из крестов оказались над мусульманскими захоронениями, можно судить по следующему замечанию И. Попова: «Сын видел, как отец его ставил крест или другой памятник на могиле умершего деда, и делал то же, не вдаваясь глубоко в смысл заведенного порядка»⁶¹. Проникновение ислама, с одной стороны, вызывало забвение и уничтожение части доисламских в том числе и христианских по своему происхождению) символов, а с другой — приводило к переосмыслению оставшихся древностей, включению их в новый этап эволюции уже под покровом ислама. Считаем, что этот вывод с полным основанием можно отнести и к так называемым антропоморфным стелам.

В средневековье под влиянием христианства большие изменения претерпел календарь языческих празднеств вайнахов, которые отмечались теперь по воскресеньям (в этот день не работали)⁶², а также на Пасху, Троицу, Успение и т. п.⁶³ Указанные особенности культов позволили, например, А. М. Шегрену сделать вывод, что у ингушей «святыне суть большею частью христианские, праздники тоже совпадают с нашими»⁶⁴.

Христианство оставило след и в такой сфере культовой практики, как пост. Чесветский писал, что жители с. Хули в горной Ингушетии «содержат пост в феврале и марте, сколько и христиане»⁶⁵. Для других групп вайнахов также отмечено соблюдение постов⁶⁶. Второй месяц вайнаховского календаря «Мархи Лут» («месяц поста») назывался также «христианским» и соответствовал великому посту⁶⁷.

Христианское влияние ощущается и в семейной обрядности. По описаниям А. Тутаева, новорожденного несли в Ерды храм для крещения. Когда в праздник «Сели цей» жрец ходил по домам, то имел при себе кувшин с грузинской надписью, наполненный «святой» водой, и кисточку, которой и обрызгивал всех этой водой. Тот же обряд совершался и во время молений в Тхаба-Ерда. Здесь, кроме того, жрец давал пить «святую» воду больным. Во время такого важного семейного праздника, как обручение, также приглашали служителя культа, который молился о счастливой жизни жениха и невесты, а затем обручал их.

После смерти человека в его дом приходил служитель храма, читал молитву об отпущении ему грехов⁶⁸.

Здесь, как и в других обрядах, элементы язычества и христианства видоизменялись, тесно переплетались в сознании вайнахов и не отделялись друг от друга. Приведенные примеры показывают, что синкретический религиозный комплекс проводил своеобразный институт «полужрецов-полусвященников». Столь же своеобразны были и культовые сооружения, среди которых нет полностью идентичных.

Культовые постройки края обнаруживают чрезвычайное разнообразие, сочетание на первый взгляд несовместимых элементов (с точки зрения требований язычества и христианства). Например, в святилище Мятцели (Ингушетия) входы сделаны в восточной и западной стенах, в святилище Зодцах-Ерда (Ингушетия) вход в восточной стене, а престол в западной и т. п.⁶⁹

Данные по вайнахскому доисламскому синкретизму позволяют, согласившись в целом с одним из последних определений этого религиозного явления⁷⁰, внести в него и некоторые уточнения, понимая под религиозным синкретизмом объективный процесс взаимодействия двух (или более) религиозных систем, в ходе которого происходило образование новой достаточно целостной системы мировоззрения, мироощущения и культа со всей специфической структурой. Такая трактовка, на наш взгляд, более содержательна, чем бытующие в литературе представления о «христианизированном язычестве», «бытовом варианте христианства» и т. п. Основываясь на ней, мы с большим основанием можем не согласиться с попытками доказать языческую конфессиональную принадлежность позднесредневековых вайнахов.

Удельный вес новаций, генетически связанных с христианством, по сравнению с языческими воззрениями был у вайнахов гораздо меньшим, что, однако, не мешало самим горцам осознавать себя христианами. Наглядным подтверждением этому может служить культ Тамаж-Ерды, достаточно подробно описанный исследователями⁷¹. Влияние христианства на культ «крылатого святого»⁷² проявилось в употреблении железных крестов, свечей. Следы его видны и в некоторых элементах молитвы. Восклицания «оче», «амин», по-видимому, связаны с христианскими «отче», «аминь». И наконец, представление о том, что Тамаж-Ерда вскоре должен вернуться на землю и покарать провинившихся, возможно, является отблеском мифа о новом пришествии Иисуса Христа. Все остальные воззрения, относящиеся к этому культу крылатого святого, имеют традиционный характер. И в них можно проследить наиболее ранние пласты. В частности, они связаны со способностью Тамаж-Ерды превращаться в козла. Характерными для местного язычества являются массовые моления и жертвоприношения.

Култ Тамаж-Ерда, в котором произошли наложение и смешение различных элементов язычества, оказался весьма незначительно поколеблен христианством (в той же мере это относится к культам других божеств и святых). Однако некоторые исследователи на основе данных информаторов утверждали, что в пещере молились именно христиане (это утверждается и относительно иных святилищ и храмов)⁷³.

На первый взгляд, возникает противоречие. В связи с этим напомним слова современного исследователя Н. С. Капустина в отношении приверженцев православно-языческого синкретизма, писавшего, что они «не видят в своих воззрениях противоречий». Напротив, они воспринимают собственную веру как единую и непротиворечивую⁷⁴.

Религиозный синкретизм христианства и язычества существовал и у других горцев Кавказа, что открывало простор для конфессиональных связей между горцами Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Грузии. В частности, по имеющимся в литературе сведениям, в Майсту приходили на моления тушины, пшавы, хевсуры. Последние также присутствовали на празднествах в Малхисте. Хевсуры и вайнахи поклонялись гуданскому кресту, хати Яхсар, другим святы-

ям. На праздник Св. Георгия в с. Хакмати съезжались женщины из Грузии (Хевсурети, Тушети, Пшави) и горной Чечено-Ингушетии. Указанные праздники происходили на Пасху, Новый год, Георгобу и т. п. и сопровождались массовыми молениями и жертвоприношениями⁷⁵.

Приведенные примеры, на наш взгляд, могут служить дополнительным показателем не только конфессиональных, но и этнических связей, под которыми понимаются как миграции вайнахов в горные районы Грузии, так и наличие на разных склонах хребта элементов правовайнаховского субстрата⁷⁶. То же самое можно сказать о религиозных верованиях и культах восточных осетин и ингушей Джераховского ущелья. Общие для двух народов праздники отмечались в честь Св. Мятцели на Столовой горе еще в конце XIX в.⁷⁷

Судя по письменным источникам, еще в XVII в., один из главных признаков христианской принадлежности чеченцев и ингушей видели в том, что они употребляли в пищу свинину. По словам стрелецкого головы М. Молчанова, «называются де они (чеченцы-шатовцы. — Авт.) православными христианами, потому что едят свинину»⁷⁸. Представления о горцах-чеченцах (чантинцах, терлояхцах и др.) в прошлом как христианах, а также традиция употребления ими в пищу свинины сохранилась и в XIX в.⁷⁹ То же самое наблюдалось и в Ингушетии. По-видимому, этот признак стал основным тогда, когда в среде вайнахов начал распространяться ислам⁸⁰.

По меткому определению А. М. Шегрена, мусульмане и в XIX в. были «не лучше христиан»⁸¹ в том плане, что и у них не наблюдалось «чистоты» вероисповедания. По свидетельству очевидцев, у горских мусульман долго сохранялось уважение к именам христианских святых, употребление крестов и пр.⁸²

Раннемусульманские погребения в Горной Чечне дали своеобразный погребальный обряд, сочетающий элементы язычества, христианства и ислама⁸³. Столь же своеобразный вид имели раннемусульманские чурты и мечети. Последние зачастую представляли собой слегка перестроенные боевые и жилые башни или были выполнены в подражание им. Таким образом, под знаком синкретизма в горных районах Чечено-Ингушетии происходила не только христианизация, но и исламизация.

Приведенные в статье данные подтверждают наличие у вайнахов достаточно сложных, далеких от «первобытного язычества» религиозных воззрений. По-видимому, процесс создания новой конфессиональной структуры происходил согласно общим закономерностям: сначала — существование и столкновение местного язычества и христианства, затем — ознакомление с чуждой религией, освоение ее культовой практики, взаимопроникновение и приспособление и лишь впоследствии — формирование новой синкретической системы⁸⁴.

Примечания

¹ Библиографию основных работ по данной теме, опубликованных до 1917 г. и в 1917—1980 гг., см. *Виноградов В. Б., Бараниченко Н. Н., Межидов Д. Д.* Библиография основных отечественных работ по религиозным воззрениям вайнахов в дореволюционном прошлом. Грозный, 1981. В дальнейшем в тексте статьи ссылки будут даны в основном только на историографические труды, изданные после 1980 г.

² См., например: *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев // Терский сборник (далее — ТС). Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 41—132; *Шиллинг Е.* Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М., Л., 1931. С. 9—40.

³ *Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б.* Роль жречества у средневековых вайнахов (к постановке проблемы) // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. Грозный, 1979. С. 132—145.

⁴ См., например: *Дидебулидзе З. Ш.* Из истории средневековой культуры народов Северного Кавказа // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. С. 105—120; *Виноградов В. Б.* Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей (до начала XIX века) // IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983. С. 1—12; *Бараниченко Н. Н.* Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 7—9.

⁵ Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Христианизация как фактор социально-политической истории Чечено-Ингушетии в XVI—XVIII вв. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 116—126.

⁶ Там же. С. 126—136.

⁷ Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа (из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг.). СПб., 1809. С. 81—82; Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930. С. 733—735, 743—744.

⁸ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. М., 1823. С. 161.

⁹ Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при различных случаях // Кавказ. 1846. № 27.

¹⁰ Ахриев Ч. Ингушеские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах (далее — ССКГ). Вып. 5. Тифлис, 1871. С. 1.

¹¹ Харузин Н. По горам Северного Кавказа // Вестн. Европы. Т. 5. СПб., 1888. С. 516.

¹² Генко А. Н. Указ. раб. С. 749, 750.

¹³ См., например: Мадаева З. А. Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX — начало XX в.). // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; ее же. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом XIX — начала XX в. // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Мужухоев М. Б. Из истории язычества вайнахов (пантеон божеств в позднем средневековье) // Сов. этнография (далее — СЭ). 1985. № 2.

¹⁴ См., например: Бараниченко Н. Н., Виноградов В. Б. Христианизация как фактор...; Мужухоев М. Б. О путях и результатах христианизации вайнахов в средние века // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотации). Тбилиси, 1984.

¹⁵ Географическое и статистическое описание... С. 81.

¹⁶ См. Умаров С. Ц. Доисламские религиозные верования чеченцев и ингушей // Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания. С. 126.

¹⁷ Далгат Б. Указ. раб. С. 108.

¹⁸ Шиллинг Е. Культ Тушоли у ингушей // Изв. Ингушского института краеведения. Т. IV. Орджоникидзе; Грозный, 1935. С. 99.

¹⁹ Там же.

²⁰ Далгат Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 307.

²¹ Шегрен А. М. Указ. раб. № 27.

²² Далгат Б. Указ. раб. С. 121—122; Ахриев Ч. Указ. раб. С. 11—12.

²³ Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии // СЭ. 1979. № 2. С. 35.

²⁴ Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. II. Грозный, 1978. С. 205—206.

²⁵ Мальсагов Д. Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Изв. Чечено-ингушского НИИ истории, языка и литературы (далее — ЧИ НИИ ИЯЛ). Т. I. Вып. 2. Грозный, 1959. С. 144.

²⁶ Далгат Б. Указ. раб. С. 95; Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области (далее ССТО). Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 247; Горепекин Ф. И. Магистерда — языческий бог-покровитель у ингушей // Терские ведомости. 1909. № 82.

²⁷ Мальсагов Д. Д. Этнография чечено-ингушского народа // Фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Оп. 3. Папка 60. С. VI—IX.

²⁸ Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 5.

²⁹ Вертепов Г. А. В горах Кавказа // ТС. Вып. 6. Владикавказ, 1903. С. 104.

³⁰ Семенов Н. Сказки и легенды чеченцев. Владикавказ, 1882. С. 64—66.

³¹ Шегрен А. М. Указ. раб. № 30.

³² Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 84.

³³ Генко А. Н. Указ. раб. С. 738; Умаров С. Ц. Указ. раб. С. 120—121.

³⁴ См. Алироев И. Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978. С. 178.

³⁵ Алироев И. Ю. Указ. раб. с. 47, 197; Ужахов М. Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода средневековья. Грозный, 1979. С. 44—47. По мнению исследователей, до проникновения христианства у вайнахов существовала пятнадцатидневная неделя.

³⁶ Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР в 20 томах. М., 1981. С. 227.

³⁷ Умаров С. Ц. Доисламские религиозные верования. С. 117.

³⁸ Тутаев А. Галгаевский календарь с 1881 г. и история по преданию // Архив Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Оп. 3. Папка 44. С. 18—21.

³⁹ Далгат Б. Указ. раб. С. 98; Шиллинг Е. Культ Тушоли... С. 113.

⁴⁰ Крупнов Е. И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 18—19; Мамаев Х. М. Указ. раб., С. 36—37.

⁴¹ Далгат Б. Указ. раб. С. 98.

⁴² Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 годах) // Памятники раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 89—90.

⁴³ Ахриев Ч. Ингушеские праздники. С. 11; Семенов Л. П. Археологические и этнографические...

42, 56; Гамбашидзе Г. Г. Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 115—116; Головинский П. И. Указ. раб. 1253.

⁴⁶ Броневский С. Указ. раб. С. 162; Горепекин Ф. И. Указ. раб. № 84; Вертепов Г. А. Наши горы и обитатели // Терские ведомости. 1897. № 150; Тутаев А. Галгаевский календарь... С. 4, 8, 18.

⁴⁵ Далгат Б. Указ. раб. С. 46; Шегрен А. М. Указ. раб. № 28; Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы. 11—13; Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях р. Чан-Аргуна // Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 138.

⁴⁴ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. Грозный, 1977. 131—132.

⁴⁷ Ахриев Ч. Ингушеские праздники. С. 10; Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 63.

⁴⁸ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура... С. 134.

⁴⁹ См., например, Виноградов В. Б. Погребение знахарки-чародейки в позднесредневековом ингушском склепе // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 63—64.

⁵⁰ Кобычев В. П. Храмы древние стены // СЭ. 1979. № 4. С. 141—144.

⁵¹ Мужухоев В. П. Средневековая материальная культура... С. 134.

⁵² Мужухоев М. Б. Проникновение христианства к вайнахам // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. С. 25; фонды Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. ОС-1891, ОС-13020, ОС-3851/56.

⁵³ Вертепов Г. А. Наши горы и их обитатели. № 150.

⁵⁴ Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888. С. 9; Харузин Н. Указ. раб. С. 492.

⁵⁵ Головинский П. И. Указ. раб. С. 253.

⁵⁶ Чахкиев Д. Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых щитов с крестами-«гоголофами» // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. С. 52—57.

⁵⁷ Мужухоев М. Б. Проникновение христианства к вайнахам. С. 27—28.

⁵⁸ Атаев Д. М. Христианские древности Аварии // Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. IV. Махачкала, 1963. С. 163—176; Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940. С. 185; Гольдштейн А. Ф. Башни в горах. М., 1977. С. 197.

⁵⁹ Гамбашидзе Г. Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // Тезисы. IV Крупновские чтения по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С. 65.

⁶⁰ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 7; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Т. 1. Цхинвали, 1981. С. 50—51. Согласно П. Хицунову, к Чахкеринскому кресту, принадлежавшему фамилии Гаттой (Шатоевского общества), представители данной фамилии относились с благоговением, хотя и были мусульманами.

⁶¹ Попов И. Ичкеринцы // Сб. сведений о Терской обл. Владикавказ, 1878. С. 262.

⁶² Географическое и статистическое описание... С. 81—82.

⁶³ Вертепов Г. А. Ингуши // ТС. Кн. 2. Владикавказ, 1892. С. 80, 90; Семенов Л. П. Указ. раб.

⁶⁴ Шегрен А. М. Указ. раб. № 27.

⁶⁵ Несветский. Церковь в деревне Хули, у кистов // Кавказ, 1849. № 3.

⁶⁶ Броневский С. Указ. раб. С. 162; Вертепов Г. А. Ингуши. С. 88.

⁶⁷ Далгат Б. Указ. раб. С. 85.

⁶⁸ Тутаев А. Указ. раб. С. 69, 70; 89—91, 103.

⁶⁹ Семенов Л. П. Указ. раб. С. 11; Мужухоев М. Б. К эволюции верований народов Центрального Кавказа в период средневековья (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 82—86.

⁷⁰ Капустин Н. С. Особенности эволюции религий. М., 1984. С. 12—13.

⁷¹ Ахриев Ч. Ингушеские праздники. С. 7—14; Головинский П. И. Указ. раб. С. 253—254.

⁷² Далгат Б. Указ. раб. С. 102; Мадаева З. А. Летне-осенние календарные обычаи... С. 35; Ума-

⁷³ С. И. Доисламские религиозные верования... С. 127.

⁷⁴ О христианстве в Чечне см., например: Далгат Б. Указ. раб. С. 57; Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 57.

⁷⁵ Капустин Н. С. Указ. раб. С. 56.

⁷⁶ Извлечение из этнографических очерков г. Урбнели о хевсурах кн. Р. Эристова // Зап. Кавказского отдела Русского Географического общества. Кн. XIV. Вып. 1. Тифлис, 1890. С. 184; Материалы по обследованию Чечни. 1928 г. // Архив Ленинградского отд. Ин-та археологии. Ф. 2. Д. 216. С. 33, 40; Мачинский А. В. Дневник работ Чеченского отряда СКАЭ. 1939 г. // Архив ЛОИА. Ф. 35. 1. 165. С. 27; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974. С. 174; Макалатия С. И. Указ. раб. С. 215; Сулейманов А. С. Указ. раб. Ч. 2. С. 278—287; Бардавелидзе Б. В. Опыт социологического изучения хевсурских верований. Тифлис, 1933. С. 31.

⁷⁷ Волкова Н. Г. Указ. раб. С. 172—178; Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников материальной культуры // Этническая история и фольклор М., 1977. С. 165—184.

⁷⁷ Ахриев Ч. Ингушеские праздники. С. 7—11; Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 1—10; Далгат Б. Указ. раб. С. 104—112.

⁷⁸ Кушева Е. Н., Усманов М. А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // СЭ. 1978. № 6. С. 105.

⁷⁹ Иваненков Н. С. Горные чеченцы // ТС. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 9—13, 150.

⁸⁰ Ср.: согласно Вахушти, «тагаурцы, куртатинцы, Валагир, Пайком, дигорцы и басылы, чьи главы и знатные являются мусульманами, а простые крестьяне — христианами, несведущими и в той и в другой вере, так как различие между ними состоит в следующем: те, которые едят свинину, являются христианами, а те, которые едят конину, — мусульманами». (Глаголев Ю. С. Об одном месте «Географии» Вахушти // Изв. Юго-Осетинского НИИ. Вып. 11. Цхинвали, 1962. С. 182).

⁸¹ Шегрен А. М. Указ. раб. № 27.

⁸² Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 7.

⁸³ Исламов А. А. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях р. Чанты-Аргуна // Изв. ЦИ НИИ ИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 136—139.

⁸⁴ Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974. С. 27. Заметим, что в современной литературе пока что нет единства взглядов на характер и сущность религиозного синкретизма (см. Капустин Н. С. Указ. раб. С. 6, 11—13).

Т. С. Балыева, Е. В. Веселовская

НОВЫЙ КОМПЛЕКС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ В ПЛАСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Пластическая антропологическая реконструкция является одним из актуальных направлений в антропологии, начало которому положили работы М. М. Герасимова по созданию метода восстановления лица по черепу.

При решении задач, связанных с изучением этногенетических процессов, ученым нередко приходится обращаться к проблеме соотношения современного населения (характеристику которого мы получаем при соматологическом обследовании) с жившими на той же территории в предшествующие эпохи людьми. Информацию об особенностях физического типа древнего населения можно почерпнуть лишь из краниологического материала. Вот тут-то и возникает одна из основных проблем антропологической науки — сравнительное сопоставление современных антропологических типов с краниологическими типами людей прошлого. В связи с этим разработка методов такого сопоставления и детальное изучение взаимозависимостей между морфологией черепа и покрывающими его мягкими тканями является одной из насущных задач антропологии.

Актуальность ее еще более возрастает сегодня, поскольку в результате планомерных антропологических исследований уже получены как соматологические так и краниологические характеристики практически всех народов и этнических групп Советского Союза.

На современном этапе антропологической реконструкции необходимо искать новые и более объективные методы, основанные на получении массовой информации по различным этнотерриториальным группам населения. Под руководством Г. В. Лебединской была разработана новая комплексная программа исследований, включающая в себя три раздела: определение толщины мягких тканей лица с помощью ультразвуковой эхолокации; изучение соотношения морфологии элементов лица и морфологии черепа; стереофотографирование, не рассматриваемое в данной работе.

Метод ультразвукового зондирования лица был предложен Г. В. Лебединской с соавторами¹. В отличие от ранее применявшихся методов (промеры толщины мягких тканей на анатомическом материале, анализ рентгенограмм головы и т. п.) ультразвуковое зондирование обладает рядом преимуществ. Измерения толщины мягких покровов осуществляются с помощью офтальмологического медицинского аппарата ЭОС-21. Из-за отсутствия противопоказаний к ультразвуку применяемой дозы и частоты, а также относительной нетрудоемкости операторской работы с прибором указанный метод дает возможность про-

ить измерения на живом человеке и обследовать большие контингенты населения. К настоящему моменту с помощью ультразвуковой эхолокации обследован целый ряд этнотерриториальных групп населения нашей страны². Работами Г. В. Лебединской, Т. С. Сурниной, Е. В. Веселовской и др. положено начало созданию шкалы стандартов толстот мягких тканей.

При разработке программы сопоставления морфологии элементов лица и морфологии черепа сотрудники лаборатории под руководством Г. В. Лебединской пошли по пути поиска новых опорных точек на лице и на черепе, местоположение которых совпадает и четко фиксировано. Разработан экспериментальный бланк сопоставлений отдельных элементов лица и соответствующих структур черепа. Бланк антропологической реконструкции включает 43 измерительных признака и 10 описательных³.

Этим положено начало сбору статистически достоверного материала, что позволит обнаружить и теоретически осмыслить подчас ускользающие от нашего внимания закономерности.

Исследования по двум вышеуказанным разделам комплексной программы антропологической реконструкции сочетаются с параллельным стереофотографированием каждого индивидуума. На лице маркируются опорные точки, общие для всей комплексной программы. Необходимость и ценность метода стереофотограмметрии для этнической антропологии, краниологии и антропологической реконструкции обосновывается в статье Л. П. Винникова, И. Г. Индиченко, И. М. Золотаревой, А. А. Зубова и Г. В. Лебединской⁴.

Такой комплексный подход к исследованию каждого индивидуума по всем разделам программы антропологической реконструкции впервые осуществлен у бурятского населения. Исследования проводились летом 1986 г. в Кижингинском и Джидинском районах Бурятской АССР. В общей сложности обследовано более 400 бурят. В статистическую обработку по программе антропологической реконструкции вошли группа бурят Кижингинского района из 180 человек (63 мужчины и 117 женщин) и группа джидинских бурят из 118 человек (57 мужчин и 61 женщина).

Буряты в целом достаточно однородны по своему антропологическому типу (прямые и тугие волосы, умеренно темная пигментация, слабый рост бороды, значительная выраженность эпикантуса и складки верхнего века, умеренно высокое переносье, ортогнатное, высокое и широкое лицо) и являются характерными представителями центральноазиатского варианта североазиатской расы монголоидного ствола. Кижингинские буряты относятся к хоринской этнотерриториальной группе, которая отличается от джидинской очень незначительно, и именно — некоторой депигментацией волос и глаз, небольшим усилением волосного покрова, более широкой и менее наклонной глазной щелью, большей лупноголовостью и некоторыми другими признаками⁵.

Определение толщины мягких тканей по указанной программе ультразвукового зондирования (см. ссылку № 2) проводилось в 20 точках пяти морфологических зон лица: лоб (точки № 1—3), нос (№ 4—6), скулы (№ 7—9), околоротовая область (№ 10—13), нижняя челюсть (№ 14—20).

Поскольку в результате предшествующих исследований выявлено наличие возрастных изменений в характере распределения мягких лицевых покровов, в основу первой части настоящей статьи положены материалы, полученные у бурят от 18 до 50 лет. В Кижингинском районе обследовано 74 мужчины, 111 женщин, в Джидинском — 48 мужчин и 65 женщин.

Подсчитаны основные статистические параметры по всем признакам для каждой группы, составлены таблицы средних абсолютных значений. С целью изучения соотносительной изменчивости признаков для каждой выборки рассчитаны внутригрупповые корреляционные матрицы.

Далее на основе этих матриц для признаков толщины мягких тканей проводился факторный анализ по методу главных факторов. Следует отметить, что

Точка	Кижингинский р-н				
	мужчины		$F_{\text{ср}}$	женщины	
	$\bar{x}$, мм	S		$\bar{x}$, мм	S
1	2	3	4	5	6
<i>Лоб</i>					
1. Метопион	4,5	0,84	2,3	4,8	0,92
2. Надбровье	5,4	0,83	3,2	5,6	0,96
3. Глабелла	5,4	0,92	2,5	5,6	0,79
<i>Нос</i>					
4. Назион	4,9	0,91	8,9	4,5	0,89
5. Ринион	2,9	0,52	2,3	2,8	0,32
6. Боковая точка носа	2,9	0,35	1,3	3,0	0,34
<i>Скулы</i>					
7. Верхнечелюстная	14,4	2,05	25,5*	15,8	1,84
8. Маляре	10,6	1,86	146,0*	13,8	1,73
9. Зигион	4,6	0,84	13,6*	5,0	0,74
<i>Рот</i>					
10. Надклыковая	10,8	1,29	30,7	9,9	0,91
11. Филтр	11,7	1,48	56,9	10,1	1,14
12. Верхняя губа	13,4	1,91	37,5	11,7	1,74
13. Нижняя губа	14,5	1,67	25,0	13,2	1,79
<i>Нижняя челюсть</i>					
14. Подбородочная борозда	12,0	1,55	9,3	11,3	1,37
15. Подбородок	11,7	1,85	1,4	12,1	1,82
16. Гнатион	7,0	1,25	0,1	7,0	1,23
17. Тело нижней челюсти	13,4	3,33	15,7*	15,1	2,46
18. То же — снизу	6,4	1,44	11,9*	7,2	1,46
19. Ветвь нижней челюсти	17,5	1,99	0,2	17,6	1,63
20. Гонион	4,4	0,88	23,8*	5,1	0,96

* Различия достоверны на уровне значимости 0,001.

в силу требований подачи материала при работе с ЭВМ для корреляционного анализа отбирались лишь те бланки, на которых присутствовали все без исключения измерения.

Вследствие ряда причин (косметические дефекты лица, наличие бороды и усов и т. д.) не всегда удается изучить все параметры, входящие в бланк. Это несколько снизило численность анализируемых бланков: хоринская группа — 59 мужчин, 111 женщин; джидинская группа — 36 мужчин, 56 женщин. Следует оговорить, что представленные численности невелики, поэтому возможны случайные отклонения значений. В связи с этим при анализе полученных результатов мы ориентировались на то общее, что отмечалось для большинства исследованных групп и было характерно во всяком случае для достоверно представленных выборок.

Применение метода главных факторов позволяет выявить преобладающие направления изменчивости комплекса признаков и определить вклад каждого признака системы в то или иное направление дисперсии.

В данной статье мы остановимся на изложении результатов, полученных при изучении бурят по каждому из двух разделов комплексной программы.

В табл. 1 представлены абсолютные значения толщины мягких покровов лица в изученных выборках. Достоверность различий между мужчинами и женщинами одного района и между группами одного пола из разных районов оценивалась с помощью F-критерия (его значения даны в табл. 1). При анализе табл. 1 бросается в глаза более высокий уровень полового диморфизма распределения толщины мягких покровов в пределах территориальной группы по сравнению

Толщин тканей лица у бурят

Значимость различий F-критерия		Джидинский р-н				
		мужчины		F _{дф}	женщины	
		$\bar{x}$ мм	S		$\bar{x}$ мм	S
дд 7	дд 9	9	10	11	12	13
0,1	0,6	4,5	0,91	0,6	4,6	1,01
0,0	0,9	5,4	0,84	5,0	5,8	1,06
0,4	0,4	5,3	0,89	1,4	5,5	1,06
1,0	2,9	4,7	0,78	8,4	4,3	0,93
1,8	0,8	2,8	0,26	0,3	2,7	0,26
0,4	3,9	2,8	1,01	0,1	2,9	0,30
0,1	0,0	14,5	1,79	14,5*	15,8	1,82
0,0	3,5	10,5	1,76	68,9*	13,3	1,75
0,7	0,1	4,4	0,87	10,9*	5,0	0,82
0,3	0,9	10,9	1,18	26,0*	9,7	1,25
0,6	0,6	11,9	1,59	27,1*	10,3	1,38
0,2	0,2	13,5	1,98	25,8*	11,6	1,95
0,0	0,9	14,4	1,62	24,7*	12,9	1,59
4,4	0,0	11,3	1,42	0,0	11,3	1,31
3,5	4,5	11,0	1,99	1,4	11,4	1,77
8,4	0,2	6,3	0,93	4,3	6,9	1,37
4,5	5,3	12,2	2,94	13,5*	14,2	2,61
7,9	0,1	5,7	1,33	23,1*	7,2	1,79
12,9*	3,3	16,2	1,79	7,2	17,1	1,78
0,1	1,4	4,4	1,12	6,4	4,9	1,16

межгрупповыми различиями. Так, в случае сравнения выборок из Кижингинского района с Джидинским достоверных различий (за исключением единственной точки — середина ветви нижней челюсти, да и то лишь при сравнении мужских групп) не получено. Это свидетельствует о большой близости между собой бурят исследованных районов по признакам распределения толщины мягких тканей лица.

Обратимся теперь к анализу полового диморфизма по рассматриваемым признакам. Как видно из табл. 1, получены сходные картины для населения обоих изученных районов Бурятии. Мужчины достоверно отличаются от женщин по толщине мягких тканей в скуловой и околоротовой областях, а также в некоторых точках нижней челюсти: середина тела нижней челюсти на латеральной поверхности и снизу под челюстью (№ 17, 18) и гонион (Кижингинская выборка). При этом, как следует из сопоставления абсолютных значений, в области лба и на нижней челюсти у женщин в сравнении с мужчинами большая толщина мягкого покрова. В околоротовой же области мягкие ткани у мужчин оказываются достоверно толще, чем у женщин. Эта закономерность достаточно четко прослеживается при анализе полового диморфизма в распределении лицевых покровов и в других обследованных нами этнических группах (см. сн. 2).

В области лба как тенденции также можно отметить несколько большую величину мягкого покрова у женщин по сравнению с мужчинами в обоих исследованных территориальных группах, однако значимого перевеса не наблюдается.

В толщине мягких тканей носовой области отчетливых различий по полу нет.

В отношении нижней челюсти в целом (точки № 14—20) можно сказать, что мягкие ткани подбородочной области полового диморфизма не обнаруживают,

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	1	0,711	0,723	0,434	0,102	0,154	-0,040	0,432	0,309	0,247
2		1	0,701	0,372	0,087	0,060	0,105	0,391	0,273	0,287
3			1	0,524	0,071	0,106	0,053	0,422	0,304	0,339
4				1	0,196	0,088	-0,020	0,365	0,454	0,228
5					1	0,397	0,055	0,060	0,116	0,100
6						1	-0,008	0,034	0,021	-0,049
7							1	0,354	0,130	0,069
8								1	0,242	0,155
9									1	0,243
10										1
11										
12										
13										
14										
15										
16										
17										
18										
19										
20										

а в точках латеральной поверхности челюсти (№ 17—20) у женщин наблюдается большая толщина мягких покровов по сравнению с мужчинами своей группы.

Следующим этапом анализа системы признаков, характеризующих распределение лицевых покровов, явилось рассмотрение закономерностей соотносительной изменчивости на основе рассчитанных корреляционных матриц. Из соображений ограниченного объема публикации мы приводим здесь лишь одну матрицу по объединенной мужской группе (табл. 2). Картины соотношения изменчивости признаков получились очень близкими для мужчин и женщин и Кинжигинского, и Джидинского районов.

Как видно из таблицы 2, высокие значения коэффициентов корреляции наблюдаются между признаками в пределах каждой из пяти морфологических зон лица. Если в точке метопион лобной области для какого-то индивидуума получена большая величина толщины мягкого покрова, то следует ожидать большой толщины мягких тканей и в остальных точках этой зоны, а следовательно, и на лбу в целом. Такая зависимость наблюдается во всех морфологических зонах лица.

Обратимся к рассмотрению закономерностей соотносительной изменчивости толщины мягких покровов между точками разных областей лица, т. е. попытаемся определить, влечет ли увеличение толщины мягких тканей, скажем на лбу, соответственное увеличение толщины покровов, например, ротовой или нижнечелюстной зоны.

Судя по данным табл. 2, все точки лба обнаруживают высокие значения коэффициентов корреляции со скуловой и нижнечелюстной зонами, а также с точкой назин (№ 4) (а в женских выборках и с остальными точками носовой области). Среди точек носовой зоны назин выделяется тяготением изменчивости мягких покровов на ней к согласованности с точками других зон, особенно лба и нижней челюсти. Ринион и боковая точка носа показывают не слишком устойчивые корреляции с толщиной мягких тканей на остальных участках лица. Можно говорить, таким образом, о некоторой автономии изменчивости тканей покрывающих носовые кости.

Для скуловой зоны высокие значения коэффициентов корреляции сосредоточены в местах пересечения ее точек с лобной и нижнечелюстной областями

тканей лица у бурят. Объединенная группа. Мужчины $n=795$

признаков

11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
0,110	0,087	—0,048	0,258	0,377	0,432	0,361	0,362	0,347	0,422
0,098	0,026	—0,149	0,363	0,400	0,260	0,240	0,333	0,334	0,372
0,183	0,159	—0,092	0,245	0,314	0,461	0,380	0,294	0,326	0,470
0,172	0,134	0,074	0,261	0,288	0,365	0,320	0,299	0,309	0,443
—0,015	0,062	0,061	0,147	0,141	0,109	—0,004	0,029	0,048	—0,011
0,059	0,231	0,117	0,159	0,157	0,091	0,077	0,194	0,055	0,085
—0,009	—0,052	0,074	0,094	0,169	0,154	0,252	0,237	0,183	0,160
0,041	—0,103	0,033	0,237	0,403	0,447	0,464	0,390	0,417	0,413
0,047	0,031	0,003	0,158	0,300	0,328	0,378	0,296	0,359	0,313
0,329	0,090	0,140	0,139	0,070	0,128	0,057	0,113	0,178	0,188
1	0,603	0,308	0,090	—0,034	0,133	—0,012	—0,024	—0,019	0,106
	1	0,483	0,072	—0,037	—0,036	—0,087	—0,135	—0,017	0,022
		1	0,176	0,103	—0,054	—0,084	—0,109	0,080	—0,018
			1	0,597	0,326	0,115	0,234	0,324	0,258
				1	0,462	0,276	0,422	0,397	0,236
					1	0,541	0,522	0,463	0,342
						1	0,597	0,546	0,459
							1	0,451	0,544
								1	0,257
									1

Как явствует из табл. 2, околоротовая зона обладает независимым от других участков лица характером изменчивости мягких покровов. Точки этой зоны мало коррелируют с точками остальных областей.

Параметры нижней челюсти оказываются в высокой степени скоррелированы с лобной и скуловой морфологическими зонами лица и с точкой назия во всех исследованных бурятских группах.

Переходя к описанию следующего этапа предпринятого исследования, связанного с применением факторного анализа, хочется отметить, что уже на основе систем внутригрупповых корреляций удалось выявить группы признаков коррелированной изменчивости, т. е. группы, внутри которых корреляции между признаками заметно превышают таковые с другими признаками данной системы. Таким образом, система параметров, характеризующих распределение мягкого покрова лица, оказывается в достаточной степени неоднородной.

Окончательный результат применения метода главных факторов — получение системы нескоррелированных между собой векторов, описывающих основные направления изменчивости комплекса признаков. Вектор, или фактор, представляет собой ряд нагрузок, или коэффициентов корреляции изменчивости каждого признака (в нашем случае это толщина мягких тканей в каждой из 20 точек, составляющих стандартную программу описания зонального распределения лицевых покровов), с направлением изменчивости, задаваемым данным фактором.

В табл. 3 приводятся значения нагрузок каждого признака на первые три главных фактора (P_{1-3}), представляющих в сумме более половины всего разнообразия параметров зонального распределения толщины мягких покровов лица для бурят Кижингинского и Джидинского районов Бурятской АССР. В конце табл. 3 указана доля изменчивости, приходящаяся на каждый фактор.

Из табл. 3 видно, что практически по всем признакам для всех четырех групп нагрузки на первый фактор положительны. Значит, существует какое-то единое для всей системы направление изменчивости, какие-то общие причины, приводящие к согласованному увеличению (или уменьшению) мягких покровов на всех участках лица. Такой фактор можно назвать генеральным, описывающим развитие мягких тканей лица в целом. Доля приходящейся на него изменчиво-

Точка	Кижингинский р-н				
	мужчины			женщины	
	P ₁	P ₂	P ₃	P ₁	P ₂
1	2	3	4	5	6
<i>Лоб</i>					
1. Метопион	0,30	0,07	0,04	0,26	0,05
2. Надбровье	0,26	0,03	0,19	0,31	-0,01
3. Глабелла	0,32	0,05	-0,05	0,30	-0,03
<i>Нос</i>					
4. Назион	0,28	0,15	-0,04	0,22	0,03
5. Ринион	0,07	0,18	0,45	0,13	0,18
6. Боковая точка носа	0,09	0,26	0,37	0,12	0,25
<i>Скулы</i>					
7. Верхнечелюстная	0,12	-0,11	-0,09	0,18	-0,28
8. Маляре	0,26	-0,14	-0,06	0,25	-0,23
9. Зигион	0,21	0,01	0,01	0,19	0,11
<i>Рот</i>					
10. Надклыковая	0,18	0,17	-0,12	0,12	0,34
11. Филтр	0,08	0,42	-0,34	0,11	0,47
12. Верхняя губа	0,06	0,49	-0,25	0,13	0,42
13. Нижняя губа	-0,02	0,44	-0,24	0,11	0,29
<i>Нижняя челюсть</i>					
14. Подбородочная борозда	0,16	0,23	0,40	0,21	0,12
15. Подбородок	0,26	0,05	0,30	0,24	0,06
16. Гнатион	0,29	-0,17	-0,03	0,29	-0,03
17. Тело нижней челюсти	0,29	-0,23	-0,23	0,22	-0,22
18. То же — снизу	0,26	-0,19	-0,04	0,29	-0,16
19. Ветвь нижней челюсти	0,27	-0,16	-0,03	0,24	-0,12
20. Гонион	0,29	-0,04	-0,20	0,30	-0,07
Факторная доля изменчивости, %	31,5	12,6	7,9	31,9	11,1

сти составляет около 32% всего разнообразия. Ясно, что наибольшие значения он примет при максимальном развитии покрывающих лицо тканей на всех его участках. Как можно предположить, это направление вариабельности связано с общеростовыми процессами человеческого организма.

Но, как отражено в табл. 3, разные точки лица имеют далеко не одинаковые по величине значения нагрузок на первый фактор. Так, все точки лба, скул и нижней челюсти, а также назион обнаруживают во всех группах значительную корреляционную зависимость с генеральным направлением изменчивости, значения коэффициентов — порядка 0,2—0,3. В таком случае можно полагать большую связь развития мягких покровов вышеназванных частей лица с общеростовым фактором в процессе онтогенеза человека.

Факторы P₂, P₃ по свойству метода являются биполярными, и разделяют как по знаку нагрузок, так и по величине все признаки на группы, тяготеющие к противоположным полюсам изменчивости. С помощью этих факторов удается выявить определенный контраст разнообразия признаков системы. При рассмотрении величины коэффициентов корреляции изучаемых параметров мягких тканей с направлением изменчивости, задаваемым вторым фактором, отчетливо видно, что во всех четырех выборках нагрузки точек околоротовой области (№ 10—13) максимальны по величине и составляют в среднем около 0,4.

Менее отчетливо, но все же справедливо, во всяком случае для трех групп (мужчины и женщины Кижингинского района и мужчины Джидинского), что наиболее контрастны по отношению к точкам ротовой области оказываются признаки, характеризующие толщину мягкого покрова на скулах (точки верхнечелюстная, маляре) и на нижней челюсти. По всей видимости, с помощью второ-

мягких тканей лица у бурят

	Джидинский р-н					
	мужчины			женщины		
P ₃	P ₁	P ₂	P ₃	P ₁	P ₂	P ₃
7	8	9	10	11	12	13
0,19	0,32	0,25	0,23	0,33	0,44	0,08
0,12	0,35	0,24	0,18	0,34	0,03	0,12
0,08	0,29	0,36	0,20	0,31	0,10	0,18
0,20	0,18	0,07	0,20	0,21	—0,03	0,42
0,48	—0,01	0,14	0,01	0,16	—0,21	0,46
0,46	—0,04	—0,01	0,01	0,17	—0,09	0,37
—0,04	0,10	—0,35	—0,25	0,11	—0,01	—0,24
—0,02	0,32	—0,17	—0,16	0,19	0,15	—0,19
—0,05	0,24	—0,05	0,04	0,25	—0,03	—0,10
—0,17	0,10	0,28	—0,21	0,08	—0,40	—0,04
—0,25	0,05	0,36	—0,38	0,08	—0,47	—0,09
—0,26	—0,06	0,47	—0,26	0,07	—0,44	—0,21
—0,08	0,06	0,02	—0,52	0,11	—0,28	—0,15
0,16	0,29	—0,15	—0,17	0,22	—0,01	—0,01
0,10	0,25	—0,24	—0,20	0,21	0,18	—0,19
—0,05	0,27	—0,03	—0,19	0,29	—0,10	0,03
—0,18	0,20	—0,09	0,19	0,29	—0,05	—0,07
—0,20	0,28	—0,22	0,05	0,26	0,00	—0,21
—0,24	0,22	0,05	—0,22	0,20	0,14	—0,24
—0,20	0,29	—0,06	0,14	0,26	0,13	—0,27
7,8	25,8	11,0	10,5	31,9	13,9	9,6

го главного фактора можно выявить определенный контраст характера распределения мягких покровов лица, крайние варианты которого можно, видимо, представить так: сильное развитие толщины мягких тканей в области рта в сочетании с малой толщиной на скулах и нижней челюсти; противоположный вариант — малая толщина околоротовых покровов, сопровождающаяся большой толщиной тканей, покрывающих скулы и нижнюю челюсть.

Рассмотрим данные по *третьему фактору*. В этом случае достаточно отчетливо обособляются точки области носа во всех группах, за исключением данных по группе мужчин Джидинского района (кстати, наименее представленных по численности).

Итак, давая оценку обследованной группе бурят по комплексу признаков толщины мягких тканей лица, можно сделать следующие выводы. По абсолютным значениям толщины мягкого покрова буряты Кижингинского и Джидинского районов Бурятской АССР оказываются очень близки между собой. Половой диморфизм по признакам данной системы наиболее отчетливо выражен в области скул и рта. В скуловой зоне толщина мягких тканей достоверно больше у женщин, а в околоротовой области — у мужчин.

В результате применения корреляционного и факторного анализа удалось получить достаточно четкую картину основных закономерностей изменчивости толщины мягких покровов лица у бурят. Весь комплекс признаков разделился на три совокупности, внутри которых степень согласованности изменчивости достаточно высока. Первая — мягкие ткани лба, нижней челюсти и скул; вторая — точки околоротовой зоны; третья — ткани, покрывающие носовые кости.

Основное направление изменчивости рассматриваемой системы признаков, по-видимому, связано с общеростовыми процессами в человеческом организме

и составляет около 30% общего разнообразия. Первый главный фактор является генеральным и характеризует толщину мягких тканей лица в целом. Наибольший вклад в это направление дают точки лба, нижней челюсти и скул.

Второй и третий факторы описывают направления вариабельности, связанные с изменчивостью мягких тканей второй и третьей выделенных совокупностей, и характеризуют определенный контраст типов распределения толщины мягких тканей лица.

Рассмотрим признаки, которые показали наиболее важные закономерности соотношений между мягкими тканями лица и подлежащими структурами черепа. Так как такого рода исследования проводятся впервые, мы ограничимся констатацией лишь факта существования взаимозависимости мягких тканей и соответствующих структур черепа, что уже само по себе вносит существенный вклад в разработку проблем пластической антропологической реконструкции. Накопление большого количества материала как в расовом, так и в этническом аспекте даст возможность применить обширный статистический аппарат, а также позволит более глубоко понять обнаруженные закономерности, и мы сможем перейти к решению практических задач в данной области.

В основе работы с бланком антропологической реконструкции лежит следующий метод: на лице исследуемого человека пальпировались и отмечались точки так называемых «морфологических барьеров» на костях черепа, в пределах которых могут варьировать мягкие ткани различных частей лица. Так, например, изучение носовой области давало возможность предположить, что ширина носа может варьировать в пределах «морфологического барьера» на черепе, образованного медиальным краем клыковой ямки, ограниченной альвеолярным возвышением клыков, и, естественно, ширина носа не может быть меньше ширины грушевидной апертуры⁶. Для проверки высказанного предположения измерялись расстояния между точками наибольшего выступания альвеолярных возвышений клыков на уровне субназале (sn) и шириной носа и сопоставлялись между собой.

Эти данные красноречиво показывают высокую степень зависимости между шириной носа и альвеолярными возвышениями клыков у бурят. Они подтверждают первые результаты, полученные на русских, башкирках и эвенках, где значения коэффициентов корреляции также высоки и колеблются от 0,45 до 0,77⁷. (Табл. 4, 5).

Таким образом, мы видим, что альвеолярные возвышения клыков, которые ограничивают медиальный край носовой ямки, являются своего рода «морфологическим барьером» для ширины носа.

Наблюдения и исследования М. М. Герасимова показали, что существует связь между формой альвеолярного отростка верхней челюсти, формой альвеолярной дуги, характером прикуса, величиной зубов и внешними формами рта. Многолетние данные, полученные Г. В. Лебединской на рентгенографическом материале⁸, в основном не противоречат наблюдениям М. М. Герасимова. Так, форма профиля альвеолярного отростка верхней челюсти соответствует форме верхней губы. Положение ротовой щели, по данным М. М. Герасимова⁹, совпадает с серединой коронки медиального резца, и вместе с тем верхний край окрашенной части губы находится выше верхнего края коронки среднего резца примерно на 7 мм. Однако исследования Г. В. Лебединской, основанные на 200 рентгенограммах, показали, что положение ротовой щели в 81,4% случаев находится на уровне режущего края нижних резцов, в 10,3% — несколько выше и в 8,2% — ниже указанного уровня¹⁰. Но положение верхней границы окрашенной части верхней губы на рентгенограммах определить было трудно.

Материал, собранный нами у бурят Кижингинского и Джидинского районов, показал, что существует зависимость между «толщиной» верхней губы (т. е. высотой окрашенной части губы) и высотой эмали верхнего и нижнего резцов (Табл. 6).

Интересно отметить большую скоррелированность «толщины» верхней губы

**Коэффициенты корреляции между шириной носа и расстоянием между альвеолярными
возвышениями клыков на уровне аляре (al) и субназале (sn)**

Признаки	Буряты Кижингинского р-на		Буряты Джидинского р-на	
	мужчины n = 63	женщины n = 117	мужчины n = 57	женщины n = 61
Ширина носа — ширина между альв. возв. с (al)	0,69 ***	0,66 ***	0,75 ***	0,79 ***
Ширина носа — ширина между альв. возв. с (sn)	0,30 *	0,61 ***	0,78 ***	0,74 ***

Достоверность коэффициентов корреляции. Уровень значимости:

* P=0,05, ** P=0,01, *** P=0,001.

То же для табл. 6, 7.

Таблица 5

**Средние параметры ширины носа и расстояния между альвеолярными возвышениями
клыков (с) на уровне аляре (al) и субназале (sn)**

Признаки	Буряты Кижингинского р-на		Буряты Джидинского р-на	
	мужчины n = 63	женщины n = 117	мужчины n = 57	женщины n = 61
Ширина носа	38,98	35,05	38,91	35,89
с (al)	43,17	38,65	43,25	39,67
с (sn)	42,62	37,68	42,82	38,95

Таблица 6

**Коэффициенты корреляции между «толщиной» верхней губы и высотой эмали верхнего
и нижнего резцов**

Признаки	Буряты Кижингинского р-на		Буряты Джидинского р-на	
	мужчины n = 63	женщины n = 117	мужчины n = 57	женщины n = 61
«Толщина» верхней губы — высота эмали верхнего резца (I)	0,32*	0,12	0,18	0,11
«Толщина» верхней губы — высота эмали нижнего резца (I ₁)	0,41**	0,18 *	0,34 *	0,11

с высотой эмали нижнего резца, чем с высотой эмали верхнего резца. На основе этой зависимости можно предположить, что линия разреза рта проходит по режущему краю нижнего резца.

Была исследована также зависимость между шириной ротовой щели и шириной зубной дуги на уровне клыков, первых и вторых премоляров (Табл. 7).

Наиболее стойкая зависимость у бурят наблюдается между шириной ротовой щели и шириной зубной дуги на уровне вторых премоляров, причем для такого лабиального признака, как ширина ротовой щели, который, возможно, зависит не только от различной формы зубной дуги, но и от возрастных изменений мягких тканей ротовой области, тем не менее мы наблюдаем возрастание корреляционной зависимости от клыков к вторым премолярам. Лишь у женщин Джи-

Коэффициенты корреляции между шириной ротовой щели и шириной зубной дуги на уровне клыков, первых и вторых премоляров

Признаки	Буряты Кижингинского р-на		Буряты Джидинского р-на	
	мужчины $n=63$	женщины $n=117$	мужчины $n=57$	женщины $n=61$
Ширина рта — ширина $C-C$	0,19	0,19	0,29 *	0,50 ***
Ширина рта — ширина $P-P$	0,10	0,25 **	0,19	0,40 **
Ширина рта — ширина P^2-P^2	0,23 *	0,30 **	0,20	0,30 *

Таблица 8

Сопоставление средних величин ширины ротовой щели и ширины зубной дуги на уровне клыков ($C-C$), первых (P^1-P^1) и вторых (P^2-P^2) премоляров

Признаки	Буряты Кижингинского р-на				Буряты Джидинского р-на			
	мужчины $n=63$		женщины $n=117$		мужчины $n=57$		женщины $n=61$	
	$\bar{x}$	S	$\bar{x}$	S	$\bar{x}$	S	$\bar{x}$	S
Ширина рта	54,59	3,45	50,08	4,22	54,25	4,80	51,97	5,36
Ширина зубной дуги на уровне клыков ($C-C$)	42,49	3,39	41,05	3,01	41,23	2,07	40,41	2,36
Ширина зубной дуги на уровне первых премоляров (P^1-P^1)	51,43	2,85	49,03	3,24	50,09	2,35	48,26	2,61
Ширина зубной дуги на уровне вторых премоляров (P^2-P^2)	57,81	3,38	55,31	3,22	57,27	3,02	54,48	3,30

динского района, наоборот, эта зависимость между шириной рта и шириной зубной дуги уменьшается от клыков ко вторым премолярам.

Однако у русских, белуджей, башкир, корейцев и эвенков наблюдается иная зависимость. Наиболее стойкая корреляция во всех этих группах между шириной рта и шириной зубной дуги на уровне клыков. А на уровне первых премоляров у всех групп имеется снижение зависимости (см. сн. 7; табл. 7).

В табл. 8 мы четко можем проследить, как во всех группах бурят ширина зубной дуги на уровне вторых премоляров (P^2-P^2) превышает ширину рта.

Следует, однако, отметить, что исследования, проведенные у русских и белуджей (как у мужчин, так и у женщин), показали, что ширина рта превышает ширину зубной дуги на уровне вторых премоляров, а в группах башкир, корейцев и эвенков — обратное соотношение, т. е. ширина рта у них всегда меньше ширины зубной дуги на указанном уровне (см. сн. 7.).

Очень высокая степень взаимозависимости (от 0,46 до 0,67) обнаружена у всех групп бурят между шириной носогубной складки на уровне подносовой точки (sn) и шириной между альвеолярными возвышениями клыков на том же уровне.

Анализ, проведенный на нашем материале, показал четкую зависимость между высотой уха (физиономическая длина уха) и предполагаемой половиной высоты уха на черепе, измеряемой от козелковой точки (tr) до вершины сосцевидного отростка (r — от 0,48 до 0,72). Небольшая корреляция (r 0,31—0,35) наблюдается между «толщиной» обеих губ (т. е. окрашенная часть губ) и суммой верхнего и нижнего первых резцов (высота $y' + y_1$).

В ряде случаев мы имеем дело с небольшими значениями коэффициентов корреляции. Дело в том, что мягкая ткань более вариабельна, чем костная основа, так как на нее в большей степени влияют возраст, конституция, внешняя среда, а также патологические изменения. Коэффициент корреляции показывает величину и направление соотносительной изменчивости мягких тканей и костной основы и отражает частоту точного совпадения характера этих связей. А мы не можем ожидать абсолютно точного совпадения величины и направления вариаций мягких тканей и костной основы, так как в пределах общих грубых рамок, поставленных одним признаком, другой может варьировать относительно свободно. Однако даже при отсутствии точной связи размеров лица с соответствующими размерами на черепе существуют костные структуры, которые ограничивают возможности изменчивости покрывающих его тканей. Так, эти ограничения могут быть чисто механические (нос не может быть уже грушевидной апертуры), или соотношения признаков закреплены генетически. В дальнейшем, составляя уравнения регрессии, основываясь на линейной корреляции, мы сможем предсказывать с достаточной степенью достоверности определенные параметры какого-нибудь признака на лице, имея его значения на черепе.

Наши предварительные исследования показали, что у бурят между отдельными размерами на лице и подлежащими структурами черепа существуют определенные взаимосвязи. Так, ширина носа коррелирована с расстоянием между альвеолярными возвышениями клыков; ширина рта находится в большой зависимости от ширины зубной дуги на уровне вторых премоляров; высота окрашенной части верхней губы оказывается связана с высотой эмали нижнего резца; высота уха коррелирована с условной половиной высоты уха на черепе.

Анализ настоящего материала по обеим программам антропологической реконструкции позволяет наметить пути научного поиска в дальнейшей разработке единой программ исследований различных групп населения Советского Союза. Таким образом, на базе Лаборатории пластической антропологической реконструкции положено начало созданию банка данных по взаимозависимости между морфологией черепа и покрывающих его мягких тканей, а также стандартов толстот мягких покровов лица.

Примечания

¹ Лебединская Г. В., Степин В. С., Сурнина Т. С. и др. Первый опыт применения ультразвука для исследования толщины мягких покровов лица // Сов. этнография. 1979. № 4.

² Веселовская Е. В. Новые данные о зональном распределении толщины мягких тканей лица // Проблемы соврем. биологии. Тр. 17-й конф. молодых ученых биол. ф-та МГУ. М., 1986: Деп. в ВИНТИ (№ 6661—В86); *ее же*. К вопросу о толщине мягких тканей лица у армян // Проблемы соврем. биологии. Тр. 18-й конф. молодых ученых биол. ф-та МГУ. М., 1987: Деп. в ВИНТИ (№ 6652—В87); Лебединская Г. В., Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Пестряков А. П. Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции). М., 1989;

³ Экспериментальная программа исследований и бланк антропологической реконструкции были предложены Г. В. Лебединской совместно с Т. С. Балуевой на координационном совещании «Методы палеоантропологии и краниоостеологии» в Ленинграде в 1986 г.

⁴ Винников Л. П., Индиченко И. Г., Золотарева И. М., Zubov A. A., Лебединская Г. В. Перспективы применения ближней стереофотограмметрии в антропологии // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

⁵ Золотарева И. М. Этническая антропология бурят // Этногр. сб. Вып. 1. Улан-Удэ, 1960; *ее же*. Некоторые данные по этнической антропологии Забайкалья // Зап. Бурят.-монг. НИИ культуры. Улан-Удэ, 1957; *ее же*. Антропологический тип современных бурят // Вопр. антропологии. 1960. Вып. 5.

⁶ Лебединская Г. В. Соотношения между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.

⁷ Лебединская Г. В., Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Пестряков А. П. Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции).

⁸ Лебединская Г. В. Пластическая реконструкция лица по черепу и пути ее развития // Сов. этнография. 1976. № 4.

⁹ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. М., 1955. Т. XXVIII.

¹⁰ Лебединская Г. В. Соотношение между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. В. ПИМЕНОВА «ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ»*

В наши дни о путях и средствах совершенствования высшей школы пишут много, вдумчиво, остро. И в самом деле, нельзя же профессиональный опыт университетов, институтов и кафедр, сложившийся в 30-е годы и в первые послевоенные десятилетия, считать незыблемым фундаментом разносторонней работы с учащейся молодежью сейчас, во времена крупнейшей перестройки общественной жизни советского народа. Правда, некоторые импульсы к преобразованию высшей школы, в частности ее социально-гуманитарного подразделения, ощущались и раньше, в 70-е и в начале 80-х годов. Тогда был поднят вопрос о внедрении методики проблемного (опирающегося на ключевые положения науки) обучения как фактора активизации творческих начал в процессе раскрытия существа различных дисциплин, а также о давно назревшей потребности в перестройке структуры и содержания учебного процесса в целом.

Эти веяния непосредственно коснулись и этнографического обучения в вузах страны. Так, на базе кафедры этнографии Московского университета в минувшие годы проводились координационные совещания преподавателей этнографических дисциплин с целью улучшения многих слагающих учебно-этнографического цикла в системе исторического образования в университетах и пединститутах. Участники обсуждения подчеркивали, что современная этнография развивается в тесном содружестве с историей и социологией и при этом не утрачивает своей научно-предметной и учебной ориентации на постижение этнически особенных явлений и структур в общественных процессах настоящего и прошлого. Раздавались голоса в пользу создания своего рода типовой развернутой программы учебной подготовки молодых этнографов, которая хотя бы на уровне эмпирической систематизации вузовского опыта показала, что же на самом деле представляет современная этнография. Данный вопрос актуален и сегодня, только решать его, по нашему глубокому убеждению, следует на более высоком уровне содержательно-сущностного анализа и синтеза уже известных и практически предполагаемых компонентов целостного (системно организованного) этнографического обучения. Конкретизация идеи формирования такого рода учебно-профессиональной познавательной системы и есть, на наш взгляд, основной предмет начавшейся на страницах «Советской этнографии» дискуссии о статусе этнографии в наших вузах.

Важнейшей посылкой в этом научном споре представляется утверждение о том, что отечественная этнография останется и впредь, даже в еще большей степени, дисциплиной не только общегуманитарного, но и подчеркнуто исторического характера. И это несмотря на проникновение в состав ее познавательных средств некоторой совокупности установок и методик социальной инженерии с целым рядом статистических «приложений». Формирующаяся самостоятельно этносоциология не подменяет и не упраздняет исторических оснований предме-

* Начало дискуссии см. «Сов. этнография». 1988. № 3, 4, 6.

га и методологических подходов современной этнографической науки. В системе этнографических знаний этносоциология — только одна из составных частей конкретного познания единой социально-этнической деятельности. Да и сам термин «этносоциология» подразумевает сложную соотнесенность двух различных уровней анализа и обобщения, один из которых представляет собой наиболее общий «социологический» подход, а другой — более конкретный социокультурный и более специфический этнокультурный в неразрывном единстве.

Современная этнография на исторических факультетах вузов все более стремится не только к внешнеописательному, но и к сущностному определению своего расчленившегося на многие рубрики учебно-научного предмета. Теперь уже мало сказать, что непосредственный предмет этнографии — это культурно-бытовые особенности народов. Вернее, наша наука изучает этнически особые формы (явления и процессы, специфические свойства, отношения, связи и интегральные структуры) исторического бытия народов. «Базовые единицы» этнографического изучения — это всегда находящиеся на конкретно-историческом уровне развития целостные этнические общности — «этноты» (они же — в «родо-видовом» системном измерении — социально-исторические «организмы» со специфическим характером языка, образа жизни и культуры). Предметная область этнографии в универсальном понимании — эмпирически фиксируемая многообразная «этнографическая картина мира» и теоретически раскрываемая и объясняемая «этническая структура человечества» как мировая система и совокупность «системных комплексов» (по-особому интегрированных общностей) исторически различных, многосторонне связанных и взаимодействующих этносов. Эти системного порядка конкретные образования характеризуются социокультурной и этноисторической динамикой — противоречивым движением и преобразованием собственных этнических традиций и межэтнических контактов, инкорпораций и синтезов. Реальным социогенетическим базисом всех этих общностей и процессов выступает их специфическое материальное основание — «субстанция» всех существенных внутренних отношений, порождаемая исторически определенными способами производства в самом широком смысле. В динамических структурах этих способов производства и воспроизводства общественной жизни совершается непрерывный обмен человеческой деятельности, передача от одного субъекта к другому (индивиду, поколению) накопленных материализованных «сущностных сил», осуществляется динамическое единство форм унаследованной и порождающей деятельности, т. е. всего того, что «субстанциально» характеризует любой тип культуры (в том числе культуры с более или менее отчетливым этноспецифическим выражением).

Эти научно-диалектические посылки существенно «перекодируют» привычные представления о теоретических «основах общей этнографии», принятые в вузовской практике. Но для того, чтобы этнографический цикл учебных предметов в еще большей степени укоренился в системе общеисторического образования, необходимо умение более квалифицированно «вписывать» его в актуальную проблематику единства и многообразия мирового исторического процесса. Напомним, что многие поколения исследователей работали над объяснением главного парадокса человечества, суть которого обнаруживается в наличии общих черт и закономерностей в развитии народов всех континентов при очевидном различии их конкретной истории, образа жизни, культурно-бытовых традиций и т. п. Диалектический материализм установил, что единство человеческой истории есть единство ее многообразия: общие законы истории, придающие развитию человечества характер единого, целостного, естественноисторического процесса смены формаций, существуют и действуют не сами по себе, а в конкретной истории различных и разнотипных человеческих (не исключая, конечно, и этнических) общностей¹.

Могут сказать, что приведенные положения общеизвестны. Конечно, но по большей части на уровне философского, «истматовского» знания. Вузовский опыт чаще свидетельствует о том, что этнографические предметы существуют

«сами по себе» и даже пропагандируются как наиболее «занимательные», т. е. изобилующие «экзотическими» подробностями быта народов, вопреки необходимости видеть во многообразии и внешней красочности этнографических сюжетов все ту же по-марксистски понимаемую «специфическую логику специфического предмета» — специфическую сущность и закономерности развития этнографических объектов. По ходу учебной подготовки и в самостоятельной исследовательской практике этнограф обязан овладевать диалектикой многосложного исторического процесса — действительной диалектикой, роднящей по основным параметрам общественного бытия и различающей по конкретным обстоятельствам жизнедеятельности исторически особенные этнические общности.

Применение диалектики к научному познанию становится магистральным путем научного, в том числе этнографического, мышления, основы которого закладываются по большей части в вузе. Тем большая ответственность возлагается на высшую школу в деле формирования «объемной» (во многих проекциях — аспектах) модели этого мышления. Размышления на сей счет подсказываются и вполне определившимся планом перехода высшей школы от экстенсивно-информационного типа обучения к интенсивно-фундаментальному, включающему и фундаментальное знание, и приемы активного познавательного поиска, и соответственно вытекающие из первого и второго прикладные методы и процедуры. По всей вероятности, в учебной практике решающее значение будет иметь такое специальное знание, которое структурно и по содержанию будет носить форму не только частно-предметных объяснений или даже совокупности таких объяснений (что давно предусмотрено учебным планом), но и характер четко выраженной, концептуально обоснованной, логически расчлененной на составляющие «предметные» блоки, последовательной и связанной в изложении системы знаний о конкретной предметной области.

Исходное знание будет обладать высоким познавательным потенциалом лишь при условии постоянной обратной связи его с расширяющимся объемом эмпирической информации по профилирующей специальности.

В таком оптимальном ракурсе вузовская этнография не может быть только чисто учебным предметом, ее задача — совершенствоваться также в качестве специализированной дисциплины, занимающейся самостоятельным научным поиском по более широкой программе, обязательно включающей в себя и подготовку учебно-информационных, учебно-методических и даже теоретико-методологических пособий. Ни в коем случае нельзя занижать познавательный статус этнографии как исторической науки, хотя в ней издавна имеются значительные «прикладные» области. В действительности на переднем крае нашей науки осуществляется весьма перспективный переход от традиционно апробированных историко-генетических и историко-сравнительных анализов и объяснений к более современным «историко-типологическим» и «историко-системным» построениям². Названные способы в совокупности вполне обеспечивают по-настоящему комплексное, разностороннее и проникающее в самую суть этнографических явлений и процессов содержательное понимание их настоящего, прошлого и будущего.

Впрочем, существуют и иные предложения: не мудрствуя лукаво, т. е. не отягощая себя разработкой новых принципов и методологических средств для поднятия «старой» эмпирической этнографии на теоретически более высокий уровень, решительно «осовременить» вузовскую этнографию за счет прямых эвристических и технологических заимствований со стороны. Выдвигается целый ряд по-своему «престижных», культурологических и социологических гипотез, которые вроде бы не требуют критической апробации в рамках исторической методологии, а напротив, как бы сразу вносят в этнографию желательные параметры мировоззренческого характера.

К примеру, наше внимание обращают на возможность актуализации этнографических исследований и объяснений посредством внедрения соотносительных понятий «человеческий фактор» и «этнический фактор» в структурах об-

раза жизни народов. Споры нет, означенные категории применимы и в этнографии, но их детонат по-настоящему «сработает» лишь тогда, когда наша наука примется за разработку продуктивной концепции человеческого бытия в его конкретно-всеобщих (формационных) и конкретно-особенных (локально-исторических и этнических) формах³. Проблема активизации человеческого фактора в общественной жизни имеет не только структурно-функциональное, но и этноисторическое содержание. Чтобы научить студента сознательно пользоваться социально-операциональной терминологией и методикой, следует в качестве обязательного «предпосылочного знания» предложить ему развернутую, даже «философски нагруженную», программу целостного социально-гуманитарного понимания действительности.

В наше время, когда происходит научно-техническая революция, и в вузовской этнографии множится число специальных прикладных разработок. Но, как говорится, всему новому в учебном процессе должна быть найдена своя общесоциологическая и профессиональная «мера». Относительная доступность (при всей технологической трудоемкости) исследовательских приемов «статистического видения» этнографических объектов порождает иллюзию, что именно эти опыты способны наиболее эффективно и точно раскрыть этническую специфику способов жизнедеятельности различных совокупностей людей. Но ведь факты этнической специфики не так очевидны и доказуемы, если они взяты прямо «с поверхности» социально-бытовой эмпирической реальности и как-либо количественно измерены. Самое простое — назвать их «этносоциальными» в пространственно очерченных «этнических средах» или «этнически опосредованными» в обычных социальных процессах. Смеем утверждать, что этнически-особенное — это не только внешне различное, но и специфически обусловленное в конкретных социально-исторических системах, а поэтому и интегральное — сложно организованное и детерминированное — в своей качественной определенности. Когда мы говорим о совокупностях этнических отличительных свойств отдельных народов, то имеем в виду целостные «комплексы этничности», подлежащие сущностно-содержательному, качественному анализу⁴. Под таким углом зрения специфика этнического постигается как особый феномен порождающих социально-исторических систем, а для этого приемы «статистического видения» в синхронии, в эмпирических показателях «по текущему счету» явно недостаточны. Изучение этнических процессов должно совершаться не только с учетом их «индивидуальной» («самой по себе») количественной меры, но и посредством раскрытия определяющих социально-экономических доминантных факторов и движущих сил, т. е. в ракурсе форм мышления «по-большому счету».

Данная мысль имеет прямое приложение ко всему учебно-этнографическому процессу, до сих пор еще предельно насыщенному наглядной эмпирической «предметностью». Пришла пора позаботиться о достижении предметного и концептуального единства в этнографическом знании и познании. Любые предлагаемые к освоению онтологические, «бытийные факторы» (тем более «механизмы многофакторного действия») и технические средства их анализа на уровне студенческого восприятия реально постижимы тогда, когда они рассматриваются в понятийно хорошо организованной системе знания. Важнейшая практическая функция этой системы — активное многоступенчатое движение от абстрактного к конкретному, от эмпирического к теоретическому, от основных положений и выводов исторической этнографии к фактам и закономерностям этнографии современности. Этнографически изучаемая современность представляет не только собрание культурно-бытовых фактов, существующих «здесь» и «сегодня», но и особенные формы социально-организационного и культурно-исторического развития, которые включают в себе указания на специфику предшествующего и на характер последующего развития. Насущная задача вузовской этнографии — научить студенчество видеть эти факты, комп-

лексы и процессы в ракурсах марксистского обществоведения и современной многоуровневой этнографии.

И последнее — по месту, но не по значению. Хотя у академической и вузовской этнографии много общего до такой степени, что подчас трудно разграничить «специфическую логику» той и другой на общедисциплинарном уровне, все-таки можно указать и на различия в формах и средствах трансляции профессионального мышления. В текущей печати нашей высшей школы усиленно пропагандируются методы проблемного преподавания, суть которого заключается в том, что, если мы хотим, сообщая учащимся определенную совокупность общих и специальных знаний, в то же время выработать у них у м е н и е не только использовать, но и самостоятельно формировать и развивать их, мы должны пройти вместе с ними весь путь с т а н о в л е н и я этого знания⁵. В конечном итоге необходимо добиться освоения не только содержания, но также истории, логики и методов формирования этнографического знания.

Многолетний опыт автора убеждает, что нет, пожалуй, лучшего способа научения молодежи, как последовательное раскрытие на занятиях исторической и логической динамики роста этнографического познания по тем или иным фундаментальным вопросам, в ходе которого вырисовываются новые горизонты и формируются выходящие за рамки этнографической деятельности содержательно-теоретические смыслы. Освещая путь науки как единую цепь возникновения и смены все новых проблемных ситуаций, мы стремимся не только упорядочить форму изложения специального материала, но и создать стимул к его самостоятельному освоению учащимися. Да мы и сами способствуем возникновению учебно-проблемных ситуаций, когда преднамеренно строим модели предлагаемых предметов, в которых находит выражение весь процесс научного поиска в данной области, начиная от возникновения данной проблемы и кончая ее решением в форме фактического итога, продуктивной идеи или даже целой теории. В реальной учебной практике нет познаваемого предмета без концептуального обоснования поиска, равно как нет и теории, не опирающейся на постоянно возрастающий базис фактического знания.

Развитие мышления студента-этнографа включает в себя не только общеобразовательные установки, но осуществляется также на уровне о с о б е н н о г о, профессиональной ориентации в теоретической подготовке будущего специалиста. Видимо, это целая, хотя еще и слабо развитая, дисциплина, вычленяющая и фиксирующая методологические приемы и логику собственного функционирования. Думается, ведущие специалисты преподавания этнографии в вузе вплотную приступят к профессиональному осмыслению и освещению закономерностей и гипотез развития своей предметной области. А здесь в заключении мы укажем только на те принципиального характера нормы познания, без которых нет вообще этнографического образования. Это «три первых принципа»: рациональность, всесторонность воспроизведения познаваемых предметов (целостных явлений, их структур и процессов движения), конкретный историзм.

Лежащая в основании научного и учебного познания рациональность есть прежде всего совокупность правил, эталонов, допущений и процедур, обеспечивающих объективность и результативность с и с т е м а т и ч е с к о г о познания разного рода объектов. Рациональность есть способ организации эмпирических данных об объектах, а также и мыслительное средство обнаружения системности, внутренне присущей всем объектам реальной действительности (рационально понимаемой и в разрезе многочисленных задач этнографического изучения). В этнографии, как и в любой развитой науке, «предметом изучения являющиеся объекты и процессы реальной действительности и логика мышления, следующая специфике объекта, сращенная с ним, подчиненная задачам его исследования»⁶. Ныне много говорят об операциональности (конкретной методике) тех или иных предметных областей науки, но этому всегда предшествует хотя бы первичная разработка онтологических схем «непосредственно

данного» его фактических реальных структур, процессов и связей, которые и выступают исходными «параметрами», «блоками» для построения познавательных моделей. Этого никогда не следует забывать при попытках конструирования любых поисковых и более фундаментальных моделей в этнографии.

Всестороннее научно-познавательное воспроизведение объекта очень важно в этнографии, в частности в ее преподавательской практике, в которой по традиции велико увлечение эмпирической «полнотой» обобщающих характеристик предметов. Важнейшее требование данного принципа — это углубление познания до выявления конкретной субстанции исследуемых явлений и процессов. В отношении этнических общностей и этнических процессов — это всегда раскрытие существенных (необходимых) сторон и структур, определение той фундаментальной — субстанциальной, системообразующей — общественной связи, которая и детерминирует специфическое содержание данной общности и данного процесса⁷.

О том, что процесс и результат познания должны носить конкретный характер, знает каждый начинающий этнограф. Однако конкретное в познании нельзя свести лишь к его эмпирической основе, ибо важнейшим условием конкретности являются не факты сами по себе, а факты, взятые в их связи, в их целостности, а этого не достичь только посредством группировки и описания эмпирических фактов. Здесь необходимо применение хорошо объясняющей факты историко-этнографической теории, положения которой как раз и направлены на постижение конкретной этнографической специфики развивающихся объектов. Любые попытки построения «всеобщей теории» этнического развития народов мира, минуя конкретно-исторический (универсально-формационный и регионально-формационный) подход, обречены на неудачу, на блуждание в лабиринтах абстрактных формулировок.

Идеал достижения полного и конкретно-истинного знания всегда служит маяком в рационально и всесторонне поставленной вузовской этнографии. Очень хорошо сказал наш современник-философ: «В этом смысле конкретное выступает и как конкретно-историческое, и как системное, и как синтез, наиболее одержательное и богатое определениями знание, адекватное реальным формам действительности»⁸. Этнографическое знание, повторяем, отличается богатством эмпирического содержания, но уже пришла пора подняться ему на уровень широчайших обобщений и синтезов, выступающих приоритетными формами создания практически-истинных знаний. Это и будет главной приметой действительной перестройки в области советской этнографической науки.

Л. П. Лашук

Примечания

¹ Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса. 1981. С. 207.

² См. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 170—191.

³ См. Крутова О. Н. Человеческий фактор: социально-философский аспект // Вопр. философии. 1987. № 8; Каган М. С. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития века // Вопр. философии. 1987. № 10.

⁴ Ковальченко И. Д. Указ. раб. С. 186, 308—309.

⁵ Теоретические вопросы методики преподавания // Филос. науки. 1987. № 5.

⁶ Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С. 10.

⁷ Барг М. А. О двух уровнях марксистской теории исторического познания // Вопр. философии.

1987. № 8. С. 112.

⁸ Кузьмин В. П. Указ. раб. С. 106.

Статья В. В. Пименова о задачах развития вузовской этнографии на современном этапе очень важна и актуальна. Остановлюсь на некоторых дискуссионных моментах этой статьи.

Признавая правильным утверждение автора, что целью университетского этнографического образования должно быть формирование кадров широкого профиля, ориентированных на значительную профессиональную мобильность, следует прямо сказать, что кафедры этнографии еще не стали центрами подготовки специалистов, способных работать по крупным направлениям этнографической науки. Где как не на кафедре этнографии можно, например, подготовить специалиста по такой комплексной проблеме, как этногенез, имеющий исключительно-важное научно-теоретическое и политическое значение? Этой проблемой сейчас активно занимаются преимущественно археологи, антропологи, языковеды. Между тем в учебном плане кафедр этнографии нет спецкурса по теоретическим проблемам этногенеза и этнической истории. Среди «приоритетных» направлений развития вузовской этнографии достойное место, вне сомнений, должны занять также вопросы, непосредственно связанные с «традиционной» культурой народов, ее истоками. Здесь много еще актуальных задач, требующих решения. Нельзя изучать современность, не зная прошлого.

На мой взгляд, в учебной программе ведущей этнографической кафедры страны превалирует изучение культуры и быта народов по регионам, тогда как построению учебных курсов по проблемному принципу уделяется меньшее внимание. Не вполне понятно, в частности, зачем при наличии дефицита часов растягивать курс лекций «Этнография зарубежных стран» на четыре семестра? Не менее важны лекции по теоретическим проблемам этноса, практике использования прогрессивных традиций, современной обрядности, критике буржуазно-националистических и расистских концепций и т. д.

Региональная система изучения этнографии должна сочетаться с проблемной. Мало того, последняя должна преобладать, ибо специалисты могут объединиться только на основе интересов по проблемам. Не случайно, в последние годы на всесоюзных этнографических сессиях секции создаются не по регионам, как было прежде (восточные славяне, Кавказ, Средняя Азия, Прибалтика и пр.), а по проблемам (этногенез, современные этнические процессы, семейный быт, обрядность и пр.). Очевидно, и вузовская этнография должна перестраиваться по проблемному принципу.

Этностатистику, этнодемографию, этническую географию и пр. следует изучать на кафедре не как отдельные предметы, а применительно и в связи с актуальными проблемами современной этнографии, например исследованием современных этнических процессов.

Студенты перегружены потоком информации. Тенденция к увеличению числа лекций, явно прослеживающаяся и в статье В. В. Пименова, может лишь отрицательно сказаться на учебном процессе. Думается, что правильнее стимулировать самостоятельную работу студентов по индивидуальным планам.

Статья В. В. Пименова фактически посвящена этнографическим проблемам МГУ. В ней мало говорится об этнографическом образовании в вузах союзных республик. Между тем в университетах союзных республик накоплен весьма интересный опыт, совершенствование которого тормозится тем, что этнографию «на периферии» все еще нередко рассматривают как науку, обращенную в прошлое, не способную решать актуальные проблемы современности.

Нам представляется, что, если уж нельзя создать кафедры этнографии или добиться этнографической специализации студентов хотя бы в столичных университетах союзных республик (о чем неоднократно принимались решения на этнографических форумах), следует по крайней мере унифицировать объем и теоретическую нагрузку курса «Основы этнографии» на исторических факультетах.

С другой стороны, в работе этнографов каждой союзной республики важное место должно занять всестороннее изучение культуры и быта ее населения, прежде всего социалистических преобразований в культуре, использования прогрессивных национальных традиций в практике социалистического строительства. Вне сомнения, в региональных вузах должен читаться курс этнографии по каждой советской республике. При этом следует уделять внимание всем этническим общностям данной республики. Мы заносим в Красную книгу исчезающие растения и животных, но не всегда бережно относимся к культурным достижениям народов нашей страны.

Поставленные в статье В. В. Пименова вопросы трудно решать во всесоюзном масштабе, поскольку в большинстве университетов страны отсутствуют как кафедры этнографии, так и специализация студентов по этнографии. Это, к сожалению, относится и к вузам Украинской ССР, на территории которой живет большая часть населения страны. Стоит сказать, что в ведущем этнографическом центре республики — Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рильского АН УССР и его филиале — Львовском музее этнографии и художественного промысла работает всего только один сотрудник, имеющий этнографическое образование, а в многочисленных музеях республики, в том числе этнографических скансенах, — ни одного.

Больше того, в последние годы постоянно сокращаются курсы лекций по основам этнографии. Трудно объяснить, почему в Карагандинском университете лекции по общей этнографии читаются весь учебный год, проводится 24-часовой семинар по «Методике полевых этнографических исследований», а для студентов-историков стационарного отделения Киевского университета выделено только 32 часа лекционного курса при полном отсутствии семинарских занятий. Думается, что Минвуз СССР должен установить единый для всех университетов объем часов для лекций и практических занятий по этому важнейшему курсу, обеспечивающему общую этнографическую подготовку.

Есть еще обстоятельство, на которое справедливо обращено внимание в статье В. В. Пименова. Имеется в виду значительный разрыв между планированием подготовки специалистов-этнографов и тем, сколько их требуется для развития образования, культуры, народного хозяйства. Мы говорим о дефиците этнографов. Почему же тогда окончившие кафедру этнографии не могут найти работу по специальности? Очевидно, имеет место, с одной стороны, несоответствие между планами подготовки специалистов и их реализацией, с другой — университет, кафедра еще не работают на «конечный результат»: вуз должен не только воспитать квалифицированного этнографа, но и обеспечить его работой по специальности.

По мнению самих студентов, ничто не сказывается так отрицательно на учебном процессе, как то, что они не знают, где и кем будут работать после окончания вуза, т. е. опять-таки не ясен «конечный результат» обучения.

Ликвидировать этот пробел можно, на наш взгляд, лишь путем приближения к жизни, установления подлинно творческих связей между вузовской этнографией и теми учреждениями, где будут работать будущие специалисты, — академическими институтами, музеями и т. д. Они должны «идти в одной упаковке». Связи с этими учреждениями, как представляется, должна устанавливать сама кафедра. Предложение о создании какого-то нового управленческого учреждения типа предлагаемой в статье Всесоюзной государственной этнографической службы выглядит сомнительным. Сейчас во всех сферах народного хозяйства ищут сокращения путей между производством и потребителем. ВГЭС будет еще одним «министерством» в министерстве.

Необходимо совершенствование связей между университетами, академическими и другими этнографическими учреждениями. Пока они осуществляются лишь по линии договоров о сотрудничестве, которые нередко выполняются весьма формально. Подготовка специалистов должна проводиться не столько без аспирантуру Академии наук, сколько путем стажировки студентов в ака-

демических институтах, участии их в научно-исследовательской работе. Стажировку следует проводить дифференцированно в зависимости от научных интересов студента, по крайней мере дважды, после третьего и четвертого курсов

После «апробации» студентов в академических или других учреждениях, где они проходили практику, в зависимости от их способностей и производственной характеристики кафедра определит в какой сфере деятельности (научной культурно-просветительной или педагогической) целесообразнее использовать молодого специалиста. С другой стороны, академические учреждения или музеи будут брать на работу людей, прошедших их «школу», уменьшится и среди студентов число ошибок в выборе профессии.

Очевидно, следует расширить возможности целевой подготовки специалистов для Академии наук из числа наиболее способных к научной работе студентов, разработав совместно с кафедрой индивидуальные планы их подготовки в соответствии с их интересами. Это позволит по крайней мере избавиться от явления, с которым мы сейчас повсеместно встречаемся: только попав в академический институт, молодой специалист или аспирант начинает знакомиться с научной проблематикой учреждения. Целевая подготовка студентов университетов для различных предприятий широко практикуется во многих странах. Например, в США, где стипендии студенты, как правило, не получают, некоторые фирмы, заинтересованные в подготовке специалистов, выделяют студентам стипендии и оплачивают расходы на их обучение.

Признавая сложность сопоставления советской и зарубежной системы подготовки специалистов, нельзя все же отрицать эффективность целевой подготовки. Почему бы не использовать лучшее? В. И. Ленин писал: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ -социализм»¹.

На стажировку в академические учреждения следует направлять только студентов, проявивших способности к научной работе, другие могут проходить практику в музеях или в архивах. Например, студенты, изучающие материальную культуру, могли бы стажироваться в этнографических музеях, этнопсихологию — в Институте психологии и т. д.

Кафедра собственными силами не может обеспечить учебный процесс и научную работу по всем актуальным направлениям. В этом плане привлечение других учреждений чрезвычайно важно для руководства конкретными исследовательскими работами студентов (написание курсовых проектов, дипломных работ, конкурсы научных работ).

Вне сомнения, укрепления требуют и творческие контакты между этнографами различных вузов. Они могут осуществляться в разных формах: чтение курсов лекций в других вузах по актуальным проблемам, участие студентов в совместных этнографических экспедициях, координация научной работы, совместная подготовка учебных пособий.

Есть еще один аспект работы вузовских этнографов — их участие в просветительской и популяризаторской работе среди молодежи. Будучи на Всесоюзной этнографической сессии в Омске в мае 1987 г., ее участники воочию убедились в широких возможностях и плодотворных результатах такой деятельности, осуществляемой омскими этнографами среди школьников.

В. И. Науля

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 550.

Репликами Л. П. Лашука и В. И. Наулко заканчивается дискуссия по статье В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа. Проблемы перестройки» («Сов. этнография», 1988, № 3, № 4, № 6). Обсуждению подвергся один из весьма актуальных вопросов, которого мы не касались до сих пор на страницах нашего журнала. Участники дискуссии единодушно высказались о повышении роли этнографии в развернувшейся в нашей стране перестройке — в развитии экономики с учетом национальных особенностей регионов, в регулировании национальных отношений, в совершенствовании национальных связей и т. д. Исходя из этого в некоторых выступлениях прозвучала мысль о необходимости расширения этнографического образования, начиная со средней школы, привлечения населения к краеведческой работе (Н. А. Томилов) и т. д.

Между тем, даже объем и содержание курсов на разных кафедрах этнографии абсолютно равноценны. В некоторых выступлениях говорится о целесообразности создания общего центра, задачей которого стала бы разработка единообразной системы обучения этнографов. В большинстве откликов признавалась необходимость положить в основу современной системы этнографического образования рациональное сочетание курсов по исторической этнографии и этнографии современности. При этом во главу угла ставилась необходимость воспитать теоретическое мышление студента и привить ему умение самостоятельно ориентироваться в источниках и научной литературе. Авторы большинства откликов считают, что для решения этих задач совсем не обязательно расширять тематику лекционных курсов и семинарских занятий.

Этнограф должен овладеть современной методикой полевых исследований (включая и формализованный опрос) и их обработку (включая обработку данных на ЭВМ).

Расхождения преимущественно относились к объему и соотношению тех или иных курсов, отсюда и учебных планов, принятых в разных университетах страны.

К сожалению, участники дискуссии почти не коснулись актуального вопроса о роли этнографических курсов в системе образования специалистов по родственным этнографии дисциплинам — историков, археологов, искусствоведов, географов и т. п.

Представляется также важным сказать о необходимости расширения этнографических знаний советских и партийных работников, а также всех, кто по роду своей деятельности связан не только с зарубежными странами, но и с проблемами межнациональных отношений в нашей стране.

А. И. Куприянов

**КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ В БЫТУ РУССКОГО
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Праздники, являясь наиболее древним и постоянно воспроизводимым элементом культуры, всегда играли и играют значительную роль в жизни общества. Они были и до сих пор остаются важным средством не только отдыха, общения и развлечения, но и формирования и утверждения общности людей, выполняют функцию социализации человека¹. Поэтому к праздникам привлечено внимание этнографов, фольклористов, искусствоведов, театроведов, философов, социологов, а также представителей некоторых других гуманитарных дисциплин. Признавая важность искусствоведческих, литературоведческих, эстетических исследований праздника, нельзя не согласиться с мнением С. А. Токарева, что «только под историческим углом зрения может быть понята сама сущность праздника как такового, сама идея праздника»².

Цель данной работы — показать общую картину бытования календарных обычаев и обрядов у русских горожан такого специфичного региона, каким являлась Западная Сибирь в период позднего феодализма. Западносибирский город возник при освоении русскими данного региона. Генетически он был связан с русским городом Европейской России, но по сравнению с ним имел некоторые особенности (малочисленность дворянства и отсутствие органов сословного управления этого класса, относительно пестрая конфессиональная ситуация в ряде городов, многонациональный состав населения, большинство которого составляли русские, наличие среди жителей ссыльных, отдаленность от центра страны). Изучение календарных праздников в быту западносибирских горожан позволит лучше понять закономерности функционирования и трансформации календарных обычаев и обрядов русского населения.

Одним из любимых традиционных народных праздников, связанным с земледельческим календарем и уходящим корнями в глубокую древность, были святки, продолжавшиеся с вечера 24 декабря по 6 января (все даты даны по старому стилю. — А. К.). Во время святок в городах Западной Сибири был широко распространен обычай ряжения. Сведения о ряжениях иногда попадали даже в официальные документы. Так, жандармский подполковник Кельчевский, посланный в Сибирь для расследования доносов авантюриста О. В. Горского, писал Бенкендорфу, что доносчика «весьма не любят и страшатся в Березове. Сие доказывается следующим случаем. После перевода Горского из Березова в Тару на святках рождественских прошлого 1831 г. ... сын купца Нижегородцева, замаскировавшись, надел платье и принял позитуру, сколько-нибудь похожую на Горского, и когда в таком виде являлся он в домах, то находившиеся в оном ахали, и неприятная весть, что Горский опять в Березове, во мгновение разнеслась по всему городу»³.

В уездных городах в святочных ряжениях участвовали все возрастные

руппы сибиряков, в том числе и пожилые люди, исключая лишь старообрядцев⁴. Ряжения были характерным явлением празднования святок не только уездных, но и в губернских городах. Историк П. А. Слонов в книге «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г.» утверждал, что в городе от Рождества до крещенского Сочельника среди жителей принято рядиться в «маскированные костюмы», «прохаживаться с фонарями по улицам или ездить в шуточных нарядах и входить в дома, где им не препятствуют»⁵. Вероятно, домохозяев, которые отказывались принимать ряженных, было мало не только в первой трети XIX в., но и спустя 30 лет. Причем, как отмечал омский чиновник К. Губарев, «самые аристократические дома» открывались в Сибири для ряженных, «между которыми часто появляются лакеи, горничные и кухарки и интригуют своих господ»⁶. О популярности ряженных среди чиновничьей верхушки свидетельствует и письмо дочери тобольского губернского прокурора М. Д. Францевой, которая 11 февраля 1849 г. сообщала Н. Д. Фонвизиной о святках, проведенных в Омске: «Во время святок я три раза маскеровалась, нас ездил большая компания, у многих мы были, в некоторых местах танцевали, были у Шрама (директор кадетского корпуса — А. К.) и встретили там князя (генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков — А. К.), он старался очень, чтоб нас узнать, но однако ж не успел в этом»⁷.

Посещение домов ряженными было желанным событием праздничного досуга горожан. Так, известный сибирский писатель П. П. Ершов 7 января 1845 г. с огорчением писал другу в Петербург, что в течение «маскарадных вечеров было у меня масок до тридцати. Между тем как в старом нашем доме я их считал сотнями»⁸. В середине XIX в. не только в губернских, но и в уездных городах в домах зажиточных горожан во время святочных ночей бывали сотни ряженных, которых угощали «вдоволь»⁹.

В известных нам источниках первой половины XIX в. нет никаких упоминаний о магическом значении обходов дворов ряженными. К середине XIX в. карнальный элемент святочных ряжений по сравнению с началом века заметно ослабился. Это, в частности, проявилось в том, что ряженные развешали, как правило, большими группами вместе с музыкантами. В 1858 г. один из наблюдателей писал, что спрос на музыкантов в эти дни превышал предложение¹⁰. Среди различных святочных сценок у городского «простонародья» неизменным спехом, как и по всей России¹¹, пользовалась популярная народно-драматическая игра «Лодка», которую часто исполняли солдаты¹².

В городах Западной Сибири на Рождестве было достаточно широко распространено колядование (славление). Обычай «славить» на Рождество и прием славильщиков были для многих горожан всех социальных групп самым примечательным событием первого дня святок. 12-летний К. Знаменский, которому Рождество 1854 г. пришлось встретить в дороге, с огорчением записал в путевом дневнике: «сегодняшнего дня было Рождество, я все думал, что вот в г. Омске сейчас благовестят к обедне, и представлял себе, что у нас сию минуту славят мальчишки, и для меня очень неприятно, что праздник провожу в дороге...»¹³. Среди горожан, принимавших на Рождество славильщиков, были и некоторые сельские декабристы¹⁴.

В литературе отмечалось, что в большинстве описаний праздничных обходов дворов русских крестьян XIX в. речь идет о колядовании молодежи и детей¹⁵. В городах Западной Сибири в качестве славильщиков выступают лишь дети. Однако возможно, что в малых городах региона были и молодежные группы колядовавших, так как быт большинства жителей таких городов мало чем отличался от быта крестьян.

Новый год в первой половине XIX в. был прежде всего общественным праздником. В этот день горожане с утра посещали собор, где слушали службу «молитвой за царя». На утреннем богослужении 1 января обычно собиравшегося прихожан во главе со всем местным начальством. Затем в «благородном обществе» следовали визиты, поздравления. В губернских городах в середи-

не XIX в. было принято подносить губернатору приветственный адрес от имени городского общества¹⁶. Праздничные визиты были многочисленными и утомительными. «Несносные визиты!» — так отзывался о них священник и краевед А. И. Сулоцкий в одном из писем 1843 г.¹⁷ В середине XIX в. в Томске, а затем и в других городах Западной Сибири вошла в практику замена визитов денежными пожертвованиями в пользу приютов или учебных заведений. Каждый, кто вносил денежное пожертвование на эти цели, считался уже исполнившим «долг праздничных визитов»¹⁸. Замена праздничных визитов на Рождество, Новый год и Пасху денежными пожертвованиями приютам и учебным заведениям была прогрессивным явлением общественного быта, она освобождала горожан от утомительного и малоинтересного времяпрепровождения и вместе с тем позволяла получить некоторые средства для благотворительных целей.

Вечером 1 января давался бал (обычно у главы местной администрации). Новогодние балы иногда бывали костюмированными. Исследовательница И. Б. Маркова считает, что рождественские маскарады вошли в моду в губернских городах Сибири к середине XIX в.¹⁹ Однако в отдельных городах Западной Сибири — Омске, Тобольске и, вероятно, Барнауле маскарады были обычным явлением общественного быта чиновничества ещё в конце XVIII в. Маскарады уже в то время были приурочены не только к Рождеству или Новому году, но и к некоторым другим праздникам, а иногда даже в обычные дни, например по случаю приезда в город высоких гостей²⁰. Новогодние балы часто бывали также в благородных собраниях. Так, в Томске в 1858 г. 1 января состоялся бал для «благородных», а 2 и 3 января — маскарады: второго — «вольный», а третьего — «благородный»²¹. В редких случаях, если в городе отсутствовало губернское начальство, празднование Нового года проходило у одного из чиновников, средства которого позволяли ему принять все городское «общество»²².

Помимо общественных новогодних развлечений (балов, маскарадов, любительских спектаклей) в чиновничьей среде в крупных городах края уже в 30—40-х годах XIX в. существовал обычай встречать Новый год (в ночь с 31 декабря на 1 января) в семье или в кругу друзей.

В конце 30-х — начале 40-х годов на праздновании Рождества и Нового года появилась любимая детьми лесная гостья — елка. Детские елки в это время устраивались в отдельных семьях чиновников, а также в Томском детском приюте. Первое известное нам упоминание об этой новации принадлежит Е. С. Поярковой, которая 23 января 1839 г. сообщила из Барнаула дочери и зятю в Петербург, что в сочельник она устроила елку для детей²³. Следует отметить, что елка проникла в Россию поздно. Как полагают С. А. Токарев и Т. Д. Филимонова, в 1840-х годах она была редкостью даже в Петербурге²⁴. Такое быстрое проникновение детской елки в общественный и домашний быт части западносибирских горожан произошло, очевидно, благодаря наличию среди них чиновников, которые ранее жили в Петербурге или за границей.

Встреча горожанами Нового года сопровождалась разнообразными гаданиями и разгадкой примет. Как и в других регионах проживания русского населения, в Западной Сибири наиболее популярны были гадания среди девушек. Но встречались они часто и среди других половозрастных категорий населения. Например, среди тюменского «простонародья» в этот день были распространены приметы, связанные с магией первого дня. Считалось, что если 1 января «кто поскользнувшись упадет, то в этот год непременно умрет»²⁵. Гадали не только в Новый год, но и в другие дни святок. Сроки святочных гаданий были весьма продолжительны. Один корреспондент писал из Тобольска, что «в простонародье гадают даже в крещение»²⁶.

Традиция святочных гаданий даже в середине XIX в. имела прочные корни не только в среде городского «простонародья», но и среди чиновничества. Так, в упомянутом ранее письме М. Д. Францевой к Н. Д. Фонвизинной есть интересное описание встречи нового, 1849 г., в Омске: «Новый год мы встретили

Капустиных (семья советника Главного управления Западной Сибири, женатого на сестре Д. И. Менделеева. — А. К.), там много было гостей, для етей была елка, в продолжение вечера гадали в разные гаданья, пускали етуха и он ни к одной кучке не подошел, как только к моей, пели подблюдные песни, а мне все выпадали свадебные, так что под конец вечера надо мной тали шутить и поздравлять меня»²⁷. В целом И. Б. Маркова справедливо пишет, что святочные игры и гадания не были уже связаны у горожан с верой в их магические действия, «а сохранялись главным образом как украшения различных вечеров»²⁸, но, несомненно, что часть участников гаданий, особенно среди купцов, мещан, мастеровых, верила в возможность предугадать будущее.

Переплетение традиций (гадания, подблюдные песни, святочные игры) и но-ваций (европейские бальные танцы, елка) было характерно для празднования святков в частном быту западносибирского чиновничества. В общественном (публичном) быту «благородных» на святках, исключая религиозную сторону, имели место лишь новые формы проведения досуга — балы, маскарады, спектакли, концерты, которые давались в центрах административного управления и культурной жизни Западной Сибири с конца XVIII в. В XIX в. число общественных развлечений на святках ощутимо возросло. В обычную практику в Томольске и Омске вошло устройство театральных постановок силами учащихся гимназии и военно-учебных заведений, а также солдат. В Барнауле спектакли ставились горными инженерами и членами их семей²⁹. Постепенно культурно-религиозные мероприятия распространялись и на другие города. Однако спектакли, концерты, балы и маскарады примерно до середины XIX в. охватывали главным образом лишь чиновничество и купечество. Для городского «простонародья» были доступны только представления в солдатских «театрах». Но в 1860-х годах в результате культурно-бытового развития Томска в городе появились «вольные маскарады», устраиваемые в театре на святках и масленице. В «вольных маскарадах» участвовали самые широкие слои горожан, большинство которых приходило в масках, а многие «в русских и фантастических костюмах»³⁰.

«Вольные маскарады» в Томске середины XIX в. были принципиально новым социальным явлением, чем «вольные собрания» в Омске в конце XVIII в. Круг участников омских «вольных собраний» ограничивался офицерами и гражданскими чиновниками. Билет (со стоимостью угощения) стоил 4 руб. 30 коп.³¹ и был недоступен большинству горожан. Если в Томске и Тобольске к середине XIX в. мы имеем дело с сословно-классовым общественным бытом, то в Омске, как и в Барнауле, даже в конце 1850-х годов общественный быт оставался строго сословным. Недвусмысленную оценку прочности сословных перегородок в Омске дал в служебной записке от 12 января 1857 г. жандармский майор Гедле, писавший, что в городе небогатое купечество не сливается с чиновничеством «по недостаточному образованию своему и средствам»³².

Любимым народным праздником была масленица. В Сибири в первой четверти XIX в. масленица праздновалась в течение всей недели, но, как отмечала Е. А. Авдеева, прекрасно знавшая городской быт того времени, «настоящее гулянье» начиналось со среды. Офицер И. Белов, служивший в Омске в 1840-х годах, отмечал, что в городе наибольшее оживление происходило в последние три дня масленицы³³. По сравнению с концом XVIII в., когда в отдельные годы, например в 1794 г. в Омске, общественные масленичные развлечения начинались даже не с понедельника, а еще с воскресенья предшествующей масленице пестрой недели³⁴, в середине XIX в. произошло существенное сокращение праздничного времени. Причем этот процесс неодинаковыми темпами проходил в крупных и малых городах. По-разному проявила себя тенденция к сокращению празднования масленицы в различных социальных слоях. Официально правительство признавало праздничными днями лишь пятницу, субботу и воскресенье сырной недели, поэтому в большей степени сокращение

празднования масленицы произошло среди лиц, состоявших на государственной службе, и в тех городах, где процент служащих был наиболее высоким³⁵.

Катания с ледяных гор, которые были характерны для празднования масленицы русскими во всех регионах страны, исключая юг России, являлись излюбленной забавой и западносибирских горожан. В Сибири широко было распространено и масленичное катание в санях — наиболее яркий общественный праздник русского города. В некоторых городах Западной Сибири были и свои, местные, особенности празднования масленицы. Так, в Томске и Тюмени наряду с традиционным катанием на лошадях (в санях или верхом) практиковались и бега, которые проводились на льду рек³⁶. В Омске масленичные катания имели свою особенность, которая, по нашим сведениям, не встречалась в других сибирских городах, — на запятках многих саней с молодыми дамами стоял «кавалер»³⁷. Эта особенность омских катаний становится понятной, если учесть, что «кавалерами» в городе были в основном молодые офицеры, стремившиеся блеснуть галантностью и рыцарскими манерами. В середине XIX в. таким образом нередко катались и молодые офицеры в Петербурге, что отразил на одном из своих полотен художник В. Ф. Тимм³⁸.

В масленичных катаниях с гор и в санях участвовали все слои русского населения — от рядовых горожан до верхушки местной бюрократии, а также жители окрестных сел. «Благородная публика» любила кататься на «катушках» (так назывались в Сибири катальные горы), но в некоторых городах, например в Омске, где были сильны сословные перегородки, она стремилась и в этом отделить себя от «простолюдов». В городе в 1840-х годах «благородные» начинали кататься с 12 ч. дня и оставаться на горах после 2 ч. пополудни считалось для них неприличным³⁹. Напротив, рядовые горожане катались «во всю неделю до глубокой ночи с фонарями и плошками, а в последние дни при свете зажженных смоляных бочек»⁴⁰.

Обращает на себя внимание одна особенность масленичного катания омского «простолюдов» в середине XIX в. Вопреки традиции празднования масленицы, согласно которой вечером прощеного воскресенья «катанье, как и хоровод, считалось уже неуместным: наступало время просить друг у друга прощенье, начиналось заговенье на великий пост»⁴¹; жители катались с гор, по сведениям И. Белова, почти до полуночи⁴². Иным было поведение в прощенное воскресенье в уездных городах, жители которых и в 50-х годах XIX в. ездили к родным и знакомым «прощаться»⁴³. Очевидно, в Омске, а возможно и в Тобольске, Томске, Барнауле, под влиянием условий городской жизни произошло забвение не только ритуального значения масленичного катания, но и этических традиций, господствовавших в крестьянской среде.

Из архаичных черт празднования масленицы в немногих малых городах и горнозаводских поселках сохранилось катание «госпожи Масляницы». В административных центрах края — Тобольске, Томске, Омске, Барнауле — мы не встречаем никаких упоминаний об этом обычае. В этих городах нет сведений об устройстве большого масленичного экипажа. Правда, в письме воспитанника декабристов Н. С. Знаменского от 23 февраля 1854 г. говорилось об одном не вполне ясном городском развлечении в Тобольске: «А светских удовольствий не было никаких, исключая разве лодки, устроенной Свитиным, которая прогуливалась по городу, с хором музыкантов и солдат»⁴⁴. Однако характер источника не позволяет утверждать, что имел в виду корреспондент: специальный масленичный экипаж, который в Сибири часто сооружали в форме лодки, или народно-драматическую игру «Лодка».

В уездных городах Западной Сибири, по свидетельству Г. Колмогорова, сколачивали несколько саней «с верхом в виде лодки, увешанной разноцветными тканями, посредине с мачтой; наверху сажают чучела людские, иногда садятся там на колесе и сами люди». В середине карнавального экипажа находились «замаскированные», которые разъезжали по городу с песнями и музыкой. Из богатых домов им высылали водку и деньги⁴⁵. Состав участников

масленичных катаний в таких экипажах в первой половине XIX в. претерпел определенные изменения. Если в Кургане еще в 1830-х годах в катании участвовали чиновники, то в 1850-х годах лишь мещане, купцы, мастеровые ⁴⁶.

В западносибирских городских масленичных катаниях в первой половине XIX в. не было каких-либо существенных различий, связанных с возрастным составом их участников. Отметим лишь, что молодые люди любили кататься не в санях, а верхом на лошади. Наблюдатели одновременно зафиксировали этот момент и в наиболее военно-бюрократическом городе Западной Сибири Омске, и в горнозаводском поселке с населением в 2,5 тыс. чел. ⁴⁷ Причина такого предпочтения, отдаваемого молодежи верховой езде — желание покрасоваться, обратить на себя внимание праздничной публики, особенно девушек.

В первой половине XIX в. для большинства городских жителей Западной Сибири, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, древнее магическое значение масленичного катания уже было утрачено. Катания в санях и катания с гор, утратив ритуальное значение, сохранились среди русского городского населения региона по традиции. Масленичное катание в западносибирском городе было направлено на сугубо светские цели: получить удовольствие от быстрой езды, блеснуть удачей, показать богатство экипажа и красоту экипажи. Аналогичные цели преследовали в этот период катания на масленицу и в русских городах Европейской России ⁴⁸.

Специфическими чертами празднования масленицы в домашнем быту были катания с ледяных гор, которые устраивали во многих дворах, особенно там, где была молодежь. Обязательным атрибутом домашнего застолья были блины. В «благородном обществе» в середине XIX в. масленичный стол определялся современниками как «блины, поливаемые шампанским» ⁴⁹. Весьма обильными были угощения гостей и в домах «простонародья», особенно среди зажиточных горожан. Общим явлением, характерным для домашнего празднования не только масленицы, но и других календарных праздников, было гостевание. В домашнем праздничном досуге важное место сохраняло родственное общение. В мещанско-разночинской среде было распространено также соседское общение. Среди чиновничества праздничные посещения сослуживцев были не менее значимы, чем прием родственников. Последнее замечание распространяется на губернские центры (Тобольск, Томск) и те города, где проживало многочисленное чиновничество (Омск, Барнаул). В этих городах круг общения благородных был значительно более дифференцированным, чем в уездных городах, чиновничество которых, как правило, совместно проводило праздничный досуг ⁵⁰.

На масленицу и во время некоторых других праздников в ряде городов Западной Сибири проводились кулачные бои. Особенно популярны они были среди жителей Тюмени. Мещанин Ф. В. Бузолин писал в 1852 г., что в городе «борьба и бой кулачной есть удовольствие первое». Кулачный бой «стена на стену» начинали «малолетки», затем вступали взрослые и, наконец, даже старики ⁵¹. Прочную традицию это коллективное состязание в силе и ловкости имело и в Томске, где оно было достаточно популярно и в 1860-х годах ⁵². В начале XIX в. в кулачных боях участвовало большое число горожан, но примерно в середине XIX в. после запрещения этой молодецкой забавы полицией число участников сократилось. В Томске из-за полицейских запретов место боев переместилось с «песков» у Воскресенской горы в татарскую слободку. В Тюмени кулачные бои пытались запретить, как сообщил чиновник С. Сененко, «во время венгерской кампании», т. е. в 1849 г. По приказу окружного начальника бойцов поливали из пожарной трубы. Однако успеха в борьбе с этой народной традицией тюменским чиновникам добиться не удалось, кулачные бои, хотя и с меньшим размахом, продолжались и в 1860-х годах ⁵³.

Кулачные бои в западносибирских городах проходили со строгим соблюдением правил: биться только кулаками, ударов по лицу избегать, «лежачего или упавшего, не бить и вообще смертельных ударов избегать и не допускать». Эти же этические принципы были характерны и для кулачных боев в городах

Европейской России⁵⁴. О популярности кулачных боев в Западной Сибири в середине XIX в. свидетельствует широкое представительство разных социальных групп горожан, участвовавших в них: мещан, купцов, цеховых, а также гимназистов старших классов.

Другая военная игра — взятие снежного городка, отмечает М. Г. Рабинович, в полном виде в XVIII — начале XX в. прослеживается только в Сибири⁵⁵. По утверждению чиновника и краеведа Г. Колмогорова, в середине XIX в. эта игра существовала во многих городах Сибири⁵⁶. Однако слова Г. Колмогорова можно отнести лишь к некоторым уездным городкам Западной Сибири, а во всех относительно крупных городах региона взятие снежного городка наблюдателями уже не фиксировалось. По-видимому, оно было вытеснено другими праздничными развлечениями.

Из весенних праздников в западносибирских городах наиболее значимой была Пасха. Кроме религиозной стороны она имела развернутую бытовую часть. Для общественного празднования Пасхи были характерны народные гуляния, непременным атрибутом которых являлись качели. В начале XIX в. в Тобольске существовало несколько разных типов качелей, от простых до весьма сложных, напоминающих современный аттракцион «колесо обозрения». Различные виды качелей были и в Томске⁵⁷. Однако более сложные аттракционы — карусели, американские горки, которые в середине XIX в. получили широкое распространение в русском городе и были известны даже в Восточной Сибири⁵⁸, в западносибирских городах еще не устраивались. В наиболее крупных городах Западной Сибири на народных гуляниях середины XIX в. выступали фокусники, акробаты, дрессировщики, шарманщики, раешники, показывавшие «виды столичных городов» и другие картинки в «подвижных панорамах или райках». Подробное описание таких райков оставил известный ученый Д. А. Ровинский: «Раек — это небольшой, аршинный во все стороны ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, „по копейке с рыла“, глядят в стекла, — раешник передвигает картинки и рассказывает присказки каждому новому номеру, часто очень замысловатые»⁵⁹. На народных гуляниях рядовые горожане играли в азартные игры: от невинных «колес фортуны», выигрышем в которых были различные сорта пряников, до преследуемой полицией азартной «орлянки». Во время народных гуляний выступали военные оркестры и хоры песенников. В Тюмени, а возможно и в некоторых других городах, на гуляниях пели и плясали ссыльные цыгане⁶⁰. Вышеуказанные игры и развлечения были общими для всех летних народных гуляний, специфически пасхальными были игры: «биться яйцами» и «катать яйца», являвшиеся непременным развлечением в течение всей Пасхи. На акварели художника Е. М. Корнеева «Праздничное гуляние в Тобольске» изображены мужчина и женщина, развлекающиеся катанием яиц, причем яйца катают на специальном лотке, края которого бокам загнуты⁶¹.

В ряде городов Западной Сибири к середине XIX в. сложился небольшой частнопредпринимательский сектор, занимавшийся устройством популярных городских развлечений: катальных гор, качелей. Представители его, заключив с городскими властями договор, получали право возводить аттракционы и брать плату с желающих ими пользоваться. Так, в 1828 г. тарский мещанин Г. С. Тараторин заключил договор с городской ратушей на содержание «в сем 1828 году катушек и качелей на публичных местах для народного увеселения» и взял на себя обязательство «устроить прочным и хорошим расположением катушки, сколько мне заблагоразсуждено будет и содержать оные с тем, чтобы приходящим на оные для увеселения и катания жителям города Тары обид чинимо отнюдь не было»⁶².

О масштабах городских аттракционов отчасти говорят сведения о средствах, выплачиваемых предпринимателями в городскую казну. В проекте бюджета

малонаселенного Ялтуровска на 1859 г. были предусмотрены доходы 4 руб. 29 коп., которые следовало получить, как и в 1856—1858 гг., от двух качелей и балагана, выстраиваемых на Пасху, и одной катальной горы на масле-щу. В 1860 г. эта статья доходов сократилась до 3 руб. 93 коп. В Тюмени в 1858 г. сбор «с мест под качели, балаганы и другие заведения для увеселения» составил 13 руб., устройство конских бегов принесло еще 12 руб. В Тобольске в том же году городские доходы пополнились 25 руб. от устройства «катушек» и 10 руб. 83 коп. с качелей и «балаганов для увеселения»⁶³.

Хотя в 1845 г. Тобольский комитет административной статистики отмечал, что «в последнее время, год от году более путешествуют в Сибирь из России швибристы, штукмейстеры и другие подобные лица»⁶⁴, но на народных гуляниях в малых западносибирских городах и в конце 50-х годов XIX в. странствующие артисты, акробаты, фокусники, кукольники выступали редко: артисты опасались, что в малонаселенных уездных городах выручка от представлений будет мизерна. Поэтому в таких городах на народных гуляниях в весенне-летний период качели часто были единственным общественным развлечением. Вместе с тем в среде «городского простонародья» были популярны, как и в городах Европейской России⁶⁵, городки, свайка, лапта и бабки.

В этих играх для мужчин, начинавшихся с Пасхи, участвовала молодежь и люди среднего возраста. На Пасхе были и специфические развлечения молодежи обоих полов: хороводы, круговые песни, подвижные игры⁶⁶. В городах Западной Сибири Пасха отмечалась более оживленно, чем в селе⁶⁷, этому во многом способствовали условия городской жизни — многочисленные праздничные толпы участников народных гуляний, выступления хоров музыкантов и песенников, а также профессиональных и полупрофессиональных артистов различных жанров.

Обычай праздновать приход весны 1 мая имел место в больших и малых городах Западной Сибири. 1 мая — будничным день, но в некоторых городах он праздновался с таким размахом, что чиновники не выходили на службу. Священник С. Я. Знаменский в 1841 г. сообщал Н. Д. Фонвизиной, что он хотел передать ей письмо с попутчиком, но последнему выехать из Ялтуровска удалось не сразу, поскольку «приказные все в разброде по случаю общего мирского праздника в 1-е мая, и потому (он) остался до утра за билетом»⁶⁸. Зная о популярности среди горожан этого праздника, губернское начальство иногда объявляло этот день выходным. Для празднования 1 мая были характерны загородные гуляния, однако из-за плохих погодных условий они проходили не ежегодно⁶⁹. О бытовании этого праздника в северных городах западносибирского региона сведений нет. По-видимому, этот праздник весеннего обновления природы там не отмечался, так как весна на севере приходит позже, чем в тех городах (Омск, Тобольск, Курган, Ялтуровск), где зафиксировано в источниках празднование 1 Мая.

В некоторых городах края первое загородное гуляние происходило 23 апреля в Егорьев день, считавшийся важным праздником у сельского населения⁷⁰. В начале XIX в. в Таре в этот день после обеда было народное гуляние «у часовни св. великомученика Георгия»⁷¹. Характер источника, который упоминает о гулянии, не позволяет выяснить, было ли оно связано с остатками каких-либо традиционных аграрных обрядов, отправляемых в этот день, или же его происхождение обязано лишь культу христианского святого.

Определенное значение в праздничном календаре горожан занимал Семик, который отмечался на седьмой четверг после Пасхи. В 1850-х годах Семик праздновался не только в провинции, но и в столичных городах. В Москве в этот день устраивали народное гуляние, которое по популярности уступало Первомайскому⁷². В начале XIX в. Семик праздновался всеми слоями горожан. В Таре, например, в этот праздник было народное гуляние у кладбищенской церкви «при собрании всего начальства и всего города жительствоющих». В малых городах края, таких, как Курган, этот праздник отмечали все жители

и в начале 60-х годов XIX в.⁷³ К середине XIX в. для большинства горожан Семик превратился в веселый загородный праздник. Вместе с тем часть горожан еще выполняла в этот день некоторые обрядовые действия. В Ишиме, по свидетельству городничего К. Кувичинского, девушки и молодые люди завивали венки на березах, а на Троицу срывали их и, бросая в воду, гадали. «Если венок поплывет, по мнению их, — писал К. Кувичинский, — это предвещает благополучный год, когда же худо плывет, а тем более тонет, — то наоборот»⁷⁴.

Для одного из важнейших христианских праздников, Троицы, отмечавшейся на 50-й день после Пасхи и приходившейся на середину мая — первую половину июня, было характерно сохранение традиционных черт. Светская часть праздника обычно выносилась за пределы города, в ближайшие лесные массивы. Во многих городах троичное гуляние происходило в одном и том же месте.

В малых городах края в первой половине XIX в. среди городского «простонародья» еще сохранялись некоторые архаичные троичко-семицкие обряды. Как показала М. М. Громыко, в XIX в. в крестьянской среде традиционные формы древних обычаев, имевших некогда обрядовый смысл, переродились или перерождались в карнавальные⁷⁵. К сожалению, в источниках, отразивших народную культуру западносибирского города, такие древние обычаи почти не встречаются. Кроме обычая завивания венков в Ишиме следует отметить интересные особенности молодежных гуляний в дни троичного цикла, которые имели место в Барнауле в середине XIX в. В Барнауле на Троицу и в Духов день «девушки и мужчины играют на несколько кругов, поют круговые песни, пляшут с березкой, которая увешена лентами, платками и конфетами». Вечером в Духов день молодежь шла к реке топить березку, с которой перед толпой плясала пожилая женщина, а девушки в это время исполняли песню «Во поле березонька стояла». На берегу реки эту же песню исполняли еще раз, после чего толкали женщину с березкой в воду на неглубокое место. Когда женщина выходила из реки, ей подносили вина и все вместе с плясками и песнями возвращались в город, где веселье продолжалось за полночь»⁷⁶.

По-видимому, древние троичко-семицкие обычаи имели место не только в Ишиме, но и в других малых городах Западной Сибири, так как они сохранились в Барнауле и в горнозаводских поселках, жители которых не были связаны с сельским хозяйством и вели городской образ жизни; Троица нередко праздновалась горожанами совместно с крестьянами, что придавало загородному гулянию «наружность» сельского праздника⁷⁷; участниками троичских обрядов были женщины, которые, как правило, составляли наиболее приверженную традициям часть населения...⁷⁸

В отдельных городах народные гуляния устраивали и по другим календарным праздникам: в Духов день, в воскресенье накануне Петровского поста. В середине XIX в. социальный состав участников летних гуляний не был одинаков в разных городах. В Томске «благородная публика» почти перестала посещать гуляния в Духов день и в воскресенье накануне Петрова поста, а в Тобольске в Духов день в 1859 г., как отмечалось в одной газетной корреспонденции, «почти все наше общество и множество простого народа отправились за город, на гулянье в лагерь»⁷⁹. Во всех загородных праздничных гуляниях совместно участвовали жители обоих полов. Единственное исключение — день Рождества богородицы, который отмечался 8 сентября. Этот праздник, который зафиксирован в среде горожан Западной Сибири лишь в Ишиме, был женским. «После обеда женщины отправляются в лес, — сообщал информатор, — унося с собою вино и яичницу, и там первое выпивают, закусывая последним. Потом расходятся по домам»⁸⁰.

В заключение следует отметить, что календарные праздники в общественном и домашнем быту горожан Западной Сибири первой половины XIX в. занимали важное место, удовлетворяя потребности горожан в праздничном отдыхе и общении.

Праздничными общественными досуг состоял из двух частей: торжественной и культурно-развлекательной. Торжественная часть календарных праздников включала в себя посещение церкви, к которому в отдельных случаях добавлялся и крестный ход. Светская сторона в торжественной части традиционных календарных праздников, как правило, отсутствовала, более развернутой была культурно-развлекательная часть. Наиболее общей чертой проведения календарных праздников, как и государственных, в городах было народное гуляние.

Многие культурно-бытовые формы праздничного досуга были общими для города и для села. Это явление характерно не только для первой половины XIX в., но и для конца XIX — начала XX в.⁸¹ Домашний праздничный досуг большинства горожан Западной Сибири имел лишь незначительные отличия от домашнего досуга крестьянского населения региона. Домашнему проведению календарных праздников в большей мере, чем общественному, было присуще сохранение традиционных народных форм праздничного времяпрепровождения. Во всех слоях городского населения даже в конце рассматриваемого периода еще сохраняются некоторые традиционные обряды и обычаи, приуроченные к календарным праздникам. Однако исполнялись они, как правило, в силу привычки и носили в основном игровой, развлекательный характер. Новые формы проведения досуга (концерты, спектакли, балы, маскарады) оставались до середины XIX в. уделом военных и гражданских чиновников и верхушки купечества. В связи с тем, что в социальном составе населения Омска, Барнаула, Тобольска и Томска значительную долю составляло чиновничество, новации в проведении календарных праздников появлялись здесь раньше, а архаичные черты вытеснялись быстрее, чем в других городах Западной Сибири.

Примечания.

¹ Мазяев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 9.

² Токарев С. А. Введение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 4.

³ Предтеченский А. В. О. В. Горский и его «Записка» // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. С. 186, 187.

⁴ Колмогоров Г. Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири // Северная пчела. 1859. № 67. С. 265.

⁵ Словцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М., 1834. С. 18.

⁶ Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. № 2. С. 378.

⁷ Рукописный отдел Гос. б-ки им. Ленина (далее — РОГБЛ). Ф. 319. П. 4. Д. 37. Л. 11.

⁸ Ярославцев А. К. Петр Павлович Ершов. СПб., 1872. С. 109.

⁹ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.

¹⁰ Ф. (Усов Ф. Н.) Известия, сообщенные из Омска // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 8. С. 86.

¹¹ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 75.

¹² Губарев К. Указ. раб. С. 378.

¹³ Центральный Гос. архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ). Ф. 765. Оп. 2. Д. 50. П. 70б.

¹⁴ Семенов С. Декабристы в Ялutorовске // Сибирский архив. 1913. № 6—8. С. 280.

¹⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 205.

¹⁶ Центральный Гос. архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов гос. управления СССР (далее — ЦГАОР). Ф. 815. Оп. 1. Д. 55, Л. 1—2.

¹⁷ ЦГАЛИ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 116. Л. 28.

¹⁸ Государственный архив Томской обл. (далее — ГАТО). Ф. 99. Оп. 1. Д. 260. Л. 22; Ф. 125. Оп. 1. Д. 43. Л. 26, 27; Ф. 245. Оп. 1. Д. 5. Л. 90—96.

¹⁹ Маркова И. Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск, 1985. С. 45.

²⁰ Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Ч. 1. СПб., 1879. С. 157.

²¹ Заангарский сибиряк. Томская современность // Томские губернские ведомости. 1858. № 2. С. 15—16.

²² Гос. архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 18. Л. 119об.

- ²³ *Небольсин П.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 150; ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 18. Л. 105 об., 108; РО ГБЛ. Ф. 319. П. 4. Д. 7. Л. 11.
- ²⁴ *Токарев С. А., Филимонова Т. Д.* Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев М., 1983. С. 150.
- ²⁵ Архив геогр. о-ва (далее — АГО). Р. 61. Д. 33, Л. 30б.
- ²⁶ *Тобольск.* Тобольск, 6 января // Тобольские губернские ведомости. 1868. № 2.
- ²⁷ РОГБЛ, ф. 319, п. 4, д. 37, л. 11, 110б.
- ²⁸ *Маркова И. Б.* Указ. раб. С. 45.
- ²⁹ *Замахаяев С. Н., Цветаев Г. А.,* Историческая записка о Тобольской гимназии. Тобольск 1889. С. 165; *Золотов П.* Несколько слов об Омске // Акмолинские областные ведомости. 1872. № 22 С. 5; ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 18, л. 33, 47, 49, 50.
- ³⁰ О. П. Театр в городе Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 173, 174
- ³¹ *Андреев И.* Домовая летопись // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). М., 1870. Кн. 4. С. 130.
- ³² ЦГАОР, ф. 109, 1 экспед., 1844 г., д. 247, ч. 48 л. 7, 70б.
- ³³ *Авдеева Е.* Очерки масленицы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отечественные записки. 1849. Т. 62. № 2. С. 224; *Белов И.* Указ. раб. С. 27.
- ³⁴ *Андреев И.* Указ. раб. С. 130.
- ³⁵ *Рабинович М. Г.* Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 173.
- ³⁶ Заангарский сибиряк. Указ. раб. С. 45; Росписи доходов и расходов Тюмени на 1858 г. // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 583.
- ³⁷ *Белов И.* Указ. раб. С. 28.
- ³⁸ Город глазами художников. Л., 1978. № 150.
- ³⁹ *Белов И.* Указ. раб. С. 29.
- ⁴⁰ *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 265.
- ⁴¹ *Громыко М. М.* Указ. раб. С. 252.
- ⁴² *Белов И.* Указ. раб. С. 29.
- ⁴³ *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 265.
- ⁴⁴ РОГБЛ, ф. 319, п. 2, д. 7, л. 20б.
- ⁴⁵ *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 265.
- ⁴⁶ Там же. С. 265; Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. С. 116
- ⁴⁷ *Розен А. Е.* Записки // Отечественные записки. 1876. № 8. С. 500, 501.
- ⁴⁸ *Белов И.* Указ. раб. С. 27; АГО. Р. 62. Д. 3. Л. 7.
- ⁴⁹ *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 173—174.
- ⁵⁰ Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. С. 116.
- ⁵¹ *Белов И.* Указ. раб. С. 16; *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 265, 266; *Небольсин П.* Указ. раб. С. 93; *Шюц П.* Письма о Сибири // Северная пчела. 1839. № 83. С. 330—331; ГААК. Ф. 163. Оп. 1 Д. 18, Л. 101 об., 102; ЦГАОР. ф. 109. 1 экспед. 1844 г., Д. 247. Ч. 48. Л. 6 об., 7
- ⁵² АГО. Р. 61. Д. 33. Л. 5 об.
- ⁵³ *Шашков С. С.* Из путевых воспоминаний // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 7. С. 121.
- ⁵⁴ О. П. Кулачные бои в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 27. С. 214—220;
- ⁵⁵ *Сененко С.* Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 47. С. 413.
- ⁵⁶ АГО, р. 61, д. 33, л. 5 об.; *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 160—161.
- ⁵⁷ *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 160.
- ⁵⁸ *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 265.
- ⁵⁹ См. илл.: *Копылов А. Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX в. Новосибирск, 1974; Заангарский сибиряк. Указ. раб. С. 45.
- ⁶⁰ *Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Концы XVIII—начало XX века. Л., 1984. С. 22; *Маркова И. Б.* Указ. раб. С. 46.
- ⁶¹ *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. 5. СПб., 1881. С. 231.
- ⁶² О. П. Современное известие // Томские губернские ведомости. 1858. № 15. С. 115, 116; АГО. Р. 61. Д. 33. Д. 5 об., 6.
- ⁶³ См. илл.: *Копылов А. Н.* Указ. раб.
- ⁶⁴ Гос. архив Омской области (далее — ГАОО), Ф. 384. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.
- ⁶⁵ Росписи доходов и расходов города Тюмени на 1858 г. // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 583; Росписи доходов и расходов города Тобольска на 1858 г. // Там же. 1858. № 33. С. 535; Тобольский филиал ГАОО. Ф. 329. Оп. 550. Д. 34. Л. 32 об. 33; АГО, Р. 61, Д. 23, Л. 97 об.
- ⁶⁶ ГАОО. Ф. 3, Оп. 2. Д. 2148. Л. 581.
- ⁶⁷ *Рабинович М. Г.* Указ. раб. С. 167—168.
- ⁶⁸ *Колмогоров Г.* Указ. раб. С. 266; АГО. Р. 55, Д. 36. Л. 1 об. 2 об.; ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 об., 5.
- ⁶⁹ *Миненко Н. А.* Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 27.
- ⁷⁰ РОГБЛ. Ф. 319. П. 2. Д. 14, Л. 14.
- ⁷¹ *Ярославцев А. К.* Указ. раб. С. 77; *Белов И.* Указ. раб. С. 78.
- ⁷² *Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 85.

- ⁷¹ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 276.
⁷² *Кораблев С.* Московские гуляния. М., 1855. С. 43.
⁷³ АГО. Р. 61. Д. 25. Л. 19.
⁷⁴ ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об., 8.
⁷⁵ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1999.
⁷⁶ ГААК. Ф. 163. Он. 1. Д. 214. Л. 93 об., 94.
⁷⁷ АГО. Р. 61. Д. 25. Л. 19.
⁷⁸ *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1999.
⁷⁹ Стар. уч. Як. Андр. Сибирская старина // Томские губернские ведомости. 1860. № 52. С. 383; Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 23. С. 309.
⁸⁰ ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об., 8.
⁸¹ См.: *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971; *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

В. П. Иванов, А. А. Трофимов

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В наши дни, в период всестороннего совершенствования советского общества, повышения роли человеческого фактора в производстве материальных и духовных ценностей, необычайно возросло значение традиционных видов художественного творчества. «Эстетическое начало еще больше одухотворит труд, возвысит человека, украсит его быт»¹. Несмотря на бурное наступление научно-технической революции, люди со все большим интересом обращаются к истории национальной культуры, к богатейшей сокровищнице народных традиций, воплощенных в изделиях мастеров прошлого и настоящего.

Произведения народного творчества понятны и близки всем, поскольку они выполняют сегодня не только декоративно-эстетические, но и этнические функции, становясь нередко национальными символами (как, например, русские матрешки). Именно поэтому здесь интересы искусствоведов тесно переплетаются с интересами этнографов. Следовательно, и осмысление проблем современного состояния народного искусства нуждается сегодня в междисциплинарном подходе. Без этого невозможно ставить вопросы об интернациональном патриотическом воспитании подрастающего поколения, о привитии ему уважительного отношения к культуре других народов, о восстановлении и развитии забытых промыслов, возрождении исчезнувших традиций и т. д.

Вековые традиции исконного народного искусства развиваются и возрождаются сегодня как «единичными» мастерами-умельцами, так и коллективами. Тем, кто занимается традиционным искусством, кто неустанно трудится во имя его процветания, неоценимую помощь оказало известное постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» («Правда», 27 февраля 1975 г.). Устранению барьеров на пути дальнейшего развития самостоятельного художественного творчества должен способствовать также новый закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» («Правда», 21 ноября 1986 г.).

Традиционное искусство любого народа — это не только коллективный творческий опыт многих поколений, но и индивидуально-специфическое сочетание трудовых навыков и творческих принципов, вкуса и миропонимания других далеких и близких народов. В этом смысле характерен пример развития чувашского народного искусства, в нем прослеживается связь эпох с различными этнокультурными традициями. Специфика традиционного искусства чувашей, его

ярко выраженный синкретический характер складывались в процессе длительной и весьма сложной этнической истории, в условиях интенсивного межэтнического культурного и генетического взаимодействия с другими народами в таком многонациональном регионе, как Среднее Поволжье. Поэтому в данной статье авторы сочли необходимым не ограничиваться рамками Чувашской АССР и коснуться народного творчества чувашей, расселенных вне территории республики.² Авторы считают также важным пояснить, что под «современностью» в настоящей публикации ими подразумеваются 1980-е годы.

Основу народного искусства чувашей в дореволюционное время составляли вышивка, узорное ткачество, шитье бисером и монетами, резьба по дереву, керамика, плетение, достигшие даже при отсутствии промысловых центров высокого уровня развития. Ювелирное искусство, чеканка, инкрустация и т. п. — у чувашей было развито несколько слабее.

Формы развития народного искусства на современном этапе иные, чем в XVIII — середине XX в. Поворотным моментом, коренным образом изменившим не только форму организации труда народных мастеров, но и структуру самого народного искусства, его содержание и направление, стало создание наряду с предприятиями кустарной промышленности артелей промысловой кооперации. После революции искусство народных промыслов стало явлением новой советской культуры. В 30-е годы XX в. в Чувашской АССР создается целый ряд художественных промыслов. Развиваются они сегодня в Чувашии в основном на предприятиях, находящихся в ведении Министерства местной промышленности республики (производственное объединение художественных промыслов «Паха тёрё» с многочисленными филиалами в различных городах и селах), Министерства лесного хозяйства Чувашской АССР (Шумерлинский лесокombинат, Чебоксарский, Ядринский, Канашский, Марпосадский мехлесхозы и др.), производственного объединения «Чувашстройматериалы» (цех бытовой керамики Чебоксарского кирпичного завода), Чувашского творческо-производственного комбината художественного фонда РСФСР (ткацкий цех в Чебоксарах, цех резьбы по дереву в Шумерле).

Произведения декоративно-прикладного искусства наряду с товарами народного потребления изготавливаются в Чебоксарах на электроаппаратном и агрегатном заводах, в производственных объединениях «Промприбор» и «Чувашкабель», на хлопчатобумажном комбинате, а также на Козловском и Шумерлинском комбинатах автофургонов и на многих других предприятиях республики. Для лучших изделий, создаваемых здесь, характерны традиционная преемственность мастерства.

С маркой Чувашского производственного объединения художественных промыслов «Паха тёрё» выходит сегодня немалая доля товаров народного потребления. Произведения народного искусства Чувашии, особенно художественных промыслов, в настоящее время известны не только в нашей стране, но и за рубежом.

Не иссякают в наши дни и живые родники народного творчества: в селах и городах Чувашии работают ткачихи, резчики, вышивальщицы, гончары, игрушечники и др. Их деятельность имеет сегодня как экономическое, так и художественно-культурное значение. Деревенское ремесло, будучи нередко и любимым художественным творчеством, может весьма выгодно удовлетворять спрос на ряд товаров народного потребления³. Потребность определенной части чувашского населения в предметах, изготавливаемых в традиционном стиле не только промышленностью, но и мастерами-кустарями, будет сохраняться. Вероятно, что здесь интерес людей имеет (особенно в городах) в большей мере субъективный оттенок (как выражение национального самосознания, этнических установок и т. п.). Возросший спрос людей на изделия народного искусства отражает глубокий интерес к лучшим культурным традициям прошлого.

Согласно материалам Чувашского статистико-этнографического исследования (ЧСЭИ) 1981—1982 гг.⁴, 28,0% сельских и 40,0% городских чувашей считают, что местная промышленность пока недостаточно удовлетворяет спрос

Удовлетворенность населения ЧАССР производством изделий в традиционном стиле, %

Мнение о степени обеспеченности населения товарами народных художественных промыслов	Чуваши		Русские	
	село	город	село	город
Достаточно	32	25	33	29
Трудно сказать	40	35	52	45
Пожалуй, недостаточно	28	40	15	26

Таблица 2

Доля лиц, владеющих традиционными художественными ремеслами, % от числа опрошенных

Художественно-ремесленные навыки	Чуваши		Русские	
	село	город	село	город
умеют:				
Ткать	37,4	13,7	21,6	7,0
Вышивать или плести кружева	52,9	45,7	39,8	43,8
Шить традиционную народную одежду	24,1	8,3	14,7	6,8
Вырезать по дереву	14,8	10,6	7,8	7,2
Изготавливать украшения для свадебной одежды	11,3	6,0	3,8	3,2

ва выпуск товаров и предметов, изготовленных с учетом народных традиций (см. табл. 1). Надо заметить, что этого мнения придерживается и подавляющее большинство (75%) современной национальной творческой интеллигенции, опрошенной в ходе этого же обследования.

Факт, что у части чувашского населения сохраняется потребность в такого рода товарах, находит подтверждение в том, что по данным ЧСЭИ, в обиходе 38,5% сельских и 25,8% городских чувашей можно видеть промышленные изделия, изготовленные в стиле народных традиций (в том числе одежда, посуда и утварь, национальные сувениры и т. д.).

О том, что часть чувашского населения сохраняет потребность в изделиях в традиционном стиле, необходимо помнить при составлении перспективного плана промышленности республики. В этих целях важно шире использовать художественно-творческий потенциал людей путем вовлечения их в различные традиционные кустарно-промысловые артели. Судя по данным ЧСЭИ, резервы для этого имеются, и немалые (см. табл. 2).

По мнению исследователей, привлечение людей к изготовлению кустарно-промышленных изделий помогло бы ослабить в некоторых районах Чувашской АССР проблему межсезонной занятости сельского населения, вовлечь в общественно полезную деятельность пенсионеров и способствовало бы оптимизации образа жизни людей⁵.

Говоря об особенностях и тенденциях современного развития народного декоративно-прикладного искусства Чувашии, необходимо отметить, что в начале 70-х годов произошел своеобразный перелом; возродились и получили развитие почти все его традиционные виды. Число мастеров из года в год растет. И если в недалеком прошлом на развитие сельского народного искусства сильное влияние оказывало городское искусство, то сегодня явно прослеживается обратный процесс. Обусловлен он в немалой степени причинами социально-экономического характера. Начиная с 60-х годов продолжается усиленная миграция сельских чувашей в города республики, особенно в Чебоксары и Новочебоксарск. Бурное развитие в Чебоксарах электротехнической, легкой и

т. п. отраслей промышленности активизировало миграцию и женской части сельского населения. В итоге население Чебоксар на 57,5% (по переписи 1979 г.) состоит из чувашей, абсолютное большинство которых — бывшие сельские жители. Именно они несут в современную городскую среду элементы традиционной культуры и быта, понимание красоты, вкус и мастерство сельских народных умельцев и мастериц.

В современном народном прикладном искусстве наблюдается тяга к истокам, традициям. Этому способствуют проведение районных, городских и республиканских выставок, появление альбомов⁶. Все это продолжает играть определенную роль в привлечении внимания и пробуждении интереса к традиционным видам народного искусства, а также к творчеству современных мастеров. Например, если в 1950—1960-х годах для мастериц (сельских и городских) образцами для подражания являлись узоры из разных журналов, то начиная с 1970-х годов их внимание практически полностью переключилось на народные мотивы и орнамент.

Живучесть традиций, их преемственность в современном чувашском народном творчестве особенно выразительно проявляются в его самом массовом виде — вышивке.

Вышивкой украшаются у чувашей верхние мужские и женские рубашки, платки, фартуки и т. п. Характерные черты чувашского орнамента — это сочетание приглушенных цветов с тонким чувством ритма. Композиция чувашской вышивки, мотивы и техника исполнения, имея единую этническую основу, варьируют по этнографическим группам⁷.

Надо отметить, что в прошлом при вышивании применялось более 30 швов. Ныне на Альгешевской фабрике «Паха терё» даже при изготовлении уникальных изделий ограничиваются лишь 5—6 видами швов, на машине пока невозможно достичь и этого.

Для верховых (*вирьялы*) чувашей, имеющих более выраженную генетическую связь с финно-уграми, характерны строгая гамма цветов (зеленый, оранжевый, черный; на головных уборах — розовый, голубой и лиловый), геометрический орнамент из ромбических фигур, применение мелких швов.

Рубахи чувашей *анат енчи* (средненизовых) украшались вышивкой по швам и разрезам, по краям подола и рукавов. Орнамент — геометрический, ведущий тон цвета — приглушенно красный, мареновый в сочетании с зеленым и оранжевым (позже — синим и коричневым).

Вышивка чувашей *анатри* (низовых) отличалась крупными и яркими полихромными узорами. Если у верховых чувашей геометрический орнамент небольшой и простой, то у анатри и анат енчи рисунок крупнее, чаще сочетается с растительными стилизованными узорами.

Сегодня вышивкой занимаются главным образом молодые женщины и девушки, большинство которых вышивают узоры, уже мало связанные с классическим народным орнаментом. Современные мастерицы стали больше обращаться к узорам, исполняемым строчкой в свободной манере или крестом. Наибольшее распространение среди всех групп чувашей получили узоры, состоящие из ярких цветов, фигур, животных и птиц.

Особая популярность вышивки среди современных чувашей подтверждается и данными ЧСЭИ (см. табл. 2). В начале 80-х годов умели вышивать в сельской местности 52,9%, в городе — 45,7% опрошенных чувашей (среди русских соответственно 39,8 и 43,8%). В числе многих опытных чувашских мастериц-вышивальщиц в те годы особенно выделялись Л. Батырова (с. Шемурша), М. Юрьина (с. Чутеево Янтиковского р-на), Е. Жачева, И. Михайлова, М. Симакова и В. Прохорова (г. Чебоксары), Е. Гаврилова и Е. Кузьмина (д. Кйреметь Аксубаевского р-на Татарской АССР), А. Поларшинова (д. Черный Ключ Клявлинского р-на Куйбышевской обл.), О. Пикмендеева (д. Средние Алгаши Цильнинского р-на Ульяновской обл.) и многие другие. В отличие от фабричной

вышивки, для которой характерна повышенная декоративность, вышивке народных мастериц присущи мягкие цвета, необычайная тонкость, филигранность.

Далеко за пределами республики славится чувашская промысловая вышивка. Большинство изделий с высокохудожественной вышивкой (скатерти, салфетки, полотенца, мужские, женские и детские рубашки и платья, концертные костюмы и др.), основывающихся на народных традициях всех этнографических групп чувашей, выпускает сегодня Альгешевская фабрика художественной вышивки производственного объединения «Паха тере». Творческое направление этой фабрике было дано большим знатоком народной вышивки — заслуженным художником РСФСР и народным художником Чувашской АССР Е. И. Ефремовой.

В конце 70-х — начале 80-х годов большое развитие среди чувашей, особенно в сельской местности Куйбышевской и Ульяновской областей, получило также и вышивание ковров (А. Степанова из д. Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл., А. Белова из д. Черный Ключ Клявлинского р-на Куйбышевской обл.).

Народными традициями питается сегодня и искусство узорного ткачества. Современные мастерицы ткут паласы, ковры, дорожки, скатерти, занавески, настольники, пояса, узорные покрывала на телевизоры и т. п. Людей, умеющих ткать, немало. По данным ЧСЭИ, их доля среди опрошенных чувашей составляет в селе 37,4%, в городе — 13,7% (среди русских соответственно 21,6 и 7%). Если вышивкой в основном занимается молодежь, то ткачеством — женщины старшего возраста. Ткацкие станки в начале 80-х годов имелись в абсолютном большинстве сельских домов.

Узорное ткачество развивается в наши дни и в художественных промыслах Чувашии (например, в ткацком цехе Художественного фонда РСФСР). Однако в изделиях, производимых предприятиями, порой обнаруживается крайняя упрощенность, вызванная незнанием богатого арсенала узоров и способов их выполнения.

Подлинно народный характер носит творчество отдельных мастериц — В. Минеевой (г. Чебоксары), Ф. Громовой (г. Цивильск), К. Савельевой (Моргаушский р-н), А. Семеновой (г. Новочебоксарск), Ф. Терентьевой (Янтиковский р-н), В. Ванюшиной (Комсомольский р-н) и многих других. В произведения, создаваемые в национальном духе, эти мастерицы вкладывают свое понимание красоты. Устойчивая преемственная связь в традициях различных этнографических групп чувашского этноса особенно заметна в творчестве В. Минеевой. Кроме ткачества ей знакомы секреты бисерного плетения, узоров чувашских поясов, традиционного вязания. Интересно отметить, что В. Минеева в течение многих лет собирает и изучает орнамент и технику старинного народного ткачества.

Традиционный вид чувашского народного декоративно-прикладного творчества — шитье бисером и монетами. Искусство это сложное и тонкое. В прошлом оно практически полностью было связано с оформлением комплекса женской одежды (украшение нагрудников, головных уборов *тухья* и *хушпу* и т. п.). Как и в прошлом, многие современные мастерицы владеют секретами шитья бисером, монетами, мелкими раковинами-ужовками. Как свидетельствуют данные ЧСЭИ, немало людей, умеющих изготавливать украшения также и для национальной свадебной одежды: в селе — 11,3%, в городе — 6%.

Следует, однако, заметить, что подлинно высокохудожественное искусство шитья бисером и монетами, хотя его истоки и лежат в глубокой древности, присуще ныне лишь творчеству отдельных мастериц. Вместе с тем после Октябрьской революции еще не было таких благоприятных условий для развития этого вида народного искусства, как в наше время. Особенно выделяются работы Е. Календаревой (г. Чебоксары) и ее учениц. Воссоздав предметы украшений (*тевет*, *шукеме*, *хушпу*, *тухья*, *алка* и многие другие), Е. Календарева не повторяет старые формы и орнамент, а создает новые. Шитье бисером и моне-

тами развито также в чувашских деревнях Куйбышевской (например, Рыбаковы из д. Четырла Шенталинского р-на), Ульяновской (Ермолаевы и Черновы из д. Нижняя Якушка Новомалыклинского р-на) областей.

Спрос на украшения из бисера и монет в Чувашии большой, особенно среди многочисленных профессиональных и самодеятельных художественных коллективов. Немало желающих приобрести их и для себя, главным образом в сельской местности. В торговых рядах многих сельских рынков и ярмарок республики можно видеть и сегодня мастериц со своими изделиями — украшениями для национальной свадебной одежды, изготовленными по старинным образцам, хотя и нередко с использованием современных материалов (например, вместо монет применяют блестящие и звонкие кружочки из металла и т. д.).

Резьбой по дереву занимались у чувашей только мужчины. Ею украшали домашнюю утварь (чашки, ковши для пива, солонки, кадушки для хранения белья, деревянные емкости для продуктов и т. д.), мебель, столбы ворот, дома, колодцы, другие хозяйственные постройки. Орнамент резьбы в основном был геометрическим и включал отдельные линии, которые составляли различного типа четырехугольники⁸. Встречались розетки, концентрические круги. Так называемые «русские» ворота, появившиеся у чувашей с конца XIX в., украшались рельефной резьбой, солярным кругом и «веревочкой». Распространены были у чувашей глухая барельефная резьба с растительным орнаментом, а также пропильная резьба.

Изделия из дерева, украшенные как резьбой, так и росписью, выпускают сегодня в мехлеххозах, лесокOMBинатах, на некоторых других предприятиях и в хозяйствах республики. Это кухонные разделочные доски, корзинки-хлебницы, хозяйственные корзины, сувенирные ложки и половники, вазочки для варенья и меда, различные детские игрушки и т. д.

В каждом чувашском селении немало мастеров-резчиков. Благодаря их умению и художественному вкусу каждое село приобретает свой художественно-эстетический облик.

Люди, знающие это древнее народное искусство, составляют в современной Чувашии значительный творческий потенциал. По данным ЧСЭИ, теми или иными навыками резьбы по дереву владеют в сельской местности 14,8%, в городе — 10,6% чувашей (среди русских соответственно 7,8 и 7,2%). В резных орнаментах находит четкое отражение преемственность традиций. Резьба часто соединяется с росписью. Обшитые тесом дома, крылечки со скульптурно вырезанными столбиками покрываются накладной или пропильной резьбой и красятся в три-четыре цвета масляными красками.

В настоящее время в ряду талантливых народных мастеров Чувашии особо выделяется резчик П. Мазуркин (пос. Кабаново Шумерлинского р-на), в творчестве которого национальные традиции находят наибольшее выражение. Все его резные изделия имеют прикладное значение, они и сегодня необходимы в сельском быту (ведерки «чѐрес», пахталки «уйран сунси», ковши «алтар», мебель). Резным чувашским орнаментом мастер стремится подчеркивать красоту вещи и материала.

Свое мастерство в резьбе по дереву проявляют и изготовители народных музыкальных инструментов — братья М. и П. Филипповы (д. Ольдеево Чебоксарского р-на), Н. Эриванов (г. Новочебоксарск), В. Чернов (г. Чебоксары), И. Федоров (с. Ишаки Чебоксарского р-на) и др. Изучая описания краеведов, этнографов, археологов, они воссоздают народные струнные, духовые, ударные инструменты. В частности, усилиями этих мастеров восстановлены в 80-е годы почти забытые старинные национальные инструменты — *шăнар*, *сарнай* и *палнай*.

Среди современных чувашских резчиков по дереву подлинно народным, национальным характером творчества выделяются также мастера, проживающие вне территории Чувашии: И. Сидоров и Г. Никитин из д. Чураково Буинского р-на Татарской АССР, П. Муртазин и В. Маланчев из д. Старая Киреметь

Акубаевского р-на Татарской АССР, Н. Ильмендеев из д. Средние Алгаши, Ф. Иляков, М. и Г. Мишкины, А. Салюков из д. Нижние Тимерсяны Цильнинского р-на, П. Константинов из д. Калмаюр Чердаклинского р-на Ульяновской обл., Е. Рыбаков, С. Архипов из д. Четырла Шенталинского р-на Куйбышевской обл.

Гончарным ремеслом в прошлом чуваши занимались исключительно в прикладных целях. Изготавливалась главным образом посуда — кувшины, миски, кружки и т. п. В советское время национальное искусство керамики принимает форму промысла и свое наибольшее развитие получает в довоенные годы в творчестве мастеров Ибресинской артели. Здесь изготавливались не только расписанная чувашскими национальными узорами посуда, но и другие сувениры (чернильные приборы, пепельницы и др.) в сочетании с лепными скульптурными изображениями. В наши дни гончарным искусством занимаются, уже на совершенно иной основе, в цехе бытовой керамики Чебоксарского кирпичного завода. Произведения, создаваемые здесь по эскизам О. Дуняк, не расписываются, хотя в формах глиняных изделий и их декорировке явственно проглядывают народные традиции чувашских гончаров прошлого.

Своеобразно искусство керамики в произведениях Н. Федоровой (г. Чебоксары). Из глины она лепит главным образом различные игрушки (коней, петухов и др.), свистульки. Множество сказочных свистулек создано по мотивам чувашского фольклора М. Волковым (Чебоксарский р-н) и П. Девяткиным (д. Нижнее Атыково Батыревского р-на). К сожалению, в промысловой форме искусство игрушки в республике не существует. Между тем они не только украшают жилище, приносят радость, но и помогают воспитывать в новых поколениях чувство причастности к традициям народа⁹.

На каком уровне находятся художественные промыслы в Чувашии, как сохраняются и развиваются национальные традиции в творчестве отдельных мастеров? На эти и другие вопросы дали ответы проведенные в 1982 и 1986 гг. во всех райцентрах и во многих селах республики выставки работ народных мастеров, а в Чебоксарах — I и II Республиканские выставки изделий народного творчества и народных промыслов. Одновременно состоялись и научно-практические конференции по проблемам развития художественных промыслов и народного искусства Чувашии. Выставка 1986 г. дала богатую пищу для дальнейшей работы художников и мастеров предприятий народных промыслов. Многие изделия-экспонаты были рекомендованы для выпуска на этих предприятиях. Но вместе с тем выставка подтвердила, что для сохранения высокого уровня изделий народных промыслов важно использовать ручную работу мастеров-надомников, обеспечив их материалами и механизировав подготовительные процессы труда.

Талантливых самородков в республике много. Но до последних лет большинство умельцев осваивали народные промыслы самостоятельно, без чьей-либо помощи. Надо сказать, что благодаря выставке и научно-практической конференции 1982 г. энтузиастам народного творчества удалось сделать за последние годы многое для того, чтобы, с одной стороны, выявить в селах и городах побольше мастеров и, с другой — помочь им, направить их творчество в русло народных традиций. В этом плане большую и разностороннюю работу проводит Республиканский научно-методический центр (РНМЦ) Министерства культуры Чувашской АССР. Одно из направлений такой работы — организация научно-исследовательских комплексных экспедиций, ориентированных специально на изучение состояния народного искусства и выявление новых имен умельцев в районах республики. Например, во время экспедиции 1985 г. было выявлено 34 мастера. Сегодня в чувашском РНМЦ на учете состоят уже более сотни народных умельцев.

Следующее направление работы по развитию народного декоративно-прикладного искусства — проведение специальных семинаров, как республиканских, так и региональных. В частности, в 1985 г. семинары проводились в г. Ядрине,

с. Янтиково. На них с лекциями о проблемах национальных традиций в творчестве народных мастеров выступали ученые-искусствоведы. Они же проводили подробный искусствоведческий анализ работ, представленных на организуемых при семинарах выставках.

Следует отметить, что в организации экспедиций, выставок, семинаров и в пропаганде народного искусства немалое участие принимают НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, Республиканский краеведческий музей и межсоюзный Дом самодеятельного творчества Чувашского облсовпрофа.

Такая разносторонняя деятельность работников культуры республики по выявлению и обучению народных умельцев, оказанию им практической помощи помогает современному чувашскому народному декоративно-прикладному искусству сохранять заслуженную славу. Так, в 1985 г. на весьма представительных Всероссийской и Всесоюзной выставках самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, посвященных 40-летию Победы, участвовали 18 народных мастеров и самодеятельных художников Чувашии, из которых 11 стали лауреатами Всесоюзного смотра.

В целом можно сказать, что в Чувашской АССР после проведения I Республиканской выставки народного творчества и научно-практической конференции 1982 г. серьезно взялись за решение конкретных вопросов развития народных промыслов республики. Например, многообещающие творческие поиски в русле народных традиций ведутся сегодня на Новочебоксарской сувенирной фабрике. Здесь помимо выпуска популярных среди покупателей подвесок, сережек и др. налаживается массовое производство отдельных элементов украшения народного костюма (тухья, хушпу, шулькеме и др.). Но нерешенных проблем еще много. Так, серьезные трудности переживает до сих пор искусство плетения. Ныне изготавливаются лишь корзины, хотя в прошлом искусство плетения (в том числе изящной мебели) у чувашей находилось на высоком уровне. Известно также, что у чувашей до середины XIX в. повсеместно процветало искусство изготовления разнообразной посуды и игрушек из лыка, бересты, соломы. Эти традиции практически утеряны. Часты еще у художников предприятий художественных промыслов творческие промахи. Объясняются они в значительной степени тем, что недостаточно изучаются и внедряются секреты творчества народных умельцев. Собственно, и сегодня на витринах выставок и магазинов можно еще увидеть лакированные, ярко раскрашенные и богато «орнаментированные» деревянные изделия в псевдонациональном стиле. Особенно тревожит стремление иных художников-мастеров бездумно и неуместно культивировать «псевдохлопскую роспись» (наблюдается в изделиях Шумерлинского лесокombината). Но ведь дело не только в том, чтобы переносить на современную вещь старинные узоры, важно научиться у народных мастеров скромности, внутренней значительности произведения, тонкому чутью материала.

Следует признать, что многие изделия народных промыслов, в частности узорное ткачество и вышивка, стали пользоваться у населения меньшим спросом, хотя на международных выставках и ярмарках они, как и раньше, имеют успех. Причина сложившегося положения прежде всего в том, что к выставочным работам требования высокие, и к ним авторы и администрация предприятия относятся как к произведениям искусства; изделия «ширпотреба», связанные с выполнением плана, не всегда хорошего качества. Именно подход к производству народного искусства как к товару является одной из основных причин низкого художественного уровня изделий. Иначе говоря, в погоне за валом упускается из виду главная цель создания произведений и, наконец, самого существования народного творчества — удовлетворение не столько материальных, сколько духовных потребностей.

Сегодня в Чувашии стоит вопрос не просто о сохранении национальных традиций народного искусства, а о всемерной оптимизации его поступательного развития за счет притока в ряды мастеров молодежи. В республике назрела

необходимость открыть и профессионально-техническое училище, где бы готовили специалистов для местных промыслов. Здесь не обойтись без помощи сельских клубов и домов культуры, которым следует активнее создавать новые любительские объединения, кружки национальной вышивки, ткачества, резьбы по дереву. Создание таких объединений необходимо при каждом культурно-спортивном комплексе. И поскольку мы сегодня серьезно говорим об активизации человеческого фактора, то важно и в сфере культуры создавать каждому увлеченному человеку необходимые условия для того, чтобы он чувствовал себя сопричастным, хотя бы в малой степени, к ее созданию, воспроизведению, — «словом, мог как-то реализовать свою творческую потенцию»¹⁰.

Очень большое значение для развития народных промыслов имеет помощь, оказываемая им на местах хозяйственными руководителями. В этом отношении в Чувашии есть примеры, достойные подражания; так, А. П. Айдак — председатель колхоза «Ленинская искра» Ядринского р-на с большим энтузиазмом и любовью к народному искусству делает все возможное для создания атмосферы уважительного отношения к каждому умельцу. Этот колхоз в Чувашии пока единственное хозяйство, где народному творчеству уделяется столько же внимания, сколько земледелию. Здесь налажено производство керамической посуды и расписных игрушек. Организован музей произведений народного творчества, работает детская художественная школа, устраиваются выставки работ мастеров. Положительный опыт развития народного творчества в этом колхозе нуждается в широком распространении.

Народное художественное творчество выступает в наши дни как одно из важных средств решения практических задач культурного строительства, возрождения глубокого интереса к лучшим культурным традициям советских народов. Умелое использование его на основе отбора всего ценного, подлинно народного и творческого осмысления в соответствии с новыми условиями, современными вкусами сельских и городских жителей должно принести положительный результат.

Примечания.

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 169.

² Из общей численности чувашей (1 млн. 751 тыс. чел.) 49,3% расселены за пределами Чувашской АССР, главным образом (до 30%) в Татарии, Башкирии, Куйбышевской, Ульяновской, Оренбургской и Саратовской областях.

Материалы о современном народном искусстве чувашей, проживающих вне территории ЧАССР, собраны авторами в ходе комплексной научной экспедиции НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР в Татарскую АССР, Ульяновскую и Куйбышевскую области в 1984 г.

³ Пименов В. В.: Народные традиции и трудовые ресурсы села (Некоторые проблемы прикладной этнографии) // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Чебоксары, 1984. С. 20.

⁴ Исследование проведено в 1981—1982 гг. совместно НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР и Институтом этнографии АН СССР. Опрошено 4200 чел. — чувашей и русских, селян и горожан. (См.: Чуваш: современные этнокультурные процессы. М., 1988).

⁵ Пименов В. В. Указ. раб. С. 20.

⁶ Чувашское народное искусство. Чебоксары, 1981.

⁷ См. Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 97.

⁸ Очерки истории культуры дореволюционной Чувашии.

⁹ Трофимов А. А. Проблемы народного искусства Чувашии. Чебоксары, 1985. С. 104.

¹⁰ Пименов В. В. Указ. раб. С. 21.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА: ДАННЫЕ НАРРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Гомеровский эпос, как полагали древние, обладал исключительностью вымысла (μυθος), согласно которому изображение в поэмах Гомера следовало однозначно истине факта бытия или факта общественного сознания (ἱστορία) и собственно поэтическому вымыслу, фантазии поэта (πλάσμα) ¹. Присутствие ἱστορία в вымысле Гомера и — шире — в архаическом мифо-эпическом предании — вот то, на что опирается научный поиск нижеследующей статьи.

Этнографический словарь Стефана Византийского (VI в. н. э.) помещает по соседству с колхами, исторически реальной народностью Кавказа, племена само наименование которых привычно ведет к мифу (s. v.): «Длинноголовые» (μακροκέφλοι). Подле колхов, как и полупсы (ἡμίψυες), обитают длинноголовые и пигмеи».

Сведения Стефана Византийского, автора позднего, основаны на прочной античной традиции: племена полупсов, длинноголовых и пигмеев в едином смысле словом рядом упоминал, по свидетельству Страбона (I, 2, 35, p. 43), уже Гесиод

В античной историко-географической традиции каждое из перечисленных племен мыслилось фантастически реальным; иначе говоря, в их существовании можно было сомневаться, но оно имело под собой определенную географическую и временную локализацию. Однако то, что Стефан Византийский поместил всех их рядом с колхами, еще ни о чем не говорит. Античная традиция считала родиной колхов Египет (Str. I, 3, 20, p. 61; XI, 9, 16, p. 498; ср. Hdt. II, 104—105), и пигмеи, жившие неподалеку от них, могли оказаться не кавказскими, а африканскими пигмеями. Поэтому для доказательства того, что в данном случае античная традиция подразумевала именно кавказских пигмеев, важно иное — место обитания длинноголовых и полупсов.

Сведения о длинноголовых находим у Гарпократиона (II—IV вв. н. э.; s. v.): «Длинноголовые. Антифонт в (сочинении) „Про единомыслие“: есть племя, так именуемое, о котором упоминает и Гесиод в третьей книге „Каталога женщин“. Палефат в шестой книге „О событиях в Трое“ (говорит), что в Ливии выше колхов обитают длинноголовые» ².

Традиция подтверждает относительную реальность племени и его географическую «прикрепленность» к месту обитания: рядом с колхами — при уточнении «выше (ὑπεράνω) колхов». Вводящее в сомнение упоминание Африканского материка — «в Ливии», по разъяснению Карла Мюллера, образцового издателя фрагментов греческих историков ³, означает не что иное, как «в области ливистинов» — народности, живущей рядом с колхами. О ливистинах (λιβυστῖνοι) говорит Стефан Византийский со ссылкой на свой письменный источник (s. v.): «Ливистины. Племя, расположенное рядом с колхами, как (говорит) Диофант в „Делах государственных“. Соответственно к названию сочинения Диофанта Карл Мюллер предлагает немаловажную для нас и принятую наукой конъектуру: не в «Делах государственных» («Πολιτικάх», ἐν Πολιτικοῖς), но в «Делах Понтийских» («Понтиках», ἐν Ποντικοῖς) ⁴.

Так, в античной историографии длинноголовые оказываются «верхними», т. е. северными соседями кавказских колхов.

Что же касается полупсов, то о них читаем у Стефана Византийского следующее (s. v.): «Полупсы. Племя неподалеку от массагетов и гипербореев. Симмий в „Аполлоне“: И увидел я знаменитое племя людей-полупсов, у коих поверх крепких плеч выросла песья голова с наисильнейшими челюстями. У

них, как и у псов, лай, и вовсе не знают они славной именем своим речи иных смертных. Также (упоминает о них) Гесиод»⁵.

Обращает на себя внимание традиционно эпическая характеристика племени, имеющая лексико-семантические соответствия у Гомера и говорящая об эпически уважительном к ним отношении. Прилагательное-определение в выражении Симмия «знаменитое племя» или, иначе, «выдающееся племя» (ἕνός ἡρωϊστοῦ) дважды в качестве наречия «весьма, чрезвычайно, слишком» употреблено у Гомера (Ил. IV, 359; Од. XVI, 203). Эпитет плеч у полупсов — «крепкие плечи» (τῶν ὤμων ἐνστέφρων) — и встречается в «Иллиаде» (XIX, 99; XXI, 551) и в «Одиссее» (II, 120; VIII, 267, 288; XVIII, 193). Наконец, определение челюстей — «с очень сильными челюстями» (γαμφληστὶ περίκρατέεσσιν) — подано как типично гомеровский эпитет с гиперболической приставкой περί и общим апофеозом силы κρατος. Для сравнения вспомним серию гомеровских эпитетов, таких, как «очень славный» περίκλυτος (Ил. XI, 104; Од. I, 325; VIII, 83, 367, 521 и др.), «очень красивый» περίαλλος (Ил. IV, 486; VIII, 249 и др.) и т. д.

Иначе говоря, в оценочной иконографии племени и, видимо, в его географической локализации Симмий как традиционный поэт-эпик, совмещающий «приятное» и «полезное», вымысел и знание факта, следует сложившимся историко-географическим и мифо-эпическим представлениям.

Локализация же в пределах античной ойкумены массагетов и гипербореев при всей сложности этого вопроса ведет, однако, к востоку (массагеты) и северу (гипербореи) от Меотиды и, следовательно, предгорий Кавказа⁶.

Приведенные сведения находят подтверждение в других данных, если признать, что полупсы, «знаменитое племя сильных людей с собачьей головой на плечах», и песьеглавцы в античных источниках — это обозначение одного и того же племенного множества, встречающееся у разных авторов и в разные эпохи.

О полупсах говорит Гесиод; о песьеглавцах (κυνοκέφαλοι) — столетие спустя Эсхил. И те и другие как два разных племени приведены Страбоном в качестве примера пустой выдумки, «небывальщины» (Str. VII, 3, 6, p. 299): «Для Гомера это не удивительно; ведь и те, кто помоложе его, многого не знают и рассказывают небывальщину. Так, Гесиод говорит о полупсах и длинно-головых и пигмеях. Алкман — о перепончатоногих, Эсхил — о песьеглавцах, о людях с глазами на груди, об одноглазых и множестве иных».

Важно, однако, что для самого Эсхила (и это признает Страбон!) рассказ о песьеглавцах — повествование об истинно существовавшем, «история» (Αἰσχύλῳ ἱστοροῦντος), равно как для Гомера упоминание о пигмеях — выдумка на основе реально бывшего (Ὀμήρου... μυθεύοντος; Str. I, 2, 35, p. 43): «Гесиода, однако, никто не может упрекнуть в незнании, когда он говорит о полупсах и длинноголовых и пигмеях, ни самого Гомера, вымышляющего (на реальной основе) таковое, среди коего и сами эти пигмеи, ни Алкмана, повествующего как истину о перепончатоногих, ни Эсхила — о песьеглавцах, об имеющих глаза на груди и одноглазых».

Иконографию песьеглавцев, сходную внешне с обликом полупсов Симмия, дает историк и географ Агатархид (II в. до н. э.): «Песьеглавец. Тело человека, потерявшего свой образ, приставлено к лику собаки. Испускает звук, подобный стону» (V, 74)⁷.

Вместе с тем у Авла Геллия с неопределенной ссылкой на авторитеты древнегреческих историков VI—IV вв. до н. э. (Аристия Проконнесского, Исигона Никейского, Ктесия, Онесикрита, Полистефана и Гигесия) упоминаются то ли песьеглавцы, то ли полупсы, но «люди с собачьими головами и лающие, те, что кормятся охотой на птиц и диких животных», обитают в горах Индии, где пополняют собой «и другие чудеса на крайних землях Востока» (Noct. Att. IX, 4).

Меотийско-прикаспийско-аральские степи и крайние земли Востока (к последним относятся и горы Индии) — местности, отнюдь не противолежащие, если смотреть на них с юго-запада, с кавказского побережья Понта Евксинского.

В тюрко-монгольском фольклоре мифические племена песьеглавцев приурочены пусть к более отдаленным, но тем не менее лежащим на северо-восток от Черного моря (Понта Евксинского) местностям Западной Сибири в районе приаральских степей, иначе говоря, — к местам расселения массагетов.

«К западу от Орусен-хана (русского царя) живет Кунер-хан; за ним улус Шибит; за Шибитом хребет, а за хребтом нохой-эрте (или нохой-эртең, нохой-эрдени), люди с собачьими головами; такой вид имеют только мужчины, женщины же имеют настоящий вид и красивы», — приводит сведения своих монгольских информаторов русский путешественник прошлого столетия Г. Н. Потанин⁸.

Сходные сведения о местопребывании песьеглавцев и скотоводческом характере племени получаем из алтайской сказки, записанной в начале нашего века Н. Я. Никифоровым⁹. В ней киргизский Полифем, Одноглаз-людоед, живущий в пещере в пустыне (читай: степи) и пасущий баранов, охотится на обитающих рядом скотоводов-песьеглавцев и пожирает их.

Традиционная со времен античности версия о совместном территориальном проживании племен малорослых людей (пигмеев) и собакоподобных людей на северо-востоке от Понта Евксинского сохранилась вплоть до VI в. В сирийских источниках версия представлена «Историей» Захария Ритора (VI в.), по сведениям которого, за Каспийскими воротами, «с той стороны» (Северный Кавказ, — *И. Ш.*), рядом с болгарами и аланами обитают карлики и собакоподобные люди¹⁰.

Оставляя на совести античных сочинителей «этнографическую» экзотику всех трех перечисленных племен, можно, однако, сделать вывод о возможной исторической основе предания, иначе — о возможном реальном существовании таких племен, в том числе племени, известном под именем пигмеев на Кавказе рядом с колхами и «выше» колхов. В самом деле, свидетельства античной этнографии и среднеазиатского фольклора могли быть поставлены под вопрос, признаны лишь поэтической выдумкой, если бы за последние десятилетия археология не установила реальности существования племен полумифических длинноголовых. Ими среди прочих народностей Кавказа и прикавказских регионов оказались сарматы, люди с искусственной деформацией черепа, обитавшие там, где и следовало, по античной традиции, обитать длинноголовые, — «выше» колхов и рядом с полупсами, т. е. близ Понта Евксинского и к северо-востоку от него¹¹. При этом не исключается возможность, что обычай деформации черепа заимствован сарматскими племенами от своих региональных предшественников.

Что же касается интерпретации палеоэтнографических данных Стефана Византийского о полупсах и пигмеях, то на трудном пути исторической идентификации следует обратиться к материалам изобразительного искусства. Заметим попутно, что во всех упомянутых выше случаях речь идет о племенных наименованиях, лишь с определенной долей вероятности отражающих реальный облик племени.

Подтверждение исторической реальности племени полупсов можно, думается, видеть в изображении сакральной сцены на серебряном кубке из клада, найденного в с. Казбеги, где люди в ритуальных песьих масках («с песьими головами») и привязанными песьими хвостами (песьеглавцы, полупсы) движутся к восседающему на троне жрецу (правителю?). Кубок обнаружен на месте древнего капища, датируется VI—V вв. до н. э. и по манере изображения близок к иранскому искусству эпохи Ахеменидов¹².

Изображения таких же людей «с песьими головами», но без хвостов обнаружены недавно на золотой гривне сарматки в богатом курганном захоронении (I в. н. э.) под Ростовом-на-Дону (Предкавказье). Гривна, насколько можно

удить по несовершенному журнальному воспроизведению¹³, состоит из нескольких пластин, на каждой из которых повторяется сцена борьбы оседланного дракона с двумя нападающими на него с обеих сторон песьеглавыми.

Песьеглавы, сильные и крепкие люди, одеты в короткие перепоясанные панцири с пластинами на бедрах и короткими рукавами. На шее — нечто, напоминающее косынку треугольником вниз, плотно и высоко прикрывающее шею. У одного из воинов правая рука с палицей поднята в замахе, левой он хватает дракона за холку. Воин стоит на правом колене; левое, согнутое под прямым углом, кусает дракон.

Обилие в захоронении культовых предметов, в том числе золотого изображения древа жизни, ритуального сосуда в виде головы барана, золотых бляшек в виде оленей и птиц, позволяет археологам, раскрывшим погребения, говорить о его принадлежности жрице. Последнее в свою очередь подтверждает правоту интерпретации углубленного символическо-сакрального осмысления сцен, воспроизведенных на гривне, имеющих, видимо, изначальную связь с определенным географическим регионом и, возможно, отнюдь не сарматским этническим контингентом.

Что же касается упоминаний о пигмеях на Кавказе в античной историографии, то в один ряд с ними выстраиваются археологические находки памятников материальной культуры с иконографически близким изображением малорослых людей, сделанные на Тамани, в Горгии (район Анапы) и Вани (Грузия). Здесь же уместно напомнить, что интерес к тому или иному изобразительному сюжету, а также характер распространения античных мифо-эпических сюжетов в любом регионе не случаен, но обоснован запросами общественного сознания в его историко-культурном, сакральном, художественном и — реже — политическом аспектах¹⁴.

Напомним также, что, согласно античной мифо-эпической и историко-литературной традиции, племена малорослых людей с условным названием пигмеев (от *λίγυι* — кулак) обитают по соседству с Мировым океаном и его заливами на крайнем севере (легендарная Фула: возможно, Шетландские острова), в Средиземноморье (Обезьяньи острова близ Кампании на юге Италии, Малая Скифия во Фракии, Иония и Кария в Малой Азии), а также у истоков Нила в Африке, у истоков Ганга в Индии.

Повсюду, согласно традиции, пигмеи ведут борьбу с журавлями, в которых, как позволяют заключить параллели из мирового фольклора и античных литературных источников, можно видеть выходцев потустороннего мира, посланцев смерти, пришедших за живыми и нападающих на них¹⁵.

Каждая из упомянутых археологических находок имеет отношение к погребальному обряду, заупокойному культу. Паспортизация позволяет проследить их связь с некрополем. Изображение на них символично, что, однако, не мешает — явление, чисто античное — восприятию этих символов в контексте реальной жизни.

Таков прежде всего рисунок, украшающий стенки костяной пиксиды — послевоенное поступление из некрополя Таманского полуострова¹⁶. На каждой из сторон и на крышке пиксиды — изображение, заключенное в рамку и выполненное в технике гравировки. На крышке в верхней части прямоугольной рамки — решетчатая арка (значение ее остается не вполне ясным; может быть, храм?). В проеме арки — женская фигура у расположенного прямо перед ней алтаря с трапециевидной верхней и нижней частью, выступающей над низким прямоугольником тулова (рис. 1, а). Корпус фигуры подан в развороте на три четверти влево, ноги — в профиль вправо, левая слегка выдвинута вперед в шаг. В правой руке женщина держит фиалу, левая согнута в локте и сжимает обращенный вверх неопределенный предмет, напоминающий бутон лотоса.

Фигура одета в столу и задрапирована плащом, конец которого обвит вокруг левой руки на сгибе и свешивается вниз. На голове женщины переданный тремя округлыми линиями головной убор (стефана?), из-под которого выбива-

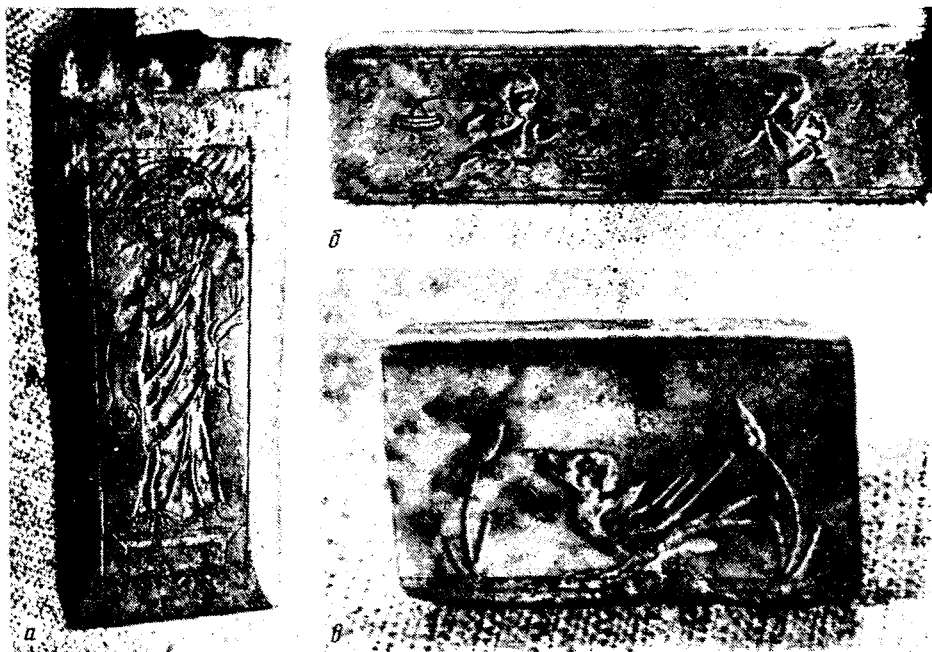

Рис. 1. *а* — костяная пиксида. I в. до н. э. — I в. н. э. Крышка; *б* — боковая сторона; *в* — торцовая сторона. Краснодарский историко-археологический музей-заповедник. Инвентарный № КМб 84.

ются пряди распущенных волос, достающие до плеч. Округлое лицо с правильными чертами и прямой линией носа повернуто к правому плечу. Выражение лица сосредоточенное и скорбное.

Алтарь, фиала в руке и stefana на голове у женщины в длинном одеянии позволяют видеть в ней участницу культового таинства. Эту мысль подтверждают также изображения на боковых и торцовых стенках пиксиды.

На боковых стенках пиксиды два пигмея-брахикефала лицом друг к другу представлены в сцене рыбной ловли (рис. 1, *б*). Короткие хитоны, скрепленные на левом плече, едва прикрывают тщедушные тела с непропорционально слабыми и короткими верхними и нижними конечностями. У пигмеев огромные головы с густой шапкой коротких волос, большие выпуклые лбы, развитые надбровные дуги, приподнятые носы, маленькие бородки, выставленные вперед животы.

Фигуры расположены в обратной симметрии: левая — в обороте на три четверти передней частью тела, правая — задней. В руках у левой фигуры двузубые вилы; на левом плече у правой фигуры шест с двумя плоскими корзинами по концам. Поза пигмея с вилами гротескно воспроизводит позу нападающего в сюжетной композиции античной вазовой росписи «два пигмея и журавль в центре».

На торцовой части слева направо — птица между двух цветов лотоса, образующих рамку (рис. 1, *в*). Следует заметить, что видимый светский, пейзажный характер изображения на стенках пиксиды не исключает культовой символики, связи изображаемого со знаками, символами потустороннего мира. Такими знаками служит лотос, символ забвения, влага, водоем (граница двух миров), а также водоплавающая птица, но прежде всего и особенно — сами пигмеи.

Аналогией к их иконографии, равно как и к изображению женской фигуры в stefane на крышке пиксиды, служат помпеянские фрески — многочисленные сцены из жизни пигмеев на берегу Нила (рис. 2) в одном случае и портрет жен-

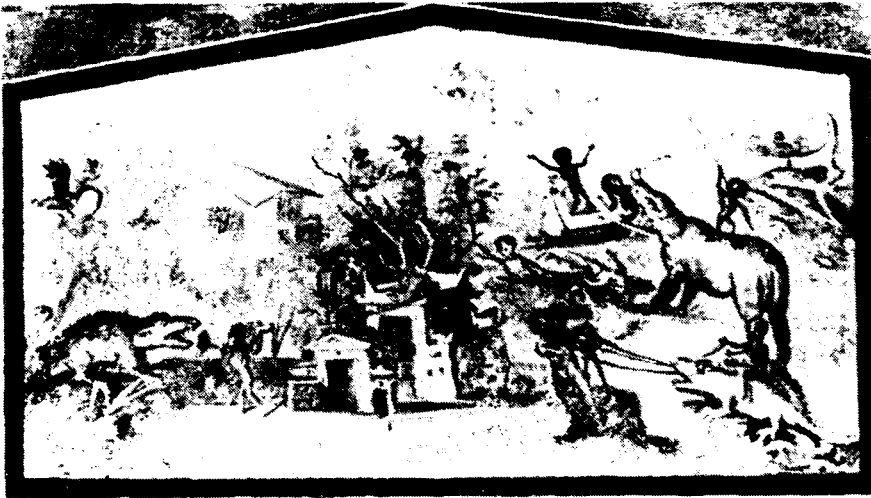

Рис. 2. Охота на крокодилов и гиппопотамов. Помпеянская фреска. I в. до н. э.—
I в. н. э.

шины со стилосом — в другом¹⁷. Композиционную аналогию пигмеем с коромыслом наперевес составляет также изображение малорослого большеголового бородатого старика, усатого, плешивого, с коромыслом на левом плече. По концам коромысла — плетеные корзины. Изображение помещено на серебряном кувшине греко-египетской работы, найденном в Александрии в I в. н. э.¹⁸

Приведенные аналогии позволяют нам не только датировать пиксиду рубежом I в. до н. э.—I в. н. э. и отнести ее производство в эллинистический Египет, но рассматривать сам сюжет изображения по аналогии с помпеянскими фресками как третий этап бытования античного мифо-эпического сюжета о борьбе пигмеев и журавлей. На первом этапе (античный миф) борьба отнюдь не уродливых малорослых людей — не греков и не арийцев — с журавлями воспринималась как некая реальность и вместе с тем как борьба живых с миром мертвых. На втором этапе эта борьба рассматривалась уже с некоторой долей иронии. На третьем, когда пигмей, как и журавль, стал символом иного мира, оберегом, привычный эпический сюжет был расторгнут и пигмея стали изображать без журавля, сосредоточив внимание на нем самом¹⁹.

В археологическом материале Северо-Кавказского региона такие изображения пигмеев, т. е. пигмеев без журавлей, находят известную аналогию в сценах на культовом сосуде эпохи позднего эллинизма (рис. 3, а—в) — в случайной находке Анапской экспедиции 1979 г. в городской траншее, пересекающей некрополь²⁰.

В манере граффити на глиняных стенках сосуда процарапаны виноградные лозы, гроздь винограда и листья плюща — символы дионисийства и рядом с ними два маленького роста большеголовых человечка (один — в профиль, другой — анфас) со слабыми конечностями и тщедушным туловищем. Тот, что повернут анфас, держит под уздцы двух покрытых узорными попонами коней, расположенных с двух сторон от человека, головами друг к другу и к центру. Плохо сохранившийся человечек «в профиль» стоит спиной к человечку с конями. Публикатор вазы, Е. М. Алексеева, приводя иконографические аналогии, видит в маленьких людях пигмеев-оберегов, а в вазе — пелику, связанную с отпращиванием хтонической стороны дионисийского культа²¹.

Атрибуция маленьких человечков как пигмеев будет, думается, более обоснованна, если принять во внимание, что сцены из жизни пигмеев входят в мифо-эпическую сюжетику дионисийско-орфического культа²².

Рис. 3 а, б.

Рис. 3. а — пелика местного производства. III—II вв. до н. э. Анапская экспедиция 1979 г. Случайная находка, общий вид: б — пелика местного производства, деталь изображения; в — пелика местного производства, деталь изображения

Особенность сцен на сосуде, найденном Анапской экспедицией, состоит в том, что здесь вместе с пигмеями изображены лошади. Это тем более интересно, что по форме и материалу сосуд, как полагает Е. М. Алексеева, местного производства²³.

Известное тематическое и отчасти иконографическое сходство намечается также между уже упомянутыми изображениями и великолепными золотыми юдвесками из Вани (рис. 4)²⁴. Низкорослые большеголовые всадники-воины тонкими обнаженными руками и хрупким тельцем восседают на великолепных конях, поставленных на платформу, снабженную четырьмя колесами (ко-лесница?). У всадников короткие курчавые волосы, на боку — колчан (?). Публикатор относит изделие к местному, колхидскому производству. Мы предлагаем видеть в изображении золотых всадников «кавказских» пигмеев: сюжет, имеющий апотропейный смысл.

Известно, что верховые кони на Кавказе, и в частности на Северном Кавказе и в Колхиде, появились уже в начале I тысячелетия до н. э., так что изображения пигмеев Горгииппии и Вани вполне соотносятся с фактом исторической реальности региона. Вместе с тем столь же хорошо известно, что конь в сакральных представлениях и античной эпохи, и — ранее — Средиземноморского региона II тысячелетия до н. э. — существо хтоническое, связанное с потусторонним миром, его символ²⁵. Следовательно, и в таком несколько необычном для других регионов античной ойкумены жанрово-композиционном варианте пигмеев, судя по контексту изображения, выполняются совместно с конями, насельниками царства мертвых, роль оберегов.

На связь с загробным миром указывают также украшения в виде плодов орехов, прикрепленные к краю платформы. Орехи встречаются в античных записках Боспора IV в. до н. э.²⁶ В кавказском фольклоре они связаны с представлениями о крепости, мощи и нездешних силах, колдовстве. В абазинском эпосе дочь малорослого племени маракуанцев, сведущих, согласно тексту, в колдовстве, уподобляет молоко своей материнской груди соку орехов, единственной пище, которая может сделать ее сына богатырем²⁷.

Остается установить, как соотносятся местные кавказские изображения пигмеев с лошадьми и античный миф о пигмеях, воюющих с журавлями. Представляют ли собой эти изображения третью, последнюю стадию развития сюже-

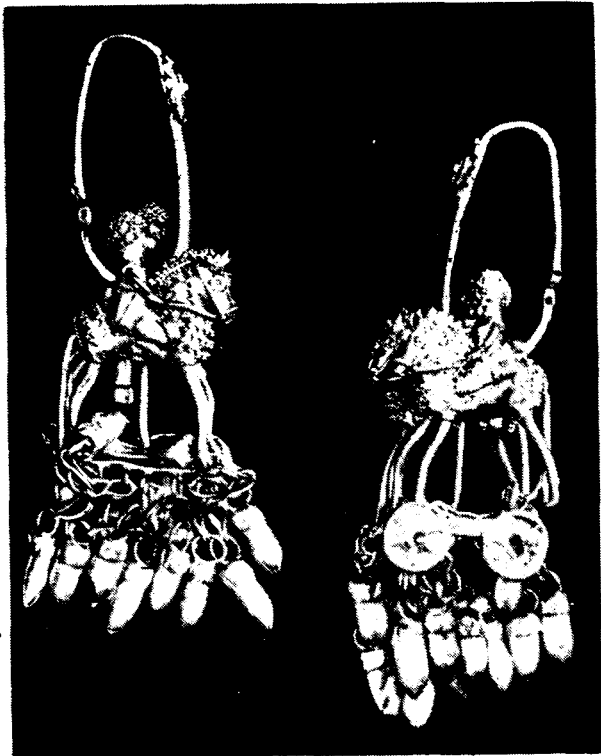

Рис. 4. Золотые подвески IV в. до н. э. Некрополь Вани.
Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа
АН СССР

та, или миф о пигмеях, воюющих с журавлями, не был известен собственно Кавказскому региону? На данной стадии изучения материала ответ неоднозначен.

Лингвистика и этнография находят в обычаях и языках народов Кавказа — абхазов, ингушей, чеченцев — ассоциации с античным мифом. С журавлем в них связано представление о смелости, отваге, даже агрессии (склонности к нападению), удачливости в военных операциях. От журавля в известной мере зависит также судьба малолетних детей. На Северном Кавказе до недавнего времени полагалось выносить младенцев навстречу прилетающим весной журавлям и прятать их от журавлиного клина, покидающего край на зиму²⁸.

Разумеется, все это уже не миф, но лишь отзвуки давних мифо-сакральных представлений, обнаруживающих типологическую близость к семантике античного мифо-эпического предания о борьбе пигмеев и журавлей как борьбе живых с выходцами из мира мертвых.

Но есть и сведения, переданные нам Мегасфеном в изложении Страбона, согласно которым собственно мифо-эпическое предание о пигмеях и журавлях было достоянием лишь одного племени пигмеев, именно трехпядевых. У племени пятипядевых пигмеев это предание как будто отсутствовало (Str. XV, 86, p. 711; Plin. NH VII, 26).

Так, может быть, в случаях ванской и горгиппийской находок мы имеем дело с обращением местных кавказских мастеров к преданию о пигмеях несколько иной племенной принадлежности, чем известные в других областях античного мира?

Во всяком случае, наложение античных представлений на местные можно думать, видеть в характере изображений на погребальном головном уборе из некрополя Вани (золото, штамповка, филигрань, чернь, местное производство).

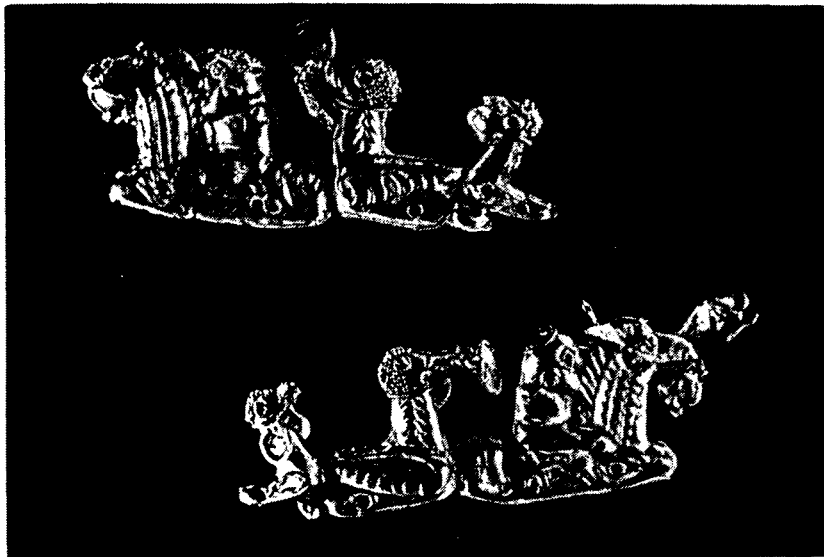

Рис. 5. Золотой погребальный убор. IV в. до н. э. Некрополь Вани. Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР

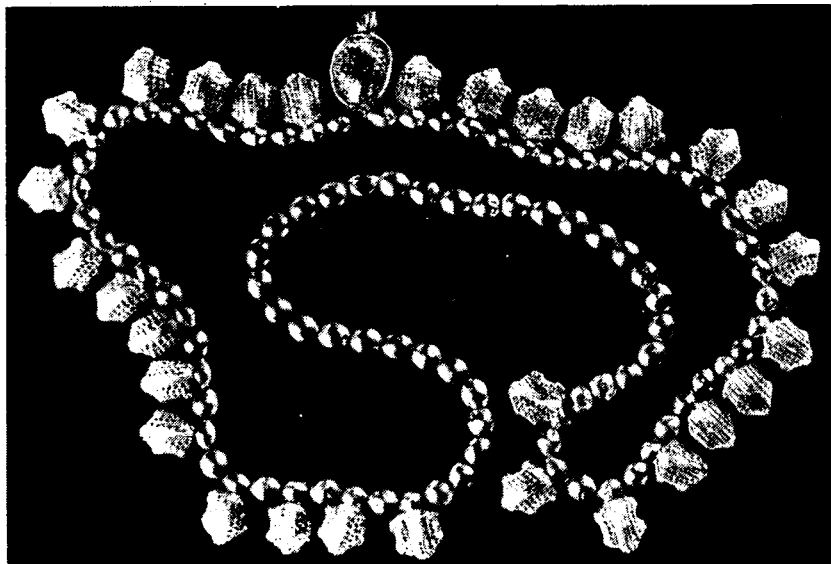

Рис. 6. Золотое ожерелье из черепашек. V в. до н. э. Некрополь Вани. Государственный музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР

IV в. до н. э.). Два почти идентичных изображения в развороте вправо и влево состоят из трех тесно примыкающих друг к другу фигур. Первая — маленький, плотный, несоразмерно большеголовый всадник на козле, традиционном средстве передвижения античных пигмеев. В волосах всадника — обруч дефана?). За козлом следует утка (символ потусторонности), за ней — конец (рис. 5).

Связанный с погребальным культом сюжет поддается двоякому осмыслению. Всадником может быть и привычно античный пигмей, лишенный на последней стадии бытования мифо-эпического предания своего антипода — журавля, и, что представляется не лишним оснований, абхазский пигмей, ацан, пастух козых стад (или бцента и исп, его осетинский и адыгский собрат)²⁹, или же, что скорее всего, два образа, местный и прибывший извне, слились воедино.

Но если это и так, то тем не менее общим для обоих сюжетов пигмеев с журавлями (трехпядевые «античные» пигмеи) и пигмеев с конями (пятипядевые (?) «кавказские» пигмеи) остается мифо-эпическое предание о женщине-богатырше (прародительнице народов пигмеев) Зылхе или Бценон в фольклоре Кавказа и Геране-Ойное в античных источниках³⁰.

Героиня пигмеев становится женой богатыря из чужого ей племени; в античных источниках богатырь носит многоговорящее имя Никодамант («победоносный укротитель»), рождает сына и, оскорбленная, уходит, чтобы умереть. Ее тотемом служит лягушка, в которую она по временам превращается (кавказский фольклор), а тотемом ее сына в античной интерпретации мифо-эпического предания — сухопутная черепаха.

Но именно черепаха (правда, водяная) и лягушка являются для Северо-Западного Кавказа античной эпохи особо чтимыми животными-оберегами. Золотое ожерелье из черепашек найдено в некрополе Вани (рис. 6), золотое ожерелье из лягушек — в Ахалгори (Грузия). И там и тут, по определению исследователей, — местное производство. В Вани — V, в Ахалгори V—IV вв. до н. э.³¹

Создается впечатление, что тематика этих украшений не случайна и имеет по крайней мере две точки опоры: реальность повседневности (черепахи и лягушки — фауна Кавказа) и сакральность потусторонности (тотемы-обереги племени пигмеев).

И как следствие, хотелось бы сделать обнадеживающий вывод: длинноголовые, песьеглавцы и пигмеи античной традиции, а также ацаны, бценты, испы абхазского, осетинского, адыгского фольклора не столь фантастичны и сказочны, как подчас принято думать. Исторические племена погибали или были ассимилированы, но их мифо-эпическое предание и мифо-эпическое предание о них сохранились в историко-культурной памяти населения данных регионов. Мысль об исторической реальности мифо-эпического предания об ацанах, этих кавказских пигмеях, высказывал уже Н. Я. Марр³².

Примечания.

¹ Свод античных текстов и их интерпретацию см.: *Шталь И. В.* Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983. С. 47—72 (здесь же литература вопроса).

² Антифонт — философ-софист V в. до н. э.; Палефат — историк и мифограф IV—III вв. до н. э.

³ *Fragmenta historicorum graecorum (FHG)*. Coll. Carolus Müllerus. P., 1848. V. II. P. 339. Е. Толкование и конъектура текста приняты последующими издателями. См.: *Die Fragmente der Griechischen Historiker von Felix Jacoby*. I Teil. B., 1926. № 44. *Palaephatos*. S. 524.

⁴ Диофант, возможно, полководец Митридата Евпатора (II в. до н. э.), т. е. лицо, хорошо осведомленное в географии и этнографии Понта и Боспора.

⁵ Симмий, пять стихотворных строк которого приводит Стефан Византийский, — греческий поэт и филолог IV—III вв. до н. э., эпик, лирик, эпиграммист.

⁶ *Куклина И. В.* Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 162—174.

⁷ Цитируется по греческому тексту в кн.: *Армянская география VII века по Р. Х.* (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 27.

⁸ *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Императорского Русского географического общества (далее РГО). Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883. С. 332.

⁹ *Никифоров Н. Я.* Анонский сборник // *Записки Западно-Сибирского отдела РГО*. Т. 37. Омск, 1915. С. 245—246.

¹⁰ *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165—166.

¹¹ Тот Т. А., Фириштейн Б. В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов // Авары и сарматы. Л., 1970. С. 95; Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 195 сл.

¹² Амيرانашвили Ш. Д. История грузинского искусства. М., 1963. С. 18—19; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 28, 363; Марковин В. И. Культовая пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 75, 79 (здесь же литература по вопросу).

¹³ Краткое описание и фотографическое воспроизведение части археологических находок см.: Воздев Д. Сокровища сарматов // Советский Союз. 1987. № 9 (451). С. 24—25.

¹⁴ Для сюжета «борьба пигмеев с журавлями» это наблюдение обосновывается в статье: Шталь И. В. Миф о пигмеях в Северном Причерноморье // Кlio. 1986. (68). № 2. С. 351—366.

¹⁵ Шталь И. В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода. Мифо-эпический мотив борьбы пигмеев с журавлями (локализация и семантика мифа) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Матер. III Всесоюз. симп. по древней истории Причерноморья. (Цхалтубо — 1982). Тбилиси, 1985. С. 213—220.

¹⁶ Состояла из двух боковых сторон размером $8,7 \times 2,5$ см и двух торцовых размером $4,2 \times 2,5$ см, крышки размером $8,1 \times 3,7$ см и донца размером $8 \times 3,7$ см. Одна торцовая сторона утрачена, внутри — пазы по боковым граням для захода донца и крышки. Толщина стенок 0,5 см, крышки — 0,25—0,1 см, донца — 0,1 см. Крышка выступает над туловом пиксиды в ширину на 0,7 см, в длину — на 0,2—0,3 см.

¹⁷ Pompeji Leben und Kunst in den Vesuvständten. Gestaltung des Kataloges Bongier S. A. Essen, 1973. 283. S. Kraus Theodor, Matt Leonard. Pompei e Erculano. Milano, 1973, № 213. P. 166; № 306. P. 210.

¹⁸ Courby F. Les vases grecques à reliefs. P., 1922. P. 530.

¹⁹ Шталь И. В. Сюжетное изображение борьбы пигмеев и журавлей на пеликах Северного Причерноморья (IV в. до н. э., историко-культурный и этнографический аспект) // Thracia Pontica III (Soforopol, 6—12 octobree 1985). София, 1987. С. 333—352, 516—519.

²⁰ Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия II. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, 1982. С. 5—6, 103—106.

²¹ Там же. С. 106.

²² Вопрос этот ставился уже в исследовании (Couve L. Notes céramographiques, V // Bulletin de correspondance hellénique, T. XXII. P., 1898. P. 289—292) и рассматривался в статьях: Шталь И. В. Мотивы вазовой живописи в искусстве Северного Причерноморья эллинистического периода... С. 213—220; ee же. Миф о пигмеях в Северном Причерноморье. С. 351—356.

²³ Алексеева Е. М. Указ. раб. С. 103.

²⁴ Городище Вани / Сост. Лордкипанидзе О. Д., Кипиани Г. Г. Тбилиси, 1979; Ювелирные изделия. Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР / Сост. Джавахишвили А. И. Л., 1978.

²⁵ Крупнов Е. И. О времени формирования основного ядра нартического эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах — эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 15—29; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. С. 59 и др.; Лурье С. Я. Крито-микенские адлисы и Гомер (культ коня у Гомера) // Вестн. древней истории. 1956. № 4. С. 3—12.

²⁶ Кунин В. Э., Кунина Н. З. Курганные погребения Пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи. (Охранные раскопки 1954 г.) // Археология и Боспор II. Сб. статей Госу-дарственного краеведческого историко-археологического музей им. А. С. Пушкина. Симферополь, 1962. С. 289.

²⁷ Нарты. Абазинский народный эпос / Сбор, составление, перевод и комментарии Влад. Мережулова. Черкесск, 1975. С. 282.

²⁸ Лингвистические данные по Абхазии собраны в книге: Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. Сухуми, 1977. С. 170. Сведения этнографического характера любезно сообщены нам на научном симпозиуме по фольклору в г. Грозном (сентябрь 1985 г.) старшим научным сотрудником Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии Саид-Магомедом Хареваем.

²⁹ Альбов Н. М. Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году // Зап. Кавказ. отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVI. Тифлис, 1894. С. 144; Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 году // Материалы по этнографии России. Т. I. СПб., 1910. С. 63; Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 157—158.

³⁰ Предание кавказского фольклора включено в текст осетинского, адыгского, абазинского, абхазского вариантов нартического эпоса и сведено в указанной книге Ш. Д. Инал-ипа. (С. 1—23, 86, 63—197). Античный материал содержат источники: Athen. Deipnosoph. IX, 393 e. f.; Claud. Ael. de nat. animal. XV, 29; Ovid. Metam. VI, 90—92; Antonin. Lib. Metam. XVI; Eustath. Comment. II. XXIII, 660. P. 1322.

³¹ Ювелирные изделия. Гос. музей Грузии им. С. Джанашиа АН ГССР / Сост. Джавахишвили А. И. Л., 1978.

³² Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938. С. 72.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ БИРМАНЦЕВ

Хорошо известно, что в традиционном обществе ритуал оказывает огромное влияние на сознание человека. Поведение индивида в таком обществе складывается как результат следования определенной неписаной норме. Значение этой нормы состоит в том, что она стремится свести все бесконечное разнообразие жизненных ситуаций к строго определенному, инвариантному набору. Каждый участник такой ситуации, вне зависимости от своих личных качеств, следует заданному в соответствии со своим статусом стереотипу поведения. Сама установка на такое поведение также является стереотипом. Эта установка реализуется не на логическом, рациональном уровне, а на уровне подсознательного: она с самого раннего детства интроецируется в область подсознания каждого индивида. Очевидно, что представить традиционного общества не в состоянии объяснить (с точки зрения современного человека), почему в той или иной ситуации принято вести себя так или иначе¹.

Стереотипное поведение восходит к старинному обряду, связанному с архаическим культом. Поэтому ключ к объяснению стереотипного поведения можно найти в результате сопоставления ритуалов, праздников, поверий, рудиментарно сохранившихся мифов и обрядов.

В этой статье делается попытка дать ответ на вопрос, почему в Бирме почитают старших по возрасту.

Для бирманского общества, как, впрочем, и для любого традиционного общества, характерно особое отношение к старшим. Социальный статус «старшего» является чрезвычайно престижным. Старшие пользуются особыми привилегиями, они окружены почетом и вниманием со стороны младших, вправе требовать от последних подчеркнутого уважения и послушания, их мнение — решающее на соответствующем уровне. До сих пор старшим отводят самую престижную комнату в доме — ту, где находятся изображения Будды. Младшие не имеют права садиться за стол прежде, чем это сделают старшие, не имеют права указывать старшим на их ошибки.

В настоящее время критерии статуса «старшего» несколько размыты: под старшим может пониматься и тот, кто занимает более высокую ступеньку в социальной иерархии, и тот, кто богаче, и тот, кто обладает магической силой «поун»² и т. д. В старину же возрастная стратификация была главной осью бирманского традиционного этикета, почет и уважение находились в прямой зависимости от возраста человека. Все остальные факторы имели второстепенное значение. Так, в средневековой Бирме даже с высокопоставленными чиновниками старики могли разговаривать «сверху вниз», если первые были гораздо младше. Исключение составляли лишь король и члены королевской семьи. Да и те считались достойными осуждения, если относились к старикам без должного уважения.

Во многих дальневосточных обществах (Китай, Вьетнам, Япония) почитание старших вылилось в особый культ, ставший характерной чертой общественных отношений, освященный государством и господствующими религиозно-философскими доктринами. Так, в Китае почитание предков было в числе главных официальных ритуалов; одним из основных принципов конфуцианства была сыновняя почтительность — «сяо». Согласно этому принципу, дети должны быть беззаветно преданными своим родителям, стремиться выполнять любые их пожелания. Отступление от этого принципа считалось в высшей степени безнравственным. «Недостойн имени сына тот, кто любит другого человека более, нежели своего отца»³.

В таких же странах, как Бирма, Лаос, Таиланд, почитание старших не получило такого широкого развития и столь явного проявления, не было такой

официальной апологетики «сыновней почитательности», как в Китае. Тем не менее почитание старших играет очень важную роль в жизни бирманцев — это один из главных стереотипов мышления и поведения, характерных для традиционной бирманской культуры. То, что почитание старших не сохранило развитого внешнего проявления, объясняется конкретными историческими причинами, которые будут рассмотрены ниже.

Так, на стыке X и XI вв. короли первого общебирманского государства — Пагана старались всемерно укрепить свою политическую власть и мощь молодой империи. Делались многочисленные попытки создать единую идеологию, которая выражала бы интересы королевской власти и способствовала бы консолидации страны, возникшей в относительно короткий промежуток времени. Основой такой идеологии должна была стать единая официальная религия. В то время в Бирме религиозная ситуация отличалась большой пестротой. Общей национальной религии не было, сосуществовали различные местные культы, тяготевшие к тому или иному центру, что способствовало росту сепаратистских настроений; служители этих культов зачастую были оппозиционно настроены по отношению к королевскому двору. В начале XI в. полулегендарный бирманский король Аноратха решил унифицировать все существующие культы. Народные культы беспощадно подавлялись, их адептов преследовали и казнили, поэтому становится понятно, почему многие из старинных бирманских культов, в том числе и культ предков, до наших дней не дожили и в лучшем случае проявляются лишь рудиментарно.

Но еще более серьезным ударом по бирманским верованиям было принятие в XI в. — при том же короле Аноратхе — буддизма тхеравадийского толка. Официальный культ 37 натов⁴ в Бирме не прижился, поэтому от него пришлось отказаться. Буддизм тхеравады оказался несравненно более жизнеспособным мировоззрением. Буддистские философские воззрения с их концепцией власти «мудрого правителя», как нельзя лучше отвечавшие идеологическим требованиям элиты, пришлись по душе и всем слоям населения. Буддизм проник во все области бирманской духовной культуры. Под влиянием буддийских представлений о дхарме (всеобщем законе), о карме (воздаянии за все поступки, о моральном долге каждого человека и т. д.) претерпела значительную трансформацию система традиционных ценностей. Бирманская мифология, обрядовость, праздники, этикет — все было переосмыслено на буддийский лад, облечено в буддийские одежды. К настоящему времени старинные, архаические ритуалы и воззрения слились с буддийскими в единое целое. Бирманский буддизм — это синкретическая религия, где добуддийские и буддийские элементы неотделимы друг от друга. Представления самих бирманцев о буддизме очень смутные и отличаются от «чисто буддийских». Многие западные исследователи⁵ отмечали поразительное невежество не только мирян, но и членов сангхи в области тхеравадийского канона. Весьма показательно, что бирманцы, считающие себя истинными поборниками буддийской веры, принимают самое деятельное участие в праздниках и ритуалах, необъяснимых с точки зрения буддизма. Это же касается многих сторон стереотипов поведения бирманцев, в том числе и традиционного этикета. Так, в частности, буддийское толкование получил один из древних обрядов, связанный с почитанием старших, а именно церемониальное мытье головы старым людям во время новогоднего праздника. Проведение этого обряда вменяется в обязанность молодым девушкам. Они сами изготавливают душистую воду, подходят к домам, где живут пожилые люди, произносят благопожелания, просят разрешения вымыть старикам голову и затем совершают церемонию перед входом в жилище. При этом старики воспринимали такое внимание как должное, ибо облагодетельствованными считались не они, а те девушки, которым они разрешили участвовать в церемонии: с точки зрения буддийского этикета свою карму улучшили именно девушки, поэтому они и должны быть благодарны старикам. Или другой пример. Так, если спросить любого бирманца, почему следует чтить родителей и вообще старших, он,

не задумываясь, ответит, что родители — это одна из пяти буддийских драгоценностей⁶. Конечно, невозможно не согласиться с тем, что почитание родителей — одна из главных буддийских добродетелей. Однако нельзя сводить это почитание только в буддийской набожности. Подобное отношение к родителям (и к предкам вообще) уходит корнями в архаические добуддийские стереотипы мышления и поведения. В связи с этим представляется очень интересным, как одна бирманская пословица толкует буддийское понятие кармы: «Карма — это то же, что отец и мать». Понятие кармы, заимствованное из Индии, первоначально было чуждо бирманцам; и чтобы объяснить значение и смысл этого понятия, его ставят на одну ступень с чисто бирманскими ценностями. Другая пословица говорит о том, что человек, почитающий своих родителей, т. е. предков, пользуется их волшебной помощью: «Если внимать советам родителей, то даже камни и железо можно расплавить, бросив их в кипяток». Известно, что в фольклорной традиции всех народов магическая помощь оказывается не столько живыми, сколько умершими или умирающими родителями⁷. Так, в одной бирманской сказке рассказывается, что жили некогда муж и жена, у которых не было родителей. Жена очень горевала, что у них нет мамы, поэтому она сплела из соломы куклу и назвала ее матушкой. Относила она к своей «матушке», как и подобает, очень почитательно: несмотря на насмешки мужа кормила, поила, ухаживала за ней. И «матушка» отблагодарила ее за это — рассказала, где найти сокровища. После этого и муж стал с благоговением относиться к соломенной кукле.

Возможно, бирманцы действительно держали когда-то в домах изображения предков или их статуэтки, в результате чего впоследствии возник обычай хранить дома изображения Будды, которым бирманцы молятся до настоящего времени и зажигают в их честь лампадки. В некоторых деревенских домах до сих пор на столбе внутренней комнаты подвешивают кокосовый орех, умощенный благоговениями. На него надевают маленький «гаун-баун» красного цвета — традиционный бирманский мужской головной убор. Вероятно, кокосовый орех в мужском головном уборе — это имитация головы предка, рудимент обычая сохранения в доме черепа или мумифицированной головы предка. Подобные обычаи зафиксированы, например, у папуасов Новой Гвинеи, новозеландских маори и других народов Океании⁸. У тайцев, культура которых типологически близка к бирманской, есть сказки, непосредственно фиксирующие такой обычай⁹. Что касается бирманского фольклора, то на прямую связь черепа с кокосовым орехом указывает следующая сказка. Некогда правителю одного бирманского города доложили, что море прибило к берегу плот, на котором находились ведьма, вор и обманщик. Ведьму и вора король пожалел и подарил им по дому и по тысяче серебряных монет, решив, что это вернет их к честной жизни. Обманщика же ничто не может исправить, поэтому король приказал сразу же отрубить ему голову, что и было исполнено. Но голова обманщика на этом не успокоилась. Одному придворному офицеру голова велела передать королю, чтобы тот пришел и поклонился ей, иначе его ожидает смерть. Когда офицер передал королю требование головы, то король ему не поверил и послал к голове другого придворного, чтобы тот подтвердил слова офицера. Но в этот раз голова осталась безмолвной, и офицера казнили. Голова же стала насмехаться над королем и над придворными. Король понял, что казнил невинного, и, чтобы голова больше не могла строить ему козни, он приказал бросить ее в глубокую яму и засыпать землей. Вскоре на том месте, где была похоронена голова, выросло странное дерево, плоды которого напоминали человеческую голову. Эти плоды стали называть кокосовыми орехами.

Согласно бирманской традиции, кокосовый орех в красном головном уборе — это подношение нату «Эйнтвин Маха-Гири», т. е. «господину Маха-Гири, живущему в доме». Маха-Гири, вошедший впоследствии в число 37 натов, о которых говорилось выше, является синкретическим божеством, сочетающим черты многих древних культов. Его полное имя — «Мин Маха-Гири», «Мин» —

по-бирмански «господин», «король»; «Маха-Гири» в переводе с языка пали означает «Великая Гора». Таким образом, «Мин Маха-Гири» — это «Господин Великой Горы». Великая гора — это эпитет горы Поупа, недавно потухшего вулкана, находящегося в самом центре долины Мьин-джан в Верхней Бирме. Гора Поупа — это бирманский Олимп, она считается местом обитания сверхъестественных существ. Нередко бирманцы отождествляют ее с горой Меру — центром мироздания в индуистской и буддийской мифологии. Маха-Гири стоит во главе всех натов, живущих на этой горе.

Культ Маха-Гири некоторое время насаждался бирманскими королями, в то время как другие культы искоренялись. Поэтому народ, опасаясь преследований, поклонялся различным натам под видом того, что поклоняется Маха-Гири, в результате чего культ «Господина Великой Горы» стал синкретическим, слившись с культурами разных «опальных» натов¹⁰. По-видимому, каждый культ имел свое мифологическое обоснование, однако слияние культов привело к тому, что один мифологический мотив наложился на другой, к ним впоследствии «приросли» более поздние легенды и не сохранилось прямых объяснений того, почему кокосовый орех в «гаун-бауне» — атрибут «Господина Великой Горы». Тем не менее анализ мифов, преданий и праздников, посвященных Маха-Гири, позволяет найти эту связь. О том, как Мин Маха-Гири стал Великим натом, рассказывает следующая легенда. Жил некогда в легендарном королевстве Тагауна великий кузнец, очень красивый и очень сильный. Когда он бил по наковальне своим огромным молотом, то содрогалось все королевство. У кузнеца была сестра, девушка необыкновенной красоты. За это ее прозвали «золотое лицо». Король Тагауна очень боялся могучего кузнеца и решил его погубить. Справиться с ним силой он не мог и тогда решил прибегнуть к хитрости. Король женился на сестре кузнеца и сделал ее главной королевой. После этого он пригласил во дворец и самого кузнеца, объявив, что хочет назначить его губернатором столицы. Но когда доверчивый кузнец явился во дворец, его схватили, привязали к дереву чампе и разложили вокруг него огромный костер. Так кузнец погиб. Вместе с ним погибла и его сестра, бросившаяся в огонь вслед за братом. Сгоревшие брат и сестра стали натами. Они поселились в дереве чампа и убивали всех, кто подходил к дереву. Король, убоявшись натов, приказал срубить дерево и пустить его вниз по Иравади. Дерево это приплыло в соседнее королевство, правитель которого решил учредить культ этих натов. Он приказал вырезать из дерева чампы их статуэтки и покрыть золотом. На вершине горы Поупа в их честь была сооружена золотая рака, и торжественная процессия двинулась к этой горе. Туда были перенесены и установлены статуэтки натов. Этих натов с тех пор стали называть «Господами Великой Горы» — брату дали палийское имя Мин Маха-Гири, сестре — бирманское Таунджишин; оба имени означают одно и то же. В память об этих событиях был учрежден праздник Огня¹¹.

Эта легенда поздняя — она была записана в «Хрониках стеклянного дворца»¹² и отражает официальную версию «административного» учреждения культа Маха-Гири. Заметим, что эта легенда имеет много общего со сказкой о происхождении кокосового ореха. Обратим внимание на следующие общие элементы: наты Маха-Гири приплыли в соседнее королевство в срубленном дереве; ведьма, вор и обманщик — на плоту. Ведьма и вор получили в дар от короля по тысяче монет и по дому; брат и сестра Маха-Гири также получили «дом» — золотую раку и свои золотые изображения. Наты Маха-Гири были обожествлены; отрубленная голова обманщика требует, чтобы король, под страхом кары, поклонялся ей. По-видимому, и сказка, и легенда из «Хроник» — это различные варианты одного и того же старинного мотива о возникновении культа натов Маха-Гири. Действительно, «ведьма» и «вор» — те же брат и сестра Маха-Гири, ибо налицо явный намек на связь с миром духов и на конфликт с королевской властью. Кроме того, «плот» — это еще одно указание на «потусторонность» приплывших на нем, ведь плот — одно из средств «переправы на

тот свет» и одновременно один из видов казни¹⁴. Недаром и голова «обманщика» требует от короля поклонения: неуважительное отношение к ней приводит к смерти. Голова эта успокаивается лишь тогда, когда ее «бросают в яму и засыпают землей», т. е. хоронят с соответствующими церемониями. А «удивительное дерево с плодами в виде человеческой головы» не напоминает ли столб с подвешенным на него кокосовым орехом в «гаун-бауне»? Правда, остаются не совсем ясными функции «обманщика»¹⁴, о них умалчивает и сказка, и легенда. Однако это не столь важно; уже сам факт того, что «обманщик» был в одной компании с натами Маха-Гири указывает на их связь с головой — кокосовым орехом и с культом предков.

Теперь обратим внимание на то, что Маха-Гири — это двойной нат, брат и сестра. Этот факт имеет очень большое значение. Поздняя легенда сохранила древний «близнецный» мотив. Роль близнецов в различных мифологических системах хорошо известна: близнецы связаны с окончанием полевых работ и урожаем, с огнем и домашним очагом, со змеем и с культом предков¹⁵. У бирманцев, как и у многих народов мира, есть сюжет о происхождении всех людей от близнецов — брата и сестры. Он очень похож на китайский миф о Нюйве и Фуси¹⁶. Этот сюжет лежит в основе следующей сказки. Жили некогда в одной деревне двое бедных сирот — брат и сестра. Однажды в деревню, где они жили, пришел нищий старик и стал просить подаяния. Однако жители деревни не только не проявили никакого почтения по отношению к старику, но издевались над ним и даже избили, совершив, таким образом, страшное преступление. И лишь брат и сестра отнеслись к старику с должным уважением — они накормили его и приютили у себя в хижине. Старик же этот был самим Тиджамин — королем натов. Он специально принял облик убогого старца, чтобы проверить, как люди чтут закон, но везде встречал лишь бессердечие, жестокость и непочтительность. Поэтому Тиджамин решил уничтожить всех злых людей, наслав на землю наводнение. Спаслись же должны были только эти двое детей. Тиджамин вырвал у себя зуб и велел детям посадить его в землю. Через некоторое время из зуба выросла гигантская тыква. А вскоре началось страшное наводнение, вода поднялась до небес, и все люди погибли. Спаслись лишь дети, укрывшиеся в тыкве. Когда вода спала, дети выбрались из тыквы и обнаружили, что кроме них людей на свете больше не осталось. Через несколько лет, когда дети подросли, то к ним опять явился Тиджамин и посоветовал им жить как муж и жена. Близнецы последовали его совету, и в положенный срок сестра родила — но не ребенка, а тыкву¹⁷. Брат разрезал тыкву ножом, и из тыквы вышло много людей, которые впоследствии заселили всю землю. Таким образом, эта сказка-миф указывает на то, что предками, прародителями людей являются брат и сестра. Это служит еще одним подтверждением связи натов Маха-Гири с культом предков.

Интересно, что в сказке функции всемогущего духа-предка имеет и Тиджамин — король натов, надаром он является именно в образе старика. Эта сказка имеет еще и чисто этикетную сторону — она утверждает принцип почитания старших.

Кульм натов Маха-Гири — это синкретический культ, объединивший элементы не только культа предков, но и некоторых других, в том числе культа огня и домашнего очага. Подобная связь характерна для мифов очень многих народов мира¹⁸. То, что в древности бирманцы поклонялись огню, не вызывает сомнений. Огню был посвящен специальный праздник — Тэзаундайн, или, как его иначе называют, праздник Света (Огня). Этот праздник существовал с глубокой древности. Первоначально его отмечали в месяц Тэзаунмон. Одним из элементов этого праздника была иллюминация: все дома, улицы, дворцы, культовые постройки были освещены специальными масляными лампадками или восковыми свечами. Праздник Света знаменовал конец муссонного сезона. К этому времени небо очищалось от туч и ночью на нем ярко сияло созвездие Каттика — Плеяды, связанные в бирманской мифологии с небесным огнем. Согласно бирманской астрологии, праздник Огня проходит под знаком мифической планеты

Кате, также связанной с огнем и, по-видимому, с драконом. Дракон (пинсаю-ба — «зверь пяти совершенств») — ездовое животное этой планеты.

Впоследствии, когда бирманские короли вводили культ Маха-Гири, праздник Тэзаундайн был посвящен этим натам, культ которых вобрал и черты культа Огня: так, сам Маха-Гири — кузнец, живущий на вулкане; оба ната — брат и сестра — сгорают в огне. Отсюда один шаг до «Маха-Гири, живущего в доме» — красный гаун-баун на кокосовом орехе — «голове предка» прямо говорит о том, что в культе Маха-Гири объединились и почитание предков, и почитание огня, и почитание домашнего очага. Связь этих культов находит свое отражение и в церемониях праздника Огня. Следует сказать несколько слов об истории этого праздника. Как пишет Маун Тхин Аун, праздник Огня — это древнейший языческий праздник, который отмечали в полнолуние восьмого месяца — тэзаунмона. Когда был введен официальный культ натов Маха-Гири, праздник Огня королевским указом перенесен на девятый месяц — натто. Впоследствии, когда культ Маха-Гири был объявлен вне закона, огни стали зажигать в честь Будды. Само же празднование перенесли на седьмой месяц — тадинджут. С того времени повсеместно получила распространение легенда, согласно которой в полнолуние месяца тадинджут Будда вознесся на небеса Тавадейнты, где находилась его мать, чтобы прочитать ей проповедь. На обратном пути духи в небесах и люди на земле освещали дорогу Учителя огнями и в память об этом зажигают огни в эту ночь и по сей день.

В результате переноса праздника Огня с одного месяца на другой он стал отмечаться и в полнолуние месяца тадинджут, и в полнолуние месяца тэзаунмон. Однако праздник Тадинджут, или Тавадейнта, как его еще называют, считается чисто буддийским. Одной из главнейших церемоний этого праздника была процессия, имитировавшая восхождение Будды на небеса Тавадейнта. Небеса Тавадейнта изображал специально построенный для этой цели павильон — манда. На полпути от места начала процессии до «Небес Тавадейнта» строили еще один павильон, изображавший гору Угандо, на вершине которой Будда последний раз коснулся земли, поднимаясь на небо¹⁹. Согласно описанию Дж. Скотта, процессия начиналась часов в восемь вечера. На специальный вагончик, который можно было катить по трамвайным рельсам, ставили статую Будды и медленно тащили к павильонам. Будду окружала большая группа актеров в костюмах легендарных королей, натов, небожителей всех степеней совершенства, в масках мифических животных — змея-нага, птицы Гаруды, утки Хинты, дракона и т. д. Когда статую подкатывали к «Небесам Тавадейнта», вокруг этого павильона собиралась огромная толпа. Актеры-миряне (монахи в процессии не участвовали) исполняли различные буддийские гимны, декламировали священные тексты и молитвы. Изображение Будды на сутки оставляли в павильоне, а следующим вечером с такими же почестями везли обратно в монастырь²⁰.

Эта церемония, хотя и посвящена ныне Будде, поразительно напоминает легендарную процессию, описанную в «Хрониках», когда на гору Поупа поднимали изображения натов Маха-Гири. В свою очередь, процессия в честь натов Великой Горы, по-видимому, тоже является переосмыслением еще более раннего архаического ритуала²¹. Интересным представляется и тот факт, что Будду окружают те же мифические животные, в масках которых танцуют и во время праздника Тэзаундайн.

Следует обратить внимание также и на то, что Будда вознесся на небеса не только для того, чтобы наставить свою мать на путь дхармы, а прежде всего чтобы выразить ей свою сыновнюю почтительность. Об этом прямо говорится в тексте проповеди, которая читается якобы от лица самого Будды во время церемонии Тавадейнта: «Я, великий Шрамана, могущественнейший во Вселенной, учитель закона, указывающий путь к спасению и выходу из цепи перерождений... даже Я не могу не отдать свой долг той груди, которая вскормила Меня. Ю, что Я могу сделать, чтобы выразить сыновнюю любовь и благодарность своей матери?»²².

Согласно буддийским интерпретациям старинных ритуалов поклонения предкам, в память о том, как Будда Гаутама почтил свою мать, в один из дней праздника Тадинджут проводится церемония «кадо». Слово «кадо» переводится на русский язык как «прошу прощения». Так обращаются младшие к старшим. Суть церемонии «кадо» сводится к выражению почтения родителям и старшим родственникам. Происходит это следующим образом: младшие члены семьи приходят к старшим с подарками — цветами, связками бананов, восковыми свечами, затем склоняются перед ними в глубоком поклоне, так чтобы руки и локти касались пола. Эта поза также называется «кадо», в этой позе просят прощения за все горести и обиды, которые младшие причинили старшим в этой жизни и предыдущих перерождениях. Старшие в свою очередь также просят прощения у младших и желают им долгой жизни и счастья²³. Эта церемония стала неотъемлемой частью бирманского этикета. Подобные церемонии проводятся не только в кругу семьи, но и по месту работы. Известно, что в былые времена церемония почитания старших устраивалась не только во время Тадинджута, но и в период других праздников²⁴.

В настоящее же время в Бирме, особенно в столице, наблюдается некоторый отход от традиционных бирманских ценностей. Это касается и почитания старших. Следует отметить, что уважение к старшим всегда было лишь идеалом поведения, грубые нарушения этой нормы имели место и раньше; но тем не менее нарушения эти и воспринимались как криминал. Сейчас начинает разрушаться сама норма. Это объясняется тем, что возникает все больше и больше новых, невозможных ранее этикетных ситуаций, в которых и отношения между участниками не являются традиционными. Впрочем, подобный отход от старинных стереотипов наблюдается лишь как тенденция, характерная для наиболее развитых районов Бирмы. В сельской местности традиционные устои остаются незыблемыми и по сей день.

Примечания

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 33—35.

² Под «поун» бирманцы понимают индивидуальную магическую силу, обладатель которой пользуется исключительным авторитетом и влиянием среди людей. Представления о такой магической силе были весьма распространены у многих народов мира (например, понятие «мана» у меланезийцев и полинезийцев).

³ Цит. по: Сидихменов В. Я. Китай, страницы прошлого. М., 1987. С. 384. Подробнее см.: Георгиевский С. Принципы жизни Китая. СПб., 1888; Коростовец И. Китайцы и их цивилизация. СПб., 1898.

⁴ Культ 37 натов — официальный культ 37 духов, отобранных идеологами Аноратхи из числа местных духов или духов-покровителей архаических культов. Насаждался в начале XI в.

⁵ Nashi M. The Golden Road to Modernity. N. Y.; L., 1965. P. 105.

⁶ К пяти буддийским драгоценностям относятся Будда, сангха, дхарма, учителя и родители.

⁷ Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 149.

⁸ Подробнее см. Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 478—479; Phillips W. J. Maori Life and Custom. Wellington, 1964.

⁹ Иванов Е. В. Тайские народы Таиланда. М., 1970. С. 149.

¹⁰ Maung Htin Aung. Folk Elements in Burmese Buddhism. L., 1963. P. 79.

¹¹ Ibid. P. 65.

¹² «Хроники стеклянного дворца» были составлены в середине XIX в. по указанию королей династии Конбаун. «Хроники» — это своеобразная летопись, отражающая как реальные, так и легендарные события из истории Бирмы.

¹³ Пронн В. Я. Указ. раб. С. 212.

¹⁴ Для бирманской традиции характерно особое отношение к обманщикам. Обманщик — это трикстер, а у всех народов существа, подходившие под категорию трикстера, связаны с духами — они являются посредниками между миром людей и миром духов. Подробнее см. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 201—202.

¹⁵ Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

¹⁶ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987. С. 357.

¹⁷ Об анализе этногенетических мифов о тывке см. Чеснов Я. В. Историческая этнография народов Индокитая. М., 1976. С. 247—262.

¹⁸ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 329.

¹⁹ Scott J. G. The Burman, His Life and Notions. N. Y., 1963. P. 329.

²⁰ Ibidem.

²¹ Исследования этого мотива не входят в задачу статьи, однако необходимо отметить, что, по-видимому, у бирманцев в древности были представления об «умирающем и воскресающем божестве», а именно драконе. Так, существуют рудименты архаических земледельческих представлений о том, что дракон весной на Новый год опускается на землю, а осенью, в период Тэзаундайна, поднимается обратно на небо и принимает вид планеты Кате. Рудименты этих представлений сохранились и по сей день — считается, что в Новый год на землю опускается король натов Тиджамин, а осенью Маха-Гири восходит на Великую Гору в праздник Тэзаундайн.

²² Scott J. G. Op. cit. P. 329.

²³ *Khin Myo Chit. Colourful Burma.* Rangoon, 1976. P. 33.

²⁴ Запорова Е. А. В стране, где течет Иравади. М., 1980. С. 35.

А. Р. Садокова

ЖАНРЫ ЯПОНСКОЙ НАРОДНОЙ КАЛЕНДАРНО-ОБРЯДОВОЙ ПОЭЗИИ

Важнейшей частью традиционной культуры японцев были и остаются произведения календарно-обрядового фольклора. В стране, где до сих пор бытует более 3 тыс. народных календарных праздников, (общегосударственных и локальных), их роль по-прежнему очень велика. Они вобрали в себя основные черты японской культуры: тонкое понимание природы, чуткое и порою восторженное восприятие окружающего мира.

Календарно-обрядовая поэзия Японии неразрывно связана с хозяйственной деятельностью крестьянства, с древними земледельческими культами, магическими обрядами. Неразрывно связанные с синтоизмом, земледельческие обряды японцев были также проникнуты идеей существования множества богов-ками, которые, согласно синто, живут во всех предметах и явлениях мира. Именно поэтому в каждом земледельческом обряде японцев принимали «обязательное участие» соответствующие синтоистские божества. Земледельческие обычаи и обряды были проникнуты верой в богатый урожай, благополучие и достаток всей крестьянской общины. Нередко они сопровождались народными гуляниями, хороводами, брачными игрищами и многочисленными песнями, приуроченными к конкретной календарной дате или сезону.

История изучения народной песни, в том числе и календарно-обрядовой, имеет в Японии давние традиции. Японскими учеными собран и опубликован колоссальный полевой материал, как правило, снабженный комментариями. Издание первых сборников народных песен относится к середине эпохи Эдо (1603—1868). Среди них особо значимы сборник «Песни птиц и сверчков в горной хижине»¹ и сборник Наосуми Сугаэ «Деревенская мелодия»². В конце XIX в. появилась работа Вада Кэндзю «Разные жанры японских песен»³. Начало нашего столетия было ознаменовано выпуском сборников, которым на протяжении десятилетий суждено было стать наиболее полными собраниями песенной лирики. Это сборники Маэда Рингай⁴, Хасимото Сигэру⁵, а также сборник издательства Министерства просвещения⁶.

В середине 30-х годов в Японии возрос интерес к теоретическому исследованию фольклора, изучению жанрового многообразия песенного наследия. В то время предпринимались первые попытки классификации народных песен. Наиболее значительные работы принадлежали Тода Токутаро⁷. Он одним из первых выделил календарно-обрядовые песни в японском фольклоре. Исследователь отнес их к жанру «синдзи ута», в который были включены все песни, сопровождавшие синтоистский ритуал.

Первая половина XX в. связана в японской фольклористике с именем выдающегося исследователя традиционной культуры Янагида Кунио (1875—1962). Его фундаментальный труд о народной песне⁸ стал основополагающим для последующих поколений ученых. В этом сочинении, а также позднее,

в работе «Записки о народной песне»⁹, Янагида Кунио уделит большое внимание проблеме классификации японских народных песен. В его трудах календарно-обрядовая поэзия не получила специального термина и даже еще не была выделена в единый песенный массив. В классификации Янагида Кунио наблюдалось как бы расчленение календарной лирики на две группы: песни, обозначенные им как «песни по месту исполнения» (например, «песни, исполняемые на рисовом поле», или «песни, исполняемые во время работы в горах») и сопровождающие разнообразные действия, иногда имеющие обрядовый характер (в частности, «песни паломничества в храм»).

Основываясь на принципах, выдвинутых Янагидой Кунио, в 60-х годах к проблеме классификации песенной лирики японцев обратился известный ученый Матида Есиаки. В предисловии к «Сборнику народных песен» он первым из японских исследователей предложил термин для обозначения календарно-обрядовой поэзии — *нэндзюгёдзи ута* (досл. «песни совершаемых ежегодно празднеств и обрядов») ¹⁰. И хотя термин нельзя считать вполне устоявшимся (в отличие от этнографического понятия *нэндзюгёдзи* — «обычай и обряды годового цикла»), сам принцип выделения календарно-обрядовой поэзии в японской науке с этого времени получает большее распространение. Нам хочется обратить особое внимание еще на одну работу Матида Есиаки, посвященную анализу стихосложения народной поэзии в историческом и географическом аспектах ¹¹, а также на книгу Такэмото Хироо ¹², в которой автор подробно останавливается на проблемах мелодики песен посадки риса, а также на вопросе их происхождения.

Западноевропейские и американские ученые также не раз обращались к анализу японской народной песни. Несомненный интерес представляет книга американского исследователя Джона Эмбри «Японские крестьянские песни» ¹³. Автор анализирует семейные и календарные, в частности новогодние, песни.

В нашей стране проблеме изучения народной японской песни, бытующей в настоящее время, пока уделялось мало внимания. Советские ученые в основном исследовали образцы древней народной поэзии, зафиксированные в литературных памятниках ¹⁴. Первые исследования бытующего японского фольклора в нашей стране относятся к концу 20-х годов и связаны с именем известного советского востоковеда Н. А. Невского. Во время пребывания в Японии ученому удалось собрать уникальные образцы произведений устного народного творчества японцев, айнов и рюкюсцев ¹⁵. Большой интерес представляет и работа Н. Иофан «О японской народной песне» ¹⁶, в которой автор характеризует мелодику и отмечает разнообразие жанров песенной лирики.

Взросший сегодня во всем мире интерес к проблемам экологии культуры, борьба за сохранение духовного наследия народов мира, внимание исследователей к формам бытования произведений устного народного творчества делают особенно актуальными исследования исторических судеб календарно-обрядовой поэзии японцев, проблем ее современного функционирования.

В японской традиции народная календарно-обрядовая поэзия представляет собой сложный и многогранный комплекс, неразрывно связанный со всей культурой японцев. Именно поэтому лишь использование разнообразных материалов (фольклористических и этнографических) может дать, на наш взгляд, наиболее полное представление о современной японской народной календарно-обрядовой поэзии.

При анализе поставленной проблематики нами привлекались источники трех типов. Первый — это сборники народных песен, из которых была выбрана большая часть текстов исследуемых песен (всего было проанализировано более 500 текстов) ¹⁷. Второй тип источников — словари японских народных песен — популярная форма пропаганды произведений фольклора. Они содержат наиболее полные сведения о происхождении, поводе исполнения и особенностях бытования японской лирики. Многие словарные статьи включают песенные тексты целиком. Один из наиболее полных словарей был подготовлен япон-

жими учеными Накаи Кодзио, Маруяма Синобу, Мисуми Харуо¹⁸. В 1983 г. вышел в свет «Большой словарь японских народных песен», составленный широко известным исследователем японского фольклора Асано Кэндзи¹⁹. Он включает более 2,5 тыс. статей и содержит основную информацию практически обо всех народных песнях, известных в Японии на сегодняшний день. Наконец, третий тип источников — этнографическая литература, дающая представление непосредственно о календарных обычаях и обрядах, во время которых исполнялись рассматриваемые песни. Основой для исследования этнографического материала послужили работы таких признанных авторитетов в области изучения традиционной японской культуры, как Янагида Куньо, Хага Хидэо, Сиода Кацу, Судзуки Тодзо, Миямото Цунэити и Хигути Кёёки²⁰.

В отечественной и мировой фольклористике исторически сложившийся подход к анализу календарно-обрядовой поэзии предусматривает два аспекта исследования: этнографический, при котором главное внимание уделяется выявлению разновидностей календарной лирики в зависимости от ее приуроченности к какому-либо конкретному обряду (например, летние песни посадки или новогодние песни ряженных), и филологический, при котором центральное место занимает анализ жанрового состава календарной лирики того или иного народа в свете функциональной роли поэзии в системе обрядовых действий.

Изучение японских календарных обычаев и обрядов показывает, что практически все они имели песенное сопровождение. При этом за каждым из них была закреплена определенная (в структурном и тематическом плане) группа песен. Так, например, обряд посадки риса — *тауэ* (5-й или 6-й месяц)²¹ сопровождали песни, объединенные единым термином «тауэ ута». В большинстве случаев, как и в данном примере, название обряда переносилось на название соответствующего песенного комплекса. Однако бывали и исключения. В частности, широко известен обычай новогоднего обхода домов — *котокото* (1-й месяц), название которого представляет собой оноματοпоэтическое нарекание, имитирующее стук в дверь и соответствующее русскому звукоподражанию «тук-тук». Название этого обряда ни в одной из групп песен, сопровождающих его, не зафиксировано. Во время обхода исполнялись благожелательные песни — *мандзай ута* (досл. «песни тысячи лет»), песни-гимны — *сэгацу одори ута* (досл. «песни плясок первого месяца»), обращенные к синтоистским божествам, и песни-моления о богатом урожае — *дайкоку май ута* (досл. «песни плясок [Бога урожая] Дайкоку»).

Песенные группы сопровождения были практически так же многочисленны, как и сами обряды, и то же подразделялись по сезонам. К весенним песням кроме «обходных» относились песни обряда молодой воды — *вакамидзу ута*, исполнявшиеся во время первого в новом году зачерпывания колодезной или речной воды (1-й месяц), песни ритуального сбора целебных трав — семитравия (1-й месяц) — *нанагуса-но ута*, песни праздника первого удара мотыги — *кува ирэ хадзимэ ивай ута*, сопровождавшие инициальный обряд выхода крестьян в поле (1-й месяц) и др. Среди летних наиболее широкое распространение получили песни обряда окончания сева — *танемаки ута* (5-й месяц), а также песни посадки риса — *тауэ ута* (5-й и 6-й месяцы). К осенним принадлежали своеобразные песни-обереги от злых духов — *мусиокури ута*, сопровождавшие обряд изгнания с полей вредных насекомых (7-й месяц), а также песни-моления о дожде — *амэгой ута* (7-й и 8-й месяцы) и др. К зимним песенным группам надо отнести прежде всего связанные с обрядом благодарности Богу риса Инари за богатство и достаток *иноко — иноко ута* (10-й и 11-й месяцы), группу песен *хонэн одори ута* (досл. «песни плясок богатого года»), песни, сопровождавшие большинство обрядов благодарности за богатый урожай, в частности обряд *азнокото* (12-й месяц), и песни, исполнявшиеся во время обязательного приготовления ритуальной новогодней пищи (рисовых лепешек) *моти* (12-й месяц) — *мотицуки ута* (досл. «песни приготовления моти») и др.

Несмотря на сезонные и хозяйственные различия, любой из японских земледельческих обрядов издавна был многофункциональным. Он имел определенную структуру, включавшую встречу синтоистского божества, обращения к нему с просьбой о богатом урожае, совершение ряда ритуальных актов и проводы божества. Многофункциональность календарного обряда определила и многофункциональность календарно-обрядовой поэзии. Так, одни песни восхваляли божества, другие просили их ниспослать благополучие, третьи описывали обряд. «При изучении песен..., — писал П. Г. Богатырев, — внимание привлекает их отчетливо выраженный функциональный характер. Более того, функции песен вместе образуют, как и функции социальных фактов, целую систему»²².

Анализ календарно-обрядовой лирики японцев дает возможность на данном этапе исследования выделить в ней пять основных жанров. Это прежде всего повествовательные, заклинательные, величальные, игровые и лирические песни, которые известны в календарно-обрядовом фольклоре и других народов мира. В этом, как и следовало ожидать, проявилось типологическое единство календарно-обрядовой поэзии разных народов. Однако наряду с общими чертами, присущими и мировой обрядовой поэзии, в японской календарно-обрядовой лирике имеется ряд специфических особенностей, обусловленных самобытным развитием японской традиционной обрядности, законами бытования сезонной поэзии и всей историей формирования этнического самосознания японцев.

Наиболее сложными и многогранными предстают повествовательные песни. Они были характерны для всего обрядового фольклора: и для календарного, и для семейного. Эти песни выполняли важную функцию в крестьянском быту — способствовали формированию и реализации самого обряда, а также создавали словесную схему ситуации, т. е. моделировали обряд. Повествовательные песни описывали различные элементы праздника, последовательность действий, участников календарного обряда.

В японском фольклоре повествовательные песни исполнялись в разных случаях. Известны песни, в которых содержатся описания обряда сбора лечебных трав, новогоднего праздника огня — Тондо, праздника поминания усопших — Бон и др., причем описывался не только сам обряд, но и его участники. Примером могут служить многочисленные песни *тауэ ута*, в которых наряду с красочными картинками обряда посадки риса описывались девушки — *саотомэ*, высаживающие на поле рисовую рассаду:

сирой сугэгаса
ака дасуки
сорой сугата-но саотомэ га
утау тауэ-но утэ кикэба
сорота сорота ё саотомэ га
инэ-но дэ хо ёри нао сорота

Белые шляпы из белой осоки,
Красные завязки —
Собрались прелестные девушки.
Когда слышишь песню тауэ,
Ясно, что собрались саотомэ,
Их больше, чем колосьев на поле²³.

В повествовательных песнях отсутствовало подробное описание крестьянского быта, им не была свойственна также фиксация внимания на картинах природы. Если в песнях и упоминались предметы домашней утвари, то только вскользь и лишь потому, что этого требовал обряд. Так, в песне *тауэ ута* префектуры Киото пелось:

та но kami но
микио мору токи ня
ао биссяку
ао биссяку
коганэ то тэси дэ
миё но сакадзуки

Когда наступит время
Пить вино Бога рисового поля,
Главными станут,
Главными станут
Золоченая бутылочка,
Черпачок и чашечки для сакэ²⁴.

Видное место в системе календарно-обрядовой лирики японцев занимали заклинательные песни, основная цель которых заключалась в воздействии на силы природы через магию слова. В. И. Чичеров писал, что наблюдения крестьянина «над состоянием погоды, над тем, как умирает и возрождается жизнь земли, не ограничиваются простой констатацией факта. Человек стремился повлиять на окружающий его мир; при этом фантастические представления о природе, религиозные верования своеобразно сплетались с данными трудового опыта. Продуцирующие и предохранительные магические действия совершались с целью вызвать желаемый результат»²⁵.

Изучение японских народных календарных песен показывает, что заклинательная лирика сопровождала обычаи и обряды всех сезонов. Наиболее широко она была представлена в весеннем цикле: в обряде «молодой воды», «первой мотыги», в обходе домов ряжеными, в обряде отгона птиц *ториой*, при гаданиях во время праздника встречи весны — Эцубун, во время обряда в честь Бога риса Инари — *хацуума* (досл. «первая лошадь»). Значительное количество заклинательных песен сопровождало обряды летнего цикла, прежде всего праздник сева, отгон с полей вредных насекомых и птиц. В обрядах осеннего цикла песни этого жанра менее многочисленны. Можно говорить лишь о некоторых песнях обряда благодарения за богатый урожай — *азнокото*, а также о песнях-молениях о дожде. И, наконец, к заклинательным песням зимнего цикла, думается, можно отнести и часть песен приготовления моти²⁶.

Важно отметить, что при всем многообразии японских заклинательных песен наиболее распространенными и многочисленными являются «обходные» песни, исполняемые ряжеными во время новогодних обходов крестьянских домов, и песни-обереги *ториой ута* (досл. «песни отгона птиц») весеннего новогоднего цикла. Они наиболее типичны для этого жанра по структуре и функциям.

Главной отличительной особенностью японских «обходных» песен можно считать существование в них двух заклинательных категорий. Назовем их «конкретное обходное заклинание» и «обобщенное обходное заклинание». Выделяя эти категории, мы исходим из того, что японские заклинательные песни, как правило, имели обобщающий характер. Пока нет достаточных оснований говорить об «обобщенном заклинании» как о чисто японской специфике, однако важно подчеркнуть, что в большинстве случаев японским заклинаниям не было свойственно обращение к отдельному члену семьи; они адресовались семье и дому, деревне, уезду, государству и миру в целом.

Среди «конкретных обходных заклинаний» выделялись группы песен для заклинания здоровья семьи, богатого урожая, долголетия, мира для крестьянской общины, благополучия и процветания страны. К «конкретным обходным заклинаниям» можно отнести и обращения ко всевозможным синтоистским божествам — покровителям урожая и процветания данной местности.

«Обобщенное обходное заклинание» было по своей сути универсальным. В песенном тексте не указывалось, кто или что заклинялось. Понимание этого следовало лишь из общепринятой трактовки упоминаемых атрибутов: если пелось о бамбуке — просили силы природы дать стойкость и выносливость; если о черепахе и журавле — дать долголетие; если о черепахе — плодородие году. Такие песни могли исполняться практически на любом этапе совершения обряда, у них не было временной или пространственной приуроченности. Примером может служить песня префектуры Айти, «заклинающая» долголетие:

цуру ва сэннэн-но ивай то
камэ ва маннэн-но ивай то
цуру ёри камэ ёри мацу ёри
такэ ёри мо

тэнка ва нагаку миё ва
хисасику

Тысячу лет живет журавль,
Десять тысяч — черепаха
[Пусть] Поднебесная²⁷ [существует]
долго, а век императора продлится [дольше],
Чем жизнь черепахи и журавля,
сосны и бамбука²⁸.

Подобные песни, думается, можно квалифицировать как одну из разновидностей заклинательных песен с прямым благопожеланием, которые известны в фольклоре и других народов и считаются учеными наиболее древними²⁹.

Другую значительную группу японских заклинаний составляли песни-обереги, связанные с предохранительной магией. Они исполнялись во время обряда отгона птиц и вредных насекомых. Суть обряда заключалась в том, что в 14-й или 15-й день 1-го месяца дети срезали длинные стебли молодых побегов бамбука и шли по рисовому полю, размахивая ими во все стороны и исполняя различные заговоры и песни торией ута. Так они «ограждали» поле от птиц, но в более широком смысле — совершали магический обряд охраны поля от злых духов и темных сил вообще. Отсюда следовала и основная цель песен-оберегов — воздействовать на силы природы и божества для спасения урожая года. Как правило, это были очень короткие песни, состоящие из «обращений» к птицам, кротам, вредным насекомым и следующей затем просьбы или приказа уйти с полей:

дзоку-но тори мо
хо: хо:
киби-но тори мо
хо: хо:

Птицы с неочищенного риса,
Улетайте! Улетайте!
Птицы с проса,
Улетайте! Улетайте!³⁰

Заклинательные песни-обереги культивировали как монологическую, так и диалогическую форму. Песни-монологи способствовали созданию песен-«обращений» к прямым призывом не портить урожай. Диалогические же песни, как правило, не содержали прямого призыва или просьбы. Требование улететь, обращенное к птицам, выражалось лишь намеком, следовавшим из песенного контекста.

Кроме повествовательных и заклинательных песен в японской традиции был достаточно широко представлен жанр величальных песен. В устном творчестве народов мира величальные песни активно исполнялись во время семейных, свадебных, а также календарных обычаев и обрядов. Так, в семейно-бытовом фольклоре величальные песни были обращены к жениху и невесте, к замужней женщине, к вдове и т. д. В календарной лирике различались песни-величания человека и божества.

При исследовании японских величальных песен мы обнаружили, что восхваление человека им практически не было свойственно. Величания, как правило, были обращены к синтоистским божествам, связанным с конкретным сезоном и обрядовым циклом. Каждому циклу соответствовала определенная система объектов величания: в песнях весеннего цикла это было Божество Нового года, во время летнего обряда тауэ — Бог рисового поля, осенью — Бог Дайкоку, связанный с обрядом иноко, и, наконец, в песнях зимнего цикла величания были посвящены Богу урожая.

Надо отметить, что величания в календарно-обрядовой лирике японцев обычно носили отвлеченный характер. Им, за небольшим исключением, не было свойственно прямое обращение к объекту величания. Как правило, в них описывался облик или действия этого объекта, что само по себе, видимо, было наполнено сакральным смыслом и отвечало принципу *котодама* (досл. «душа слова») — магии слова. Так, во время весеннего величания Бога Нового года говорилось о том, что на божестве надет плащ из листьев папоротника, что он держит старинное новогоднее украшение *кадомацу* (состоящее из веток сосны), на котором сидит журавль. Такого рода «атрибутивные» величания составляют, пожалуй, почти половину всех календарно-обрядовых народных песен этого жанра. В ряде песен особое внимание уделялось действиям божеств, причем подчеркивалось, что боги «помогают» крестьянам совершать сельскохозяйственные работы, которые благодаря их участию спорятся как никогда (например, мельница крутится так быстро, копать или сеять легко,

потому что это делает божество). В большинстве песен божество упоминалось открыто. Перечисление его атрибутов само по себе имело магическое значение.

При анализе произведений этого жанра мы также обратили внимание на песни, в которых о божестве прямо не говорится, но оно подразумевается. Часто его образ скрыт за символом. Например, во время весенних праздников в префектуре Ибараки исполнялась песня «Яэ-но дзакура» («Махровая сакура»). В ней рассказывается о распутившейся в одной местности такой огромной сакуре, что своими ветвями она достигает одной префектуры, листьями — другой, цветами — третьей:

касяяма сасиро но э
яэ-но дзакура э
эда-ва катано дэ
ха ва мито дэ
хана ва сасиро но
сиро дэ саку

В Касаяма и на Сасиро
Цветет махровая сакура,
Ее ветви — в Катано,
Листья — в Мито,
Цветы распускаются
В замке Сасиро³¹.

Можно предположить, что так воспевалось Божество весны, пробуждения природы (хотя остается неясным, какое именно божество здесь имелось в виду), символом которого была сакура. Как видно, идеализация окружающего мира, а вместе с тем условность его изображения — характерны для японской величальной песни.

Важную в жанровом отношении группу в календарно-обрядовой лирике японцев составляли игровые песни. В современной фольклористической науке вопрос об определении игровых песен решается неоднозначно, исследователи часто подразумевают под понятием «игровые песни» совершенно различные явления. Японская традиция, выделяя жанр игровых песен — *асоби ута*, включала в него самые различные группы: *та асоби ута* («песни полевых игрish»), *ториой ута* («песни отгона птиц»), *сёгацу-сама* («[песни] Бога Нового года»), *одори ута* («плясовые песни»), *бон ута* («песни [праздника] Бон») и *амэгой одори* («пляски — моления о дожде») ³². Такие группы песен были непосредственно связаны с наиболее сценически разработанными обрядами и могли способствовать реализации их драматургической сущности. Именно поэтому японские ученые считают основными критериями игровой песни ее драматургичность и «сценическое» воплощение игры. Такого же мнения, основываясь на материале русской лирики, придерживаются и отечественные исследователи ³³.

В некоторых случаях именно игра способствует пониманию песни. Она могла даже показаться бессмысленной для человека, незнакомого с самой игрой. Для примера рассмотрим бытовавшую на о-ве Хоккайдо игровую песню обряда *хацуума*, посвященного, как говорилось, Богу риса — Инари:

инари сама инари сама
нан дэ коси га каганда
оя-но хи ни эби о
куутэ сорэ дэ
коси га каганда

— Господин Инари, господин Инари,
Почему ты так согнулся?
— В день [почитания] предков
Я креветку проглотил,
Потому так и согнулся ³⁴.

После прочтения текста песни возникает ряд закономерных вопросов. Почему Бог Инари согнулся? С кем он ведет диалог? И главное — как эта песня связана с земледельческим обрядом? Ответ дает лишь сама игра. Ее участники становятся в круг, в центре его с завязанными или закрытыми глазами сидит на корточках участник, изображающий Инари. Все ходят вокруг него и поют песню. Допев до конца, все одновременно садятся на корточки и опускают голову. «Инари» поднимается, идет вперед, и тот, кто оказывается на его пути, становится Инари на следующий кон. Игра повторяется несколько раз. На наш взгляд, можно высказать предположение, что

игра имитирует прорастание риса, распрямление ростка, а неоднократное повторение игры — цикличность земледельческого акта.

При исследовании японских игровых песен приходится сталкиваться также с рядом трудностей: есть немало песен, которые можно считать игровыми, однако воссоздать ход игры, которую они сопровождали, сегодня порою невозможно. В таких случаях за классификационный критерий следует, вероятно, принимать текст песен, содержащий драматургию игры, так как композиционное строение и содержание песен нередко свидетельствуют о вероятности ее первоначального сценического воплощения.

Сложным многофункциональным явлением представляется и жанр лирических календарно-обрядовых песен японцев. Выделение этого жанра достаточно условно, хотя бы потому, что издавна лирический настрой был не только отличительной особенностью японской календарной поэзии, но и ее необходимым и обязательным требованием. Любой жанр календарной лирики включал песни с любовной тематикой, основанные на личностных переживаниях и настроениях. Как отмечала А. Е. Глускина, в японской поэзии «любовная лирика переплетается с пейзажной, человеческие чувства передаются обычно через образы природы или связаны с ними»³⁵. И все-таки некоторые черты японской календарной лирической поэзии позволяют выделить ее в самостоятельный жанр. В японской традиции издавна существовал ряд песен, строго приуроченных к конкретному календарному обычаю или обряду, но не соответствующих ему по содержанию. На первый взгляд, это просто любовная лирика, однако при детальном анализе видно, что в ткань повествования вплетены реалии, свидетельствующие о связи с обрядом.

Японские лирические песни исполнялись в основном в обрядах летнего цикла — *танэмаки* («посев семян») и *тауэ* («посадка риса») — и имели любовный характер. Видимо, любовная лирика не случайно была определяющей именно в летнем цикле. На это время приходились самые крупные сельскохозяйственные праздники, во время которых произносилось наибольшее количество заклинательных формул и молитв, пелось много песен. Тема любви в песнях, которые исполнялись во время тауэ и танэмаки, была связана с магией плодородия. Любовь молодых людей знаменовала собой расцвет природы, ассоциировалась с идеей плодородия земли и должна была, по мнению крестьян, способствовать богатому урожаю. Продуцирующая роль любовных отношений во время сева не раз отмечалась советскими этнографами³⁶.

Любовные календарно-обрядовые песни были разнообразны по содержанию — от песен предчувствия любви до грустных песен о неразделенном чувстве и одиночестве. Знаменательно и то, что в отличие от всех других жанров календарной поэзии в лирических песнях повествование велось от первого лица. Композиционные формы лирических песен были различны. Встречались песни, построенные в форме диалога, — обычно это был разговор влюбленных. Монологические песни исполнялись как от имени девушки, так и от имени юноши. Нередко пелись песни, имеющие смешанную композиционную форму: повествование, за которым следовал диалог, или наоборот. Песни, как правило, были невелики по объему; наиболее часто встречающийся тип — одноэпизодные песни. В большинстве случаев лирические японские песни представляли собой яркую зарисовку, полную лиризма и прекрасно передающую настроение исполнителя:

кё-но саотомэ ва
нагори осий
сотомэ
арай гава но ёси но нэ дэ
фуми о маирасё

С саотомэ, что были сегодня [на поле],
Так жалко расставаться.
Под тростник, что растет у реки,
В том месте, где полошут бельё,
Положу письмо³⁷.

Обращаясь к вопросам классификации, нельзя обойти вниманием и жанр корильных песен — «песен-угроз». Так, например, у славян они исполнялись

во время новогодних обходов дворов ряжеными. Если хозяева не одаривали ряженных после исполнения ими заклинания или величания, те пели песни-угрозы, в которых призывали беды и несчастья на дом и семью хозяина. У японцев также существовал обычай обхода домов соседей на Новый год и в дни других весенних праздников, приглашения в дом и одаривания ряженных, но не ясно, насколько распространен был обычай накликать беды и неурожай, если гостеприимство хозяев было недостаточным. Говоря о восточнославянском фольклоре, В. К. Соколова отмечает, что «завершение колядок требованием угощения, а тем более угрозами — явление позднее и не общее»³⁸.

На данном этапе исследования мы располагаем лишь одним текстом японской корильной песни, которая исполнялась во время обряда 2-го месяца — *хацуума*. Жадным хозяевам пели:

бимбо я бимбо я
кинкура цубусэ цубусэ

[Пусть придет к вам] бедность, бедность,
Золотые амбары рухнут, рухнут!³⁹

Отсутствие других материалов не позволяет нам пока рассматривать корильные песни в японском фольклоре как самостоятельный жанр.

С проблемой развития жанров календарной народной лирики японцев тесно связан и вопрос об их сезонном соотношении. Календарно-обрядовая поэзия исконно была непосредственно связана с хозяйственной деятельностью крестьянина. Каждому обряду, обусловленному определенным трудовым актом, соответствовали определенные жанры народной поэзии. Анализ народной лирики японцев показал, что хотя во время обрядов каждого сезона пелись песни практически всех жанров, в каждом сезонном цикле выделялись доминирующие и второстепенные. Так, для весеннего цикла наиболее характерными были заклинательные и игровые песни. Для летнего, обряды которого были сгруппированы в основном вокруг посадки риса — тауэ, главенствующими стали повествовательные и лирические песни. Это было обусловлено особенностями обряда тауэ и ролью продуцирующей магии. Среди осенней лирики количественно преобладали повествовательные (в основном связанные с праздником поминания предков — Бон) и заклинательные песни обряда моления о дожде — *амэгой*. Обращает на себя внимание отсутствие величальных и игровых песен в осеннем цикле. Безусловно, песни этих жанров тогда могли исполняться, но четкой обрядовой приуроченности не имели. Среди песен зимнего цикла доминировали величальные (обращения к богу урожая Дайкоку) и повествовательные (песни приготовления моти).

Конечно, подобная классификация условна, так как для народной традиции в целом и для календарной в частности характерны взаимопроникновение и взаимовлияние жанров. Но тем не менее можно говорить о прямой связи, выраженной формулой «сезон — обряд — жанр календарно-обрядовой лирики».

Исследование и характеристика жанров японской народной календарно-обрядовой поэзии не только расширяет наши представления о богатом, самобытном фольклорном наследии японского народа, но и позволит в дальнейшем перейти к более широким типологическим сопоставлениям.

Примечания.

¹ Яма га тори муси ута (Песни птиц и сверчков в горной хижине). Эдо, 1771.

² *Наосуми Сугаз*. Хина-но хитофуси (Деревенская мелодия). Эдо, 1809.

³ *Вада Кэндзю*. Нихон кае руйсю (Разные жанры японских песен). Токио, 1893.

⁴ *Маэда Рингай*. Нихон минъё дзэнсю (Полное собрание японских народных песен). Токио, 1907.

- ⁵ *Хасимото Сигэру*. Нихон минъё дайдзэн (Полное собрание японских народных песен). Токио, 1909.
- ⁶ Рие сю (Сборник народных песен). Токио, 1914.
- ⁷ *Тода Токутаро*. Каё бунгаку (Песенная лирика). Токио, 1938; *его же*. Нихон минъё рон (Теория японских народных песен). Токио, 1940.
- ⁸ *Янагида Куньо*. Икитэ иру минъё (Бытующие народные песни). Токио, 1934.
- ⁹ *Его же*. Минъё обозгаки (Записки о народной песне). Токио, 1960.
- ¹⁰ *Матида Есиаки*. Нихон минъё сю (Сборник японских народных песен). Токио, 1960.
- С. 8.
- ¹¹ *Его же*. Нихон минъё-но сикёкуката кара мита дзидайсэй-то тинкисэй (Метрика японских народных песен в историческом и географическом аспектах) // *Нихон миндзоку тайкэй* (Очерки японской этнографии). Токио, 1959. Т. 10.
- ¹² *Такэмото Хироо*. Тауэ ута-но кисотэки кэнкю (Фундаментальное исследование песен посадки риса). Токио, 1982.
- ¹³ *Embree John F.* Japanese Peasant Songs / Comp. and Annotated by John F. Embree. Philadelphia, 1944.
- ¹⁴ Подробнее см., например: *Боронина И. А.* Поэтика классического японского стиха. М., 1978; *Глушкина А. Е.* Заметки о японской литературе и театре (древность и средневековье). М., 1979; *Осенние цикады. Поэзия позднего средневековья* / Пер. с яп. А. Долина. М., 1981.
- ¹⁵ *Невский Н. А.* Айнский фольклор. М., 1972; *его же*. Фольклор островов Мияко. М., 1978.
- ¹⁶ *Июфан Н.* О японской народной песне // *Японское искусство*. М., 1959.
- ¹⁷ *Сасано Кан, Янагида Куньо*. Кинсэй каё сю (Сборник песен нового времени). Токио, 1956; *Хаттори Рютаро*. Нихон минъё сю (Сборник японских народных песен). Токио, 1959; *Асано Кэндзи, Матида Есиаки*. Нихон минъё сю (Сборник японских народных песен). Токио, 1979; *Нихон минъё дайдзэн сю* (Полное собрание японских народных песен). Токио, 1980.
- ¹⁸ *Накаи Кодзиро, Маруяма Синобу, Мисуми Харуо*. Нихон минъё дзитэн (Словарь японских народных песен). Токио, 1973.
- ¹⁹ *Асано Кэндзи*. Нихон минъё дайджитэн (Большой словарь японских народных песен). Токио, 1983.
- ²⁰ *Янагида Куньо*. Миндзокугаку дзитэн (Этнографический словарь). Токио, 1966; *Хага Хидэо*. Нихон-но мацури (Японские праздники). Токио, 1979; *Сиода Кацу*. Нихон-но нэндзюгёдзи (Японские обычаи и обряды). Токио, 1979; *Судзуки Тодзо*. Нихон нэндзюгёдзи дзитэн (Словарь японских обычаев и обрядов). Токио, 1979; *Миямото Цунэити*. Минкан рэки (Народный календарь) // Тёсаку сю (Собрание сочинений). Т. 9. Токио, 1978; *Хигути Киёюки*. Мацури то нихондзин (Праздники и японцы). Токио, 1978.
- ²¹ В данной статье имеется в виду лунный календарь, расходящийся с григорианским на 30—45 дней.
- ²² *Богатырев П. Г.* Народная песня с точки зрения ее функций // *Вопр. литературы и фольклора*. Воронеж, 1973. С. 200.
- ²³ Нихон-но сёка (Японские песни). Токио, 1979. С. 312.
- ²⁴ *Матида Есиаки, Асано Кэндзи*. Указ. раб. С. 256.
- ²⁵ *Чичеров В. И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XIV—XIX веков // *Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*. Нов. сер. Т. 40. М., 1957. С. 19.
- ²⁶ Ранее мы говорили о том, что песни приготовления моти — *мотицуки ута* относились к жанру ритуальных песен, теперь рассматриваем их как заклинательные. Это связано с тем, что некоторые календарные обряды японцев, в том числе обряд приготовления моти, имели очень широкое песенное сопровождение. Песни обряда были различны по функциям, времени исполнения и своей значимости в обряде. Поэтому к одному и тому же обряду (например, приготовления моти, посадки риса, обхода домов ряжеными и др.) могли быть приурочены календарно-обрядовые песни разных жанров.
- ²⁷ В контексте данной песни имеется в виду Япония, а не Китай.
- ²⁸ *Асано Кэндзи*. Указ. раб. С. 327.
- ²⁹ *Соколова В. К.* Особенности календарных обрядовых песен восточных и южных славян // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов*. М., 1983. С. 229.
- ³⁰ *Накаи Кодзиро, Маруяма Синобу, Мисуми Харуо*. Указ. раб. С. 242.
- ³¹ *Асано Кэндзи, Матида Есиаки*. Указ. раб. С. 120.
- ³² *Асано Кэндзи*. Указ. раб. С. 4.
- ³³ *Колтакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 58; *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М., 1982. С. 115.
- ³⁴ Нихон дзидо юги (Японские детские игры). Токио, 1972. С. 285.
- ³⁵ *Глушкина А. Е.* Предисловие // *Японские пятистииши*. М., 1971. С. 19.
- ³⁶ *Стратанович Г. Г.* Народные верования населения Индокитая. М., 1978. С. 62—63.
- ³⁷ *Накаи Кодзиро, Маруяма Синобу, Мисуми Харуо*. Указ. раб. С. 279.
- ³⁸ *Соколова В. К.* Указ. раб. С. 22.
- ³⁹ Нихон дзидо юги. С. 6.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1988 г.

В минувшем 1988 г. Институт этнографии АН СССР продолжал работать в условиях перестройки. Осуществляя ее задачи в научной деятельности, институт, как и в предыдущие годы, по-прежнему концентрировал усилия на выполнении комплексных программ Отделения истории АН СССР, прежде всего той, за которую несет ответственность как головная организация, — «Этническая история и современные национальные процессы». В рамках этой программы в отчетном году была проведена Всесоюзная конференция «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана»¹, доработана сама программа, состоялось координационное совещание с представителями республик; для готовящейся монографии «Русские. Этносоциологическое исследование» проведен массовый опрос русского населения городов Таллина и Ташкента. Совместно с Межведомственным научным советом по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР опубликован коллективный труд «Совершенствование национальных отношений в СССР в свете решений XXVII съезда КПСС» (18,6 печ. л., отв. ред. М. Н. Губогло); продолжены этнографические полевые работы в связи с подготовкой монографии «Русские народные традиции и современность: возможности и задачи использования».

Отвечая на оперативные потребности управления национальными процессами, институт подготовил для директивных инстанций около 40 научных разработок и докладных записок, среди которых — материалы к XIX Всесоюзной конференции КПСС и предстоящему Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию национальных отношений, предложения к проектам Законов СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР», «О выборах народных депутатов СССР», «О межнациональных отношениях на Кавказе», «О межнациональных отношениях в Прибалтике», «Перспективы моделирования процессов национального развития в республиках Средней Азии и Казахстана», «Перестройка межнациональных отношений в СССР в контексте зарубежного опыта», «О возможностях культурного развития инонационального населения союзных республик», «О национально-государственном строительстве в СССР» и др. Опубликовано две книги Ю. В. Бромлей — «Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов» (7,8 печ. л.) и «Основные этносоциальные тенденции в СССР» (на англ. языке) (7,3 печ. л.).

В рамках исследовательской программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса», которой руководит Региональная межведомственная комиссия по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера Сибирского отделения АН СССР, Сибирского отделения АМН СССР и Сибирского отделения ВАСХНИЛ, сектор этнографии народов Севера и Сибири разработал концепцию и опубликовал работу «Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 г.» (4,3 печ. л., отв. ред. З. П. Соколов), которая затем была обсуждена в присутствии представителей ЦК КПСС, Совета Министров РСФСР, Госплана РСФСР, Госагропрома РСФСР, Главохоты, Министерства культуры РСФСР, краевых, областных и окружных Советов народных депутатов и более 15 научных учреждений на специально созванном совещании (Москва, сентябрь).

Усилилась связь этнографических исследований с практикой. В издательстве «Советская энциклопедия» опубликован историко-этнографический справочник «Народы мира» (125 печ. л., гл. ред. Ю. В. Бромлей). На базе института начал функционировать Центр по изучению национальных отношений.

Значительно активизировалась и общественная деятельность сотрудников института. Они вы-

ступали по актуальным проблемам современных национальных отношений перед широкой общественностью (на страницах газет «Правда», «Известия», «Советская культура», «Московские новости» и др., в Политехническом музее, в Академии общественных наук при ЦК КПСС), участвовали в работе многих «круглых столов» (например, «Философские проблемы теории и практики национальных отношений при социализме» — в журнале «Вопросы философии», «Основные политические проблемы 1970-х годов» — в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; «Национальные проблемы в СССР» — в Черемушкинском РК КПСС); в пресс-конференциях, состоявшихся в МИДе СССР, — «О ходе перестройки в СССР» и по национальным вопросам для зарубежных журналистов; в заседаниях Комитета ученых — консультантов Комиссии Верховного Совета СССР, образованной в связи с событиями в Нагорном Карабахе; выступали с лекциями в Верховном суде РСФСР, в научных институтах, по телевидению и радио.

В журнале «Советская этнография» открыта специальная рубрика «Национальные процессы сегодня». В связи с событиями в Закавказье сотрудники института неоднократно выступали в различных аудиториях, давали интервью журналистам, корреспондентам, публиковали статьи в газетах, проводился контент-анализ республиканской печати.

Осуществляя координационные функции, институт провел Всесоюзную сессию по итогам полевых антропологических и этнографических исследований 1986—1987 гг. (Сухуми, сентябрь)².

В минувшем году произошли изменения в структуре института: вместо Лаборатории этнической статистики и картографии была создана проблемно-тематическая группа по этнической демографии и картографии. Проведена работа по укреплению научными кадрами секторов отечественной этнографии, в основном за счет молодых специалистов с этнографическим образованием.

В 1988 г. коллектив института провел значительную исследовательскую, полевую и научно-организационную работу. Завершены 14 работ государственного плана (две из них досрочно). Опубликовано 33 книги (общий объем 671,1 печ. л.). Кроме того, вышла в свет 21 внеплановая книга (общий объем 278,4 печ. л.), написанная сотрудниками.

В 1988 г. научная деятельность института осуществлялась главным образом в русле комплексных программ Отделения истории АН СССР, с учетом которых был составлен и план научно-исследовательских работ.

Как и в прошлые годы, большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Совместно с учеными ГДР опубликован второй выпуск коллективного труда «Свод этнографических понятий и терминов» — «Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы» (13,8 печ. л., отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов) и завершен четвертый выпуск этого труда, посвященный народным знаниям, фольклору и народному искусству (отв. ред. Б. Н. Путилов).

В рамках программы ЮНЕСКО по подготовке Всемирной энциклопедии общественно-научных концепций опубликована книга Ю. В. Бромлей, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, Т. В. Таболиной «Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания» (11,2 печ. л., резюме на англ. яз.).

Большое теоретическое значение имеют разрабатываемые в институте проблемы истории первобытного и рабовладельческого обществ, архаических общественных отношений, по которым в минувшем году опубликованы труды (в рамках комплексной программы «Раннее общество: взаимодействие с природой. Культура и история») «История первобытного общества. Эпоха классовообразования» (41,6 печ. л., редколлегия: Ю. В. Бромлей, Л. Е. Куббель, А. И. Першиц), завершившая трехтомную серию «История первобытного общества», монография Л. Е. Куббеля «Очерки потестарно-политической этнографии» (19,95 печ. л.).

Теоретические и методологические проблемы по-прежнему освещались в материалах дискуссий на страницах журнала «Советская этнография», в ежегоднике «Расы и народы».

Важнейшее место в работе института занимают исследования современных национальных и этнокультурных процессов у народов СССР. По данной проблематике помимо вышеупомянутых трудов опубликована также работа «Чуваши. Современные этнокультурные процессы» (17 печ. л., отв. ред. В. В. Пименов). Завершены коллективные труды: «Русские. Этносоциологическое исследование» (отв. ред. Ю. В. Арутюнян), «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья» (отв. ред. В. В. Пименов), «Народы Севера в современную эпоху» (редколлегия: В. И. Васильев, И. С. Гурвич, Ю. Б. Симченко, З. П. Соколова), «Современная сельская семья в Литовской ССР» (отв. ред. М. Н. Губогло, М. Я. Устинова), «Нганасаны — аборигены Таймыра (антропологическое исследование)» (отв. ред. И. М. Золотарева), работа Л. Ф. Моногаровой «Новое и традиционное в быту городской семьи таджиков».

По народам зарубежных стран вышла в свет монография И. Г. Косикова «Этнические процессы в Кампучии» (20,49 печ. л.) и завершен коллективный труд «Семья у народов Америки» (отв. ред. Ш. А. Богина).

Значительный удельный вес в работах института занимают исследования в области этногенеза и этнокультурной истории. Вышли в свет монографии Е. А. Шервуд «От англосаксов к англичанам (к проблеме формирования английского народа)» (15,3 печ. л.) и М. Ю. Мартыновой «Хорваты. Этническая история XVIII—XIX вв.» (9,4 печ. л.); под руководством С. И. Брука опубликована учебная карта народов СССР для средней школы (в масштабе 1:5 млн.). Подготовлена к печати монография М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова «Этническая история китайцев в XIX—XX вв.», и совместно с географическим факультетом МГУ картографы института составили карту плотности населения СССР (в масштабе 1:5 млн.).

Историко-этнографические исследования традиционно-бытовой культуры народов мира, осуществляемые в рамках комплексной программы «История мировой культуры», как и ранее, занимают важное место в работе института. Разным проблемам истории культуры народов СССР посвящены опубликованные монографии М. Г. Рабиновича «Очерки материальной культуры русского феодального города» (22,8 печ. л.), Л. Н. Чижиковой «Русско-украинские пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры XIX—XX века» (21,9 печ. л.), С. И. Дмитриевой «Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера» (14,4 печ. л.), Т. А. Бернштам «Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX—начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры» (18,2 печ. л.), Б. А. Калоева «Вторая родина Коста» (11,6 печ. л.), сборники «Традиционное воспитание детей у народов Сибири» (19,2 печ. л., отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами), «Традиции и современность в фольклоре» (16,5 печ. л., отв. ред. В. К. Соколова). Подготовлены к печати сборники «Этнические стереотипы поведения. Мужское и женское поведение» (отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон), «Этнокультурные традиции русского населения XIX—начала XX в.» (отв. ред. Т. В. Станюкович), и работа В. П. Курылева «Общинно-земельные отношения у казахов во второй половине XIX—начале XX в.»

Традиционной культуре зарубежных народов посвящены опубликованные коллективные труды «Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы» (19,6 печ. л., отв. ред.: Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская), «Этнография кубинской провинции Матансас» (13 печ. л., отв. ред. Э. Г. Александренков), «Этнография детства. Традиционные системы воспитания детей и подростков у народов Юго-Восточной и Южной Азии» (13,6 печ. л., отв. ред. И. С. Кон, А. М. Решетов), «Этикет у народов Передней Азии» (18,8 печ. л., отв. ред. А. К. Байбурин, А. М. Решетов), монографии Н. Л. Жуковской «Категории и символика традиционной культуры монголов» (13,9 печ. л.) и Б. Н. Путилова «Героический эпос и действительность» (16,5 печ. л.). Завершены коллективные труды «Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы» (отв. ред.: Ю. В. Иванова, М. С. Кашуба, Н. А. Красновская), «Календарные обычаи и обряды народов Юго-Восточной Азии. Годовой цикл» (отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков), монографии Л. А. Ивановой «Традиционное искусство абелам Новой Гвинеи» и М. В. Станюкович «Этнографические связи этноса ифугао». Проблемам ономастики посвящены вышедшие в свет монография В. А. Никонова «География фамилий» (11,2 печ. л.), сборник «Имя — этнос — история» (10 печ. л., отв. ред. М. А. Членов) и подготовленный к печати сборник «Имя — история — общество» (отв. ред. М. А. Членов).

По комплексной программе «Роль религий в истории» опубликованы книги И. А. Кривелева «История религий» в 2-х томах (второе издание) (48,7 печ. л.) и И. Р. Григулевича «Латинская Америка: церковь и революционный процесс» (9,35 печ. л.), завершены сборники «Культурно-религиозные традиции народов Востока» (отв. ред. Н. Л. Жуковская), «Теология освобождения» (сборник документов) (отв. ред. И. Р. Григулевич, Н. Н. Поташинская), монографии Н. Я. Дараган «Этнические процессы в США и религия (XX в.)» и В. Н. Шинкарева «Представления тибето-бирманских народов о человеке».

По комплексной программе «Методология и историография, источниковедение и методы исторического исследования» опубликованы книги «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». Вып. X (22,4 печ. л., отв. ред. Р. С. Липец) и «Этнографическая наука в странах Африки» (21,3 печ. л., отв. ред. П. Е. Кубель, С. Я. Козлов); завершены коллективная работа «Этнографическая наука за рубежом: конец XX в. Вопросы теории» (отв. ред. Ю. В. Бромлей, П. И. Пучков, С. Я. Козлов), предназначенный для перевода на иностранные языки сборник «Зарубежная

этнография глазами советских ученых» (отв. ред. Е. А. Веселкин, С. Я. Козлов) и комментированный И. А. Осницкой перевод книги И. Эванс-Причард «История антропологической мысли».

В рамках общакадемической программы «Человек, наука, общество: комплексные исследования» были опубликованы коллективные труды «Экология американских индейцев и эскимосов» (25,4 печ. л., отв. ред. В. А. Тишков), «Антропологические типы древнего населения на территории СССР (по материалам антропологической реконструкции)» (11,9 печ. л., отв. ред. А. А. Зубов), ежегодник «Расы и народы», вып. 18 (19,6 печ. л., отв. ред. С. И. Брук), изданный на испанском языке сборник «Расизм в теории и практике современного империализма» (10 печ. л., отв. ред. Е. А. Веселкин, С. Я. Козлов), две книги И. С. Кона — «Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива)» (19,7 печ. л.) и «Введение в сексологию» (19,3 печ. л.) и А. Г. Козинцева «Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека» (12,22 печ. л.). Завершены коллективные работы «Расы и расизм. История и современность» (редакция: И. М. Золотарева, А. А. Зубов, С. Я. Козлов, Э. Л. Нитобург), «Проблемы этнической экологии» (отв. ред. В. И. Козлов), 20 вып. ежегодника «Расы и народы» (отв. ред. С. И. Брук) и монография Л. А. Файнберга «Экология охотников Американского Севера (индейцев и эскимосов)».

Большую работу по освещению важных проблем этнографической науки в минувшем году провела редакция журнала «Советская этнография». Как уже отмечалось, в 1988 г. в журнале была открыта специальная рубрика «Национальные процессы сегодня», где начали публиковаться статьи посвященные актуальным проблемам языкового и этнокультурного развития народов СССР (С. В. Чешко, № 6). Эта же тематика была ведущей в ряде других публикаций (А. Р. Аклаев, № 5; А. П. Галстян, № 5; Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко, Н. Н. Моисеева, № 1; Е. П. Бусыгин, Г. Р. Столярова, № 3; В. В. Коротева, М. Н. Мососова, № 5; В. И. Козлов, О. Д. Комарова, В. В. Степанов, А. Н. Ямсков, № 6; В. А. Тишков, № 3).

Важное значение имела разработка вопросов этногенеза и этнической истории (И. М. Жордания, № 2; И. И. Земцовский, № 2; Л. С. Клейн, № 4; И. И. Крупник, М. С. Куповецкий, № 2; А. Ю. Милитарев, И. И. Пейрос, В. А. Шнирельман, № 4).

В связи с большой историко-культурной датой — 1000-летием христианизации Руси — на страницах журнала были опубликованы работы, посвященные этническим аспектам христианства в России (В. Г. Власов, № 3; И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, № 6).

Как и ранее, большое внимание в журнале уделялось истории этнографической науки (В. А. Бердинский, № 2; Ю. В. Бромлей, № 4; Е. В. Говор, № 2; Д. Д. Тумаркин, № 2).

В 1988 г. была завершена дискуссия по статье Ю. В. Бромлея, М. В. Крюкова «Этнография место в системе наук, школы, методы» (Ю. В. Бромлей, В. Ф. Горленко, М. В. Крюков, № 1) и начата дискуссия по статье В. В. Пименова «Подготовка профессионального этнографа: проблемы перестройки» (№ 3; Е. П. Бусыгин, В. В. Карлов, Г. Е. Марков, Н. А. Томилов, № 4; К. И. Козлова, Г. Г. Громов, В. М. Шамиладзе, № 6).

В журнале продолжались публикации трудов зарубежных ученых (И. Вебер-Келлерман; № 6) работ по важнейшим проблемам исторической этнографии и антропологии, по-прежнему освещалась научная жизнь и деятельность музеев в СССР и за рубежом, рецензировались новейшие научные публикации.

Важное место в деятельности института продолжали занимать экспедиционные исследования. В 1988 г. состоялось 70 полевых выездов в разные регионы Советского Союза. Основные направления в сборе полевых материалов, как и прежде, — изучение современных национальных этнокультурных и этнодемографических процессов, современной семьи, выявление соотношения традиционного и нового в современной материальной и духовной культуре народов Советского Союза. Большое внимание уделялось изучению малых народов и этнических групп, проблемам этноэкологии, этносоциологическим исследованиям и др.

Семь отрядов и групп Восточнославянской экспедиции вели исследования по темам «Русские народные традиции и современность: возможности и задачи использования», «Культурно-бытовые традиции народов СССР. Жилище», «Духоборы как этнолокальная и конфессиональная общность». Сектор этнографии народов Севера и Сибири продолжил изучение этнической истории и преобразований культуры и быта коренных народов Севера и Сибири.

Сектор антропологии проводил полевые исследования по темам «Единство и многообразие человеческого рода», «Антропология СССР» и «Эволюционные проблемы антропологии» в республиках Кавказа, Средней Азии и Поволжья. Сектор этнической экологии продолжил экспедиционную работу в Закавказье по теме «Этническая экология переселенческих групп». Пять отрядов сектора

этноархеологических исследований в соответствии с многолетней научной программой изучали археологические памятники в зоне земель древнего орошения в республиках Средней Азии.

По теме «Этнография Кавказа» материал в Грузии и на Северном Кавказе собирали сотрудники сектора этнографии народов Кавказа.

Современные этнокультурные процессы, в том числе и у малых этносов и национальных групп, изучали в Казахстане, Таджикистане, Киргизии, Латвии, Литве, Приамурье, Марийской АССР, на Украине сотрудники секторов Средней Азии и Казахстана, Прибалтики и Поволжья, народов Зарубежной Европы, группы религиоведения.

Этносоциологи собирали материал среди русских Таллинна, Ташкента и Ташкентской области для монографии «Русские. Этносоциологическое исследование».

В отчетном году заметно увеличилось число научных разработок с практическими рекомендациями, составленных сотрудниками по результатам экспедиционных исследований и направленных в государственные органы.

Важное место в деятельности института по-прежнему занимала подготовка этнографических кадров. В 1988 г. в аспирантуре (главным образом целевой) обучалось 89 человек (68 — в Москве, 21 — в Ленинграде). Тематика работ аспирантов тесно связана с основными направлениями научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР.

* * *

Большая работа была проведена учеными советами института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях специализированных советов состоялись защиты семи докторских и 24 кандидатских диссертаций. Были заслушаны и обсуждены доклады: Ю. В. Бромлей — «Итоги научно-исследовательской деятельности ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР за 1987 г. и задачи на 1988 г.» (в Москве) и В. А. Тишкова — «Об основных итогах деятельности Института этнографии АН СССР в 1987 г. и о задачах коллектива по перестройке» (в Ленинграде), Р. Ф. Итса — «О задачах Ленинградской части Института этнографии АН СССР в условиях перестройки», М. Н. Губогло и Г. В. Старовойтовой — «О перспективах работы Научного центра по изучению национальных отношений в СССР», М. В. Крюкова — «Этничность, безэтничность, этническая непрерывность (о некоторых итогах этнографических исследований во Вьетнаме)» и «Шелковый путь ведет в Нару», Д. Д. Тумаркина — «Н. Н. Миклухо-Маклай и его наследие», И. С. Кона — «Некоторые проблемы нового мышления», Ю. И. Мкртумяна — «О задачах этнографии в свете последних событий в Армении и Азербайджане». Были заслушаны также сообщения Р. Ф. Итса — «Решение выездной сессии Президиума АН СССР и задачи Ленинградской части Института этнографии АН СССР», В. А. Тишкова — об итогах XII Международного конгресса антропологических и этнологических наук (г. Загреб), С. И. Брука — о международной конференции в Венеции по вопросу прав человека и свободы религии, К. В. Чистова — о советско-финском симпозиуме «Социально-экономические проблемы истории».

Одно из заседаний ученого совета, посвященное обсуждению «Словаря национальностей» (в связи со Всесоюзной переписью населения СССР 1989 г.), проведено совместно с Межведомственным научным советом по изучению национальных процессов при Президиуме АН СССР и Советским фондом культуры. На нем были заслушаны сообщения С. И. Брука и Э. Р. Тенишева.

Большую научно-организационную работу проделали ученые советы по обсуждению и утверждению к печати трудов института, проведению конкурсов на замещение вакантных должностей, утверждению тем диссертационных работ.

В 1988 г. продолжали работать методологические семинары (два — в Москве: «Перестройка и актуальные проблемы этнографии» и «Соотношение биологических и социальных факторов в процессе эволюции человека»), один (философский семинар) — в Ленинграде. Теоретические проблемы этнографии и ее насущные задачи рассматривались в связи с происходящими в нашей многонациональной стране процессами и явлениями, особенно в сфере межнациональных отношений.

* * *

В 1988 г. сотрудники Института этнографии АН СССР участвовали более чем в 60 научных сессиях, конференциях, совещаниях и симпозиумах (организованных как Институтом, так и другими научными учреждениями страны), для которых подготовили около 220 докладов.

Наиболее значительными были: Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 г. (Сухуми, сентябрь), всесоюзные конференции — «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана» (Звенигород, ноябрь), «Проблемы комплексного изучения человека» (Москва, февраль), «Пути совершенствования социалистического образа жизни в условиях перестройки и революционного обновления советского общества» (Кишинев, октябрь), V тюркологическая конференция (Фрунзе, сентябрь), научно-практическая конференция «Вопросы теории и практики межнациональных отношений в условиях перестройки» (Ленинград, декабрь), III Всесоюзный симпозиум по индееанистике «Америка после Колумба: взаимодействие двух миров» (Москва, декабрь), симпозиум «Этнографическая наука и этнокультурный процесс» (Ленинград, февраль).

Кроме того, сотрудники института участвовали в XVIII Всесоюзной конференции финно-угроведов (Ленинград, февраль), во всесоюзных конференциях «Народности Севера: концепции социального и экономического развития» (Новосибирск, ноябрь), «Социология личности» (Паланга, сентябрь), «Социология образования в высшей школе» (Москва, апрель), «Планирование семьи и национальные традиции» (Тбилиси, октябрь), «Фольклор: проблемы сохранения изучения и пропаганды» (Москва, январь), «Методологические и методические проблемы исследования славянской письменности» (Новгород, май), «Этноконфессиональные процессы в Африке и на Ближнем Востоке» (Баку, май), в XIX Всесоюзной конференции по изучению Австралии и Океании (Москва, май), III Всесоюзной конференции востоковедов «Взаимодействие и взаимослияние цивилизаций и культур на Востоке» (Душанбе, май), XIX конференции «Общество и государство в Китае» (Москва, февраль), X Всесоюзной конференции историков-славистов, конференции «К 1000-летию принятия христианства на Руси» (Ленинград, апрель) и в других научных мероприятиях страны.

Институтом были организованы: конференция, посвященная памяти Д. А. Ольдерогги (Ленинград, май), XVIII конференция молодых специалистов «Этнография и пограничные науки цели, задачи, методы» (Москва, май), очередные Американистские чтения (Ленинград, июнь) Среднеазиатско-Кавказские чтения (Ленинград, апрель), Десятые Маклаевские чтения (Ленинград, апрель), чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда» (Ленинград, июль), научная сессия по итогам экспедиционных исследований (Ленинград, апрель).

* * *

В 1988 г. продолжали расширяться контакты с научными учреждениями зарубежных стран.

В течение года состоялся 91 выезд сотрудников института в 20 зарубежных стран: в социалистические — 48, в капиталистические — 43. Институт принял 245 ученых из 36 стран Европы, Азии, Африки и Америки. Из них для научной работы и консультаций, а также для участия в международных мероприятиях приезжали 176 специалистов (55 — из социалистических стран, 121 — из капиталистических).

Институт продолжил многостороннее сотрудничество с научными центрами социалистических стран по двум проектам Долгосрочной программы многостороннего сотрудничества социалистических стран в области общественных наук на 1986—1990 гг.

Двустороннее сотрудничество осуществлялось с академиями наук ГДР, ЧССР, СФРЮ, Кубы, МНР и с Комитетом общественных наук СРВ. В соответствии с проблемно-тематическими планами научного сотрудничества Академии наук СССР с академиями наук социалистических стран на 1986—1990 гг. разрабатывались следующие темы: с Академией наук ГДР — «Методологические проблемы этнографической науки», «Методологические проблемы развития первобытного и раннеклассового общества», «Современные этносоциальные процессы у лужицких сербов»; с Академией наук ЧССР — «Советско-чехословацкие связи в области этнографии»; с Советом академий наук и искусств СФРЮ — «Советско-югославские связи в области этнографии»; с Академией наук Кубы — «Этнографический атлас Кубы», «Материальная культура сельского населения Кубы»; с Комитетом общественных наук СРВ — «Этнические процессы и современные социально-этнокультурные процессы в СРВ»; с Академией наук МНР — «Этническая история и современные этнокультурные процессы в МНР» в рамках Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции.

Продолжались возобновившиеся в 1987 г. после многолетнего перерыва контакты с учеными КНР.

Советские ученые активно участвовали в работе научно-реферативного журнала европейских социалистических стран «Демос», издаваемого в ГДР. В 1988 г. советской национальной редколлегией было направлено в журнал 40 рефератов работ по этнографии и фольклористике, изданных в Советском Союзе.

Развитию и углублению научных связей института с учеными капиталистических и развивающихся стран способствовало продолжающееся сотрудничество с научными учреждениями Финляндии, США, Канады, Франции, Индии, Японии. В рамках советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области антропологии и этнографии велась разработка программы параллельного советско-финляндского обследования современного городского быта (города Лесвица и Выру в Эстонской ССР).

Советско-американское сотрудничество (в рамках комиссии АН СССР и Американского совета познавательных обществ в области общественных наук) в минувшем году, как и ранее, осуществлялось по двум проблемам: «Взаимодействие культур народов мира. Антрополого-этнографо-археологические аспекты» и «Современные этнические процессы в СССР и США». По первой проблеме в США была открыта выставка «На стыке континентов: культуры народов Тихоокеанского Севера» и состоялся посвященный открытию этой выставки симпозиум «Традиционные культуры северной части Тихоокеанского бассейна», в котором участвовали и сотрудники института. По второй проблеме велась подготовка к VI советско-американскому симпозиуму «Этнические процессы в СССР и США». Продолжалась работа по организации выставки «Кочевые народы Евразии», которая открылась 4 февраля 1989 г. в США.

В рамках сотрудничества с Канадой по изучению современного быта и культуры северных народов СССР и Канады в институт дважды приезжали группы канадских специалистов, посетивших основные этнографические центры СССР.

Продолжалось советско-французское сотрудничество по изучению этнографии народов Крайнего Севера.

Начато сотрудничество с антропологическими центрами ФРГ, которое имеет в перспективе взаимный обмен учеными, проведение мероприятий в рамках соглашения между двумя странами.

Международная конференция «Язык и этничность», проведенная по инициативе Венского центра, с которым институт поддерживает научные контакты, состоялась в июне в Баку.

Результатом сотрудничества советских и индийских антропологов и этнографов явилась проведенная в минувшем году в Москве и Дели советско-индийская выставка «Дружба» («Дости»).

В соответствии с подписанным в 1986 г. протоколом о сотрудничестве между Институтом этнографии АН СССР и музеем «Мир в миниатюре» (Япония, г. Инуяма) в отчетном году в г. Нара состоялась открытие выставки «Шелковый путь ведет в Налу».

В 1988 г. сотрудники института участвовали в следующих крупных международных форумах: XII Международном конгрессе антропологических и этнологических наук (СФРЮ, июль), Международной конференции «Социальные изменения и родственная организация» (Австрия, апрель), Международной конференции «200-летие открытия Австралии» (ГДР, октябрь), международном симпозиуме «Традиция как объект системного исследования» (ВНР, сентябрь), III Тюркологическом конгрессе (Турция, октябрь), международной встрече «Спорные вопросы социального объяснения психического поведения» (Франция, март) и в других международных и национальных этнографических и антропологических мероприятиях.

* * *

Большое внимание в минувшем году по-прежнему уделялось популяризации этнографических и антропологических знаний. Опубликованы книги: «Афоризмы старого Китая». Составление, перевод, предисловие, комментарии В. В. Малявина (10 п. л.), А. Д. Дридзо, Л. М. Минц «Люди и обычаи» (10 печ. л.) (на армянском языке); Р. Ф. Итс «Женский лик Земли (историко-этнографические новеллы)» (11,8 печ. л.); В. А. Никонов «Ищем имя» (5,2 печ. л.), М. В. Крюков «Этот таинственный остров Эроманга» (8 печ. л.), М. А. Родионов «Голубая бусина на медной ладони» (9,32 печ. л.), А. Б. Спеваковский «Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айном обществе)» (15,57 печ. л.), К. В. Чистов издал две книги «Ирина Андреевна Федосова. Историко-культурный очерк» (17,6 печ. л.) и «Калевала. Карело-финский эпос» (25 печ. л.). В серии «Рассказы о народах СССР», предназначенной для зарубежного читателя, издательством «Русский язык» опубликованы вторым изданием книги С. А. Арутюнова, В. П. Кобычева «В краю гор, садов и виноградников» (с комментариями на французском

языке, 18,86 печ. л.) и С. А. Арутюнова «У берегов Ледовитого океана» (с комментариями на чешском языке) (15,7 печ. л.). В издательстве «Знание» опубликованы брошюры А. С. Мыльников «Чаяния и ожидания народные: свободомыслие народной культуры» (2 печ. л.); А. К. Байбурина «У истоков календаря» (2 печ. л.); А. М. Коршунова «Технологический переворот и судьбы молодых» (4 печ. л.); С. Б. Рождественская опубликовала методическое пособие «Содержание и методы этнографической работы школьников» (2,25 печ. л.).

На иностранных языках в СССР и за рубежом вышли в свет книги: Ю. В. Бромлей «Основные этносоциальные тенденции в СССР» (7,3 печ. л., на английском языке), Ю. В. Бромлей, Р. Подольный «Этнос и история» (22,33 печ. л., на арабском языке), В. И. Козлов «Народы Советского Союза» (20 печ. л., Великобритания), «Расизм в теории и практике современного империализма» (10 печ. л., на испанском языке). В Японии на японском и английском языках был опубликован иллюстрированный каталог выставки АН СССР «Шелковый путь-88» в трех выпусках.

Сотрудники института опубликовали более 30 статей в зарубежных изданиях и более 90 научно-популярных статей в различных советских журналах и газетах, выступали по телевидению и радио, прочитали более 800 лекций в Москве, Ленинграде и других городах и селах страны.

Значительную работу по пропаганде этнографических и антропологических знаний продолжал вести Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР. В 1988 г. его посетили более 300 тыс. чел., для которых экскурсоводами Ленинградского бюро было проведено 6227 экскурсий. Экспонаты музея, как и в прошлые годы, широко демонстрировались в других музеях нашей страны (Эрмитаж, Государственный музей этнографии народов СССР, Музей истории религии и атеизма, Зоологический музей АН СССР, Музей истории Ленинграда, Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Музей М. В. Ломоносова и др.).

В минувшем году институт участвовал в выставках АН СССР: «Шелковый путь ведет в Нара» (Япония), «На стыке континентов: культуры народов Тихоокеанского Севера» (США), «Дружба» («Дости») (Москва—Дели); велась подготовка к открытию в 1989 г. выставки «Кочевники Евразии» (США).

В 1988 г. деятельность подразделений Института этнографии АН СССР и его отдельных сотрудников получила высокую оценку. За активное участие в работе Всесоюзного общества «Знание» Э. Л. Нитобург был отмечен благодарностью правления общества. За вклад в научное сотрудничество с Комитетом общественных наук СРВ в области этнографии С. И. Брук и М. Н. Губогло были награждены орденами «Дружбы» СРВ, В. С. Кондратьев — медалью «Дружбы» СРВ.

А. Е. Тер-Саркисянц

Примечания.

¹ См.: Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20—23 ноября 1988). М., 1988.

² См.: Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988. Хронику о сессии Ю. Д. Анчабадзе и Л. Т. Соловьевой см. в этом номере журнала.

XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

24—30 июля 1988 г. в югославском городе Загребе, столице Хорватии, состоялся очередной Международный конгресс антропологических и этнологических наук. В нем приняли участие более 2 тысяч ученых из 73 стран мира, в том числе 40 советских специалистов из различных научных учреждений Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Это был представительный научный форум, программа которого охватывала целый комплекс дисциплин, объединяемых таким широким понятием как социально-культурная антропология и этнология (в СССР это — этнография) и физическая антропология.

Так как программа конгресса была весьма обширной, и ее полное освещение в настоящей хронике представляется невозможным, мы ограничимся здесь характеристикой наиболее важных проблем и направлений, отражающих лицо современной мировой антропологии, за редким исключением не останавливаясь подробно на содержании отдельных докладов. По этой же причине мы сочли невозможным сколько-нибудь детально характеризовать деятельность советской делегации, которая была, безусловно, весьма плодотворной и получила высокую оценку со стороны мирового сообщества ученых*. Перемены в общественной жизни нашей страны позитивно воздействовали как на состав делегации (некоторые крупные специалисты впервые приехали на международный конгресс), так и на манеру мышления и общения с зарубежными коллегами. Ввиду того, что основные направления развития нашей науки, представленные в докладах советской делегации, хорошо известны отечественным специалистам, мы попытались уделить основное внимание именно той проблематике, которая в последние годы в особенности волнует умы зарубежных исследователей, а у нас либо вообще не затрагивается, либо известна недостаточно.

При всех различиях в понимании предмета данной науки ее главным объектом являются народы как этнические и историко-культурные общности на разных стадиях своей эволюции. И безусловно, проведение конгресса в многонациональной Югославии придало ему особый колорит. На торжественной церемонии открытия в концертном зале имени известного югославского композитора, родоначальника хорватской оперы В. Лисинского конгресс приветствовали президент Международного союза антропологических и этнологических наук Г. Мавер, президент скупщины города Загреба М. Микич, представитель генерального секретаря ООН Нобуаки Ода, член Президиума СФРЮ И. Врховец. А последовавший затем концерт лучших фольклорных ансамблей из Хорватии, Македонии, Черногории, Косово, Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Словении стал своеобразной визитной карточкой живой и устойчивой народной традиции в югославянском федеративном государстве. Следует признать, что в столице Хорватии летом 1988 г. мало что могло свидетельствовать о предстоящем резком обострении межнациональных отношений. В стране, хотя и росли цены, но несмотря на инфляцию вполне очевидной была достаточность и хороший выбор промышленных и продовольственных товаров, хороший настрой и доброжелательность горожан, явно возросший позитивный интерес к Советскому Союзу после состоявшегося визита М. С. Горбачева.

В центре внимания конгресса были крупнейшие проблемы исторической эволюции человека на уровне историко-культурных и этнических сообществ, современные этнические процессы и межнациональные отношения. Безусловно, происходящий в мире в последние десятилетия процесс так называемого «этнического возрождения», рост национального самосознания больших и малых народов Земли, обострение национального вопроса во многих странах вплоть до открытых этнических конфликтов поставили перед наукой, занимающейся изучением народов, вопросы, поиск оптимальных ответов на которые имеет не просто абстрактно-научное, но и огромное общественно-политическое значение. Осознание этой новой ответственности этнологических исследований

* Полные тексты докладов советских ученых, представленных на конгресс, были опубликованы в 1988 г. в виде отдельных брошюр на английском языке. Оргкомитетом также опубликованы и тезисы докладов конгресса (Collegim Antropologicum. Vol. 12. 1988. Supplement. Abstracts. 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Zagreb, 24—31 July 1988).

в сложном и быстро меняющемся современном мире, их прикладных, практических функций ставило одну из наиболее характерных черт общей атмосферы конгресса.

Пленарная сессия была посвящена будущему антропологии на рубеже XXI в., и в докладах наиболее видных представителей профессии (С. Бельшоу, Ю. Бромлей, Р. Бурман, П. Бэйкер, Р. Катичич и др.) был высказан ряд важных положений о новых горизонтах этнологического знания, необходимости интеграции биолого-эволюционистских, историко-лингвистических, культурологических подходов, методик и конкретных результатов для реконструкции законов развития человеческих популяций в прошлом и выявления тенденций и перспектив эволюции этнических общностей в современную эпоху. В то же время отмечалась необходимость сохранения целостности этнологического знания, опасность размывания его предметной области, а значит и утраты специфики этнологии прежде всего как науки о народах (этносах). Несмотря на растущую взаимозависимость народов в мире, нивелировку образа жизни современного человека в условиях урбанизации, человечество сохраняет и будет сохранять в будущем огромное культурное разнообразие и в этом заключается главная гарантия благоприятного развития науки. «Единство в многообразии» — такова, видимо, одна из основных формул, по которой будет развиваться человеческая цивилизация, если сохранится мир на Земле.

На конгрессе, пожалуй, впервые прозвучала отчетливо тема **«антропологии мирового сообщества»**, в рамках которой обсуждались вопросы влияния современной информационной технологии на структурные изменения в локальных культурах, усложнения форм социальной организации и многовариантности общественного развития в результате сознательного поиска и выбора народами наиболее благоприятных условий социального существования и сохранения ими своей культурной самобытности. Особо концентрированное выражение культурно-экологическая тематика нашла в выступлениях американских ученых Р. Лафридж и Р. Раппапорта. Р. Лафридж показала, что бесконтрольный технический прогресс в условиях нарастания интеграционных тенденций в мировой экономике ведет к деградации биосферы. Уже сейчас во многих районах мира на смену вариативным природным сообществам пришли унылые ландшафты антропогенного происхождения, в которых непомерно большое место занимают отдельные немногочисленные виды культурных растений. При этом, как подчеркнула докладчица, дальнейшее развитие мировой экономической системы ведет к тому, что человечество неосознанно все больше губит биосферу, не пытаясь даже вникнуть в особенности ее функционирования. В этом докладе содержится недвусмысленный призыв остановиться, оценить дело рук своих и пока не поздно позаботиться о сохранении естественной структуры природного окружения, уничтожение которого грозит гибелью человечеству и его культуре.

Доклад Р. Раппапорта был посвящен другой не менее важной проблеме: как некоторые явления человеческой культуры могут создать серьезную угрозу человечеству. Автор выдвинул парадоксальное суждение: появление языка и ритуала, а позднее письменности вели к складыванию поведенческих и идеологических схем и стереотипов, которые со временем становились тормозом для продвижения человечества вперед. Автор проиллюстрировал эту мысль на примере так называемой религиозной истины, которая при столкновении с противоречивыми реальностями человеческой действительности понуждала своих адептов объявлять ложью некоторые жизненные реалии. То же самое происходило и в общественной жизни, где существующий порядок вещей мог объявляться единственно истинным, а покушение на него сурово каралось. Все это вело к определенному социальному отбору, далеко не всегда полезному для человечества. Развитие науки поколебало господство религиозного порядка, но породило новые проблемы, связанные с противоречивостью накапливаемых знаний и исчезновением целостного видения мира. Развитие промышленности вышло из-под контроля человека и закабалит его, а технический прогресс начал противоречить интересам человечества и стал угрозой нормальному существованию биосферы. Р. Раппапорт считает, что антропологии будущего должно быть присуще активное участие в той самой человеческой жизни, которую она изучает, а это поставит антропологию во главе науки будущего, причем ее стержнем будет экология, которая только и позволит выработать целостное видение мира.

Другой примечательной тенденцией в развитии мировой антропологии, проявившейся на конгрессе, можно назвать стремление осознать и мобилизовать накопленный народами опыт (в том числе его самых глубинных пластов) для решения вопросов благосостояния людей, включая опыт традиционной хозяйственной практики, рационального взаимодействия с окружающей средой, сохранения здоровья и устранения социальных болезней, противоречий и несправедливости. На специальных симпозиумах обсуждались социально-культурные, генетические и медико-биологические аспекты воздействия на человеческие популяции и группы современного промышленного развития, разрушения экологического баланса, крупных аварий и природных бедствий, насильственных переселений и вынужденных миграций. Актуальное значение имеют результаты исследований, обсуждавшихся на симпозиумах по так называемой медицинской антропологии (главным образом, об использовании народных знаний о сохранении здоровья и лечении болезней), по вопросам употребления и злоупотребления алкоголем, галлюциногенами и наркотиками в культуре различных стран мира, по проблемам добывания пищи, рациональной диеты, голода и недоедания, с которыми сталкиваются еще многие народы мира. Специально обсуждались антропологические аспекты здоровья народов, проживающих в арктических и субарктических зонах, в районах засух и наводнений.

Бесспорно огромное значение экологического подхода к изучению и решению некоторых практических вопросов хозяйствования, вставших в последние годы перед человечеством. На конгрессе это было продемонстрировано в докладах, посвященных конкретным исследованиям и рекомендациям, связанным со взаимоотношениями человека и природной среды как в современных

слових, так и в прошлом. Особой активностью здесь отличались индийские специалисты, представившие основное число докладов на такие симпозиумы как «Место обитания и природная среда», «Здоровье, культура и природная среда», «Лес, лесные обитатели и развитие лесов: экономические приобретения и природные потери». Было показано, что проблема сохранения леса настоящее время приобрела первостепенную важность для подавляющей части населения земного шара.

В некоторых выступлениях описывались особенности воздействия охоты, собирательства подсечно-огневого земледелия на природное окружение, говорилось о традиционных методах работы об обновлении и восстановлении естественного растительного покрова. Правда, вопрос роли подсечно-огневого земледелия и сведения лесов вызвал противоречивые суждения и не получил однозначной оценки, однако все специалисты подчеркивали, что главной причиной уничтожения лесов является их неумеренное коммерческое использование. Было отмечено, что одним из трагических последствий исчезновения лесов является уничтожение самих основ образа жизни многочисленных племенных групп, ставящее их будущее под сомнение, и в последнее время, в частности, в Индии, Таиланде, в Амазонии это приводит к возникновению племенных движений за свои права на лесные ресурсы.

Правильное понимание современных тенденций во взаимоотношениях человека и природы требует рассмотрения процессов в глобальной перспективе при непосредственном учете исторического опыта, накопленного человечеством. Поэтому неслучайно, что в рамках конгресса работал симпозиум под названием «Человеческая среда: прошлое, настоящее и будущее», а доклады по той и близкой ей проблематике были представлены и на многих других симпозиумах. Целая серия докладов была посвящена историческому аспекту взаимоотношений человека и природы различных регионов мира, для чего широко применялись археологические материалы и некоторые этнографические и экологические концепции. В таких докладах, как правило, делалась попытка междисциплинарного подхода к реконструкциям древних процессов, к выработке методики таких реконструкций, в частности, намечались пути применения экологических концепций в социальных науках. Было показано, что при соблюдении необходимой осторожности и соответствующей их корректировках экологический подход имеет важное эвристическое значение для понимания антропогенеза, а также эволюции древних и средневековых обществ. В одном из докладов был детально проанализирован природный фон становления древнейшей государственности в Африке, Америке и на Ближнем Востоке, в другом — подчеркнута тесная связь между традиционными этническими группами и природной средой. Важным представляется призыв к правильному использованию понятия «экологическая ниша», которое теснейшим образом связано с фенотипом и означает условия окружающей среды, требующиеся для нормального существования данного биологического организма. Например, ниша эндогамной этнической группы будет включать среду, необходимую для ее жизнедеятельности, начиная с хозяйственной системы и кончая социополитическим устройством. Это определение заслуживает внимания потому, что и в зарубежной, и в нашей науке понятие «ниши» часто используется чересчур упрощенно, что обесценивает его познавательное значение.

Особую группу составили доклады, посвященные изменениям в традиционных обществах, в частности, в условиях современной модернизации и индустриализации. Многие авторы настойчиво подчеркивали необходимость изучения влияния последних на демографическую картину, социальные черты, здоровье традиционных групп. Особенно остро эта проблема стоит в развивающихся странах третьего мира, и неслучайно наибольшую активность в ее обсуждении приняли ученые из стран Азии и Африки. Было, в частности, отмечено, что методы современного хозяйствования, значительно видоизменяющие естественный растительный покров и ландшафты, губительно сказываются на хозяйстве еще сохраняющихся племенных групп, в перспективе грозят уничтожением их культуры. В Индии, например, разработаны и действуют государственные программы помощи племенному населению, но в современных условиях их явно недостаточно. Очень серьезно стоит вопрос и о влиянии современной индустрии на здоровье окружающего населения. В этой связи один из докладов был посвящен взрыву на химическом заводе в Бхопале и его трагическим последствиям. Как подчеркнул докладчик, такого рода катастрофы ставят перед человечеством серьезные философские и теоретические проблемы, связанные со стратегией дальнейшего развития.

Рядом исследователей была показана опасность отказа от традиционных методов гигиены и здравоохранения в условиях, когда им на смену не приходят новые альтернативные. Так, в ряде районов Индии в период колониализма совершился отход от традиционной системы здравоохранения, а новая так и не сложилась, что неблагоприятно сказалось на здоровье людей. К сожалению, как показывают материалы конгресса, до сих пор малоизученной остается проблема здоровья среди мигрантов, переселившихся в новую для себя природную и культурную среду. Лишь немногие докладчики касались этого. Было отмечено, что характер заболеваемости является достаточно чутким индикатором степени адаптации группы к природной и социальной среде. В частности, под этим углом зрения была рассмотрена ситуация у 0,5 млн. курдов, переселившихся в середине XX в. в ФРГ в поисках лучшей доли. Однако, решив тем самым одни проблемы, эти переселенцы встретились с другими, не менее серьезными — этнокультурными, социально-экономическими и медицинскими.

Некоторые специалисты из стран третьего мира посвятили свои выступления проблемам планирования семьи. Наибольший интерес из них вызвал доклад о реализации программы по планированию семьи в Индии — выяснилось, что ее охотнее воспринимают индустры, чем мусульмане и племенное население. На конгрессе поднимался и вопрос о социально-экономическом и социокультурном статусе неизлечимо больных и их месте в обществе в различных странах мира.

(речь шла о слепых, прокаженных, больных СПИДом, причем последним был посвящен специальный симпозиум).

Огромное значение экологии и экологических знаний в современном мире отразилось в выступлениях ряда участников конгресса, справедливо поставивших вопрос о необходимости обязательного экологического обучения в системе народного образования, о расширении экологического кругозора людей, в особенности руководителей разного ранга, которым приходится принимать решения, затрагивающие судьбы людей и окружающей природы.

Некоторые симпозиумы были посвящены экологическим проблемам отдельных регионов или этнических групп. Помимо вышеупомянутого симпозиума о лесной проблеме в Южной Азии, повестка дня конгресса включала обсуждение экологической ситуации в Африке, причем и здесь была подчеркнута настоятельная необходимость междисциплинарного подхода, без которого сейчас, пожалуй, уже невозможно принимать сколько-нибудь продуманные сбалансированные решения по жизненно важным вопросам хозяйствования. Особую тревогу ученых-африканистов вызывали проблемы эффективного использования водных ресурсов, судьбы кочевников-скотоводов, тенденции развития сельскохозяйственного хозяйства и традиционных обменных систем, борьба со стихийными катастрофами и их последствиями и пр.

Два симпозиума были посвящены судьбам охотничье-собираТЕЛЬСКИХ групп в современном мире, в особенности, в Юго-Восточной Азии. Здесь столкнулись две точки зрения, высказанные в докладах организаторов симпозиумов — Т. Хэдленда и Г. Персуна. Обсуждая вопрос о переводе охотников и собирателей на сельскохозяйственный образ жизни, Т. Хэдленд (США), используя такие экологические концепции как «ниша», «симбиоз», «принципы соперничества» пытался показать, что так называемый «хозяйственный консерватизм» охотников и собирателей связан не с отсутствием у них сельскохозяйственных знаний и навыков, а с губительными последствиями, которые несет им переход к земледелию в обстановке конкуренции с более развитыми и более сильными соседями-земледельцами. При этом автор стремился руководствоваться экологическим законом, согласно которому два вида, конкурирующие за одни и те же ресурсы, не могут нормально сосуществовать рядом друг с другом.

Соглашаясь с рядом справедливых замечаний автора относительно некоторых объективных и субъективных сложностей перехода охотников и собирателей к производящему хозяйству, следует все же отметить в его позиции определенные биологизаторские тенденции, которые и привели его к несколько упрощенному решению вопроса. Альтернативный подход нашел свое отражение в выступлениях ряда других специалистов, говоривших о реальных достижениях и неудачах при переходе охотников и собирателей к земледелию, рисовавших конкретные условия и особенности этого процесса у аэта Филиппин, кубу Суматры, онге Андаманских о-вов и др., а также обсуждавших достоинства и недостатки правительственных программ помощи таким группам на Филиппинах, в Индонезии, на Андаманских о-вах. Г. Персун (Нидерланды) подверг критике слишком прямолинейное использование экологических концепций (в частности, концепции симбиоза) в применении к социальной реальности. Он показал особенности современной хозяйственной и этнокультурной трансформации у различных групп кубу, в том числе указал на факты распространения у них земледелия при сохранении некоторых черт традиционной культуры и этнического самосознания. Вместе с тем, и Г. Персун, и некоторые другие докладчики солидаризировались с Т. Хэдлендом в негативной оценке некоторых правительственных программ «помощи» охотникам и собирателям, которые неосознанно, а порой и вполне сознательно направлены на насильственную этнокультурную унификацию и ведут не к улучшению жизни племенных групп, а к их полному исчезновению. В особенности критике была подвергнута такая программа, проводимая в настоящее время в Индонезии. Было обращено внимание на то, что еще в 1968 г. участники VIII МКАЭН приняли воззвание, направленное против насильственной аккультурации.

Одним из специфических хозяйственно-культурных типов, который испытывает в современной обстановке большие трудности и постепенно модифицируется, является кочевое скотоводство. Проблемы, стоящие перед кочевниками и перед государствами, в которые они входят, издавна стоят в центре внимания специалистов-кочевниковедов. Рассматривались они и на одном из симпозиумов XII МКАЭН. Внимание участников этого симпозиума более всего было направлено на особенности хозяйства, культуры, перекочевок и взаимоотношений с соседями, а также на политические структуры у кочевников Азии и Африки (Индии, Ближнего Востока, Сомали, Кении, Танзании) и их изменения в современной обстановке. Большой интерес, как и прежде, вызывали процессы перехода кочевников к оседлости, его условия и последствия. Эта проблематика рассматривалась на материалах Советской Средней Азии, Иордании, Кувейта, Ливии и Судана. Прямо противоположный процесс, а именно, переход оседлой группы к являющимся методам скотоводства, был обрисован в докладе А. Н. Ямского (СССР), описавшего характер скотоводства у группы русских переселенцев в Азербайджане.

Весьма актуальная, полная драматизма тематика рассматривалась на симпозиуме, посвященном вынужденному или насильственному переселению отдельных групп населения и целых этнических групп. В ряде докладов анализировались причины, характер и последствия переселений в ряде стран Африки и Индии, вызванных частично природными катаклизмами и войнами, но по большей части строительством ирригационных сооружений и искусственных водохранилищ. Проводился детальный анализ социокультурных изменений у разных групп переселенцев (в том числе, в системе традиционных родственных и семейных связей). В частности, на широких сравнительных материалах был отмечен большой вред для здоровья людей насильственных переселений их из одной природной среды в другую. Рассматривалась государственная политика в отношении переселенцев и методы ее совершенствования. На примерах Эфиопии, Судана, Уганды, Мали был показан

характер государственной и международной помощи переселенцам, отмечались ее недостатки и вносились рекомендации по ее улучшению. В целом представленные доклады создают впечатление, что массовые переселения, в особенности проводимые насильственным путем, имеют гораздо больше негативных, нежели позитивных последствий. Указывая на непомерно большие социальные потери из-за таких переселений, некоторые специалисты призывали к поиску и использованию новых источников энергии, не требующих массовых переселений. Здесь следует сказать, что хотя руководство конгресса старалось избежать каких-либо открытых политических акций, тем не менее по инициативе венгерских ученых на заседании Генеральной ассамблеи Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН) было принято специальное «Заявление» по проблеме насильственной миграции. В нем отмечается, что во многих странах насильственные переселения осуществляются под прикрытием ложно понимаемого «прогресса», а на самом деле они ведут к разрушению хозяйственной стабильности и культурной целостности отдельных групп населения. МСАЭН обратил внимание соответствующих международных организаций, включая ООН, ЮНЕСКО, Банк мирового развития и другие, на эту опасность и призвал с большей осторожностью оказывать поддержку различным программам и проектам, которые могут вызвать негативные социокультурные последствия.

Нетрудно заметить, что перечисленные выше доклады в подавляющем большинстве были посвящены прикладной тематике; это вообще свойственно западной антропологии и производной от нее антропологии стран третьего мира. Помимо этого, на конгрессе работал симпозиум, специально посвященный прикладной антропологии, направления деятельности которого были достаточно противоречивыми, что свидетельствует о неоднозначности ситуации, в которой очутились в наше время прикладная антропология. С одной стороны, будучи изначально связанной с крупным капиталом и обслуживая его интересы, прикладная антропология и ныне продолжает выполнять эту роль. Об этом свидетельствуют доклады, посвященные изучению пригодности тех или иных работников для владельцев крупных предприятий, влияния культурных ориентаций и этнического поведения на производительность труда, взаимоотношений работающих на совместных японско-американских предприятиях, особенностях контактов между бизнесменами разной этнической принадлежности, положения британских чиновников за границей. Усиленно вырабатывается теория индустриальной антропологии, призванная изучать этническое в стилях руководства промышленными предприятиями. Но с другой стороны, опыт ряда других исследований показывает, что прикладная антропология как метод исследования не порочна по своей внутренней сути и может быть использована в прогрессивных благородных целях. Это проявилось, прежде всего, в докладах ученых о роли антропологической науки в разработке программ развития и демографической политики, а также в деле улучшения здравоохранения и гигиены. Заботой о судьбах стран третьего мира был проникнут доклад о достоинствах и недостатках биотехнологии, последствия использования которой были рассмотрены на примере так называемой «зеленой революции». Ряд выступавших рассказали о проблемах политехнического образования в Нигерии, культурных факторах роста народонаселения в Египте, образе жизни средних слоев общества в Югославии, трудовой взаимопомощи в сельских районах Венгрии и пр.

В целом по своей тематике к рассмотренному выше экологическому направлению примыкают несколько симпозиумов, специально посвященных проблемам здоровья и здравоохранения. Правда, как показывает анализ, до сих пор не сложилось четкого разграничения предметной области между медицинской антропологией и изучением чисто медицинских проблем. Впрочем, и это, и вообще несоразмерно большая доля соответствующих выступлений в повестке дня конгресса была вызвана, главным образом, тем, что одним из устроителей XII МКАЭН наряду с хорватским антропологическим обществом, был Институт медицинских исследований и профессионального здоровья Загребского Университета.

Важное место в повестке дня конгресса было отведено изучению алкоголизма и методов борьбы с ним. Здесь рассматривались конкретные материалы по ряду европейских стран (Югославия, Польша, Греция), по индейцам Северной Америки и народам океанического региона, обсуждались результаты кросскультурных исследований. Наиболее детально о проблемах антиалкогольной политики рассказали ученые из Югославии и США, где накопился большой многолетний крайне интересный опыт борьбы с алкоголизмом. Было прослежено постепенное смещение акцентов в этой борьбе от фанатизма и нетерпимости до более чуткого терпимого отношения к людям, исходящего из понимания того, что алкоголизм — это болезнь. В докладах югославских ученых рассматривались семейные проблемы, связанные с алкоголизмом, роль потребления алкогольных напитков в традиционной культуре, в частности, в ритуалах, отражение этого в фольклоре; приводились статистические данные о неравномерной распространенности алкоголизма в разных районах СФРЮ. Было заметно, что югославские ученые и общественность со всей серьезностью относятся к проблеме алкоголизма, и нам есть чему у них поучиться. Во всяком случае, судя по нашим путевым впечатлениям, в Хорватии борьба с алкоголизмом ведется весьма успешно: при неограниченном доступе к весьма разнообразным спиртным напиткам и необычайной дешевизне, их потребление здесь отличается большей умеренностью и проблема пьянства практически отсутствует.

Серьезное внимание борьбе с алкоголизмом уделяется и в США, где под влиянием христианской церкви еще в начале XX в. было создано общество «Анонимный алкоголик», которое в настоящее время переросло в международное движение, охватившее к 1983 г. более ста стран. В докладах американских ученых анализировалась история борьбы с алкоголизмом и различные методы этой борьбы, оценивалась их эффективность, рассматривались исторические, культурные и социальные корни алкоголизма, его влияние на здоровье. Несколько докладов было специально посвящено проблемам алкоголизма у североамериканских индейцев. В частности, был отмечен рост

пьянства у навахов, сиу и мусковых, поселившихся в Лос-Анджелесе и оторвавшихся от традиционной обстановки и традиционных культурных ценностей. Серьезной проблемой пьянства является и у индейцев-папато. Ряд докладов был посвящен методам борьбы с алкоголизмом у индейцев Северной Америки. Примером определенных успехов на этом пути служит работа антиалкогольного центра на северо-западном побережье Северной Америки, где для лечения привлекаются местные народные терапевтические знания и навыки. Движение за трезвость находит понимание и в среде самих индейцев, где соответствующие инициативы нередко связаны с ростом этнического самосознания, обращением к древним культурным традициям и борьбой за гражданские права, как это произошло в 70-е гг. у индейцев Северных равнин (в Канаде и на севере США).

Интересные данные о распространенности алкоголизма, истории борьбы с ним и относительной эффективности различных ее методов (возрастных ограничений, введения особых часов продажи, борьбы с самогонованием, установления высоких цен, ограничения ввоза, введения «сухого закона» и т. д.) были показаны на материалах Гавайев, Австралии, Папуа Новой Гвинеи, Новой Зеландии, о. Моен (Микронезия).

При лечении больных с учетом генетических и историко-культурных особенностей каждого сообщества, наибольший эффект в воздержании от повторного употребления алкоголя после проведения лечения был, в частности, достигнут при отселении этих семей — они были размещены в отдельных поселках или частях поселения, где формировали сообщества, ведущие трезвый образ жизни. По данным Е. Андерсона (США), больше половины коренного населения северо-западного побережья США, которое «прошло» лечение и жило отдельно от пьющих, ведут трезвый образ жизни. В докладе М. Брэди (Австралия), была выявлена неэффективность полного запрета на алкоголь, и в настоящее время по инициативе самих аборигенов в законодательном порядке обозначены зоны с действующим «сухим» законом. Эта форма частичного запрета в отдельных районах с концентрацией аборигенного населения оказалась наиболее эффективной. Эти и другие подобного рода данные, безусловно, заслуживают детального анализа и обсуждения и способны принести большую пользу в борьбе с алкоголизмом. Частично такая работа уже ведется, что нашло отражение в докладе Д. Хита (США), посвященном кросскультурным исследованиям государственной политики по борьбе с алкоголизмом в различных странах мира. Автор проанализировал успехи и неудачи такой политики и разработал некоторые рекомендации с учетом местной социокультурной и экономической обстановки.

Региональные этномедицинские проблемы рассматривались на симпозиуме, посвященном народам Арктики и Субарктики. Цель этого симпозиума состояла в изучении антропологических и медицинских последствий изменения образа жизни местных арктических и субарктических популяций в современных условиях. В этих зонах веками складывались особые генетические характеристики, связанные с местной экологией и образом жизни, и изменения последних имеют для здешних обитателей весьма серьезные труднопредсказуемые последствия.

Как отметил организатор симпозиума С. Зегура (США), проблемы здоровья приполярных популяций должны рассматриваться в фокусе особенностей генофонда коренного населения, его популяционной структуры и микроэволюционной истории, в корне отличных от наследственной основы, популяционной структуры и микроэволюционной истории современных индустриальных популяций. Различия в истории и традиционно-хозяйственном укладе обострили проблемы медицинской помощи и профилактических мероприятий, разные у коренного и пришлого населения американской Арктики и Субарктики. Острота ситуации подчеркнута в законодательном Акте 1984 г., принятом в США и направленном на интенсификацию медико-биологических исследований коренного населения Аляски — индейцев и эскимосов.

Понимая всю серьезность этой проблемы, ученые США с 1984 г. проводят специальное интенсивное ее изучение. В частности, было установлено, что если в традиционных условиях арктическое население отличалось повышенной работоспособностью, то сейчас с введением современной технологии и в условиях аккультурации оно теряет эту способность, причиной чего являются большая скудность в современных поселках, изменения в питании, распространение курения и алкоголизма и пр. Все это неблагоприятно сказывается на мышечных тканях, ведет к ожирению и порождает ряд других негативных последствий в организме человека. Было обращено внимание и на социально-психологические аспекты современной ситуации, связанной с крушением традиционной картины мира, находящейся в противоречии с новыми ценностными ориентациями. В аккультурированных эскимосских группах это ведет к росту самоубийств, развитию алкоголизма, семейным конфликтам и пр. Бесконтрольная иммиграция ведет к небывалой скудности населения в отдельных поселках и вызывает резкое ухудшение эпидемиологической обстановки, как это произошло за последние 20 лет в Барроу на Аляске. В ряде докладов рассматривались особенности питания, здоровья и народной медицины у индейцев Субарктики (догриб и оджибве).

Симпозиум свидетельствовал о том большом внимании, которое американские ученые уделяют сложным проблемам народов Севера, и это открывает хорошие перспективы для советско-американского сотрудничества в указанной области. О некоторых аспектах такого сотрудничества речь шла при обсуждении совместной программы по здравоохранению, разработанной Университетом Аляски и Сибирским отделением АМН СССР. Нам представляется важным подключение к этой программе советских этнографов и антропологов, занимающихся проблемами Севера.

К этой же проблематике можно отнести и симпозиум «Палеопатология человека» (председатель Д. Ортнер, США). Помимо традиционных докладов, посвященных диагностике инфекционных и неинфекционных болезней по ископаемым останкам, были представлены доклады, представляющие новое научное направление, благодаря применению методов молекулярной биологии. В частности, была показана возможность методов секвенирования ДНК, получаемой из мягких тканей, зубов

и волос ископаемых останков человека для последующего эволюционно-генетического сопоставления, в том числе и для сравнения с митохондриальной ДНК, полученной от ныне живущих людей разных рас и национальностей.

Представительным был симпозиум «Генетика и популяционная структура» под председательством М. Кроуфорда (США). В докладах преобладали сообщения о новых методах, способах оценки и измерения внутри- и межпопуляционной изменчивости в традиционных сообществах. Приводились результаты этих работ с оценкой действия различных факторов микроразвития процесса, формирующих такую изменчивость. Под тем же углом зрения рассматривались черные карибы Центральной Америки, джирелы Непала, коренное население Северной Америки, а также чукчи и азиатские эскимосы (доклад Р. Сукерника, СССР). Некоторые выступления были посвящены междисциплинарному исследованию изолятов, в том числе по демографической структуре и популяционной динамике меннонитов, живущих обособленными религиозными сообществами в штатах Канзас и Небраска (доклад Д. Ж. Стивенсона с соавторами, США).

Специальный симпозиум был посвящен проблемам физического воспроизводства народонаселения, которые понимались в чрезвычайно широком плане — от особенностей сексуального поведения и полового воспитания до изучения речевой артикуляции у новорожденных. Здесь затрагивались разнообразные весьма актуальные проблемы, которые, к сожалению, пока что, за редким исключением, выпадают из поля зрения советских этнографов, например, некоторые этнические особенности воспроизводства народонаселения, влияние практики ухода за младенцами на рождаемость, традиционные методы искусственного контроля за рождаемостью, методы сбора и анализа сексологической информации. Интересны данные о практике родоспособности из Нидерландов, где по традиции сохраняются высокие престиж повивальных бабок и наблюдается необычайно высокий для развитой страны процент приема родов в домашних условиях (35%). Детская смертность при этом очень мала.

Особое внимание на конгрессе было уделено проблемам старости, которым было посвящено несколько симпозиумов. На одном из них акцент был сделан на биологических особенностях старения — возрастных морфологических, иммунологических и физиологических изменениях и их влиянии на здоровье людей, влиянии пищевого рациона на продолжительность жизни и пр. Делались попытки выявить особенности этих процессов в селе и в городе, в развивающихся и развитых странах, проанализировать изменения в связи с трансформацией традиционного образа жизни (например, на материалах о-вов Самоа). Комплексный подход к проблеме долгожительства был продемонстрирован в докладе советского участника симпозиума В. И. Козлова на материалах, собранных советскими учеными в Абхазии и в Азербайджане в 1978—1985 гг. Важно отметить практическую ориентацию рассмотренного симпозиума, направленную на выработку программ помощи пожилым людям.

В ином, социокультурном ракурсе проблема старости рассматривалась на двух других симпозиумах «Культурный контекст старения» и «Социальная помощь, жизненный цикл и старение», где нашло отражение всестороннее изучение старости как явления культуры. Анализ подверглись жизнедеятельность пожилых людей, их привычки, представления о себе, о мире, проведение досуга, жилищные условия, питание, одежда, взаимоотношения в семье. Для этого привлекались материалы из США, Великобритании, Польши, Югославии, Ганы, Сомали, Малайзии и др. Было отмечено, что в условиях модернизации образа жизни происходит снижение социального статуса пожилых людей и в этой связи особое значение приобретают социальные механизмы помощи старикам, в том числе, и со стороны государственных учреждений и организаций. В выступлениях ряда специалистов шла речь о чрезвычайно разнообразных видах этой помощи и взаимопомощи в США, Англии, ФРГ, Польше, Югославии, Нидерландах, Индии, Юго-Восточной Азии и других странах. В частности, ученые из США и Польши ведут разработку программы обучения для пожилых людей, желающих расширить свой кругозор и активно участвовать в общественной жизни. Ученые Польши считают, что такое обучение может создать новые виды активной деятельности для пожилых людей, способные принести большую пользу и им самим, и обществу. Во многих докладах в той или иной мере затрагивались и этнические аспекты старости, отражающиеся, в частности, в характере семейной и родственной взаимопомощи. Симпозиумы, посвященные старости, воочию демонстрируют, что в современных условиях неуклонного повышения уровня жизни и улучшения медицинского обслуживания доля пожилых людей в составе народонаселения прогрессивно возрастает, и это порождает много новых социальных проблем, настоятельно требующих взвешенных продуманных решений, опирающихся на серьезные научные исследования. По-видимому, определенный вклад в это должны внести и наши ученые, однако тех сил, которые сейчас заняты в этой сфере научной деятельности, явно недостаточно.

Огромное место в жизни современного человечества занимает продовольственная проблема. В связи с этим в разных странах сейчас организуются или уже действуют рабочие группы по изучению особенностей пищевого рациона у разных народов и в разных социальных слоях, ставящие своей целью исследование хозяйственных кризисов, способов борьбы с ними и выработку оптимального пищевого рациона. Некоторые итоги таких исследований обсуждались на симпозиумах по антропологии питания. Организатор одного из симпозиумов Р. Харэ (США) призвал к систематическому изучению пищевого рациона в развитых и развивающихся странах и к введению особого «коэффициента безвредности пищи». Другие докладчики касались хозяйственных кризисов (в особенности, в связи с наводнениями) и методов их преодоления. Указывалось, что в ряде случаев современные хозяйственные кризисы вызваны не столько природными катаклизмами, сколько безответственным отношением к планированию хозяйственной деятельности, вызванным узкокорыстными интересами. Известный кочевниковед Б. Спунер (Канада) сделал попытку выработать

теорию дезертификации, исходя из которой, по его мнению, можно прогнозировать процессы наступления пустыни. В целом выводы участников этого симпозиума отчасти перекликались с теми, которые звучали при обсуждении рассмотренных выше экологических проблем: для улучшения систем хозяйствования нужны хорошо обоснованные региональные подходы, учитывающие особенности местной природной среды, социоэкономической и социокультурной обстановки, и опирающиеся, в частности, на многовековые народные традиции.

С этой точки зрения важное значение имеет изучение продовольственных, медикобиологических и демографических проблем в исторической перспективе. Этому был посвящен отдельный симпозиум, где на основе археологических и нарративных источников рассматривался характер связей между демографическими тенденциями, болезнями и питанием. Здесь был затронут и вопрос о социальной обусловленности некоторых болезней, связанных с различиями в пищевом рационе у разных слоев населения.

Один из показателей социальных различий в питании — ожирение и тучность, которые также не были обойдены вниманием участников конгресса. Приведенные ими кросскультурные данные свидетельствуют о том, что для традиционных обществ весьма характерным было почитание тучности как показателя достатка, благосостояния, а следовательно, и высокого социального статуса. Вместе с тем, в современных условиях с переходом к новому образу жизни, новой системе питания и с распространением медицинских знаний происходит отказ от этих представлений, люди начинают осознавать вред тучности для здоровья. По мнению Н. Скримшоу, изменение отношения к тучности отражает определенную закономерность: накопление веса могло играть положительную роль в архаических обществах, подверженных голодовкам; тогда как в условиях роста уровня жизни в современную эпоху на первый план выходят вредные стороны ожирения — повышенное давление, ожирение сердца и пр.

В современной антропологии отчетливо обозначился интерес к изучению биологических, социальных и культурных проблем пола, особенно статуса, менталитета «субкультуры» женщин у различных народов и в разные исторические эпохи, к антропологии возрастных, профессиональных и социальных групп. В связи с этим в рамках МСАЭН уже несколько лет работает женская комиссия, по инициативе которой на рассматриваемом конгрессе были проведены заседания, посвященные памяти известной исследовательницы женского вопроса Э. Ликок, а также современному положению женщин в ряде мусульманских стран и феминистским движениям. Было подчеркнуто, что с середины 60-х гг. Ликок возглавила марксистское направление в феминистском движении в США и вела непримиримую борьбу против социального неравенства, расизма и т. д. В итоге целое поколение молодых американских антропологов именно благодаря ей познакомилось с идеями марксизма, а также феминизма. К сожалению, работы Ликок и труды ее последовательниц в нашей стране известны мало, да и вообще «женская тематика» в последние десятилетия остается где-то на задворках. Необходимо предпринять самые решительные шаги к изменению этой ситуации тем более, что в нашей стране, как и за рубежом, соответствующие проблемы стоят весьма остро и заслуживают самого пристального внимания.

Особого накала страсти достигли при обсуждении движения фундаменталистов, охватившего в последние годы ряд государств мусульманского мира. Идеология фундаментализма, требующего безусловной лояльности по отношению к крупным этническим, конфессиональным и национальным общностям, направлена прежде всего на внутрисемейную сферу, активно способствуя закабалению женщин, лишению их всяческих прав. Особенно опасным это движение становится в условиях современной тенденции к политизации религии в ряде мусульманских стран. На проходившей недавно конференции в Найроби было подчеркнуто, что женский вопрос неотделим от более широких социальных, экономических и политических проблем, что особенно ярко проявляется в том яростном отпоре, который фундаментализм получает со стороны разрастающегося движения женщин за свои права.

Сейчас внимание мировой науки нацелено на глубокое изучение феминистских движений, их социальной базы, условий их существования, характера деятельности, идеологии, целей и пр. Зародившись в развитых странах Запада, феминистское движение в настоящее время охватило многие районы третьего мира, где приобрело весьма своеобразные черты, требующие специального внимательного изучения.

Ученые разных стран, собравшиеся на конгрессе, выразили полное единодушие в том, что «антропология пола» призвана сыграть огромную роль в построении общей антропологической теории. Во многих докладах делались попытки развенчать миф о вечности мужского социоэкономического и социокультурного доминирования, приводились интересные сведения о динамическом состоянии взаимоотношений полов у разных народов мира. Особое внимание было уделено изменениям традиционных половых ролей и статусов в ходе современной модернизации. Было подчеркнуто, что с развитием индустрии значение женского труда возрастает, но в то же время сама по себе модернизация не определяет автоматически соотношения половых ролей в социальной жизни, так как они находятся под сильным влиянием традиции. Последнее подтверждают яркие примеры из жизни народов Европы и Азии, которые приводились докладчиками. Это еще раз доказывает огромное значение, которое имеет учет национальной специфики при решении научных и практических проблем современного мира.

В последнее время во многих странах мира множится число так называемых матрифокальных домохозяйств, т. е. возглавляемых женщинами. Такие домохозяйства широко распространены как в развитых, так и в развивающихся странах, однако причины их возникновения, их общественный статус, уровень жизни в разных случаях весьма различны. Так, если в Египте и у ряда этнических меньшинств Китая эти семьи традиционны, то в ряде районов Африки и Азии они возникли лишь

недавно. Если в странах третьего мира это связано с уходом мужчин на заработки, то в США, например,— они являются результатом распада традиционной семьи. Все эти и другие факторы следует детально изучать и учитывать в государственной политике,— таков был вывод многих специалистов.

Необходимость дифференцированного подхода к правовому положению женщин в семье и в обществе, в религии и на производстве была показана участниками симпозиума «Социально-правовое положение женщин в меняющемся обществе». На африканских данных было продемонстрировано, что при относительно высоком положении женщин внутри семьи их права в политической, социальной и экономической сферах традиционно ущемлялись, хотя в некоторых политических системах и имелись политические роли, связываемые своим происхождением с женщинами. Разрыв между правами женщин в различных сферах жизни был показан на материалах Южной Азии и других районов. Введение современного законодательства, призванного защищать права женщин, хотя и несколько улучшает их положение, оставляет много проблем, связанных с фактическим неравенством. А в ряде случаев, например, в Танзании, Индонезии и др., введение формального законодательства без учета местных традиционных обычаев и взаимоотношений только ухудшает положение женщин. Следовательно, совершенствование законодательства требует детального предварительного анализа конкретной обстановки.

Совершенствование законодательства во многих странах в современной обстановке обуславливается резким ростом занятости женщин в общественном производстве, изменением их фактической роли в семье и в обществе, усилением деятельности женских организаций.

Если антропология пола и женская проблематика были представлены на конгрессе достаточно подробно, то этого нельзя сказать об антропологии детства, проблематика которой нашла здесь лишь весьма фрагментарное отражение: основное внимание было уделено детскому творчеству и проблемам его формирования.

Относительно немногочисленными по составу участниками, но весьма актуальными по тематике были два симпозиума, посвященные изучению войны и мира. В современной сложной международной обстановке среди западных антропологов возникло целое течение, ставящее своей задачей анализ проблем войны и мира с целью активного участия в борьбе против ядерной угрозы. При этом исходным пунктом является тот факт, что антропологические исследования чрезвычайно важны для понимания межэтнических контактов, социальных изменений, экономических и политических связей, социокультурной подосновы принятия тех или иных решений, а все это имеет прямое отношение к пониманию источников миролюбия или агрессии. Участники конгресса рассматривали войну как продукт развития культуры, а не как имманентно присущую человеку особенность. А в одном из докладов содержалась критика тезиса об относительно высокой степени агрессивности приматов и прозвучал призыв отказаться от поисков корней человеческой воинственности у обезьяноподобных предков человека.

В докладе Д. Силверберга и П. Грэя (США) был сделан обзор современного состояния знания о факторах, которые определяют агрессивное поведение у приматов. Современная наука не поддерживает идею, что человек по своей природе агрессивен, но в этом вопросе нужны более серьезные данные и аргументы. Во-первых, длительно употребляемое понятие агрессивности само по себе достаточно расплывчато, включает различные формы поведения и выражения чувств. Ныне ученые все больше предпочитают термин «эгонизм» для обозначения конфликтных форм поведения, которые могут ранжироваться от кровавого физического нападения до ситуации, когда животные обмениваются угрожающими гримасами и расходятся. Противоположный этому понятию термин неопределен: «сотрудничество», «примирение», «умиротворение», т. е. любые формы примирительного поведения. Новые подходы призывают к более утонченному анализу факторов, которые обуславливают проявление и интенсивность агрессии в специфических социальных условиях, а также к анализу неагрессивных средств получения доступа к ресурсам жизнеобеспечения, к изучению всего комплекса миротворческих факторов (роль родственников, несоперников и т. д.), которые постоянно служат противовесом и ограничителем насилия. Осуждению подверглась и распространенная на Западе концепция о конфликте как естественном состоянии взаимоотношений между организациями, а войне — между государствами. Отдельные специалисты подчеркивали, что использование этой концепции для изучения путей к миру методологически неверно и ведет к искажению реальной картины. Вместе с тем, осуждение показало, что истоки и стимулы агрессивности, причины перерастания ее в настоящие войны остаются малознанными.

Организатор симпозиума «Мир и миротворчество в антропологической перспективе» У. Голдшмидт (США) в своем докладе отметил, что огромная культурная энергия затрачивалась в племенных обществах, чтобы заставить человека вести военные действия. На воспитание храбрости, воинского умения и доблести были направлены многие культурные ценности, а воинам предусматривались существенные вознаграждения. Все это достаточно изучено антропологами. Необходимы и аналогичные исследования процесса миротворчества, включая особые институты умиротворения и поддержания мира, механизмы выхода из конфликтов и т. п. На примере индейцев равнин Северной Америки, Латинской Америки и аборигенов Меланезии, Голдшмидт выделил такие элементы миротворчества в традиционно «милитаристских» обществах, как обмен дарами, компенсация, временный доступ к женщинам противостоящей стороны и т. п. Кроме того существовали социально сконструированные типы поведения, в которых антагонизм и соперничество облекались в «нелетальные» формы. Таковыми были танец белого оленя у индейцев северо-западной Калифорнии, потlach у квакиутлей, кула в Меланезии, которые хотя и не предотвращали военные конфликты, но снижали их вероятность. Военные действия не являются неизбежным результатом человеческой агрессивности и «не встроены» в природу человека, но они — непрямые последствия

определенных универсальных характеристик, таких как чувство соперничества. С этой точки зрения, избежать войны можно, направив это соперничество в иное русло.

Рассмотрев большое разнообразие причин и поводов к войнам в раннегосударственных обществах, Г. Клэссен (Нидерланды) попытался объяснить их определенными экономическими или идеологическими мотивами. Однако он не уделил должного внимания связям между экономическими, социальными и идеологическими факторами, которые заслуживали бы специального анализа.

Вообще на конгрессе преобладал интерес к идеологическому фактору, недооценивать который было бы, разумеется, ошибочным. Было показано, что, с одной стороны, в ряде случаев идеология может сдерживать развитие войн, но с другой, она же способна и разжигать нездоровые эмоции и нагнетать атмосферу недоверия между народами. Огромный интерес вызвали данные об анабаптистах-хаттеритах, приведенные П. Стефенсоном, который показал, как идеология может служить мощной преградой на пути развития военного дела. Может быть, здесь как нигде ярко проявляется обратное воздействие надстройки на базис, и это является теоретическим обоснованием тактики современных миролюбивых сил, выступающих против угрозы войны. В частности, именно на этой основе строятся некоторые современные предложения по снижению международной напряженности от добровольного движения «заложников мира» до «народной дипломатии», а также борьба в сфере идеологии между защитниками и противниками системы СОИ в США. И все же, признавая большую роль идеологии, было бы неверным недоучитывать важные социальноэкономические и социополитические факторы, которые в неменьшей мере влияют на стабильность обстановки в мире.

Таким образом, в целом антропология войны и мира поднимает серьезные проблемы, решение которых касается существенных сторон человеческого бытия. Работы в этом направлении в нашей стране уже начаты, и их, безусловно, следует продолжать.

По-видимому, наиболее теоретически насыщенными на конгрессе были симпозиумы, посвященные становлению государственности и особенностям ранних государств, что было обусловлено как самой тематикой, так и присутствием здесь известных специалистов, немало сделавших для ее глубокого освещения. Знаменательным было само название одного из симпозиумов «Экономика раннего государства», призванного привлечь внимание ученых к весьма сложному и спорному вопросу о роли экономического фактора в истории раннегосударственных образований. Важно, что на этом симпозиуме присутствовали Х. Клэссен и П. Скальник, в свое время выступившие с концепцией «раннего государства», суть которой до сих пор является предметом оживленной дискуссии. Что понимать под ранним государством, каковы его основные характеристики, чем оно отличается от более ранних и более поздних крупных посттарно-политических образований, — вот вопросы, которые волнуют многих специалистов, в том числе, авторов этой концепции. Основываясь на африканских материалах, П. Скальник (ЮАР) утверждает, что понятие «государство», имеющее изрядный налет европоцентризма, мешает понять сущность ранних политических систем, имеющих будто бы неэкономическую природу. Отсутствие экономической и полицейской функций, наряду с большой ролью религиозной идеологии в поддержании власти вождя, не позволяют, по его мнению, считать такие образования в полном смысле государственными, но их можно называть «раннее», «специфически африканское» или «примитивное» государство.

Х. Клэссен, похоже, занял прямо противоположную позицию, стремясь доказать, что в XVIII в. на Таянии и Тонга существовали «зарождающиеся ранние государства». Так как до сих пор дискуссии о характере полинезийских обществ касались прежде всего их посттарно-политических и социальных характеристик, Х. Клэссен проделал экономический анализ, продемонстрировав, что в обоих случаях сложной социальной стратификации сопутствовали разнообразные виды обмена, своеобразные системы налогообложения, применение силы для отчуждения собственности и внешнеэкономическое принуждение. Иначе говоря, в отличие от П. Скальника, он наделяет «раннее государство» важными экономическими и полицейскими функциями, а следовательно даже сами авторы концепции «раннего государства» расходятся в ее понимании. Остается неясным, следует ли использовать для рассмотренных ими структур термин «государство» (пусть и с оговорками), а если да, то чем эти структуры отличаются от вождств. Все эти вопросы поднимались и другими участниками симпозиума.

Специальное внимание участники конгресса уделили роли идеологического фактора в процессе политогенеза, особенно анализу символики, связанной с политической надстройкой. Рассматривался характер священного статуса традиционных африканских правителей, анализировались противоречия между обликом реальной власти и представлениями о ней, поднимался вопрос об обучении политическим знаниям во время инициаций. Шла речь и о трансформации традиционной власти в колониальных и современных условиях, когда ее прежняя идеологическая опора была разрушена или видоизменилась.

При всей важности проблем, поднятых на рассматриваемых симпозиумах, на них отчетливо проявилась тенденция западных ученых проявлять непомерно большой интерес к идеологии за счет других не менее важных аспектов политологической тематики. Впрочем этот перекос был до некоторой степени исправлен на организованном К. Флюэри-Лобан (США) симпозиуме «Марксистские подходы к процессу формирования государства», который отличался достаточно широкой и разнообразной тематикой как по географическому и формационному охвату, так и по затронутым проблемам. Один из самых интересных докладов, сделанный К. Гейлом (США), касался роли половой дифференциации в человеческой истории. Автор убедительно показала, что социокультурное значение этого фактора много шире, чем просто деление людей на два пола. Ей удалось удачно продемонстрировать как по-разному этот фактор «работает» в разной социокультурной обстановке. Нельзя не согласиться с ее выводом о том, что изучение фактора пола в контексте социальных

отношений как в древних, так и в современных обществах является долгом марксистской антропологии. Этот вывод особенно актуален для советской науки, которая в этом отношении весьма мало продвинулась по пути, намеченному еще Ф. Энгельсом. А между тем в западной науке эта тематика изучается весьма интенсивно, происходят бурные дискуссии и имеется обширная литература, которая, к сожалению, нашим специалистам почти неизвестна.

В целом и этот, и другие симпозиумы выявили большой интерес наших зарубежных, особенно американских, коллег к марксистской методологии, активное желание ею пользоваться и определенные успехи на этом пути. Впрочем, степень владения марксистской методологией, умение ее применять в работах разных авторов различались. Досадным представляется и слабое знание работ советских ученых, продемонстрированное участниками симпозиума. При этом многие зарубежные коллеги хотели бы более основательно ознакомиться с советскими исследованиями, но этому мешает языковой барьер и явная нехватка английских переводов основных работ советских ученых, издаваемых нашими и зарубежными издательствами.

Вопросы антропологии религии были представлены на конгрессе достаточно широко. Общие проблемы религиозного мировоззрения и особенности архаических религиозных представлений, равно как и их культурно-исторический контекст, фигурировали только в рамках симпозиума по шаманизму, организованного венгерским ученым М. Хоппалом. Этот симпозиум по числу участников был одним из самых многочисленных на конгрессе и изобилдовал новыми интересными материалами о широком распространении шаманизма, его локальной специфике, особенностях шаманской практики и шаманского фольклора, истории шаманизма, положении шаманов в традиционном обществе и его изменении в современных условиях и пр. К сожалению, часть сообщений имела описательный характер. Помимо шаманизма, на конгрессе рассматривалась роль христианской церкви в современном мире, в особенности, ее помощь народам третьего мира в борьбе за свободу и демократию. Индийские ученые организовали специальный симпозиум по религиозному паломничеству и его региональным особенностям.

Зародившаяся в 20—30-е гг. XX в. и ставшая неотъемлемой частью антропологической науки в наши годы этно- и социалингвистика была представлена на конгрессе, главным образом на симпозиуме, посвященном положению языков в контактной ситуации. Основные дискуссии здесь развернулись вокруг вопросов билингвизма, бикультурализма и бизитничности, которые сейчас весьма остро стоят во многих районах мира, вызывая разную оценку и разную реакцию со стороны населения. Была подчеркнута необходимость интенсивного изучения контактных ситуаций, усовершенствования ее концептуальной базы, терминологического аппарата, методических подходов. Особый интерес представляет изучение этносоциального контекста языковых процессов, которые чутко реагируют на изменения этнокультурной и социополитической ситуации. При этом, как было отмечено, в условиях интенсивных межэтнических контактов наиболее подтвержденными ассимиляции являются язык и культура, что ведет к определенной напряженности и стрессу. Реакция населения на это бывает двойственной и в своих крайних вариантах выражается либо в языковой замкнутости, либо в полной языковой раскованности. Последнее нередко влечет утрату местных языков, о чем с тревогой говорили ученые. В этих условиях особенно актуальным становится изучение социальной сферы бытования языков, социального положения их носителей, роли языка, с одной стороны, в сохранении и поддержании этнической культуры, а с другой, — в обеспечении доступа к общечеловеческим культурным ценностям. Требуется всестороннее изучение билингвизма, в том числе и его негативных последствий, а также билингвизма в иноэтнической среде, чему был, в частности, посвящен доклад М. Н. Губогло (СССР).

Как известно, языковое общение является, хотя и наиболее распространенной, но не единственной формой общения между людьми. Не менее важными источниками информации в определенных контекстах могут служить такие средства невербального общения, как жесты, музыка, танцы, пища, одежда и т. д. К сожалению, в работах наших ученых эти сюжеты еще не заняли достойного места. Между тем, как показывают материалы конгресса, наши зарубежные коллеги издавна уделяют им достаточно большое внимание, видя в них важный социокультурный источник. В частности, как подчеркивалось в ряде докладов, этнические и социальные моменты находят выражение в цветовых, вкусовых, звуковых и др. предпочтениях; традиционные спортивные состязания и представления (танцы, музыка и т. д.) воспитывают и питают этническое самосознание, жестикуляция в разговоре имеет самостоятельную смысловую нагрузку. Была подчеркнута огромная роль невербальной информации в воспитании молодежи.

Определенное внимание на конгрессе было уделено психоаналитическому подходу в антропологии и анализу сновидений. В частности, рассматривались стили и условия сна у разных народов мира, интерпретация снов и их влияние на поведение людей, в частности, их место в ритуальной жизни. Был поднят и вопрос об этнических особенностях самоубийств.

Несколько симпозиумов было посвящено археологическим сюжетам, причем прослеживалась явная тенденция рассматривать археологические данные в широком историческом контексте, привлекая данные этнографии, лингвистики, физической антропологии, палеогеографии и пр.

Специальному обсуждению на конгрессе подверглись чрезвычайно сложные и остродискуссионные вопросы антропогенеза. Большое внимание было уделено систематике древнейших и древних гоминид, а также проблемам морфологической преемственности между архантропами, палеоантропами и неоантропами. При этом отчетливо дала себя знать современная тенденция решать вопросы сапиентации с позиций полицентризма. В целом ряде докладов звучала мысль о необходимости выделения локальных географических популяций гоминид и поиска эволюционной морфологической преемственности между гоминидами разных видов в пределах отдельных районов. По мнению ряда докладчиков, преемственность между локальными типами архантропов, палео-

антропов и неантропов достаточно надежно устанавливается в Африке, Европе и Китае, что свидетельствует о параллелизме процесса сапиентации.

Существенные проблемы возникают при анализе археологических данных, показывающих, что в ряде хорошо изученных районов (Левант, Южная Франция) в процессе сапиентации не наблюдалось жесткой корреляции между эволюцией техники и морфологическим типом. Материалом к размышлению являются и установленные археологами факты сосуществования палеоантропов и неантропов в Леванте и Центральной Европе, причем в первом случае 40 тыс. лет назад, а во втором — 32—30 тыс. лет назад. Некоторые авторы склонны трактовать это так, что человек современного вида проник в Европу извне в уже развитом виде. Таким образом, многие острые проблемы сапиентации, стоящие в центре дискуссий вот уже несколько десятилетий, не сняты до сих пор.

Довольно широко на конгрессе была представлена физическая антропология и палеоантропология. Наиболее насыщенными были заседания секции биологии человека, охватывающей семь различных симпозиумов, причем наиболее представительным был симпозиум, посвященный дерматоглифическим исследованиям. Большое внимание привлекли сообщения советских ученых (Н. А. Долиновой, Г. Л. Хиты), посвященные изучению кожных узоров кисти у восточнославянских народов и обобщению дерматоглифических данных о тюркоязычных народах СССР. Интерес вызвало и сообщение М. Окажи мы (Япония), впервые применившего экспериментальный подход в исследовании онтогенетического развития и генетики гребешковой кожи у крыс. Он же проследил стадии развития кожных гребешков у человеческих плодов. В других докладах были доложены результаты исследований взаимосвязи в онтогенезе морфологических структур, определяющих строение кожных гребешков, с костной основой кисти и мягкими тканями, дан обзор эмбрионального развития гребешковой кожи у человека и предложен вариант классификации кожных узоров, освещена роль признаков кожного рельефа, выступающих как генетические маркеры в сравнительно-популяционных исследованиях, показано хорошее соответствие дифференциации 20 индийских групп по признакам разных систем (дерматоглифики, соматологии, генным чистотам), рассмотрены вариации признаков кожного рельефа среди полинезийцев и т. д. Многие докладчики касались методических аспектов исследования (применение компьютерной техники для чтения отпечатков и статистического анализа, исследование корреляций дерматоглифических признаков и пр.).

Во многих докладах развивалось медико-генетическое направление, особенно актуальное в настоящее время в связи с накоплением негативных генетических тенденций. В частности, было показано, что загрязнение окружающей среды промышленными отходами вызывает генетические аномалии у плодов и детей разного возраста. Была продемонстрирована связь между нарушением развития ребенка, отражающимся в дисфункции речи, и особенностями кожного рельефа кисти. В некоторых других докладах также подчеркивались корреляции между дерматоглифическими признаками и различными заболеваниями (раком груди, сердечными нарушениями, слабоумием, нарушением строения половой хромосомы и пр.).

Интересные данные приводились на симпозиуме «Антропология и эпидемиология». Так, М. Гради с соавторами (Канада) обнаружили, что 63% франкоканадцев, гетерозиготных по семейной гиперхолестеринемии, имеют одну и ту же мутацию в соответствующем генном локусе. Подчеркивалось, что генетико-эпидемиологические исследования помогают понять значение фундаментальных процессов микроэволюции, которые привели к наблюдаемой картине распространения этой мутации в большой современной популяции. На этом и других симпозиумах было продемонстрировано, как антропологические, эпидемиологические и молекулярно-генетические подходы дополняют друг друга в исследовании мультифакторных заболеваний.

Из других докладов секции биологии человека наибольший интерес вызывает сообщение Р. Сокала (США) о генетической дивергенции по 26 системам современных языковых семей Европы. Автору удалось установить, что современные генетические дистанции лучше всего объясняются миграциями и гибридизацией, а не лингвистическим родством или географической удаленностью. По данным Н. Одена (США) и Р. Сокала, наиболее своеобразными оказались баски, финны и семиты, а наиболее сходными — германцы и кельты, к которым тесно примыкают романские народы.

Советские ученые выступили соорганизаторами симпозиума по современным этническим процессам. Было заслушано более 20 докладов, большинство из которых рассматривали эти процессы в контексте современных национальных движений. Большой интерес вызвал доклад известного американского антрополога и историка Э. Вулфа «Этническая и национальность». Давние ожидания глашатаев либеральных и социалистических идей, что интернационализм народных масс, трудящихся покончит с соперничеством наций-государств, в принципе не оправдались. Не оправдались и надежды на то, что процессы модернизации покончат с этнической исключительностью, считает Э. Вулф. Процесс становления согражданств (в молодых и в старых государствах) сопровождается страстным стремлением различных групп «сконструировать» свою собственную «этничность», чаще всего на основе идеи об общности происхождения и единой культурной традиции. Более того, некоторые в прошлом «тихие» этнические группировки ныне ведут борьбу, вплоть до вооруженной, за получение политической автономии и создание собственного государства. Требования современных национальных движений чаще всего оформляются на представлениях об отличительности, которые носят ментальный, «культурно выученный» характер, но облачаются в терминологию родства.

Докладчик пытался выделить наиболее характерные типы (или «сценарии»), в которых формируется «этническая солидарность». Это: 1 — когда группировка идет вокруг идеи об общности

происхождения и духовного родства (имеются в виду системы ценностей), но государственного образования общности не имеют и добиваются культурной автономии; 2 — когда государство берет на себя регулирование процессов объединения и дифференциации, держа под контролем соперничающие внутренние независимые образования; 3 — когда этническое самоутверждение выражается в форме сепаратистских выступлений против существующих государственных устройств. И, наконец, Э. Вулф призвал пересмотреть самое понятие «культура», «традиция», имея в виду прежде всего значимость элементов нововведений, постоянных изменений, так называемый процесс «делаения культуры».

С. Деветак (СФРЮ) проанализировал типы национальных движений на материалах собственной страны и теоретически обосновал необходимость дополнить политику защиты народов тезисом защиты прав личности, включая ее специфические интересы, проистекающие из факта принадлежности к той или иной историко-культурной общности. Л. М. Дробижева (СССР) в своем докладе, анализируя сходство и различия в требованиях, выдвигаемых в ходе национальных движений в СССР, выделила особую идеолого-политическую роль исторической памяти для советских народов в связи с оценкой периода сталинизма и застоя. К. Вердери (США) продемонстрировала роль элиты в формировании идеологии национальных движений на примере Румынии и ставила вопрос о каналах коммуникаций для обеспечения единства в движении. В целом же, участники симпозиума отметили политическую актуализацию этнических процессов в жизни современных многонациональных государств и особую ответственность ученых в оценке изучаемых явлений и событий.

Во время конгресса состоялись заседания постоянного совета и Генеральной ассамблеи Международного совета антропологических и этнологических наук. Был избран новый состав исполкома МСАЭН во главе с новым президентом доктором Лурдес Ариспе (Мексика) — первой женщиной, избранной на этот пост. Очередной XIII конгресс состоится в 1993 г. в Мехико, а интерконгрессы пройдут в Португалии (сентябрь 1990 г.) и в Аргентине (апрель 1991 г.).

В. А. Тишков, В. А. Шнирельман

ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ПО ИТОГАМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1986—1987 гг.

С 30 сентября по 2 октября 1988 г. в Сухуми проходила Всесоюзная научная сессия по итогам антропологических и этнографических исследований 1986—1987 гг. Ее организаторами выступили Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР. Сессия собрала большое число участников. На пленарных и секционных заседаниях выступили около 200 человек, представлявших этнографические центры из всех союзных республик, большинства автономных республик, автономных областей. Прозвучавшие доклады были самой разнообразной тематики и отражали основные направления развития современной советской этнографической науки.

Сессия открылась вступительным словом заместителя директора Института этнографии АН СССР Л. М. Дробижевой (Москва). Затем И. А. Гришаев (Москва) зачитал доклад академика Ю. В. Бромлея (Москва) «О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции»¹. М. Н. Губогло (Москва) выступил с докладом «Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР»².

Пленарное заседание завершилось докладом Ш. Д. Инал-ипа (Сухуми) «Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX в.». Содержание прочитанного доклада оказалось шире названия. Ш. Д. Инал-ипа проанализировал этническую карту всего Северо-Западного Кавказа и охарактеризовал сложные этнокультурные процессы, протекавшие на этой территории в первой половине прошлого века, в результате которых началось формирование своеобразной метаэтнической общности, объединявшей все народы, проживавшие в то время на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа. После выселения части абхазского этноса в Турцию в 70-х годах XIX в. началась активная колонизация освободившихся земель, что привело к резкому изменению этнического и социального состава населения Абхазии.

Работа сессии была продолжена на заседании восьми секций.³

На секции «Этногенез и этническая история» — кураторы Ш. Д. Инал-ипа, Р. Г. Кузеев (Уфа) и В. А. Шнирельман (Москва) — было заслушано 17 докладов.

Р. Г. Кузеев, В. Я. Бабенко и Н. Н. Моисеева (Уфа) представили коллективный доклад «К проблеме типологий подразделений этнических общностей», в котором были рассмотрены некоторые теоретические и терминологические проблемы, связанные с иерархией историко-культурных общностей, которые таксономически ниже этноса. В докладе О. Н. Дамениа (Сухуми)

«Об этнокультурном феномене малочисленной нации» отмечалось, что в условиях интенсивных взаимовлияний этнических культур у малочисленных наций возникает ряд специфических проблем. Докладчик высказался за выделение этнокультурного феномена малочисленной нации в качестве особого предмета научного исследования.

Е. П. Бусыгин и Н. В. Зорин (Казань) обратились к комплексу географических, исторических, этнических и культурно-бытовых факторов, которые позволяют выделить Казанское Поволжье в самостоятельный историко-этнографический район Волго-Уральской историко-этнографической области.

Два доклада носили историографический характер. А. С. Мылъников (Ленинград) проанализировал научные представления русских и европейских авторов XVII—XVIII вв. о роли восточноевропейско-кавказского ареала в этногенезе славянских народов; В. К. Бондарчик (Минск) критически рассмотрел гипотезы о происхождении белорусского народа.

В ряде докладов анализировались конкретные проблемы этногенеза и этнической истории народов СССР. В совместном докладе С. Г. Агаджанова, Б. В. Андрианова и Л. М. Левиной (Москва) путем комплексного изучения археологического, антропологического и этнографического материалов были рассмотрены основные этапы этногенетических процессов, протекавших в Юго-Восточном Приаралье в I тыс. н. э. С. С. Губаева (Фергана) остановилась на процессах этнокультурного сближения уйгуров и узбеков в Ферганской долине в конце XIX — начале XX в. Ю. И. Зверева (Москва) сообщила о результатах экспедиции в районы Восточного Казахстана по изучению группы русского населения, известной под названием «каменщики». В докладе В. А. Липинской (Москва) речь шла об этноэкологических условиях расселения русских в средней части региона Западной Сибири.

На заседаниях секции значительное внимание было уделено проблемам методики и источникам этноисторических исследований. В докладе «Архаичское гончарство и этническая традиция» В. А. Шнирельман рассмотрел возможные связи между древними керамическими комплексами и синхронными им социальными общностями. В. А. Логинов (Сухуми) принял попытку реконструкции древних мифологических представлений населения региона, используя западнокавказский керамический материал эпохи античности как источник по этносоциальной истории края. Вывод М. С. Тхайцухова (Сухуми) об этнокультурном единстве в прошлом абхазов и абазин основывался на привлечении археологических, генеалогических, ономастических и топонимических источников. Историко-этнографический анализ топонимов Абхазии был проведен В. Е. Кварча (Сухуми); докладчик выделил группы географических названий, отражающих социальные отношения, хозяйственные занятия, религиозные верования абхазов.

С. Л. Зухба (Сухуми) пришел к выводу, что фольклорные памятники в целом подтверждают гипотезу, согласно которой в формировании древнеабхазского этноса принимали участие как аборигенные, так и пришлые племена.

Ю. С. Гаглойти (Цхинвали) на основе изучения фольклорных материалов высказал предположение, что осетино-абхазские нартские параллели не согласуются с концепцией двух основных центров формирования нартского эпоса (осетинского и абхазо-адыгского).

Анализ исторической динамики антропонимии греков Донецкой обл. дал возможность С. К. Темину (Донецкая обл.) коснуться отдельных аспектов этнических процессов, протекавших у местного греческого населения в прошлом и настоящем.

Некоторые доклады были посвящены традиционным социальным структурам у народов СССР. В. М. Викторин (Астрахань) охарактеризовал подростковые объединения «джин» у астраханских ногайских татар-карийцев. Н. Г. Деметер (Москва) раскрыла сложную, иерархическую соподчиненную общественную структуру одной из наиболее многочисленных дисперсных этнических групп цыган-кэлдэзари.

Антропологические проблемы рассматривались в докладах П. К. Квицинни (Сухуми) и М. М. Герасимовой (Москва). П. К. Квицинни пришел к выводу, что общий антропоморфологический статус у абхазов и мегрелов Гальского р-на Абхазской АССР — следствие их значительного смещения в течение последних двух столетий. М. М. Герасимова привела новые палеоантропологические материалы по этногенезу осетин.

На заседаниях секции «Новое и традиционное в обрядах народов СССР» — кураторы Н. К. Гаврилюк (Киев) и Л. Т. Соловьева (Москва) — было заслушано 15 докладов. Значительная часть их была посвящена исследованию различных сторон свадебной обрядности кабардинцев, армян, грузин, курдов, азербайджанцев, народов Дагестана, болгар Украины, марийцев.

Л. М. Варданян (Ереван) в докладе «Традиционная свадьба в системе современной семейной обрядности армян» выявила основные формы свадебных торжеств, распространенных в настоящее время в Армянской ССР. Докладчик считает, что среди разных социальных групп существует тенденция справлять свадьбы по традиционному ритуалу.

В докладе Н. К. Гаврилюк «Об основных изменениях в свадебной обрядности болгарско-го населения Украины», И. Н. Смирнова (Йошкар-Ола) «Традиции и новации в современной свадебной обрядности марийцев», Л. Т. Соловьевой «Новое и традиционное в свадебной обрядности азербайджанцев Грузии» отмечались основные изменения, происшедшие за последние десятилетия в свадебной обрядности этих народов. Х. М. Думанов (Нальчик) основное внимание уделил изменениям в послесвадебном этапе свадебного цикла кабардинцев.

Материальным компонентам современной свадьбы народов Дагестана был посвящен доклад Г. А. Сергеевой (Москва), в котором отмечался рост влияния сельского образа жизни на городскую в свадебной обрядности, а также возрастание роли приданого, свадебных платежей, дарообмена.

О своеобразии современной свадьбы курдов Грузии, сочетании в ней глубоко архаичных черт (например, межкостовых запретов заключения браков) с рядом новых элементов говорилось в докладе Л. Б. Пашаевой (Тбилиси), Л. Ш. Меликишвили (Тбилиси) рассказала об устойчивом сохранении традиционных брачных запретов в горных районах Грузии.

Традиции и обрядам, связанным с первым годом жизни ребенка у киргизов был посвящен доклад Т. Дж. Баялиевой (Фрунзе).

Праздничные традиции народа, проблема их возрождения в настоящее время и роль в этом этнографов — такие вопросы поднимались в докладах Л. З. Кунжиевой (Черкесск) «Трудовые праздники абазин (традиции и современность)» и С. Л. Шарипова (Ташкент) «Традиционные весенние праздники узбеков».

Тесная связь с практическими вопросами современного общественного быта отличала доклад Ю. Г. Аргуня (Сухуми) «Об обычаях примирения у абхазов», — где шла речь об организации советов старейшин в абхазских селах.

Вопросы обрядового выражения связи человека с природой затрагивались в докладах А. Оразова (Ашхабад) «Народные традиции охраны природы у туркмен» и А. Е. Шинкубы (Сухуми) «Процесс охоты и культ горы Ажвейпшыхвара (по материалам Абжуйской Абхазии)». В последнем рассматривались обряды и ритуалы, сопровождавшие все этапы охотничьего промысла абхазов.

Н. Г. Чинчаладзе (Тбилиси) рассказала о повторном изучении как методе полевого этнографического исследования народных традиций.

На заседаниях секции «Семейный быт у народов СССР» — кураторы Я. С. Смирнова (Москва) и Р. Д. Жоба (Сухуми) — было представлено 18 докладов, затрагивавших довольно широкий круг вопросов.

Теоретические проблемы изучения семьи рассматривались в докладе А. П. Пономарева (Киев) «Исследование семьи: пути совершенствования подходов».

Группа докладов была посвящена характеристике состава семьи и особенностям ее формирования у разных народов. В докладе Н. Ф. Беляевой и Г. А. Корнишиной (Саранск) сообщалось о численном, поколенном, национальном составе мордовской семьи Оренбургской обл. А. Е. Тер-Саркисянц (Москва) представила сравнительную характеристику структуры современной семьи армян в своей и инонациональной среде — в АрмССР, в НКАО, Нахичеванской АССР, Абхазской АССР. В докладе В. Л. Бигвава (Сухуми) было проанализировано изменение брачного возраста у абхазов и грузин. В. П. Курылев (Ленинград) на основе материалов экспедиции в Павлодарскую и Тургайскую области КазССР представил данные о факторах, способствующих сохранению установок на многодетность в семьях казахского сельского населения.

В трех докладах специальное внимание уделялось изучению различных аспектов гетерогенных браков. Я. С. Смирнова охарактеризовала факторы межнациональной брачности у народов Северного Кавказа, Г. Р. Столярова (Казань) — факторы стабильности межнациональных браков в Казанском Поволжье, Л. В. Ракова (Минск) — социально-этнические аспекты гетерогенных браков в городах Белоруссии.

Т. П. Федянович (Москва) осветила процесс становления новых взаимоотношений в семье коренных народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Г. А. Комарова (Москва) в докладе «Профессиональная занятость чувашских женщин и семья» рассмотрела проблемы оптимального сочетания общественно-производственных и семейно-бытовых ролей работающих женщин.

Роль семейно-родственных групп в жизни таджикской семьи, традиции родственной взаимопомощи были раскрыты в докладе Л. Ф. Моногаровой (Москва); значение обычая взаимопомощи в современном быту адыгов — в докладе С. Х. Мафедзева (Нальчик).

Несколько докладов были посвящены традициям народного воспитания. М. А. Меретуков (Майкоп) сообщил об обычае аталычества у адыгов, И. Мухиддинов (Душанбе) — об особенностях социализации личности в современной сельской семье таджиков, В. М. Шамилдзие (Тбилиси) — о традициях трудового воспитания в грузинской семье.

Л. В. Беселия (Сухуми) рассмотрела вопросы народной гигиены абхазов, отметив, что рациональные гигиенические навыки устойчиво сохраняются и поныне. Р. Д. Жоба сообщила о некоторых результатах изучения ею образа жизни абхазских долгожителей.

Ш. Х. Салакая (Сухуми) посвятил свой доклад анализу форм брачного союза в нартском эпосе абхазов.

Разнообразными и интересными были доклады, прозвучавшие на заседаниях секции «История религии и атеизма» — куратор Дж. Б. Логашова.

Оживленные дискуссии развернулись по вопросам изучения современного состояния религиозности у различных народов СССР. Об этом шла речь в докладах Г. В. Смыра (Сухуми) «Развитие массовой безрелигиозности и атеизма в Абхазской АССР», И. Д. Тарба (Сухуми) «Об уровне религиозного сознания абхазов на современном этапе», И. В. Долженко (Ереван) «Проявление религиозности в семейной обрядности русских Армении в прошлом и настоящем», Дж. Б. Логашовой «Религиозное и традиционное у туркмен Амурской области».

Не меньший интерес был проявлен к докладам, посвященным традиционной и современной этнографии религии: А. В. Коновалова (Ленинград) — «Реликты казахской мантики», М. Д. Савурова (Ташкент) — «Обряд вызывания дождя у дунган», Н. Е. Грысык (Ленинград) — «Традиционные представления о болезнях (на материале северорусских заговоров и быличек)», А. Г. Митирова (Элиста) — «Пережитки культа природы и жертвоприношения у калмыков», М. К. Хотелашвили (Сухуми) — «О культе быка у абхазов», З. П. Цхов-

ребова (Цхинвали) — «Отражение космогонических представлений на погребальных памятниках Осетии».

На заседаниях секции «Этнографические аспекты изучения современного фольклора, искусства и народного творчества» — кураторы С. Б. Рождественская (Москва), Е. М. Маляя (Сухуми), Г. Н. Давиташвили (Тбилиси) — было заслушано 10 докладов.

Ю. Д. Анчабадзе (Москва) в докладе «Народное искусство в системе этнической культуры», отметив терминологическую неразработанность понятия «народное искусство», попытался определить основные функции народного искусства на разных этапах социально-экономического развития общества. Актуальной проблемой был посвящен доклад С. Б. Рождественской, которая проанализировала функционирование традиций в промыслах и художественной промышленности. Она считает, что промыслы как виды народного искусства призваны хранить традиции в их целостности. В художественной промышленности стилизация элементов народного искусства допустима, однако изделия массового производства должны нести представления об этнической художественной традиции в быт.

О специфике современного этапа развития народного искусства и художественных промыслов в Вологодской обл. рассказала Л. В. Федотова (Москва). Е. А. Постолаки (Кишинев) охарактеризовала традиции молдавского ковроделия и их развитие на современном этапе. Е. М. Маляя (Сухуми) провела сравнительно-исторический анализ орнамента тканых и вышитых изделий абхазов и адыгов. По ее мнению, общность устойчивых сочетаний орнаментальных комплексов позволяет выделить особый абхазо-адыгский тип орнамента.

Основные проблемы охраны и восстановления народных промыслов, в Грузии осветил Г. Н. Давиташвили (Тбилиси). В числе первоочередных задач он назвал поддержание и развитие традиционных сельских промыслов, восстановление исчезающих городских ремесел, улучшение обучения нового поколения мастеров, создание в традиционных очагах народных промыслов этнографических заповедников, а также учреждение в республике межведомственного научного центра по изучению народного искусства. Интересные данные о результатах опроса мастеров народного прикладного искусства Латвии привела А. Алсупе (Рига). Особое внимание она уделила анализу соотношения традиций и новаций в современном творчестве народных мастеров.

Фольклористическая проблематика была затронута в докладе М. М. Хасановой (Владивосток), проследившей за тем, как отражались этнические контакты в устном народном творчестве негидальцев. И. Б. Молдобаев (Фрунзе) на материалах киргизского национального эпоса «Манас» показал общность традиционной духовной культуры киргизов и тюркоязычных народов Южной Сибири и Алтая.

На заседаниях секции были представлены два этномузыковедческих доклада. Е. П. Бусыгин и В. И. Яковлев (Казань) рассмотрели типологию, принципы изготовления, бытовое функционирование продольных флейт народов Среднего Поволжья. М. М. Хашба (Сухуми) проанализировала абхазо-адыгские этномузыкальные параллели в героических, свадебных, врачевальных песнях; общность музыкального фольклора абхазов и адыгов была отмечена также в средствах музыкальной выразительности.

На одном из заседаний перед участниками секции выступил преподаватель Сухумского музыкального училища П. Филикози. Он подробно рассказал о своей работе по созданию абхазских народных смычковых инструментов — *апхверца*, предназначенных для концертного исполнения, продемонстрировал готовые образцы и исполнил несколько абхазских народных мелодий.

На секции «Материальная культура народов СССР» — кураторы А. Н. Жилина (Москва) и Р. К. Чанба (Сухуми) — было заслушано и обсуждено 22 доклада. Тематика их охватывала многие сферы традиционной и современной материальной культуры.

Г. Г. Копешавидзе (Сухуми) представила сравнительную характеристику систем питания абхазов и западных грузин. В. С. Уарзани (Орджоникидзе) посвятил доклад суперстратному пласту в системе питания осетин, образовавшемуся в результате этнических контактов и культурных заимствований.

Большой материал содержался в докладе М. В. Кантария (Тбилиси), предпринявшей сопоставительный анализ современного и традиционного типов хозяйства народов Северного Кавказа. Р. К. Чанба дал типологическую классификацию пахотных орудий, бытовавших на Западном Кавказе в XIX в. С. П. Павлюк (Львов) рассказал о рациональных агротехнических знаниях украинского крестьянства.

Особый интерес вызвали доклады, посвященные экологическим проблемам, а также традиционным способам природопользования и экологического поведения. В связи с необычайной остротой, которую в настоящее время приняла проблема Аральского моря, большое внимание было проявлено к докладу Х. Есбергенова (Нукус), в частности к приводившимся им сведениям о традиционных способах сохранения паводковых вод. Привлек внимание и доклад А. Д. Хеция (Сухуми) «Ястребиная охота у абхазов», где был затронут широкий круг экологических проблем.

Большая группа докладов была посвящена жилищи. Общие вопросы, связанные с типологией этого элемента материальной культуры, были рассмотрены на материалах жилища оседлого населения Средней Азии XIX — начала XX в., армян г. Ахалцихе, татар Среднего Поволжья и Приуралья, коренного населения Северной Буковины — доклады А. Н. Жилиной, А. Т. Марутяна (Ереван), Ю. Г. Мухаметшина (Казань), Г. К. Кожоланко (Черновцы).

Интересный подход к изучению традиционного жилища продемонстрировали Г. Ш. Гоциридзе и Г. Н. Давиташвили (Тбилиси), рассмотревшие социальную организацию его внутреннего пространства в контексте бытовой жизни семьи.

Значительный материал был обобщен в других докладах, посвященных жилищи. С. К. Гутаутас (Вильнюс) рассказал о камине и его распространении в Литве в XIX—XX в. П. Блунуу (Тарту) остановилась на своеобразии мебели эстонских шведов, осветив попутно некоторые стороны бытовой культуры этой этнической группы, проживавшей некогда на территории Эстонии. Н. В. Ушаков (Ленинград), основываясь на материалах экспедиции в Каргопольский р-н Архангельской обл., выявил соотношение современных и традиционных черт в северорусском жилище. Б. Алымбаева (Фрунзе) описала особенности постройки домов киргизов Таласской обл.

Прекрасно выполненными слайдами сопровождался доклад Я. И. Кожолянко (Черновцы), посвященный традиционной народной одежде украинцев, молдаван и румын Буковины. Г. М. Майтдинова (Душанбе) предприняла интересную попытку выявить на археолого-этнографическом материале значение костюма для исследования этногенеза народов Средней Азии.

Интерес вызвал доклад Л. Б. Заседательевой и Т. Г. Мунчаевой (Москва) о проявлении межэтнических контактов в материальной культуре русского и украинского населения Северного Кавказа.

На заседаниях секции «Этнические и этнокультурные процессы в зарубежных странах» — кураторы Р. Ш. Джарылгасинова (Москва) и А. М. Решетов (Ленинград) — было представлено 12 докладов, большая часть которых основывалась на полевых исследованиях в изучаемых регионах.

В течение нескольких лет в Народной Демократической Республике Йемен на территории провинции Хадрамаут — центре древней высокоразвитой цивилизации ведет работы комплексная советско-йеменская экспедиция. Результатам антропологических исследований в Хадрамауте был посвящен доклад И. И. Гохмана, В. И. Богдановой и Ю. К. Чистова (Ленинград); итоги этнографических исследований этой экспедиции были освещены М. А. Родионовым (Ленинград).

А. М. Решетов информировал об экспедиции 1987 г. в Баянулгийский аймак МНР, позволившей уточнить этнический состав региона и направленность этнических процессов среди проживающих здесь казахов, тувинцев, алтайских урянхайцев и других народов.

Доклад Г. И. Анохина (Москва) «Этносоциальный облик фарерцев (по полевым наблюдениям 1988 г.)» был посвящен характеристике традиций и инноваций в современной культуре населения Фарерских островов. Большой интерес вызвал доклад С. Э. Бокариус (Ленинград) «Славянские общности в условиях германизации: источники, методы интерпретации и исследования», особенно анализ докладчиком свадебной обрядности сорбов ГДР. Л. В. Маркова (Москва) рассмотрела современную семейную обрядность болгар в контексте протекающих в стране этнокультурных процессов.

Характеристику этнополитического движения «Джаркханд» в Индии, его программы и места в современной общественной жизни дала А. Н. Седловская (Москва). Р. Ш. Джарылгасинова проследила, как в календарной обрядности народов Южной Азии (китайцев, корейцев, японцев, монголов и тибетцев) отражаются важнейшие этапы их этнической истории; в докладе была показана, кроме того, взаимосвязь календарной обрядности с этническим самосознанием.

На заседаниях секции были также представлены доклады, в которых рассматривались различные аспекты этнографии зарубежной диаспоры народов СССР. География расселения выходцев с Украины и их потомков в современном зарубежном мире очертил А. Ю. Макаров (Киев). Ю. И. Поп (Винница) рассказал об этнокультурных процессах среди украинского населения Восточной Словакии после второй мировой войны. Доклад П. Гарб (Москва) был посвящен «адыгам» в США (небольшая этнокультурная община в 3 тыс. чел.), предки которых были выходцами с Северного Кавказа и из Абхазии.

Методический характер носил доклад А. А. Никишенкова (Москва) «Полевые исследования в системе научной деятельности британских социальных антропологов». Автор отметил, что утвердившийся в социальной антропологии культ полевых исследований обрек британских ученых на довольно узкое видение предмета своей науки. Это сознается ныне большинством английских этнологов, которые пытаются снять негативные воздействия стереотипов научной деятельности, сложившихся со времен Б. Малиновского и А. Рэдклифф-Брауна.

На заключительном пленарном заседании состоялась свободная дискуссия по наиболее актуальным проблемам, обсуждавшимся на секциях. Неудивительно, что многие из выступавших коснулись современной ситуации в сфере межнациональных отношений.

В. И. Козлов (Москва) отметил, что в национальных отношениях, а также и в высказываниях на сессии эмоции стали преобладать над разумом. Представителям конфликтующих сторон кажется, что они отстаивают истину, между тем они отстаивают лишь интересы одной стороны. Это признак не интернационализма, а растущего национализма. Возможно, что поворот к национальному вызван утратой ценностей социализма; тогда перестройка будет содействовать разрешению национальных конфликтов.

Академик АН Эстонской ГСР Я. К. Ребане (Таллин) остановился на национально-политических процессах, протекающих в настоящее время в Эстонии. Он огласил статистические данные, которые свидетельствуют о неблагоприятной демографической ситуации в республике, в частности снижении за послевоенный период доли эстонского населения с 92 до 61%. Эстонским языком владеет только треть инонациональных жителей, сфера его применения постоянно сужается. Наиболее эффективной мерой по защите эстонского языка является объявление его государственным

на территории республики с одновременным созданием правовых гарантий для применения других языков, в частности русского. По мнению Я. К. Ребана, большинство негативных явлений в области межнациональных отношений — результат полустихийных процессов, сопутствовавших крупномасштабным народнохозяйственным мероприятиям. Настала пора при планировании социально-экономического развития общества учитывать национально-этнические последствия намечаемых мероприятий. Сфера межнациональных отношений нуждается в правовой защите.

А. С. Мыльников (Ленинград) отметил, что конференция подтвердила научную и практическую значимость исследований по исторической этнографии, в частности этногенеза. На современном уровне изучения уже невозможно говорить о «чистоте» этнического процесса; наоборот, все этносы в ходе исторического развития вбирали различные этнокультурные компоненты. Этот вывод, разрушающий идеи националистической ограниченности, важен и в практической работе по интернациональному воспитанию. Докладчик подчеркнул необходимость более четкого разграничения понятий «нация» и «народность», высказав предположение, что важнейшим критерием может служить полнота (у нации) и неполнота (у народности) этносоциальных структур. Касаясь проблемы межнациональных отношений, А. С. Мыльников отметил, что выделение административно-национальных единиц не является единственным путем для удовлетворения национальных прав народов; не менее эффективным является реальное обеспечение культурной автономии этнических групп.

Ю. И. Мкртумян (Ереван) отметил плодотворность дискуссии по проблемам Нагорного Карабаха, которая состоялась в дни работы сессии. В то же время он призвал коллег подходить к этим проблемам с научных позиций, понять, каковы были причины, приведшие к трагедии, почему стали возможны убийства по национальным мотивам. Кризисная ситуация вокруг Нагорного Карабаха показала несостоятельность науки, не сумевшей помочь руководящим органам решить сложные вопросы. Ю. И. Мкртумян высказал идею о необходимости создания при Верховных Советах ряда республик специальных комиссий, которые на правах представителей «материнского» этноса изучали бы положение этнических групп, проживающих на территориях других республик. В случае необходимости комиссии могли бы входить в правительство соответствующей республики с просьбой об удовлетворении потребностей данной этнической группы.

И. Р. Мархелиа (Сухуми) остановился на истории национальной политики в Абхазии за годы Советской власти. Он подчеркнул крайне негативные последствия преступного искривления ленинских норм национального строительства, имевших место в республике в 1930-х — начале 1950-х годов, остановился на нерешенных вопросах топонимики Абхазии, языковой проблеме.

Некоторые положения выступления И. Мархелиа вызвали возражение В. М. Шамладзе.

Л. В. Маркова подчеркнула бесспорно положительную роль двуязычия в оптимизации межнациональных отношений. Однако существует и другой язык общения — это обычаи, обряды, символика предметов, оборотов речи, поведения, искусства и др. Неосведомленность контактирующих народов о культурах друг друга, нередко ведущая к их превратному пониманию, — весьма распространенная причина национальных предубеждений, на фоне которых могут возникать межнациональные трения. Важнейшая практическая задача этнографов состоит в том, чтобы широко разъяснять закономерности существования этнокультурных традиций и наличие в разных их формах общечеловеческих ценностей.

М. Н. Губогло ответил на многочисленные вопросы, которые поступили к нему после выступления на первом пленарном заседании сессии.

Затем с отчетами о работе секций выступили их руководители. Был отмечен высокий научный уровень докладов, внесены предложения по улучшению практики проведения секционных заседаний.

Большой отклик у аудитории вызвало теплое, неформальное обращение директора Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР В. Г. Ардзинба (Сухуми), поблагодарившего участников сессии за плодотворное сотрудничество и пожелавшего коллегам больших творческих успехов.

Л. М. Дробизева в подведе итогов работы сессии. Она отметила ее большое значение для уяснения ряда актуальных проблем современной этнографической науки, высказала свою точку зрения по некоторым дискуссионным вопросам и призвала этнографов активнее включиться в исследование общественно-политических процессов, протекающих в стране. В заключение Л. М. Дробизева поблагодарила абхазскую сторону оргкомитета за прекрасную организацию работы сессии, за предоставленную ее участникам возможность посетить заповедные этнографические уголки Абхазии и стать свидетелями яркого народного празднества «Лыхнашта».

Ю. Д. Анчабадзе, Л. Т. Соловьева

Примечания.

¹ См. его статью, написанную на основании доклада: *Бромлей Ю. В. О разработке национальной проблематики в свете решений XIX партконференции* // Сов. этнография (СЭ). 1989. № 1.

² См. его статью, написанную на основании доклада: *Губогло М. Н. Национальные группы и меньшинства в СССР* // СЭ. 1989. № 1.

³ Хронике заседаний секции «Современные этнические процессы у народов СССР» см.: Совместное заседание Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (Сухуми) // СЭ. 1989. № 1. с. 47—48.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Семинар с этим названием уже на протяжении двух лет работает в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Его возникновение отражает объективную потребность научного знания в более полном осмыслении политического процесса как необходимого условия понимания регуляции общественного организма. Власть во многом определяет политический процесс. Иными словами, политическая деятельность прямо или косвенно связана с отношениями власти и властвования. В то же время можно без преувеличения констатировать, что именно эта проблематика менее всего изучалась нашими учеными-обществоведами, которые если и касались ее, то с точки зрения содержания властных отношений, что означало в конечном итоге определение их классовой сущности в том или ином конкретном обществе. Другими словами, властные отношения коррелировались исключительно с экономическим базисом общества, в то время как зависимость этих отношений от социальных, демографических, психологических, культурных и других процессов практически не изучалась. Отметим здесь же, что эти зависимости констатировали еще ученые-философы античного периода, затем подобные проблемы в той или иной мере ставились на всем протяжении развития научной мысли, в том числе и классиками марксизма. Что же касается советского обществоведения, то уже с середины 1920-х годов вопросы, связанные с комплексным изучением такого общественного феномена, как власть и властные отношения, в функциональном, а особенно в эволюционном измерении практически выпали из поля зрения исследователей. Этот факт не нуждается в разъяснении. Очевидно, что теоретические выводы, которые могли быть получены в ходе исследований подобного рода, неизбежно способствовали бы подрыву авторитета созданной в период культа личности системы социального управления. Иными словами, вопрос о власти был самым животрепещущим: он непосредственно затрагивал интересы правящей элиты, пользовавшейся этой властью практически безгранично. Это положение не могло не сказаться на общем уровне разработанности указанных проблем в нашем обществоведении.

В качестве основной проблемы, разрабатываемой на семинаре, выдвигается в общем виде проблема культурной преемственности в историческом развитии политического процесса и его сердцевины — властных отношений. Однако здесь рассматривается один из вариантов такого развития, при котором внешний фактор играет главную роль в политической эволюции какого-либо социума. Объектом исследования таким образом, стали современные афро-азиатские политические системы, возникшие преимущественно в прошлом веке как колонии крупнейших империалистических государств Европы. Особенность процесса формирования этих систем состояла в том, что их появление было связано не с победой народившихся внутри системы «новых» элементов над «старыми», а с сочетанием «старых» элементов с «новыми», привнесенными извне. Именно особое соотношение «старого» и «нового» в структуре этих систем и определило вектор их дальнейшей социально-политической эволюции. Другими словами, насильственное внедрение «новых» элементов в структуру афро-азиатских обществ в ходе колониального процесса подчас не только не стимулировало возникновение более прогрессивных общественных отношений в этих социумах, но, наоборот, способствовало консервации старых. Сосуществование разнокачественных элементов бок о бок друг с другом, взаимодействие их в различных формах, является характерной особенностью политических культур бывших колоний, какой бы путь социально-экономического развития они ни провозглашали и в какой бы форме это развитие ни осуществлялось.

В рамках политического процесса это сосуществование и взаимодействие «старого» и «нового» проявляются благодаря наличию в его структуре, с одной стороны, отношений, характерных для традиционных политических культур (ТПК), с другой — для политических культур (ПК) рационального типа.

ТПК играла важную роль в докапиталистических обществах, т. е. стадии общественной эволюции, характерной для афро-азиатских социумов доколониального периода. ТПК — тип регуляции общественных отношений, ориентированный на простое воспроизводство форм деятельности. Эта ориентация закреплялась в социальных, идеологических и психологических структурах. Субъектами политической деятельности в рамках ТПК выступали естественно возникшие общественные коллективы (род, племя, клан, община и т. д.). Корпоративность человеческого коллектива определяли основные принципы: половозрастной и родства. Любая корпоративная общность в ТПК непременно осознавала себя коллективом родственников: половозрастной принцип играл важную роль в организации внутренней структуры такой общности. Индивид на этой стадии политической эволюции не был автономным субъектом деятельности и свои интересы тесно ассоциировал с интересами коллектива, к которому принадлежал. При этом общественный интерес был первичным по отношению к интересу индивидуальному. Чувство корпоративности формировалось не в результате осознания общности интересов, входивших в коллектив индивидов, а на базе эмоциональной сопричастности, создаваемой посредством использования общих символов и ритуалов, являвшихся выражением идеологических представлений. Все члены такого коллектива-субъекта политической деятельности в ТПК были связаны между собой различными социальными обязательствами, которые жестко закреплялись традицией. Структура такой общности

обладала эффективными механизмами воспроизводства посредством социализации нового поколения. Мужчины в ТПК играли основную роль в управлении общественными делами, причем старшие обладали преимущественными правами. Авторитет возраста закреплялся в идеологических представлениях. Харизматический тип авторитета также имел широкое распространение. Он основывался на магической идеологии, непосредственно связанной со стадийными особенностями архаического мышления.

Возникновение колониальных политических систем изначально было сопряжено с внедрением в афро-азиатские общества элементов ПК развитых в социально-экономическом отношении обществ. В этих ПК субъектом политической деятельности выступают партии, общественные организации, политико-административные структуры. Принципиальным отличием этих систем от традиционных является то, что они создаются сознательно, для достижения политических целей, которые предварительно формулируются. Интерес лежит в основе их возникновения. Объективно эти организации отражают интересы классов, социальных слоев, групп и т. д., однако механизм их возникновения сопряжен со стремлением отдельных индивидов как самостоятельных субъектов политической деятельности, осознавших через свои индивидуальные интересы общий интерес, объединиться для политической борьбы. В основе организации властно-управленческой деятельности в ПК данного типа лежит бюрократический принцип. Здесь основным субъектом деятельности является властно-управленческий орган, которому предписывается выполнение определенных функций. Внутренняя структура такого органа состоит из функционально-ролевых связей, ориентированных на выполнение соответствующих функций. Иерархия между органами и внутри органа закрепляется политико-правовыми документами. Авторитет определяется преимущественно выполняемой социальной ролью. Индивидуальные особенности имеют значение постольку, поскольку они адекватны выполнению тех или иных ролевых функций.

В колониальных политических системах верхние уровни управленческой иерархии функционировали преимущественно в соответствии с ПК метрополии, нижние же оставались носителями ТПК. Колониализм, как правило, в своей управленческой деятельности ориентировался на использование верхних эшелонов традиционных управленческих структур (надобщинных), в то время как основной носитель ТПК — община продолжала функционировать в соответствии с характерными для нее принципами. Колониализм не стремился преобразовывать общину, вполне удовлетворяясь эксплуатацией ее как целостного организма.

Независимый период в политическом развитии интересующих нас систем осуществлялся в различных вариантах. Он мог проходить в форме суверенной государственности (независимые государства Африки, например) либо в качестве составной части более широкого политического объединения (например, некоторые народы Средней Азии и Кавказа в СССР).

В ходе работы семинара были заслушаны и обсуждены доклады о роли традиций в ПК как в развивающихся странах Африки, Ближнего Востока, Океании, так и этносов, вошедших на разных уровнях развития в СССР. Уже на этой стадии деятельности семинара стала очевидной тождественность многих процессов, характерных для ПК этих этносов, несмотря на различное социально-классовое содержание политических систем, частью которых они являются. Прежде всего это относится к реальному существованию во всех рассмотренных случаях структур, носителей ТПК, продолжающих, несмотря на негативное к ним отношение официальных управленческих систем, организованных в соответствии с рациональными моделями, оказывать существенное влияние на политический процесс, определяя, таким образом, несомненное реальное процесса с тем, который предусматривается политико-правовыми документами.

ТПК часто вносит свое содержание в системы, официально организованные в соответствии с принципами ПК рационального типа. Характерным примером такого воздействия ТПК является феномен трайбализма, широко представленный в ПК развивающихся государств. Суть его заключается в том, что современные субъекты политической деятельности, такие, как партии, общественные организации, административные структуры, по существу функционируют в соответствии с основными принципами родственных коллективов различных иерархических уровней, т. е. субъектов политической деятельности, характерных для ТПК. Сходное явление, как показывают собранные в экспедициях материалы, довольно отчетливо просматривается и в ПК кавказских и среднеазиатских народов. Отмечалось, например, что в Адыгее, где представлены все адыгские племена, основные ключевые посты в аппарате управления заняты бжедугами. По имеющимся сведениям, там и сейчас существуют условия, препятствующие проникновению в партийный аппарат и на хозяйственно-административные должности представителей других племен. Отношения же внутри управленческой структуры напоминают традиционные братства, с характерной для них имитацией родственных отношений.

Аналогичное явление отмечалось и в современной ПК казахов. По предварительным данным (не подкрепленным специальными социологическими исследованиями, которые у нас не проводятся), эволюцию представительства жузов (родоплеменных групп) в высших органах власти Советского Казахстана можно представить следующим образом: в 1920—1930-е годы управленческий аппарат был представлен преимущественно выходцами из Западного Казахстана (младший жуз), в 1940—1950-е годы на передний план вышли выходцы из Северного Казахстана (средний жуз), в 1960—1980-е годы — представители Южного Казахстана (старший жуз), к которому принадлежал и Д. А. Кунаев.

Общей закономерностью функционирования ПК данных народов является наличие конфронтации между ТПК, носителями которой продолжают быть родственные коллективы различных уровней (общины), и официальной управленческой иерархией, функционирующей на базе ПК современного типа. Суть этого конфликта состоит в том, что управленческий аппарат стремится внедриться

в традиционные структуры, которые представляют собой самоуправляющиеся единицы, ориентированные на простое воспроизводство форм деятельности. При этом аппарат старается внести инновации в деятельность этих структур в соответствии со своим пониманием процесса развития как расширенного воспроизводства. В результате в ПК этих народов отчетливо наблюдается конфликт между традиционными институтами самоуправления и органами официальной управленческой иерархии. Как показывает африканский материал, попытки официальных властей игнорировать традиционных лидеров негативно сказываются на эффективности процесса управления. Подобный конфликт имеет место и в ПК среднеазиатских и кавказских народов СССР. Отмечалась, в частности, высокая роль традиционных управленческих структур, основанных на авторитете возраста. Подчеркивалось, например, что советы старейшин, которые, как правило, продолжают существовать у этих народов, нередко выступают в оппозиции официальным властям, поощряя поведение представителей социума, негативно оцениваемое официальной моралью. Характерно, что индивид в этих социумах склонен в большей степени ориентироваться на поведение, предписываемое традицией, нежели официальными властями.

При наличии подобного конфликта в наиболее сложном положении находятся лидеры низших уровней официальной управленческой иерархии. Нередко перед ними встает проблема выбора поведения, и, как правило, выбор делается в пользу традиционных общинных норм. Такого рода материалы приводились на семинаре по Туркмени.

ТПК играет особо важную роль в сельских районах, однако она оказывает существенное влияние и на жизнь города. Наиболее зримо оно проявляется там, где основная масса местного населения занята в сельском хозяйстве (Туркмения, например). Отмечалась важная роль структур общинного типа, так называемых объединений «махала», в общественно-политической жизни Ташкента.

Основной вывод, который можно сделать уже на этой стадии работы семинара, состоит в том, что ТПК продолжает оказывать сильное влияние на политические процессы в системах, возникших при решающем воздействии внешнего фактора, причем это характерно для политических систем с различным социально-классовым содержанием. Такое воздействие — объективный процесс, и его нельзя трактовать лишь как проявление пережитков, архаизмов, ретенируемых по чьей-то злой воле, хотя такую точку зрения можно встретить в ряде выступлений, особенно руководителей местного уровня. Очевидно, что для управления этими процессами необходимы глубокие этносоциологические исследования, которые в нашей стране полностью отсутствуют. Это, видимо, следствие, сейчас уже признанного ошибочным вывода о победе общества развитого социализма в СССР, что, конечно, никак не увязывалось с наличием у народов нашей страны общественных структур феодального и даже дофеодального типов.

Такие исследования необходимо учитывать при организации политической структуры нашего общества. Система управления не может создаваться без знания реальных процессов, проходящих в том или ином обществе; в противном случае она не будет способна регулировать эти процессы. Унификация политических структур союзных и автономных республик, в которых проживают этнические группы с различными ПК, неизбежно вызывает усиление так называемых неформальных процессов, о чем свидетельствует опыт развивающихся государств с аналогичной общественной структурой. Именно эти процессы — и это следует особо подчеркнуть — составляют основной резерв для политизации этнического фактора, т. е. возникновения различных сепаратистских и националистических движений.

В. В. Бочаров

ПРОБЛЕМНАЯ ВЫСТАВКА «ЧЕЛОВЕК И СРЕДА ЕГО ОБИТАНИЯ: ПОСЕЛЕНИЕ И ЖИЛИЩЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА XX в.» (Подход, цели, задачи и структура)

Опыт современного этнографического музееведения свидетельствует о ряде проблем в создании монографических и тематических экспозиций и выставок: выбор тематики и теоретическое обоснование, методика и принципы показа, разработка структуры; ощущается дефицит выставок, созданных на «стыке» различных исследовательских дисциплин, демонстрирующих новаторский исследовательский подход, ставящих острые социальные вопросы и т. п.

В 1986 г. ГМЭ народов СССР совместно с архитекторами Ленинградского зонального НИИ экспериментального проектирования при участии ИЭ АН СССР приступил к созданию концепции и тематической структуры проблемной выставки «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона XX в.»

В процессе подготовки выставки на исследовательском уровне ее авторы впервые в музейной практике предприняли попытку историко-сравнительного изучения поселений и жилищ, а также

рассмотрели их как адаптивный элемент системы жизнеобеспечения этносов (СЖО) в условиях меняющихся природно-географической, социально-экономической и культурно-бытовой сред XX в.²

Серьезной трудностью в работе над концепцией, формулировкой задач, структурой выставки, а также отбором и интерпретацией материала стали для авторов недостаточная разработанность проблем этнической экологии, отсутствие исходных методологических принципов междисциплинарного исследования избранной темы, сложность адекватного перевода научных вопросов на язык музейного экспонирования, что определило схематичность отдельных разделов и тем выставки. Значительную сложность представляло обоснование выбора Восточно-Европейского региона как объекта изучения. Избранный регион — историко-культурная общность, складывавшаяся в течение длительного периода истории в ходе культурной интерференции проживающих здесь народов, обладающая сходными и общими культурно-бытовыми особенностями. Близкие темпы и уровни социально-экономического развития, ранняя специализация на пашенном земледелии, относительно однородная географическая среда (климатические области умеренного пояса с их локальными вариантами) определили близкий уровень СЖО восточнославянского, прибалтийско-поволжского, балтского, балтского, тюркского и молдавского регионов. Устойчивость среды обитания в прошедшие века привела к стабильности сложившихся систем хозяйства и жизнеобеспечения, к их традиционализации, а резкие изменения социально-экономического развития в XX в. не сразу дали однопорядковые, т. е. сопоставимые, изменения у различных этносов региона. Взаимодействие человека с природой у каждого народа имеет свои особенности, что отражается в хозяйственно-культурной деятельности, традиционном быте, психологии и т. п. В ходе развития производительных сил происходит изменение человеком природной среды, что выражается в возникновении своеобразных культурных или антропогенных ландшафтов³. Именно в Восточно-Европейском регионе в лесной, лесостепной и степной зонах сложились благоприятные условия для интенсивной хозяйственной деятельности человека. Жилище и поселения как «наиболее оочеловеченная часть искусственной среды» содержат в себе чрезвычайно емкую информацию о характере человеческой деятельности, социально обусловленном поведении, практических навыках людей, их отношениях между собой и зримо отражают процессы, происходящие в культуре⁴.

Развитию общих черт в типах поселений и жилища региона в немалой степени способствовало и способствует то, что его физико-географические и экологические области совпадают как с ИЗО, так и с современными социально-экономическими районами⁵.

На основе богатейших материалов и исследований по генезису, истории и типологии поселений и жилища этносов Восточно-Европейского региона были выявлены общие типы расселения (заселения), поселения и жилых домов в начале XX в. Наряду с традиционными типами расселения, наиболее тесно связанными с природно-географическими факторами и особенностями хозяйственно-культурной деятельности, достаточно однородными в регионе типами поселений, варьирующими в пределах определенных географических и культурных зон, а также с типами жилых домов, имеющих надэтнический характер распространения, начиная с конца 20-х — 30-х годов появляются иные типы расселения и жилища, обусловленные новыми социально-экономическими факторами. Именно с этого периода начинается типовое и экспериментальное строительство на селе, предусматривающее создание общественных зданий новой социальной значимости — Народных домов, клубов; малоэтажных жилых домов и домов-коммун. В 30-е годы развивались конструктивистские идеи и предложения в виде поселений-садов, «агродородов» и т. п. Кроме того, получили некоторое распространение проекты сельских зданий с использованием традиций народной архитектуры.

В 50-е годы развивается и экономическая база типового строительства новых поселков колхозов и совхозов, совхозов-техникумов, опытно-показательных и экспериментальных поселений, создаются типовые проекты жилых домов, строятся сборные стандартные и 2-этажные многоквартирные дома из новых строительных материалов.

В 70-е годы стали очевидными многие проблемы экономического развития деревни, в частности малых сел северо-западного Нечерноземья и хуторов Прибалтики. Их снос, неумелая перестройка усилили опасность разрушения исторически сложившейся среды, культурных ценностей: прошлого и настоящего, традиций народного зодчества. Только сейчас перед профессионалами встали проблемы ландшафтной архитектуры на основе ландшафтно-градостроительного анализа, схем микрорегионального архитектурно-этнографического зонирования (опыт УССР, ЛитССР), проблемы реконструкции старых сложившихся центров межхозяйственных поселков или поселений с затухающими социально-экономическими функциями.

К концу 70-х годов более 70% возводимых на селе жилых домов составили одно- и двухэтажные жилые дома многоквартирного и многоквартирного секционного и усадебного типа. Каждый из них решает свою группу задач, но опыт показал, что сельские жители предпочитают усадебный тип.

В 80-е годы на Северо-Западе и в Прибалтике распространились агродородские агломерации, именно здесь самый высокий уровень урбанизации быта сельского населения, самый низкий уровень его численности по отношению к общей численности, заметное уменьшение числа лиц, занятых непосредственно сельскохозяйственной деятельностью, увеличение новых категорий сельскохозяйственных рабочих — механизаторов, рабочих заводов по переработке сельскохозяйственной продукции, сельской интеллигенции. «С десятилетним опозданием архитектор начал профессионально осознавать тот неоспоримый факт, что лишь около половины жителей села заняты собственно сельскохозяйственным производством»⁶.

Ограничив хронологию показа XX в., авторы выставки избрали период самых резких смен общественно-экономических формаций, изменений социально-культурного облика сельского населения и социальной структуры, что нашло отражение в резком изменении культурного ландшафта.

Понятие «среда» в контексте выставки определено как синтез природно-географических,

социально-экономических и культурно-бытовых факторов, воздействующих на эволюцию поселений и жилища. Выделение этих факторов на конкретном материале также представило определенную сложность в силу их взаимообусловленности и взаимосвязанности. В каждой области Восточно-Европейского региона наблюдалось их своеобразное сочетание, динамика и степень взаимодействия при явно общем для всего региона преобладании социально-экономических факторов в преобразовательной деятельности человека.

Природно-географические факторы (совокупность климатических, топографических, гидрографических и прочих факторов) определяли в прошлом в первую очередь характер и тип заселения, типы поселений и их планировку, типы усадеб, размещение и ориентацию жилых, хозяйственных и прочих строений, выбор культовых мест (урочищ, островов, озер, рощ, кладбищ, культовых сооружений), набор и вид строительных и подолочных материалов, основные архитектурно-планировочные и конструктивные элементы построек, виды фундаментов, устройство, форму и способы покрытия крыш, характер отопительных систем, расположение пола относительно поверхности земли, способы утепления жилых и хозяйственных построек. Преобладающие ландшафтные и природные зоны формировали свой тип перечисленных характеристик, имеющих тенденцию к распространению за пределы зоны. Освоенный и преобразованный ландшафт (как и его составляющие) на уровне макро- и микропространства приобретает черты «этнического» («родного») ландшафта в сознании населяющего его этноса. Сложившиеся формы поселений, типы усадеб, строительные материалы и многое из того, что перечислялось выше, в результате межпоколенной передачи опыта приобретали устойчивость, становились традиционным элементом локальной (и этнической) культуры.

Социально-экономические факторы (социальные, экономические, политические, демографические, часто в совокупности) сказываются на характере и темпах изменения архитектурного планирования сельских населенных пунктов, распространения тех или иных форм поселений, усадеб, типов жилых, хозяйственных и прочих строений; функциональном и социальном зонировании поселений, усадеб; функциональных связях жилых и хозяйственных помещений; количестве, площади, назначении строений у различных социальных прослоек сельского населения; смене строительных и подолочных материалов. В традиционной культуре начала XX в. вся группа социально-экономических факторов наиболее отчетливо отражается на развитии жилого комплекса.

Примером развития и распространения в Восточно-Европейском регионе унифицированного типа жилого дома с многофункциональными зонами является пятистенки.

Культурно-бытовые факторы (совокупность исторических, этнических, соционормативных, идеологических, психических и прочих факторов, отражающих взаимодействие человека с социокультурной средой) сказываются на устойчивости и подвижности традиционного локального и этнического опыта, на степени восприятия и отражения меняющихся природно-географических и социально-экономических условий существования и развития культурно-исторической общности. Системность культурно-бытовых факторов прослеживается в распространении и устойчивости определенных форм и типов поселений, в планировке усадеб, жилых, хозяйственных и культовых строений, закреплённости функционального и социального зонирования, предпочтении тех или иных строительных материалов и приемов, предметно-пространственного решения жилой и хозяйственной сред, экстерьера и интерьера, престижно-знаковых, ритуально-символических, эстетических, этических и идеологических функций поселений и жилища как среды обитания культурно-исторических общностей. Культурно-бытовые факторы в наиболее концентрированном виде выражаются в интерьере жилого дома.

Выявив содержание каждой группы факторов, установив их взаимосвязи в процессе адаптации природной и жилой сред, авторы сформулировали принципы показа экспозиционного материала, практические цели и задачи выставки. На практическом уровне цель выставки — выявление традиционных и современных моделей развития поселений и жилища региона с отбором тех из них, которые имеют наибольшую адаптивную ценность. В качестве задач были выдвинуты следующие.

1. Выявление и показ конкретных природно-географических, социально-экономических и культурно-бытовых факторов, влияющих на эволюцию общих и специфических черт в сельских поселениях и жилище народов Восточно-Европейского региона.
2. Показ динамики хозяйственных, соционормативных, престижных, этнических и прочих функций традиционных и современных поселений и жилища.
3. Обозначение и показ проблем современного этноэкологического и архитектурного (с точки зрения концепции преобразований «села» изучения поселений и жилища региона).
4. Определение и демонстрация наиболее ценных элементов традиционного опыта в выборе и планировке поселений, усадеб, проектировании, использовании строительных материалов, экстерьере и интерьере и пр. для включения в практику современного сельского строительства.

Обоснованные подход, цели и задачи выставки, теоретические принципы показа определяли тематическую подачу экспозиционного материала и рассмотрение объекта выставки — «поселений и жилища» на двух уровнях жизненной организации: «Человек и природа» — взаимодействие человека (этнической общности) с природно-географической средой на примере поселений и жилища и «Человек и социум» — взаимодействие «человека» с социально-культурной средой.

Схема тематической структуры выставки состоит из трех разделов с подразделами и темами.

1 раздел «Человек и природа».

1-й подраздел «Освоение природной среды».

2-й подраздел «Создание и освоение культурного ландшафта».

Тема А. Вычленение «освоенного» пространства для жизнеобеспечивающей деятельности.

Тема Б. Вычленение и маркирование пространства для культурной деятельности.

II раздел «Человек и социум».

1-й подраздел «Функциональное зонирование среды».

2-й подраздел «Социальное зонирование среды».

3-й подраздел «Традиционно-культурное зонирование жилой среды».

Тема А. Оформление внешних и внутренних границ жилого пространства.

Тема Б. Доминанты жилого пространства.

Тема В. Оформление праздничного интерьера.

Тема Г. Этническая маркированность современного жилого пространства.

III раздел «Образы культурного ландшафта».

В первом разделе «Человек и природа» ставятся вопросы взаимной адаптации этнической культуры и природы, проблемы современного этноэкологического и архитектурного изучения культурного ландшафта. В разделе решаются такие задачи, как показ влияния конкретных природно-географических и социально-экономических факторов на динамику этнокультурных ландшафтов, на развитие общих и специфических черт в сельских поселениях и усадьбах. Взаимобусловленность природно-географических факторов и хозяйственной деятельности с типами усадеб, функциями и типами хозяйственных и подсобных надворных построек наиболее зримо иллюстрируется в районах развитых лесных и отхожих промыслов, каковыми в первой половине XX в. являлись Русский Север, Приуралье и Прибалтика.

Универсальность механизма освоения окружающей среды демонстрируется на комплексах строительных приемов, инструментов, материалов основных конструктивных элементов. Наряду с показом традиционных и современных способов вычленения и организации пространства для жилой и хозяйственной деятельности в разделе делается акцент на включении природной среды в ритуальную деятельность человека.

Во втором разделе «Человек и социум» внимание сосредоточивается на адаптации человека к социально-культурной среде и выявлении функций жилой среды как элемента СЖО в культуре народов региона. Первый подраздел «Функциональное зонирование» ставит своими основными задачами показ динамики хозяйственных функций поселений, жилых и подсобных строений в течение XX в., а также демонстрацию наиболее ценных элементов традиционного опыта на примере пятистенка. В рамках выставки пятистенки рассматриваются как одна из моделей развития традиционного жилища, обладающая значительной адаптивной ценностью и в силу этого широко распространявшаяся в пределах Русского Севера, Приуралья, Поволжья, Белоруссии.

В подразделе «Социальное зонирование» будет показано влияние конкретных социально-экономических и культурно-бытовых факторов на изменения в социальном зонировании поселений и жилища, динамику соционормативных, престижных, этнических и прочих функций современных поселений и жилища.

Последствия современных социально-экономических процессов: укрупнение хозяйств, индустриализация сельскохозяйственного производства, изменения социально-экономического положения крестьянства, его социальной структуры, урбанизация, организация крупномасштабных мелiorативных работ, планы переброски рек и т. п. будут раскрыты в таких темах, как сельские поселения в единой системе расселения региона; организация крупного специализированного производства и различных типов хозяйств и соответствующих типов населенных пунктов; организация систем культурно-бытового обслуживания. Весь комплекс возникающих вопросов будет поставлен на примерах развития областной и региональной инфраструктур трех типов: высокоурбанизированного района, района с системой мелких поселений; района с высокoиндустриальной, узкоспециализированной отраслью сельского хозяйства (Ленинградская обл., БССР и МССР). Характер современного освоения и осознания (или неполного осознания) культурного ландшафта будет проиллюстрирован на материалах выборочных обследований индивидуального строительства 1966—1976 гг. и данных по созданию и реконструкции культурных, мемориальных и ландшафтных зон.

Третий подраздел «Традиционно-культурное зонирование жилой среды» строится исключительно на этнографических материалах, позволяющих акцентировать внимание на роли и месте жилой среды и ее компонентов в формировании соционормативных, эстетических, идеологических, психологических и прочих стереотипов этнического самосознания. Наиболее четко перечисленные стереотипы выражаются в ритуальных и символических функциях жилой среды, что будет показано на традиционном и современном материале.

Считаем нужным затронуть внимание на огромной научной и научно-прикладной ценности анализа культурно-бытовых факторов, которые не учитываются современными архитекторами при создании культурных ландшафтов, планировке и переустройстве сельских поселений, т. е. воссоздании органичной природной и социальной сред. Следует констатировать слабое знание и понимание архитекторами и проектировщиками традиционной культуры, динамики этнокультурного разнообразия, органической связи народных архитектурных традиций с природой, образом жизни, типом хозяйства и т. п. «Синтез функций, выполняемых традиционными жилищами и хозяйственными постройками в системе усадьбы и поселения, расчленяется архитекторами на решение в конкретных случаях экономических или функциональных, технических или художественных задач»⁷. (Так, например, разработка усадебного комплекса жилья зачастую осуществлялась в отрыве от создания системы водоснабжения, отопления и канализации.) При этом решение художественных задач часто отступает на второй план или остается нереализованным. Среди общих недостатков современной архитектурной практики — игнорирование природных факторов, локальных формообразующих элементов и топографии при коренных перестройках старых поселений и особенно при возведении новых; слабое творческое использование прогрессивных традиций народного зодчества.

Развитие архитектуры села в 50—60-е годы зависело от основных задач экономико-географи-

ческих исследований в те годы — территориальной организации и размещения производства. С 80-х годов экономистами, представителями экономической географии, социологии обсуждается проблема рациональной территориальной организации общества, создаются модели экономико-экологического районирования. Очевидно, что при современных масштабах антропогенного воздействия на окружающую среду каждый регион имеет не только свой круг экологических проблем, но и свои особенности исторического, социального, культурного развития. Незнание традиционного опыта народной культуры пагубно отразилось на планировке и перепланировке многих поселений, создании современных культурных ландшафтов, выборе тех или иных строительных материалов, способах декоративного убранства и т. п. Материалы выставки продемонстрируют возможности этнографических аспектов изучения окружающей среды, опыт и проблемы современной сельской архитектуры.

К открытию выставки, которое намечено на 18 мая 1989 г., музей приурочивает работу региональной научно-практической конференции с привлечением широкого круга специалистов и организаций, что позволит не только конкретизировать и углубить поднимаемые на выставке вопросы, но и выработать рекомендации, скоординировать деятельность представителей науки и общественности.

Конференция организуется под эгидой ленинградских отделений Союза архитекторов, Фонда культуры и других организаций.

О. М. Фишман

Примечания.

¹ Фишман О. М. Концепция проблемной выставки «Человек и среда его обитания: поселение и жилище народов Восточно-Европейского региона в XX в.» // Краткое содержание докладов научной сессии «Советская этнография за 70 лет: итоги, направления, перспективы.» Л., 1987. С. 56—57.

² Арутюнов С. А., Маркарян Э. С., Мкртумян Ю. И. Проблемы исследования культуры жизнеобеспечения этноса // Сов. этнография. 1983. № 2. С. 22—31; Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурного исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван. 1983.

³ Артановский С. Н. Общественно-культурные аспекты экологии человека // Вopr. философии. 1975. № 3.; Комаров В. Д. Что такое социальная экология? Л., 1978; Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 1982; Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М., 1983; Алексеев В. П. Антропогеоценомы — сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7; Козлов В. И. Основные проблемы этнической экологии // Сов. этнография. 1983. № 1. С. 3—16.

⁴ Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 34—64; Бромлей Ю. В. О соотношении культурно-ареальных общностей и цивилизаций // Социология и проблемы социального развития. М., 1978. С. 269—271.

⁵ Современные этносоциальные процессы на селе. М., 1986.

⁶ Глазичев В., Маханько Б. Архитектура села: проблемы, перспективы // Архитектура СССР. 1978. № 9—10. С. 83.

⁷ Глазичев В., Маханько Б. Указ. раб. С. 83.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

Летом 1988 г. фольклорная экспедиция кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ начала работу в Кировской обл.

С 4 по 30 июля два отряда под руководством Н. И. Савушкиной (9 человек) и А. А. Ивановой (8 человек) обследовали Подосиновский район. Отряд Н. И. Савушкиной работал в Утмановском и Яхренгском сельсоветах (села Утманово, Яхреньга и 36 малых деревень от 15—20 до 1—3 домов), отряд А. А. Ивановой — в Октябрьском и Щёткинском сельсоветах (села Октябрь, Щёткино и 35 малых деревень).

Всего записано 7124 текста. В том числе: баллад — 19 («Оклеветанная жена», «Муж жену губил», «Ванька-ключник», «Ехали солдаты»), сказок — 67 (21 волшебная, 25 о животных, 21 бытовая), анекдотов — 13, произведений несказочной прозы — 394 (62 предания, 12 легенд, 259 быличек, 61 бывальщина), рассказов о прошлом (организация колхозов, коммун, местные промыслы, Великая Отечественная война и др.) — 108, произведений се-

мейной обрядовой поэзии — 338 (7 похоронных причитаний, 41 свадебное, 49 свадебных песен, 30 величальных, 108 корильных, 103 свадебных приговора), рассказов о свадебном обряде — 144 (из них 3 визуальных описания), рассказов о похоронном обряде — 20 (1 визуальное описание), о родильных обрядах — 17, о проводах в армию — 10, гаданий — 292, примет — 256, заговоров и оберегов — 241, рассказов о календарных праздниках — 217, традиционных лирических необрядовых песен — 89 (41 протяжная и 48 частых), хороводных, игровых и плясовых — 267, песен литературного типа и происхождения, романсов и новых баллад — 319, частушек — 3223, произведений малых жанров (пословиц, поговорок, загадок) — 260, произведений детского фольклора — 273.

Кроме того, записаны сведения о народной медицине и рецепты, о бытовании разных жанров, репертуары хоров и отдельных исполнителей, их биографии, описания взрослых и детских игр.

Работа велась с 403 исполнителями разных возрастов: 29 чел. — до 20 лет, 23 — от 20 до 40, 74 — от 40 до 60, 236 — от 60 до 80, 42 — старше 80 лет. При некоторой неизбежной неравномерности охвата разных возрастных групп значительные цифровые расхождения объясняются социально-демографическими условиями современных северных деревень, в большинстве которых доживает свой век старшее поколение местных жителей (от 60 лет и старше). Трудоспособное же, часто приезжее население сконцентрировано в центральных усадьбах (селах).

Фольклорные материалы, собранные в четырех сельсоветах, существенно не различаются. Так, в песенном репертуаре повсюду преобладают частые лирические (шуточные) и плясовые песни, широко распространены песни литературного типа и происхождения. Практически отсутствуют произведения календарной обрядовой поэзии (их не помнят даже самые старые люди). Среди жанров свадебного фольклора преобладают величальные и корильные песни, приговоры. Если песни чаще всего приводятся в рассказах о свадьбах прошлого, то приговоры звучат и на современных свадьбах.

Сохранность песенного репертуара способствуют самодельные хоры при клубах и ДК. Так, в Доме культуры с. Утманова был организован вечер «Встреча с песней», где исполнялись местные «плясовые» и «долгие» песни («Посеяли девки лен», «Я вечор молода»,

«Мамашенька ругала за милого дружка», «Раз полюску Маша жала» и др.).

Широко распространены произведения нескладочной прозы, в особенности былички (неосомненный интерес среди последних представляют рассказы о *мани* и *зализухе*).

Среди календарных обрядов в быту местных жителей дольше и лучше сохранялись несложные обрядовые комплексы (святки, масленица, троица), а также обряды, исполняемые индивидуально или в семейном кругу (обряды жнивный, величания земли, первого выгона скота и др.). Некоторые из них в трансформированном виде совершаются и ныне. Среди всех возрастных групп населения достаточно широко практикуются заговоры (в особенности лечебные и обережные).

Сказочная традиция поддерживается преимущественно женщинами старшего возраста, рассказывающими сказки своим внукам, поэтому в сказочном репертуаре преобладают так называемые детские сказки («Морозко», «Мальчик-с-пальчик», «Гуси-лебеди», «Про Пыхтелку», «Чудесная дудочка», «Колобок», «Теремок» и др.).

Собранный рукописный материал хранится в архиве кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ, магнитофонные записи — в Лаборатории устной речи филологического факультета.

А. А. Иванова, Н. И. Савушкина

* * *

В 1986—1988 гг. экспедиция кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского ордена Дружбы народов государственного университета (КБГУ) провела экспедиции (руководитель — А. И. Мусукаев) в кабардинских селах Кабардино-Балкарской АССР: Аушигер (Догужоково)¹, Верхний Акбаш (Астемирово), Верхняя Жемтала (Верхнекожожовское), Нижний Курп (Ахлово), Нартан (Клишбиево), Баксаненок (Касаево), Заюково (Атажукино-1), Кызбурун-II (Тамбиево), Чегем-I (Куденетово), Лечинская (Тахтамышево), Малка (Ашабово), Каменномостское (Кармово).

Цель экспедиций — сбор материала по теме «Кабардинская семья», ее структура и численность, тип семьи, причины сохранения большой семьи и факторы ее распада.

Результаты опроса показали, что кабардинская семья *унагуз* в конце XIX — начале XX в. в основном была двухпоколенной

и состояла чаще всего из 7—8 чел. В Клишбиево, Верхнекожовском, Тамбиево и Касаево такие семьи в исследуемый период составляли примерно 75 — 80% от общего числа семей, в Догужоково, Атажукино-1, Ашабово, Астемирово, Тахтамышево — до 70%, в Лафишево и Ахлово — в пределах 60—65%.

Однако имелись и более сложные по составу семьи, в которые входили родители и семьи одного, двух и даже трех сыновей. Еще более распространены были большие братские семьи — *унзышзахэс*. Так, к началу XX в. в Ахлово, Лафишево, Мисостово, Ашабово, Астемирово, Куденетово, по свидетельству информаторов, такие семьи составляли не менее 20%. Только в одном Ахлово до революции проживало около 250 семей, причем каждая третья из них была большой. Типичными братскими семьями в Ахлово были семьи Муртаза Апшева, Карашая Жилахажева, Шамиля Дзагаштокова, Асламбека Карежева. Так,

в частности, семья Муртаза Апшева, которому в 1900 г. было немногим более 60 лет, включала малые семьи его братьев: Тазара, 56 лет, и Ибрагима, 44 лет. По данным старожилов с. Кармово, в начале XX в. в их селе насчитывалось до 140 семей, из них больших — около 70, причем половину из них составляли братские.

Причины сохранения «отцовских» и «братских» больших семей, как показывают полевые материалы — стремление сохранить экономическое единство семьи, боязнь оставить ее членов без средств к существованию, ограничение семейных разделов со стороны царской администрации. Однако в пореформенное время большие семьи делились на малые и исчезали из быта кабардинцев. Причины этого — усиливающееся проникновение капитализма в быт горцев в конце XIX — начале XX в.

Собранные экспедицией полевые этнографические материалы переданы в архив кафедры всеобщей истории КБГУ и будут использованы в научных публикациях и докладах ее сотрудников и студентов.

А. И. Мусукаев

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ доктора исторических наук РАИЛЯ ГУМЕРОВИЧА КУЗЕЕВА (к 60-летию со дня рождения)

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. I. Ч. 1. Гл. 1. 303 с. Общая редакция, авторство: в § 3 разделы «Башкирские племена до XIII в.» (с. 22—27); «Об этногенезе башкир» (с. 27—37); «Зарождение феодальных отношений в Башкирии» (с. 38—41); «Быт и культура башкирского народа в XVII—XVIII вв.» (с. 272—278).

Рец. на кн.: Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. 393 с. // Советская этнография (далее — СЭ). 1956. № 2. С. 154—158.

Очерки исторической этнографии башкир. Ч. I. Родо-племенные организации у башкир в XVII—XVIII вв. Уфа, 1957. 184 с.

400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957. 115 с. (в соавт. с Юлдашбаевым Б. Х.; то же на башк. яз.).

Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // СЭ. 1957. № 4. С. 3—12.

400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству. Материалы науч. сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. 243 с. Отв. ред. (совместно с Устюговым Н. В.) и авторство: Новые источники о присоединении Башкирии к Русскому государству. С. 3—22.

Отв. ред. кн.: Калимуллин Б. Г. Архитектурные памятники Башкирии (культовые сооружения). Уфа, 1958. Вып. III. 50 с.

Родо-племенной состав башкир в XVIII в. // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 60—71.

Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I. Ч. 2. 539 с. Ред. и авторство: в гл. IV, § 2, раздел «Быт и материальная культура народов Башкирии» (с. 257—263).

Отв. ред. кн. (совместно со Смирновым А. П.): Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. 171 с.

Башкирское шежере. Уфа, 1960. 304 с. (составление, перевод текстов, введение и комментарии). Отв. ред. кн.: Усманов А. Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. 195 с.

Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. I. 367 с. Отв. ред. и авторство: разделы «Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.)» (с. 171—267; в соавт. с Бикбулатовым Н. В., Шитовой С. Н.); «Современное колхозное жилище северных башкир» (с. 268—282; в соавт. с Шитовой С. Н.); «Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея» (с. 302—322; в соавт. с Мандоки Ласло — ВНР); «„Башкиро-мадьярская“ проблема (краткий обзор основных источников)» (с. 336—343; в соавт. с Гариповым Т. М.); «Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР» (с. 344—357; в соавт. с Авижанской С. А.)

Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963. 151 с. (в соавт. с Шитовой С. Н.). Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 260 с. (в соавт. с Авижанской С. А., Бикбулатовым Н. В.).

Башкиры // Народы Европейской части СССР (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1964. Т. 2. С. 682—741 (в соавт. с Шитовой С. Н.).

Отв. ред. кн. (совместно с Сальниковым К. В.): Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. II. 281 с.

Территориальные комплексы культуры и этнографические группы башкир на рубеже XIX—XX вв. // Ученые записки Башк. ун-та. Сер. ист. наук. 1968. Вып. 35. № 7. Из истории Башкирии (дореволюционный период). С. 188—209.

Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. III. 428 с. Отв. ред. и авторство: разделы «К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (Опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд)» (с. 228—248); «Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию)» (с. 261—321); «Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв.» (с. 327—370); «Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования» (с. 371—388).

Башкиры // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 410—423 (в соавт. с Белицер В. Н., Шитовой С. Н.).

Народное искусство башкир. Л., 1968. 110 с. (в соавт. с Авижанской С., Бикбулатовым Н.).

Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX века (историко-этнографический анализ) // Науч. сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С. 98—111.

Отв. ред. кн.: Бикбулатов Н. В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. Уфа, 1969. 214 с.

Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. IV. 358 с. Отв. ред. и авторство: раздел «Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности» (с. 17—29).

Задачи исторической этнографии в изучении древней и средневековой истории башкир // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 5—21.

Башкирские родо-племенные названия и их алтайские параллели // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 214—220 (в соавт. с Гариповым Т. М.).

Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа (Историко-этнографические исследования). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. 54 с.

Шежере — письменные источники по средневековой истории башкирского народа // Археологический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 141—147.

Рец. на кн.: Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 403 с. // СЭ. 1972. № 5. С. 156—159.

Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. V. 256 с. Отв. ред. (совместно с Бикбулатовым Н. В., Мажитовым Н. А.) и авторство: Краткий очерк этнической истории башкирского народа (с. 32—60).

Ономастика Поволжья: Материалы III конф. по ономастике Поволжья, 3. Уфа, 1973. 431 с. Отв. ред. (совместно с Никоновым В. А.), авторство: Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир (с. 9—21).

Роль исторической стратификации родоплеменных названий в изучении этногенеза тюркских народов Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии. Докл. на IX Международном конгрессе археол. и этногр. наук (Чикаго, сент. 1973 г.) М., 1973. 17 с. (то же на англ. яз.)

Источники по истории Башкирии до XVI в. // Южноуральский археологический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 133—150.

Отв. ред. кн.: Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. 406 с.

Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974. 571 с.

Отв. ред. кн. (совместно с Овчинниковым Р. В.): Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа, 1975. 496 с.

Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 13—16 (в соавт. с Гариповым Т. М.).

Рец. на кн.: Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. 542 с. // СЭ. 1976. № 4. С. 183—188.

Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии. Уфа, 1976. 248 с. Отв. ред. (совместно с Баскаковым Н. А.), авторство: К вопросу о соотношении этноса и культуры (с. 103—106).

Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. 392 с. Отв. ред. и авторство: К вопросу об этнографическом источниковедении (с. 5—17).

Этнография Башкирии. Уфа, 1976. 154 с. Отв. ред. (совместно с Бикбулатовым Н. В.)

и авторство: Об историческом соотношении территорий «Великой Венгрии» и Древней Башкирии (с. 5—11).

Народное творчество башкир. Уфа, 1976. 168 с. Отв. ред. (совместно с Бикбулатовым Н. В.), авторство: Прикладное искусство (с. 43—142; в соавт. с Бикбулатовым Н. В., Шитовой С. Н.).

Отв. ред. кн.: Археография Южного Урала. Уфа, 1976. 173 с.

Отв. ред. кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976. 56 с.

Этнические связи Южного Урала со Средней Азией и Приаральем в эпоху средневековья // Проблемы этногенеза туркменского народа, Ашхабад, 1977. С. 137—143.

Отв. ред. кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. 138 с.

Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. 263 с.

К популяционной генетике башкир (в связи с проблемами этногенеза народов Урала и Поволжья) // Культура и быт башкир. Уфа, 1978. С. 92—102. (в соавт. с Рафиковым Х. С., Юмагужиной Н. Х.)

Отв. ред. кн. (совместно с Шитовой С. Н.): Культура и быт башкир. Уфа, 1978. 103 с.

Historical Stratification of Generic and Tribal Names and their Role in the Ethnogenetic Study of Turkic Peoples of Eastern Europe, Kazakhstan and Central Asia // The Nomadic Alternativ. Modes and Models of Interaction in the African-Asian Deserts and Steppes. The Hague; Paris; USA, 1978. P. 157—165.

Об особенностях реконструкции источников для изучения истории бесписьменных в прошлом народов // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР. М., 1979. С. 246—250.

Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979. 242 с. (в соавт. с Бикбулатовым Н. В., Шитовой С. Н.).

Отв. ред. кн. (совместно с Бикбулатовым Н. В.): Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979. 207 с.

Основные этапы формирования Волго-Уральской историко-этнографической области // Пятый Международный конгресс финно-угроведения (Турку, август, 1980). Докл. сов. делегации. Уфа, 1980. 11 с.

Наука в Башкирской АССР сегодня и завтра. Уфа, 1980. 38 с.

«Магна Хунгария» и Древняя Башкирия // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini Habitus, 9—15 Septembris, 1975. Budapest, 1980. Pars II. S. 197—202 (в соавт. с Гариповым Т. М.).

Отв. ред. кн. (совместно с Бикбулатовым Н. В.): Обычай и культурно-бытовые традиции башкир. Уфа, 1980. 135 с.

Этногония башкир (к вопросу об этнографическом источниковедении) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 28—30.

Статьи: Структура популяции башкир в регионе Среднего Поволжья и Урала (с. 3—36; в соавт. с Рафиковым Х. С., Беловой И. Ю., Юмагужиной Н. Х.); Генетическая дивергенция башкир в аспектах этногенеза (с. 37—54; в соавт. с Рафиковым Х. С., Юмагужиной Н. Х.) // Популяционно-генетические исследования народов Южного Урала. Уфа, 1981.

История формирования культурных и языковых границ Волго-Уральской историко-этнографической области // Congressus Quintus Internationalis Finno-Ugristarum. Turku, 1981. С. 59—63 (в соавт. с Гариповым Т. М.).

Отв. ред. кн.: Халиков Н. А. Земледелие татар Среднего Поволжья и Приуралья в XIX — начале XX в. Историко-этнографическое исследование. М., 1981. 124 с.

Отв. ред. кн.: Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М., 1981. 124 с.

Отв. ред. кн. (совместно с Жорницкой М. Я.): Нагаева Л. И. Танцы восточных башкир. М., 1981. 126 с.

Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Материалы науч. конф. Уфа, 1982. С. 6—18.

Этногенез и генетическая дивергенция восточных башкир // СЭ. 1982. № 4. С. 26—34 (в соавт. с Рафиковым Х. С., Юмагужиной Н. Х.).

Статьи: Этнические и культурные связи Казахстана и Башкирии в XVI—XVIII вв. (с. 132—

138; в соавт. с Бикбулатовым Н. В.); Присоединение Башкирии к России (с. 150—155) // *Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России*. Алма-Ата, 1982.

Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. 144 с. Отв. ред. (совместно с Бикбулатовым Н. В.) и авторство: Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье (с. 3—17, в соавт. с Гариповым Т. М., Ивановым В. А., Моисеевой Н. Н.).

Деятельность музея археологии и этнографии в 1981—1982 гг. Препринт. Уфа, 1982. 26 с. (в соавт. с Бикбулатовым Н. В., Пшеничником А. Х.).

Отв. ред. кн.: *Гвоздикова И. М.* Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1982. 222 с.

Отв. ред. кн.: *Усманов А. Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. 2-е изд., испр. и доп. Уфа, 1982. 335 с.

Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V—XIV вв.). Препринт. Уфа, 1983. 22 с. (в соавт. с Ивановым В. А.).

The Bashkirs in the Volga-Ural Historical and Cultural Region / Ethnic Development in the 20-th Century // *Studies in Anthropology and Ethnography* (XI Inter. Congress of Anthropol. and Ethnol. Sciences. Vancouver-Quebec. August 1983); P. I. Moscow, 1983. P. 136—142.

Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. 148 с. Отв. ред. (совместно с Нагаевой Л. И.), авторство: О некоторых тенденциях в этническом развитии башкир в составе Волго-Уральской историко-этнографической области в XX в. (с. 3—8); Новое открытие пещерной живописи на Южном Урале (предварительное сообщение) (с. 144—147; в соавт. с Пшеничником А. Х.).

Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // *Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 3—22* (в соавт. с Ивановым В. А.).

Музей археологии и этнографии Башкирского филиала АН СССР // *СЭ. 1984. № 3. С. 75—82* (в соавт. с Пшеничником А. Х., Бикбулатовым Н. В.).

Соотношение административно-управленческой и общинной структур в Башкирии в первой половине XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 332—344 (в соавт. с Шакуровой Ф. А.).

Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. 1985. 309 с. Отв. ред. (совместно с Пименовым В. В.), авторство: Введение (с. 3—16; в соавт. с Пименовым В. В.); Заключение (с. 297—299; в соавт. с Пименовым В. В.).

Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития (по материалам СССР) // *СЭ. 1985. № 4. С. 13—22*. (в соавт. с Бабенко В. Я.).

Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала. Уфа, 1985. 106 с. Отв. ред. (совместно с Булгаковым Р. М.), авторство: О задачах археографических и текстологических исследований памятников восточной письменности в Башкирии (с. 5—13).

Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов // *Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык*. Новосибирск, 1985. С. 107—113 (в соавт. с Гариповым Т. М.).

Population Genetic Analysis of the Bashkirs on the basis of material of the Soviet-Finnish expedition // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Series A. Helsinki, 1986. V. Medica, 175. Somatology and Population Genetics of the Bashkirs*. P. 9—15. (в соавт. с Рафиковым Х. С., Хуснутдиновой Э. К., Долматовой И. Ю., Нафиковой А. Х.).

Отв. ред. кн.: *Малоизученные источники по истории Башкирии*. Уфа, 1986. 168 с.

Социально-экономическое и этнонациональное развитие народов Южного Урала и Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX в. (теоретические аспекты). Препринт. Уфа, 1987. 35 с.

Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н. э. до XVI в. Препринт. Уфа, 1987. 67 с.

О развитии капитализма и этнонациональных процессах на Южном Урале и в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в. Препринт. Уфа, 1987. 41 с.

Этнические процессы и ступени консолидации тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона (эпохи феодализма и капитализма). Препринт. Уфа, 1987. 50 с.

Этносоциальные процессы на Южном Урале и в Среднем Поволжье в советское время. Препринт. Уфа, 1987. 22 с.

Социалистические нации Волго-Уральской историко-этнографической области: функционирование, этапы развития. Препринт. Уфа, 1987. 27 с. (в соавт. с Моисеевой Н. Н., Бабенко В. Я.).

Периодизация этносоциальных процессов на Южном Урале и в Среднем Поволжье в эпохи феодализма и капитализма. Препринт. Уфа, 1987. 19 с.

Об этнических связях тюркских народов севера Евразийских степей в эпоху средневековья и в новое время по данным родоплеменной этнонимии // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 98—109 (в соавт. с Моисеевой Н. Н.)

Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. 152 с. Отв. ред., авторство: Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (с. 5—18; в соавт. с Ивановым В. А.).

Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. 107 с. Отв. ред., авторство: Актуальные вопросы теории и истории этнических процессов на Южном Урале в новое и новейшее время (с. 5—10; в соавт. с Моисеевой Н. Н., Бабенко В. Я.); Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время (с. 11—34; в соавт. с Моисеевой Н. Н., Бабенко В. Я.); Этнические процессы в новое и новейшее время (с. 35—76; в соавт. с Моисеевой Н. Н., Бабенко В. Я.).

К истории этнических контактов и взаимодействия тюркских и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе // Антропология и популяционная генетика башкир. Уфа, 1987. С. 6—19.

Особенности этнонационального развития народов Волго-Уральской историко-этнографической области за годы Советской власти // СЭ. 1988. № 1. С. 3—15 (в соавт. с Бабенко В. Я., Моисеевой Н. Н.).

Социальное и этническое в современных этнонациональных процессах: К итогам одной дискуссии. Препринт. Уфа, 1988. 43 с.

Этнические процессы и ступени консолидации (на примере тюркских и финно-угорских народов Волго-Уральского региона) // Тюркология-88. Тез. докл. и сообщ. V Всесоюз. тюркол. конф. (7—9 сент. 1988). Фрунзе, 1988. С. 36—39.

Отв. ред. кн.: Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пяноборская эпоха. III в. до н. э.— II в. н. э. М., 1988. 240 с.

Волго-Уральская этнографическая область: Опыт этногенетического взгляда на историю. Уфа, 1988. 550 с.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. А. Белик

ЭТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭТНОЛОГИИ (АНГЛИЯ, ФРГ, США)

Этологические исследования в этнологии США концентрируются вокруг психологической антропологии — наследницы направления «Культура и личность» 1930—1940-х годов. По методу исследования и интерпретации полученных данных в психологической антропологии можно выделить следующие подходы: психологический, психоаналитический, этологический. Использование этологии в качестве интерпретирующей теории в этнологии и обуславливает возможность существования этоэтнологических исследований. В Западной Европе применение этологических методов для исследования поведения человека в условиях различных культур осуществляется в рамках этологии человека. Основные направления развития этой дисциплины: культурная и филогенетическая ритуализация, организация социального поведения и онтогенез человека. Они основываются на конкретно-этнографическом материале, получаемом в ходе кросс-культурных исследований.

Кратко охарактеризуем область исследований этоэтнологии. Важное место в ней отводится разработке теории и методологии, анализу проблем, связанных как со спецификой данной дисциплины, так и общих для человекознания вообще (норма и патология, ранние опыты, соотношение культурного и природного и т. д.). Одним из важнейших аспектов исследований является специфический анализ ритуала и процесса ритуализации. Тесно связано с ним изучение невербальной коммуникации в различных этнокультурных общностях. Значительное место в этоэтнологии занимает межкультурный анализ эмоционально-психологических состояний в генетическом и функциональном аспектах. Объекты исследований в ней: агрессивность, ненависть, страх, любовь, привязанность. Особое внимание уделяется изучению таких феноменов, как одиночество и общение, являющихся важнейшими потребностями человека, универсальными для всех культур. И наконец, наиболее развитая и, пожалуй, самая важная область исследований этоэтнологии — детство в условиях различных культур.

В этоэтнологических исследованиях чаще всего используется метод непосредственного наблюдения в реальных естественных условиях в отличие от экспериментальной психологии (теории научения), где искусственно создаются ситуации для изучения поведения людей. Такой способ анализа во многом предопределяет и предмет этоэтнологии, имеющий тройственную структуру: 1) изучение детей в различных культурах в досоциальном, «естественном» состоянии; 2) исследование процесса формирования детей, особенностей поведения взрослых в современных обществах и обществах охотников-собирателей (в «естественных культурах»); 3) поиски сходных аспектов функционирования человека и животных.

Если представить этоэтнологические исследования в процессуально-генетическом аспекте, то получается сложная и интересная трактовка предмета изучения. В этом случае можно выделить не только анализ развития ребенка из детства во взрослое состояние в условиях различных культур, но и исследование движения от предшествующего (животного) способа функционирования к человеческому (социальному, культурному), от высших животных к детям, а от них к более зрелым этносоциальным формам.

Одной из первых работ, посвященной этологии человека, была книга, вышедшая под редакцией Н. Блуртон Джонса, — «Этологическое изучение детского поведения» и одноименная монография Макгроу¹. Выход этих книг был подготовлен серией статей различных ученых — этологов, психологов, антропологов, показавших возможность и теоретически обосновавших применение этологического подхода к изучению человека. В качестве таковых необходимо отметить работы М. фон Кранаха, Дж. Боулби, П. Экмана, У. В. Фризена, Е. Р. Соренсона, И. Эйбл-Эйбесфельда,

Р. Б. Ли и Де Во². Существенную роль в развитии этологии человека и этозтологии сыграл один из основателей этологии — К. Лоренц.

Наиболее целеное теоретическое осмысление этологических исследований, в том числе и человека, можно сказать даже их философия (если под последней понимать теорию познания и решение вопроса о сущности человека), представлены в книге К. Лоренца «За зеркалом». К. Лоренц исследует человека в единстве его культурных и филогенетических особенностей. Он настаивает на необходимости «различать нормы социального общения, предопределенные филогенетически, от культурно детерминированных...»³. Одна из важнейших областей исследований этозтологии и этологии человека состоит в анализе соотношения филогенетических (врожденных, внутренних) и культурных стереотипов поведения⁴. Особое внимание уделяется анализу невербальных форм поведения — ритуалов в различных их функциональных назначениях. Содержание понятия «ритуал» отличается от принятого в антропологии. К. Лоренц присоединяется к определению ритуала Дж. Гексли, который ввел этот термин в поведенческую биологию. Ритуал по Лоренцу, — это процесс, «имеющий место в осуществлении угроз, ухаживании и других проявлениях, которые птицы и другие животные адресуют к особям своего вида»⁵. Существенной особенностью этого процесса является выполнение коммуникативной функции в отличие от остальных образцов моторного поведения животных.

Более полно содержание понятия «ритуал» раскрывает И. Эйбл-Эйбесфельдт. «Ритуалы — это модели поведения, которые выполняют коммуникативную функцию и испытывают изменения в процессе ее осуществления, повышающее их коммуникативную ценность». Другими словами, — продолжает автор, — ритуалы имеют сигнальную функцию, реализуемую в процессе, названном ритуализацией»⁶. Важным для проникновения в сущность ритуализации является понятие «выразительные движения» — образцы поведения, имеющие сигнальные функции, которые составляют ритуал. Выразительные движения — своего рода «атомы», отдельные действия составляющие ритуал. Они могут быть по происхождению филогенетическими, культурными и индивидуальными. Существенная характеристика ритуализации состоит в том, что она «есть процесс, в котором некомуникативные модели поведения эволюционируют в сигналы»⁷.

Анализируя сущность ритуала, К. Лоренц выделяет три его функции, общие для людей и животных: «коммуникация, контроль агрессивности и формирование консолидации, сплоченности»⁸, и специфически человеческую функцию культурной ритуализации, состоящую в «создании независимых символов, которые становятся общепринятыми и рассматриваются как часть общества»⁹.

Более детально функции ритуалов исследует И. Эйбл-Эйбесфельдт. Выделение функции ритуалов является у него одновременно и их классификацией. Первая функция — сплочение, создание дружеских уз, сотрудничество. И. Эйбл-Эйбесфельдт рассматривает образование моделей, способных осуществить эту функцию как в индивидуальном развитии (онтогенезе), так и в исторической перспективе (филогенезе). Ритуалы этого типа состоят из различных видов: ухаживания, встречи-приветствия, обмена подарками. Особо западногерманский ученый выделяет ритуалы синхронизации, способствующие формированию ритмических гармонических движений и навыки коллективных действий¹⁰. Сплоченность достигается также «ритуалами, выражающими общезначимые интересы» или «объединяющими» в группу, изображающую «акты совместной агрессии против общего врага»¹¹. «Обмен подарками» — наиболее простой способ установления дружеских связей как внутри общности, так и вне ее. И. Эйбл-Эйбесфельдт отводит значительную роль отношениям типа «дай-возьми» не только на ранних этапах развития общества, но и в первые годы жизни ребенка. Обмен игрушками между детьми или просьба ребенка, обращенная к родителям, дать ему ту или иную вещь — попытка завязать диалог в форме, подобной той, которую мы встречаем в ритуале обмена подарками¹².

Сотрудничество, сплоченность, способность образовывать дружеские узы — важнейшее качество, необходимое для функционирования общества на любой ступени его развития. Согласно исследованиям этологов, поведению человека присуща агрессивность. У животных аналогичные проявления в поведении в отношении особей своего вида тормозятся специфическими биологическими механизмами. Лишь в исключительных ситуациях агрессивное поведение приводит у животных к убийству особи своего вида. У человека же со становлением социального типа жизнедеятельности подобные биологические механизмы заторможены; у него не функционирует та сложная система поз, жестов, ритуалов, существующих у животных¹³. На смену им образовалась культурная (социальная) система торможения агрессивности. Именно ее И. Эйбл-Эйбесфельдт выделяет в качестве второй фундаментальной функции ритуалов. Агрессивное поведение человека ограничивается специфическими культурными моделями, дающими возможность контролировать его и трансформировать в неdestructивные формы. Для этого были выработаны правила поединков и других форм агрессивного социального взаимодействия с целью предотвратить убийства людей внутри общности. «Интрагрупповая агрессия, — пишет И. Эйбл-Эйбесфельдт, — часто приводит к установлению иерархического устройства, которое дает преимущество не только тем, кто занимал высшие ранги, но и всей группе»¹⁴. Борьба за высокие места в иерархической системе стала приобретать более ритуализованный характер, лидеров в группах «начали выбирать не только за их силу, агрессивность, но и в соответствии с социальными способностями, такими, как умение установить мир, организовать деятельность»¹⁵. Все большую роль стали играть обряды, дающие возможность в ритуализованной форме проиграть ситуацию, будущие действия и тем самым подготовиться к ним. Этот вид ритуалов преобразовывает destructивные импульсы, дает им выход в культурно приемлемой форме. И. Эйбл-Эйбесфельдт высказывает мнение, что наличие многообразных ритуализованных игр способствует уменьшению агрессивности и наоборот. Свою мысль

он подкрепляет фактическим материалом, подтверждающим существование такой зависимости. Например, редко ведущие войны бушмены соревнуются в разнообразных играх, а у регулярно ведущих войны эйпо (Западный Иран) и яномами (Верхнее Ориноко) ритуализованные игры практически отсутствуют¹⁶. В процессе формирования культурных моделей, контролирующих интрагрупповую агрессию, происходит развитие способов социального взаимодействия внутри общности, вырабатываются создающие стереотипы поведения.

Более сложно, а часто невозможно было взять под контроль интергрупповую агрессию — войны между общностями самого различного ранга. И. Эйбл-Эйбесфельдт анализирует этот феномен с этологической точки зрения. Считая, что войны — надбиологическое, культурное явление, западно-германский этолог выделяет две причины, делающие возможным их существование. Дегуманизация, признание неравноценными членов других общностей и действие различных видов оружия на расстоянии: от лука и стрел до современных ракет. Таким образом, культурный стереотип враждебности чужого подавляет жалость к себе подобным, а большое расстояние не дает реализоваться импульсам торможения агрессивности, действующим лишь при близком, лицом к лицу контакте людей¹⁷. И. Эйбл-Эйбесфельдт не стремится на нескольких страницах разрешить сложнейшую глобальную проблему прошлого и современности — разоружение. Он лишь отмечает, что в современных условиях в ядерный век нередко нагнетание напряженности не выливается в открытый конфликт. Кризис решается и мирным путем. Но эти ритуализованные игры носят рискованный характер.

Ритуалы выполняют также функцию сдерживания, успокаивания в межиндивидуальных отношениях, нейтрализации межличностной агрессии. Основную нагрузку в выполнении этой функции несут невербальные формы коммуникации: доброжелательное выражение лица, улыбка и т. д.¹⁸

Еще одна функция ритуалов связана со стремлением человека победить страх перед непознанными, необъяснимыми явлениями окружающего мира. Те или иные явления объясняются вмешательством сверхъестественных сил, злых духов и т. д. Например, человек заболел — значит, в него вселился злой дух. Для изгнания злого духа используются разнообразные ритуалы, благодаря которым достигается пограничное состояние психики — транс, экстаз и т. д.¹⁹ Этот тип ритуалов близок по своему содержанию и функциональному назначению религиозным ритуалам традиционных обществ, изучаемых антропологами и религиоведами.

Кроме рассмотренных четырех функций ритуалов И. Эйбл-Эйбесфельдт анализирует и еще одно их важное назначение — поддержание организованности, «сохранение дисциплины», по его терминологии (военный ритуал, гражданские обряды, отражающие социальный строй: авторитарный, демократический и т. д.)²⁰.

Таким образом, ритуалы играют значительную роль в обществе в качестве средства уменьшения напряженности, сплочения общности. Тем самым они выполняют свою основную функцию осуществлять и улучшать коммуникативный процесс, обеспечивая социальное взаимодействие внутри общности и между общностями, понимание людьми друг друга.

Коммуникация — одно из центральных фундаментальных понятий этнотологии и важнейший предмет изучения для всех разделов этого направления исследований. Понятие коммуникации, исходя из его использования в трудах по этологии человека, можно определить как синхронизацию стимульно-реактивного механизма при наличии специфических сигналов. «Когда два индивида находятся в процессе коммуникации, — пишет И. Эйбл-Эйбесфельдт, их поведение взаимозависимо, каждый учитывает ответ другого»²¹. Задача же ритуалов «состоит в упорядоченном согласовании моделей (образцов) выражения»²². Естественно, что формы и способы синхронизации различны в связи с уровнем сложности и задачами ритуалов. В качестве наиболее простого и наглядного примера И. Эйбл-Эйбесфельдт приводит «ритуал ухаживания мбовамб в Новой Гвинее, который осуществляет функцию синхронизации будущих партнеров по браку и устанавливает их более близкое знакомство, так же, как мы делаем это в танце»²³.

Особое место в связи с установлением коммуникации занимает невербальный аспект ритуала встречи и приветствия. Исследование его на конкретно-этнографическом уровне в различных этнокультурных общностях представляет собой интересный аспект изучения феномена общения в целом. Изучение ритуалов этого вида играет значительную роль в понимании общения человека с человеком, образования дружеских уз, сотрудничества в разнообразном этнокультурном окружении. На основании исследования ритуалов приветствия в различных странах мира²⁴. И. Эйбл-Эйбесфельдт делает обобщающие выводы, касающиеся некоторых особенностей коммуникативного процесса у человека. Он предполагает существование в качестве характерной черты протекания культурных ритуалов функциональную эквивалентность невербальной и вербальной форм коммуникации²⁵. Идея представить невербальную коммуникацию как универсальный поведенческий (позы, жесты) эквивалент человеческого общения нашла отражение также и в гипотезе, выдвинутой рядом ученых, о корреляции невербальной формы общения и эмоций в различных этнокультурных общностях²⁶.

На основании исследований онтогенетического развития детей в условиях различных культур было высказано предположение о происхождении вербальных форм коммуникации из невербальных²⁷. Интересное приложение оно получает и в антропогенезе. Если на основе гипотезы этологов реконструировать ход исторического процесса, то происхождение человека в самом обобщенном виде будет представлено следующей последовательностью: материальные действия — формы невербальной коммуникации — вербальная коммуникация. Правда, сами этологи в большинстве своем считают, что невербальная коммуникация во многом основана на филогенетической адаптации, наследственном компоненте человеческой деятельности. Придерживается такой позиции и И. Эйбл-Эйбесфельдт. Проследим, как он обосновывает указанный тезис. В процессе исследования разли-

чных этнокультурных систем, учитывая их своеобразие и специфику, несмотря на неисчислимое многообразие в выражении эмоций, их стремится и находит общее в моделях поведения людей в различных уголках земного шара, которые практически изолированы друг от друга. Именно благодаря наличию универсальных стереотипов культурного взаимодействия «мы понимаем эмоции папуасской девочки из каменного века, которая никогда не имела контакта с внешним миром»²⁸. Из факта существования универсальных моделей культурного взаимодействия И. Эйбл-Эйбесфельдт делает вывод об их биологической, наследственной предопределенности.

Западноевропейский этолог обосновывает свой тезис также и предположением о том, что «многие культурные ритуалы базируются на элементарной стратегии социального взаимодействия, которая в своей оригинальной форме действует в поведении детей»²⁹. Дети исследуются этологами в основном до овладения языком на уровне сенсомоторного; невербального развития. Невняным образом предполагается, что они еще «досоциальны», не вовлечены в культурное взаимодействие, следовательно, функционируют в соответствии с биологическими, врожденными закономерностями. Из этих рассуждений делается вывод о том, что филогенетические ритуалы есть основа, фундамент для культурных³⁰.

Не все факты укладываются в эту цепь рассуждений. С самого рождения дети общаются со взрослыми, свои первые навыки они осваивают вместе с родителями и человеческими социально детерминированными предметами. И самое главное, дети с рождения слышат человеческую речь вокруг себя и специально для себя в ответ на свои еще невербальные попытки общаться с окружающим миром. Эти и многие другие факты не вписываются в «досоциальный» или «внесоциальный» образ раннего детства, предлагаемый этологами. В теоретическом плане наличие у детей стратегии социального взаимодействия можно интерпретировать при помощи принципа единства фило- и онтогенеза, используемого в этотнологии, этологии человека, психологической антропологии.

Значительное место в исследовании процесса коммуникации в условиях различных культур в этотнологии занимает изучение отношения к незнакомым, чужестранцам. По отношению к незнакомым людям человек, как взрослый, так и ребенок, испытывает противоречивые чувства. С одной стороны, интерес, с другой — настороженность. И. Эйбл-Эйбесфельдт отмечает, что уже в 6—8 месяцев ребенок начинает отличать «своих» от «чужих». Он полагает, что беспокойство, страх перед незнакомыми — врожденная черта человека, поскольку она проявляется у детей, не имевших отрицательного опыта общения с чужими. «Очевидно, — отмечает он, — существуют какие-то исходящие от человека сигналы, одни из которых вызывают настороженность, а другие настраивают на дружеский лад. Личное знакомство в значительной степени блокирует механизм тревожности»³¹. Исследованию в различных формах этого аспекта общения посвящен ряд работ в рамках этологии человека и психологической антропологии³². Они содержат интересный фактический материал из жизни разнообразных этнических общностей. Большинство ученых, как и И. Эйбл-Эйбесфельдт, исходят из наличия у ребенка и взрослого двойственного отношения к незнакомым. Но при этом в исследованиях в основном реализуется лишь изучение тревожности, доказывается ее врожденный характер. Недостаточно внимания уделяется стремлению к новому, интересу к новизне, которые присутствуют и у животных в виде ориентировочно-исследовательской деятельности, специфической реакции на новизну, возникающей в ответ на новую, неизвестную форму стимуляции³³.

Двойственный характер отношения к незнакомым, чужестранцам существует и у детей, и у взрослых в различных исторических эпохи. Можно предположить, что двойственность во многом основывается на необходимости человека удовлетворить одновременно потребность в общении и одиночестве. Отношение к незнакомым, взаимодействие «мы» — «они» — это один аспект проблемы коммуникации у человека. Не менее важен другой аспект, состоящий в личностном, индивидуальном общении (я — другие). Общение и уединение — в ряду важнейших для человека потребностей как социального индивида. «Любое доиндустриальное общество удовлетворяет обе потребности человека — стремление к уединению и общению. Будь то лесные индейцы яномамы, скотоводы химба или земледельцы Новой Гвинеи, живущие на стадии неолита... всюду человек без особых усилий может при желании остаться наедине с собой или удовлетворить потребность в общении»³⁴. Аналогичный вывод делает Эйбл-Эйбесфельдт из своего изучения бушменов Ко!, у которых достаточно времени для личного социального взаимодействия. «Можно даже сказать, — пишет он, — что эти люди имеют время для того, чтобы быть людьми, в то время как мы тратим это богатство на бессмысленный рост и неконтролируемое развитие»³⁵.

Современные мегаполисы отвечают лишь потребности человека уединяться. Стремление к уединению нередко превращается в изоляцию, теряется принадлежность к общности. Общество стало «анонимным», человек проводит свою жизнь среди незнакомых людей и адаптируется к такому положению различными способами. Основной путь адаптации — возведение барьеров на пути коммуникации и контроль эмоционального поведения³⁶. Защитная реакция состоит в маскировке эмоций³⁷, которая становится устойчивым стереотипом поведения в современном обществе, традицией, передаваемой из поколения в поколение. Эмоциональное отчуждение распространяется не только на незнакомых, но и на близких, родных, детей и т. д. На Западе проблема приняла такие масштабы, — пишет И. Эйбл-Эйбесфельдт, — что люди уже озабочены своей неспособностью к общению даже с близкими родственниками³⁸. Поэтому большим успехом пользуется групповая терапия различных видов, «закрывающаяся в тренировке людей стратегии коммуникации для того, чтобы они могли выразить самих себя и сбросить маски»³⁹.

Строго говоря, и потребность в одиночестве, уединении не удовлетворена в современном обществе, или процесс ее удовлетворения носит патологический характер. Уединение имеет смысл только при наличии общения. Диалог с самим собой возможен только при общении с другими. В противном случае человек лишается способности выразить себя. Под таким диалектическим

аналог зрения рассматривает процесс коммуникации И. Альтман в статье «Уединенность как межличностный пограничный процесс» и в других работах⁴⁰.

Американский исследователь основную свою задачу видит в изучении того, «как культура использует вариабельность уровней поведения для регуляции я — другие отношения»⁴¹. Понятие «уединенность», «одиночество» (privacy) у него имеет значительную функциональную нагрузку. Состояние уединенности рассматривается И. Альтманом как избирательный контроль доступа к я (self)⁴². Идея избирательного контроля означает, что люди «выборочно открывают или закрывают себя для социальной и физической стимуляции»⁴³. «Открытость» и «закрытость» — существенные моменты для понимания психологических процессов общения. Они различны как по культурам, так и по типам личности. Отношение «я — другие» И. Альтман рассматривает как непрерывный процесс, стремящийся к оптимизации желаемой и достигнутой уединенности. «Регуляция уединенности, — пишет он, — включает взаимодействие вербального, невербального, инвироментального и культурного поведения, стремящегося оптимизировать отношения между достигнутой и желаемой уединенностью»⁴⁴. Социально-психологический механизм «я — другие» формируется как на органическом уровне (отличие сигналов извне от своих собственных) в раннем детстве, так и на психологическом уровне в более позднее время. Поломка механизма регуляции этого отношения ведет к потере индивидуальности, психическим заболеваниям на основе неразличения я от не-я, внутреннего и внешнего мира⁴⁵.

И. Альтман предполагает, что регуляция отношений «я — другие» — явление универсальное для всех культур. Для доказательства своего тезиса он рассматривает этнокультурные системы, где уединенность максимизирована и минимизирована, и показывает, что даже в предельных случаях есть культурные регуляторы отношения «я — другие». Содержание этого отношения изменяется от максимальной «открытости», до максимальной «закрытости» в различных общностях. Проиллюстрируем мысль Альтмана на конкретно-этнографическом материале, используем им в обосновании своей концепции. В качестве одного из примеров минимизации уединенности он приводит жизнедеятельность индейцев мехинаку (Центральная Бразилия). Их дома расположены вокруг площадки, близко друг к другу «каждый виден и может быть увиден другим»⁴⁶, члены общины имеют представления о делах друг друга, о работе на участке дома, стены жилищ плохо изолируют звук и т. д. На первый взгляд кажется, что индейцам негде и некогда уединиться. Но при более детальном знакомстве с их жизнью выясняется, что у них существует множество способов регулировать отношения «я — другие». Например, секретные плянки в лесу, за деревней как место уединения. Иногда семьи надолго покидают деревню и живут уединенно. Кроме этого, по правилам общения индейцы не задают друг другу шекотливых, затруднительных вопросов⁴⁷. Для многих периодов жизни индейца характерна изоляция. При рождении первого ребенка семья несколько недель живет изолированно от остальной деревни. Первые год-полтора ребенок воспитывается уединенно. Следующий период изоляции длится около 2 лет и начинается у мальчика примерно в 10 лет. Он имеет редкие контакты с людьми, отвыкает от игр, причуается говорить тихо и сдерживать свои эмоции. Длительное время индейцы проводят в одиночестве, если они решили стать служителями культа. Теоретически индеец мехинаку может провести в одиночестве до 8 лет⁴⁸.

Примером максимизации одиночества, «закрытости» отношения «я — другие» может служить жизнь провинциального городка Пантеллерия на Сицилии. Здесь превалирует замкнутый стиль жизни. Такой образ жизни компенсируется раскованностью человеческих отношений во время карнавала, который здесь является основной формой регуляции отношений «я — другие»⁴⁹.

Основываясь на многочисленных исследованиях этнологов, подтверждающих универсальность такой формы взаимодействия людей, И. Альтман подчеркивает, что основная цель его исследований состоит не в выяснении того, присутствует или отсутствует регуляция уединенности, а в том, «какие именно поведенческие механизмы используются для контроля отношения „я — другие“»⁵⁰.

Исследования, проводимые в рамках этноэтнологии и этологии человека, можно классифицировать по разным основаниям, но в любом структурном их подразделении будет присутствовать в той или иной степени анализ поведения детей в условиях различных культур. Как было видно из предшествующего изложения, даже при рассмотрении общетеоретических вопросов коммуникации человека важнейшие свои положения исследователи нередко обосновывают, обращаясь к результатам, полученным при изучении детей. Изучение детства, вероятно, представляет наиболее продуктивную часть этноэтнологии и этологии человека. Центральным направлением изучения детства в этноэтнологии является анализ становления и функционирования социального взаимодействия, формирования его в раннем детстве и развитие в более поздние периоды. Значительное место отводится в нем традиционной теме исследований направления «культура и личность» (психологическая антропология), а именно «ранним опытам» и их влиянию на последующее развитие ребенка.

«Ранние опыты» широко исследовались в этнопсихологии США в 1930—1950 годы в виде выяснения влияния отдельных событий раннего детства на характер личности. Новый подход к изучению этой проблемы в 1970—1980-х годах связан с этологическим исследованием детства в различных этнических общностях: Основная направленность его состоит в анализе формирования отношений между ребенком и окружающими его людьми, в первую очередь взаимодействию мать — ребенок с самых ранних периодов его жизни. Имеется в виду общение взрослых с ребенком в вербальной и невербальной формах, реакция на плач и крик и т. д. Считается, что уже на самом раннем этапе детства формируются основы будущего социального взаимодействия, образуется привязанность (attachment) как важное качество, обеспечивающее совместные действия человека с человеком.

Значительную, если не решающую роль в становлении привязанности играет период наибольшей взаимной чувствительности матери и ребенка. За ним закрепилось название «сензитивный период», предложенное Клаусом и Кеннелом⁵¹. В процессе исследований, проведенных в США и Гватемале, выяснилось, что дети, имевшие более тесный и частый контакт с матерями, показывают более высокие результаты по шкале коэффициента интеллекта, чем те, кто был лишен полноценного общения⁵². Часть исследований раннего детства в этноэтнологии посвящена следствиям травматических ситуаций в раннем детстве. Последствия такого рода событий накладывают отпечаток не только на особенности характера, но иногда приводят к душевным расстройством. Например, в исследованиях депрессии в Лондоне было показано, что девочки, потерявшие мать в раннем детстве, с большей вероятностью могут заболеть этой болезнью, чем остальные⁵³.

Если рассматривать исследования ранних опытов в целом, то следует отметить, что в настоящее время идут поиски, анализ механизмов влияния раннего детства на более поздние периоды жизни человека, анализ теоретических проблем, возникающих в связи с этим⁵⁴.

На пути познания столь сложного процесса много препятствий и трудностей «в отыскании отличий в позднем развитии личности... среди взрослых разных культур, где любят детей и ухаживают за ними по-разному»⁵⁵. Английская исследовательница Дж. Дани, которой принадлежит это высказывание, имеет в виду сложность отделения влияния ранних опытов от более поздних наплавований, несовершенство методик и нерешенность общих методологических вопросов. Последнее обстоятельство она выделяет особо и считает необходимым рассматривать развитие ребенка как культурный процесс. «Модели социального взаимодействия с самого раннего детства, — пишет она, — часть культуры»⁵⁶, различные формы обращения с детьми суть также часть культуры. Дж. Дани противник рассмотрения изолированного от остальной этносоциальной общности отношения «мать — ребенок». В качестве важной задачи изучения раннего детства она выдвигает анализ и объяснение фактов, противоречащих концепции ранних опытов. Например, дети в детских домах сохраняют способность человеческого отношения «глубокой привязанности», хотя их раннее детство носит, как правило, травматический, аномальный характер. Исследование онтогенетического развития детей в современных и традиционных культурах, осмысление этого процесса в обобщающих понятиях имеет фундаментальное значение для создания общетеоретической концепции человека, учитывающей его универсальные качества и этнокультурные особенности.

В этологии человека и этноэтнологии 1970—1980-е годы — это время поисков общетеоретических концепций, разработки различных программ применения этологии к анализу этнокультурных систем, способных составить надежный методологический каркас будущего развития этих дисциплин. Одна из точек зрения на перспективу развития этологии человека состоит в создании новой синтетической науки о человеке (на основе этнологии, социологии, психологии, этологии). Основная проблема такой синтетической дисциплины — изучение в интегративном единстве разнообразия культурных характеристик и единой биологической природы человека⁵⁷. И. Эйбл-Эйбсфельд видит конечную цель этологии человека в стремлении понять, почему человек поступает так, а не иначе. Это обуславливает широкий спектр анализа поведения человека в условиях различных культур, в единстве внутренних и внешних побудительных мотивов и причин⁵⁸. Американский исследователь Р. А. Мастерс выражает уверенность, что этология человека сделает своим предметом и проблемы политического характера наряду с традиционными (раннее детство, невербальная коммуникация и т. д.)⁵⁹. Основатель этологии К. Лоренц считает, что будущее этой науки — в разработке «социально-экономической экологии», в противодействии «упразднению человечности» в современном обществе. Главную задачу будущих исследований он видит в «формировании и сохранении иерархии ценностей, природных и социальных, начиная от нашего вида и кончая оптимальной средой жизни индивида»⁶⁰. Р. Хайнд придерживается мнения, что наиболее продуктивным направлением исследований является взаимодействие социальных и биологических наук в познании целостного развивающегося человека. Особенность его подхода состоит в структурировании уровней взаимодействия людей в обществе и дифференцированном применении этологии в соответствии со статусом того или иного уровня⁶¹.

Наряду с разработкой общетеоретической концепции в 80-е годы продолжают исследования конкретных проблем: агрессивности, территориальности, биологических оснований онтогенетического развития, раннего детства⁶².

В настоящем обзоре затронуты лишь некоторые аспекты этноэтнологии. Но и рассмотренные исследования дают основания утверждать, что данная область изучения человека представляет несомненный интерес для науки. Учеными, работающими в этой области знания, собран поистине уникальный фактический материал, но понят, осмыслен и объяснен далеко не полностью. Некоторые способы интерпретации результатов этноэтнологических исследований вызывают сомнения и возражения. Это касается в первую очередь спенсеризанского противопоставления организма (тела) и общества (культуры). «Человек отнюдь не плох от рождения, но он не отвечает требованиям им же созданного общества»⁶³. Отсюда стремление исследовать человека в «естественном» состоянии до общества: в детстве или обществах, стоящих на наиболее ранних ступенях исторического развития, где, по мнению этологов, контраст между органическим и общественным не столь разителен. Действительно, человек органически практически стабилен, а общество изменяется достаточно быстро. Но человек потому-то органически устойчив и стабилен, что практически все изменения, развитие осуществляются организмом социальным. Нельзя при этом забывать, что человек все же есть единство «духа» и «тела» (организма), и это положение никто еще не опроверг. Отдельный индивид — носитель «духа» как социальности — участник, строитель общественных отношений, которые есть общее содержание «духа», позволяющее раскрыться именно в человеческих формах его индивидуальным и этническим особенностям. Человек — клеточка социального орга-

низма. И не имеет смысла и непродуктивно в методологическом отношении противопоставлять организм биологический организму социальному, поскольку оба они формировались в процессе антропогенеза.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что в этотнологии и этологии человека в будущем наибольшее развитие получат те черты, которые позволяют продуктивно исследовать теоретические и эмпирические аспекты антропологии, чтобы тем самым дать возможность достигнуть новых рубежей в познании человека.

Примечания.

¹ Ethological Studies of Child Behavior / Blurton J. N. Cambridge, 1972; McGrew W. C. An Ethological Study of Children's Behaviour. N. Y., 1972.

² Cranach M. von. Ethology and Human Behaviour // The Context of Social Psychology. L., 1970; Ainsworth M. D. S. Object Relations, Dependency and Attachment: A Theoretical Review of the Infant-Mother Relationship // Child Development. 1970. V. 40. P. 969—1026; Bowlby J. Attachment and Loss. V. 1. L., 1969; Ekman P., Sorenson E. R., Friesen W. V. Pan-Cultural Elements in Facial Displays of Emotions // Science. V. 164. P. 8—86; Eibl-Eibesfeldt I. Ethology: the Biology of Behavior. N. Y., 1970; Man the Hunter. Chicago, 1968 etc. Существенную роль в обосновании применимости эволюционных методов для изучения человека сыграла книга, вышедшая позднее: Methods of Inference to Human Animal. Chicago etc., 1976.

³ Lorenz K. Behind the Mirror. L., 1977. P. 181.

⁴ Ibid. P. 191.

⁵ Lorenz K. Evolution of Ritualization in the Biological and Cultural Spheres // Evans R. I. K. Lorenz. The Man and His Ideas. N. Y.; L., 1975. P. 133.

⁶ Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization from Biological Perspective // Human Ethology. Claims and Limits of a New Discipline. Cambridge etc., 1979. P. 4.

⁷ Ibid. P. 14.

⁸ Lorenz K. Evolution of Ritualization... P. 146.

⁹ Idem. Behind the Mirror. P. 210.

¹⁰ Eibl-Eibesfeldt I. Op. cit. P. 40 См. также: idem. Die! Ko-Bushmannegeellschaft: Aggression-kontrolle und Gruppenbindung. München, 1972.

¹¹ Ididem.

¹² См.: Eibl-Eibesfeldt I. Love and Hate. The Natural History of Behaviour Patterns. N. Y., 1972; idem. The Preprogrammed Man. N. Y., 1980;

¹³ См. Lorenz K. On Aggression. L.; N. Y., 1966.

¹⁴ Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization ... P. 41.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. P. 42.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. P. 44.

¹⁹ Ibid. P. 45.

²⁰ Ibid. P. 46.

²¹ Ibid. P. 25.

²² Ibid. P. 26.

²³ Ibid. P. 15—16.

²⁴ См.: Eibl-Eibesfeldt I. Patterns of Greeting in New Guinea // New Guinea Area Languages and Language Study. V. 3. Language, Culture, Society, the Modern World. The Hague, 1977; Heesch V., Schienföhövel W., Eibl-Eibesfeldt I. Requesting, Giving and Talking. The Relationship between Verbal and Non-Verbal Behaviour in Speech Community of the Eipo, Irian Jaya (West New Guinea) // Verbal and Non-Verbal Communication. The Hague, 1979; Eibl-Eibesfeldt I. Aggression in the Ko-Bushman // Psychological Anthropology. Paris; The Hague, 1975.

²⁵ Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization... P. 37.

²⁶ См.: Ekman P., Friesen W. V., Ellsworth P. Emotion in the Human Face N. Y., 1972; Ekman P. Biological and Cultural Contributions to Body and Facial Movement // Anthropology of the Body. N. Y. 1978; Ekman P., Levenson R. W., Friesen W. V. Automatic Nervous System Activity Distinguishes Among Emotions // Science. 1983 V. 221. P. 1208—1210.

²⁷ Eibl-Eibesfeldt I. Ritual and Ritualization... P. 28.

²⁸ Ibid. P. 50.

²⁹ Ibid. P. 28.

³⁰ Ibid. P. 36.

³¹ Эйбл-Эйбесфельдт И. Общественное пространство и его социальная роль // Культуры. 1983. № 1. С. 119.

³² См.: The Infant's Reaction to Strangers. N. Y., 1974 / Connolly R., Smith P. K. Reactions of Preschool Children to a Strange Observer // Ethological Studies of Child Behaviour L., 1972; Salzen E. A. Social Attachment and a Sense of Security // Human Ethology... P. 605—606.

³³ Хайнд Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 1975. С. 144—157.

³⁴ Эйбл-Эйбесфельдт И. Указ. раб. С. 118—119.

³⁵ Eibl-Eibesfeldt I. Aggression in the !Ko-Bushman. P. 330.

- ³⁶ *Idem.* Ritual and Ritualization... P. 51.
- ³⁷ См.: *Main M.* Avoidance of the Mother in Young Children: Implication for Daycare // *Social Development in Childhood: Daycare Programms and Research.* Baltimore, 1977.
- ³⁸ *Эйбл-Эйбесфельдт И.* Указ. раб. С. 119—120.
- ³⁹ *Eibl-Eibesfeldt I.* Ritual and Ritualization... P. 51.
- ⁴⁰ *Altman I.* The Environment and Social Behaviour: Privacy, Personal Space, Territory and Crowding. Montrey, 1975; *idem.* Privacy: a Conceptual Analysis // *Environment and Behaviour.* 1976. V. 8. P. 7—29.
- ⁴¹ *Altman I.* Privacy as an Interpersonal Boundary Process // *Human Ethology*... P. 121.
- ⁴² *Ibid.* P. 97.
- ⁴³ *Ibidem.*
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 101.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 101—102.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 103.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 104.
- ⁴⁸ *Ibidem.*
- ⁴⁹ *Ibid.* P. 107.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 108.
- ⁵¹ *Kennel J. H., Trause M. A., Klaus M.* Evidence for a Sensitive Period in the Human Mother // *Parent-Infant Interaction.* Amsterdam, 1975.
- ⁵² *Dunn J.* Understanding Human Development: Limitations and Possibilities in an Ethological Approach // *Human Ethology*... P. 634.
- ⁵³ *Ibid.* P. 639—640.
- ⁵⁴ См.: *Dunn J.* The Continuity of Individual Differences from the First Year of Life // *The First Year of Life: Significance for Later Development.* L., 1973; *Hope R. A., Milton A. G., Simmel E. M.* Early Experience and the Process of Socialization. N. Y., 1970; *Hess E. H.* Imprinting. Early Experience and the Development Psychology of Attachment. N. Y., 1973; *Dunn J.* Now Far Early Differences in Mother-Child Relations Affect Later Development? // *Growing Points of Ethology.* 1976; Early Experience: Myth and Evidence. L., 1976; *Bateson P. P. G.* Early Experience and Sexual Preferences // *Biological Determinants of Sexual Behaviour.* L., 1977; Early Experience and Early Behaviour: Implications for Social Development. N. Y., 1980; *Anselmo S.* Early Childhood Development. Toronto; London, 1987; *Wolf P. H.* The Development of Behaviour States and Expressions in Early Infancy. Chicago, 1987.
- ⁵⁵ *Dunn J.* Understanding Human Development... P. 633.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 630.
- ⁵⁷ Introduction // *Human Ethology*... P. XVIII.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 54.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 289.
- ⁶⁰ *Lorenz K.* Der Abbau des Menschlichen. München, 1983. S. 221—222.
- ⁶¹ *Hinde R. A.* Individuals, Relationships and Culture. Cambridge, 1987. P. 26.
- ⁶² *Trevarthen C.* Infancy, Mind in // *The Oxford Companion to the Mind.* Oxford, 1987. P. 362—368; *Archer J.* The Behavioural Biology of Aggression. Cambridge, 1988; *Bogin B.* Patterns of Human Growth. Cambridge, 1988; *Taylor R. B.* Human Territorial Functioning. Cambridge, 1988; *Bowlby J.* Attachment // *The Oxford Companion to the Mind.* Oxford, 1987. P. 57—58.
- ⁶³ *Лоренц К.* Человек находит друга. М., 1977. С. 152.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Food in Change. Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day / Ed. by Fenton A., Kishan E. Glasgow, 1986. 166 p.

Изучение народной пищи является важным разделом этнографической науки. Пища, ее состав, способы приготовления и особенности потребления тесно связаны с этническим и социальным развитием того или иного народа. В последние десятилетия необходимость изучения пищи и влияния правильного питания на здоровье и продолжительность жизни стала более очевидной, чем прежде, а изучение традиционной пищи развернулось во многих странах.

Именно в этом аспекте осуществляет свою интернациональную деятельность Постоянная комиссия по этнологическому изучению народной пищи при Международном обществе этнологов и фольклора Европы (МОЭФЕ)¹. Цель комиссии — координация международных исследований в области изучения пищи и обобщение их результатов в коллективных сборниках. Комиссия основана в 1970 г., в течение многих лет ее возглавлял крупный шведский ученый, этнограф и фольклорист, президент МОЭФЕ Н.-А. Брингеуз, в 1985 г. его сменил А. Саломонссон (Швеция).

Результаты периодических международных встреч нашли отражение в серии публикаций². Доклады очередной V Международной конференции комиссии, состоявшейся в октябре 1983 г.

(Матрафьюред, ВНР) ³, составили недавно вышедший в Великобритании сборник «Пища в процессе изменения. Традиционные способы питания от средних веков до наших дней» под редакцией А. Фенгтона и Э. Кишбан. В сборник вошли статьи 23 авторов. В них рассматриваются фундаментальные изменения в структуре традиционной пищи у разных народов Европы (Австрии, Болгарии, ГДР, Греции, Ирландии, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии), а также в США, определившие такие важные факторы, как социально-экономические особенности развития этих стран, возникновение новых традиций и способов питания, постоянные миграции населения.

Особенностью данного издания является и то, что изменение обычаев приема пищи, формирование новых традиций ее приготовления показаны в тесной взаимосвязи с поступательным развитием сельского хозяйства, распространением новых культур, созданием более современных орудий производства.

Книга включает три раздела. Первый состоит из двух статей теоретического и обобщающего характера. В одной из них — «Традиционная пища в процессе изменения: на примере Европы» — Э. Кишбан, известный венгерский специалист в области изучения пищи, дает очень детальный анализ тех изменений, которые произошли в традиционной культуре питания народов Европы в рамках исследуемого периода (XIV—XX вв.). Автору удалось выделить четыре основных периода в общей картине изменений: 1300—1500, 1500—1650, 1650—1800, 1800—2000 гг. Последний период требует дальнейшего исследования. Основная проблема, по мнению автора, состоит в том, чтобы не только изучать процесс инноваций, которые еще не закончились, но и выработать четкие критерии для определения поворотных моментов в рамках исследуемого периода (с. 2). Автор рассматривает радикальные изменения в структуре питания как следствие процесса индустриализации и урбанизации, который отразился в изменении пищевого рациона.

Г. Тойтеберг (ФРГ) в статье «Периоды и поворотные пункты в истории народного питания в Европе: предварительный очерк к постановке проблемы и методов исследования» более обстоятельно анализирует основные периоды в историческом контексте. Говоря о возможности их выделения, он считает, что успешными могут быть поиски методов выявления «пищевых этапов» — основных стадий, способов и систем питания (с. 11). Как правило, поворотные пункты в истории пищи рассматривались многими исследователями прежде всего в связи со стихийными заболеваниями, аграрными реформами, расширением городских рынков, например, в период позднего средневековья. Для XVIII в. решающим моментом считались расширение сельскохозяйственных рынков и инновации в системах питания. Наконец, существенным фактом для конца XIX в. является так называемая «пищевая революция» (1850 и 1880 гг.). Чтобы обобщить те черты, которые были присущи тем или иным видам традиционного питания в странах Европы, автор попытался дать название девяти основным фазам в истории пищи начиная с древнейших времен: 1) период охотников и собирателей (25 млн. лет назад); 2) переход к оседлому земледелию и животноводству (с 800 г. до н. э.); 3) интенсификация сельского хозяйства в греко-римский период (800 г. до н. э. — 500 г. н. э.); 4) период массовых миграций и основания городов (500—1300 гг.); 5) воспроизводство пищи после массовых эпизоотий в период раннего средневековья (1300—1500 гг.); 6) переход от средневековых способов питания к более совершенным (1500—1680 гг.); 7) распространение новых видов продуктов и «изысканной» пищи (1680—1770 гг.); 8) усвоение инноваций в пище сельским населением (1770—1850 гг.); 9) нивелирование традиционных видов питания (с 1850 г.) различных социальных групп. Автор выделяет период после второй мировой войны и связанные с ней последствия — очевидный процесс эрозии традиционной крестьянской кухни — и определяет эту фазу как новую и последнюю в истории питания (с. 21). С предложенной периодизацией в целом можно согласиться, но в то же время надо отметить, что свои предположения автор строит на обширном и хорошо им изученном западно-европейском материале, в то время как данные по Восточной Европе не введены им в научный оборот: это хорошо видно по ссылкам на литературу, которую автор приводит в конце статьи.

Второй раздел книги — «Национальные и региональные примеры» — включает основную массу исследований, представленных по странам в алфавитном порядке. Объем рецензии не позволяет остановиться на каждой из 19 статей, поэтому хотелось бы отметить лишь наиболее существенные, поскольку не во всех статьях пища как элемент традиционной культуры рассматривается в широких рамках исследуемого периода, авторы иногда ограничиваются лишь несколькими десятилетиями.

Прежде всего необходимо выделить те исследования, которые ведутся в рамках международного проекта «Экономический атлас Европы и сопредельных стран (ЕА)». Один из членов Постоянного комитета ЕА, Э. Хорандер (Австрия), написавшая специальное исследование в рамках проекта «Хранение мяса, бекона и колбасных изделий в допромышленный период в Европе», обобщила его результаты в статье «Хранение и консервирование мяса в Европе: исторический очерк». Э. Хорандер отмечает важность этой проблемы и в наши дни, поскольку выработка наиболее эффективных методов хранения мясных продуктов в настоящее время очень актуальна (с. 53). Исследования показали, что хранение мясных продуктов путем засолки, высушивания, копчения доминировало почти во всех сельских хозяйствах стран Европы. Современные способы хранения (консервирование, замораживание и др.) стали популярными уже после второй мировой войны (с. 57).

В статье Р. Столичной (ЧССР) «Этнографическое изучение народной пищи в Словакии: некоторые результаты» подведен итог исследованиям, которые проводились с 1970 по 1980 г. и закончились выпуском «Этнографического атласа Словакии». В двухтомное издание включены иллюстрации и 500 карт, из которых 41 посвящена пище (первый том); второй том содержит комментарии к картам. Картографирование пищи наглядно показало тесную взаимосвязь географической среды и характера народного питания (с. 147), а также дало возможность добавить к тем историческим, экономическим и социологическим материалам, которые были выявлены раньше,

данные об особенностях системы народного питания и его отличительных чертах. Оно позволило определить район Западной Словакии как ареал сочетания многообразных систем питания. Таким образом, методом картографирования автору удалось выявить областные различия в пище словаков и сходные с ними формы пищи соседних народов.

Три статьи авторов из Великобритании связаны с исследованиями, которые ведутся в Шотландии. Известный этнограф А. Фентон в своей статье «Питание в прибрежных районах» привел несколько примеров, которые показывают разнообразие шотландской кухни этой зоны. Жители не ограничиваются тем, что предлагает море, а дополняют свой стол, охотясь на прибрежных птиц и искусно приготавливая блюда из морских трав (с. 125). Статья К. Чипа «Керамика и способы приготовления, хранение и транспортировка пищи на Шотландских Гебридах» написана в основном на археологическом материале. В ней прослеживается типология керамики, которой пользовались еще в доисторическое время и сохранившейся в современном обиходе (с. 111). Б. Уокер уделяет внимание мясной торговле в Шотландии XVIII—XX вв., а также технике заготовки, инструментам и специальным хозяйственным постройкам (с. 127).

В статье румынского автора О. Вадувы «Народная пища в Румынии в конце XVIII — начале XIX в.: традиции и инновации» основное внимание акцентируется на тех новых элементах в сфере народного питания, которые были привнесены под влиянием зарубежной кухни, и особенно французской. Автор совершенно верно связывает появление новых рецептов приготовления еды с расширением этнокультурных контактов со странами Западной Европы. В Румынии многие молодые люди, получая образование за границей, по возвращении на родину распространяли информацию об особенностях зарубежной кухни и способствовали таким образом установлению моды на некоторые иностранные блюда (с. 99—102).

Основывая свои выводы на сравнительно узком национальном материале, многие авторы приходят к широкому обобщению, например, в статьях: «Интеграционные процессы в народной пище в пограничных районах Южной Моравии» (М. Людвикова, ЧССР), «Изменения в крестьянской пище в Западном Штеймарке после второй мировой войны» (М. Кундеграбер, Австрия); «Влияние буржуазных привычек на народную пищу и способы питания в Польше: направления и периоды изменения» (З. Шрмба-Рысова, ПНР).

Попытка определить периоды и основные поворотные пункты в истории народной пищи на национальном материале предпринята в статьях М. Маркуша (ЧССР), Л. Радевой (НРБ), П. Лисат (Ирландия). Роль отдельных продуктов (хлеба, картофеля) исследуется несколькими авторами: Р. Майнхольдом (ГДР), С. Имеллосом (Греция), А. Ковальской-Левчицкой (ПНР).

Статья М. Г. Рабиновича (СССР) «Главные этапы развития пищи русских горожан в XVI—XIX вв.» дает обобщенную картину развития традиционной русской кухни в период феодализма, характерные черты которой стали определяться уже в XVI в. (с. 104). Состав продуктов для приготовления пищи у русских горожан определялся прежде всего ярко выраженным зерновым характером земледелия в стране. Автор выделяет повседневную, обрядовую и праздничную пищу, сообщает русские названия некоторых традиционных блюд и определяет основные регионы, в рамках которых бытовали те или иные специфические кушанья.

Необходимо также отметить, что в сборник включены некоторые результаты исследований по пище, которые ведутся в США. Участие американских коллег в международном исследовании вызвано прежде всего тем, что 85% населения США составляют выходцы из Европы, таким образом, взаимодействие культур этих крупных регионов земного шара, которые можно проследить на материалах по пище, представляются важными. К сожалению, авторы статей ограничились узкой тематикой, в которой пища и способы питания рассматриваются как символы культурной идентичности. Таковы статьи М. и Дж. Апте «Пища и социальное движение в американском обществе: в рамках двух последних десятилетий» (показан растущий интерес к вегетарианской пище); М. Арнотт «Налоги на хлеб в Филадельфии», У. Уинер «Белый соус в народной пище американцев» (имеется в виду не аборигенное население, а иммигранты).

Две статьи, которые составляют третий раздел книги «Соблюдение постов в период средневековья», не являются заключительными — они лишь дополняют общий материал сборника сведениями специфического характера.

Хотелось бы отметить, что каждая статья сборника содержит обширные и ценные библиографические сведения. Важны наблюдения многих авторов, что пища в процессе изменения сохраняет свои особенности и до наших дней. Изучение пищи, диеты, культуры застолья, этикетных норм поведения и много другого представляет не только теоретическую значимость, но и общественный интерес. Поэтому не так важно выявить недостатки отдельных статей рецензируемого издания, которые носят несколько описательный характер, сколько подчеркнуть общее значение таких международных форумов, на которых историки, этнографы и фольклористы могли бы обмениваться растущим опытом в области исследования пищи.

В целом положительно оценивая выход в свет рецензируемой книги, можно только пожелать увеличения объема исследований по пище также в нашей стране и, более того, обобщить результаты работы, ведущейся в союзных республиках в течение многих лет. Думаемая, книга, вышедшая в Великобритании, послужит достаточно убедительным примером для проведения комплексных исследований, тем более что опыт этнографического картографирования элементов материальной культуры у нас имеется.

Т. А. Воронина

¹ Институт этнографии АН СССР является коллективным членом МОЭФЕ с 1967 г. Директор института Ю. В. Бромлей — его вице-президент, зам. директора Л. М. Дробжижева — член административного совета МОЭФЕ.

² См. например: *Ethnological Food Research in Europe and USA* / Ed. by Bringeus N.-A., Wiegmann G.-Göttingen, 1971; *Ethnologische Nahrungsforschung: Ethnological Food Research* / Ed. by Valonen N., Lehtonen J. U. E. Helsinki, 1975; *Food in Perspective* / Ed. by Fehton A., Owen T. Edinburgh, 1981.

³ См., *Salomonsson A. A Conference on Ethnological Research on Diet and Eating* // *Ethnologia Europaea*. 1984. XIV. № 2. P. 181—183.

НАРОДЫ СССР

Т. А. Бернштам. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.

Т. А. Бернштам приступает к теме буквально с первых строк своей книги. Половозрастная тема до сей поры, по крайней мере для восточно-славянской и русской этнографии, является «чистым листом» и не занимает подобающего места в этнографической науке. Более того, существовало весьма устойчивое убеждение, что данная тема — анахронизм и должна возникать лишь постольку, поскольку приходится обращаться к ней в связи с архаическими функциями в ритуальной сфере жизни. Лишь в последние годы, особенно после выхода в свет серии книг «Этнография детства» под ред. И. С. Кона, существенно увеличилось знание научных исследований половозрастной проблематики. Возрастные категории начали обретать более глубокий и актуальный смысл, когда научное сообщество приступило к их междисциплинарному анализу. Данная тенденция получила мощную поддержку со стороны Т. А. Бернштам. В конце 1970-х годов она нашла свой угол зрения на возрастные процессы, вписав их в контекст обрядовой жизни русской общины и установив, что половозрастная классификация имеет значение не только в структурах повседневности любой социальной ячейки, но также и в архаическом сознании, ядре народного мировоззрения, с помощью которого регулировалась как бытовая, так и ритуальная сфера. Уже тогда Т. А. Бернштам выдвинула серьезную идею — предложила понимать половозрастную структуру более широко, как вполне определенное и важное биосоциальное звено в механизме воспроизводства, эволюции и передачи культурных ценностей, где народные знания и групповой опыт выступали предпосылкой, «залогом», по выражению автора, продолжения человеческого рода. Данный тезис, развитый до уровня концепции со всеми необходимыми аргументами и обоснованиями, составляет основу содержания рецензируемой книги. Для того чтобы оценить дистанцию, отделяющую работу Т. А. Бернштам от места нахождения наших «усредненных» представлений о значении половозрастной структуры, еще раз напомним, что в наиболее типическом случае исследователи все многообразие проблем данной области сводили к узким сферам, касаясь, например, положения детей, женщин или высветывая отдельные стороны бытия молодежи. Парадокс состоит в том, что народное мировоззрение угадывало за половозрастными процессами в человеческом обществе космические циклы, а сами категории «пол» и «возраст» полагало универсальными. «Культурное поле» этого мировоззрения оказывалось, таким образом, существенно больше размеров того «поля», куда данные категории относилось (до недавнего времени) научное мировоззрение. Отсюда и «урок», преподанный нам книгой Т. А. Бернштам: контекстом половозрастной темы является весь групповой опыт того или иного этноса или его части.

Менее всего хотелось бы пересказывать книгу. Она многозначна, и, видимо, профессионал сумеет обнаружить в ней «свое». Размышляя над прочитанным, я ощутил прежде всего потребность сказать о следующем. Книга возвращает половозрастной структуре истинное место в жизнедеятельности крестьянской общины. Из признака «смазанного» половозрастная дифференциация стала признаком полноценным, к тому же сменившим свою привычную описательную роль на роль объяснительную. Причина такой метаморфозы в том, что автору удалось соединить в анализе два прежде разорванных начала — биологическое и социальное. Синтез этих начал обладает большим эвристическим потенциалом. С его помощью установлено определенное соответствие двух систем эмпирических признаков — половозрастных и социально-возрастных характеристик. На следующем этапе анализа «единицы» половозрастной структуры были наделены правами субъектов деятельности и поведения. Едва это было сделано, как сами деятельность и поведение, включая поведение обрядовое, оказались «навечно» вписанными в жизненный процесс. В итоге Т. А. Бернштам не только предположила, но и доказала, опираясь на различные источники, что половозрастная дифференциация обеспечивает мировоззренческую мотивированность или упорядочение людей. Я не стану рассказывать, каким образом данный тезис получает свое подтверждение, и отсылаю читателей ко 2-й и 3-й главам книги. Здесь, кажется, важнее всего результат, а не логика авторских рассуждений. Сквозь призму половозрастных представлений можно и должно увидеть в нужных подробностях не только реалии, но и механизм приспособления к природной и социальной среде, или половоз-

растная структура, раскрытая во всей своей сложности, позволяет увидеть освоение людьми процессов самой жизни. Из этого вытекают как минимум два важных свойства рецензируемой книги.

Первое — высокая актуальность исследования, предпринятого Т. А. Бернштам. Научное, да и не только научное, но и общественное сознание весьма поверхностно судит о возрастных (половозрастных) категориях, часто не видит смысла в учете вариаций половозрастной дифференциации. Деление на «возрасты» и стадии жизненного цикла производится механически и весьма приблизительно: детство, юность, зрелость, старость. «Оттенкам» этих терминов не уделяется большого внимания. Физический возраст и его константы (7, 16, 18...55, 60 лет) носят как бы всеобщий характер. Считается, что с помощью этих констант можно довольно легко осуществить две операции: членение на равновеликие отрезки жизненного цикла индивидов и «разрезание» населения на возрастные слои. Допущения, которыми мы пользуемся, игнорируют нелинейность возраста и возрастного развития. Пренебрежение тонкостями онтогенеза порождает «стартовую» ошибку. Она усиливается искаженными (упрощенными) представлениями о половозрастном, т. е. двухмерной, структуре, число элементов которой превышает число возрастных групп, согласно статистике народонаселения, умноженное на два. В итоге возникает ошибка второго порядка. Ошибка третьего порядка — результат примитивизации представлений о реальной социополовозрастной структуре. Сложность этого теперь уже трехмерного построения наше сознание ухватывает еще приблизительно, ограничиваясь часто регистрацией таких «единиц», как «матери-одиночки» или «мужчины — ветераны войны». Сложность четвертого рода (соответственно и ошибка) — социополовозрастные «ячейки» в разных этнокультурных средах. Их вовсе не замечают наше сознание и институции общества. Итог наших «выпрямленных» представлений о тонкостях половозрастного разделения печален. За «единицами», на которые распадается половозрастная структура, стоят качественно различные социальные состояния, свойственные фазам «детства», «молодости» и «старости». Социальных состояний такого рода существенно больше, чем принято считать. Четкие контуры множеств и подмножеств этих состояний позволяет обнаружить анализ традиционного сельского общества, предпринятый Т. А. Бернштам. Ее наблюдения и размышления, относящиеся к жизни крестьянской общины в конце прошлого — начале нынешнего века, не потеряли своего значения и сейчас. Приняв на вооружение методологию Т. А. Бернштам, мы можем значительно обогатить свое понимание динамики, обновления и изменений современной социальной структуры. Следовательно, книга адресована не только этнографам, но и социологам, демографам, экономистам, всем, кто профессионально занимается механизмами дифференциации общества.

Второе качество книги — ее новизна. Книга, с одной стороны, предлагает новые подходы к темам, в принципе известным науке (возрастной символизм, зависимость труда и досуга от фазы половозрастного развития). С другой стороны, автор пытается переместить этнографическое за пределы очерченных границ. Речь идет об успешных попытках дать космически-природное объяснение как обычному порядку жизни, так и его обрядовой стороне, соединить естественно-природные и социальные функции, специфически природную и социальную организацию традиционного коллектива. Этим книга придвигает этнографию к переднему фронту современной науки — экологии человека, космоантропозологии, поискам путей выживания человеческой цивилизации на планете. Т. А. Бернштам делает здесь хотя и первые, но очень уверенные шаги. Ею поставлен вопрос о том, что едва ли не все способы повседневной деятельности и соответствующие им символические (обрядовые) элементы имеют объяснение со стороны процессов адаптации человека к биосфере; что едва ли не во всех этнокультурных феноменах может быть выделена экологическая составляющая, имеющая вполне определенное «смысложизненное» значение. Именно поэтому этнографический анализ может быть непосредственно включен в современные комплексные направления науки, о которых шла речь выше.

Хотелось бы далее подчеркнуть еще одну особенность книги — ее междисциплинарность. Речь прежде всего о глубоком, органическом историзме работы. Но об этом мы пишем довольно часто и потому прочную опору на историческое знание хотелось бы отметить как объективный факт. Интереснее и оригинальнее кажутся успешные попытки использовать богатейший фонд народной лексики и с его помощью выполнить, заметим — весьма корректно выполнить, сложную научную процедуру — привести в максимально достижимое соответствие две достаточно разрозненные сущности, какими являются крестьянские диалектные слова и научная терминология. Рисуем дать совет читателю: пусть у него достанет времени проштудировать первый параграф первой главы, посвященный возрастным слоям, половой и социовозрастной терминологии. Здесь открывается действительное многообразие названий детей, взрослых (молодежь и семейные), стариков, а также производных от этих названий, отражающих регионально-диалектные оттенки. Следуя за автором, читатель сумеет почувствовать и воспринять правила, по которым язык русских крестьян осуществлял сложнейшие операции — порождал терминологию «возрастов» мужского и женского населения, объективно рефлексировал возникавшие социовозрастные изменения и аномалии социовозрастного развития, брал в себя любые иные вариации «называния» возрастов под влиянием реальных жизненного процесса. Открытие пластов возрастной терминологии, несомненно, помогло автору справиться с задачами своего труда. Возможно, что пример Т. А. Бернштам побудит и других этнографов, особенно начинающих, в большей мере опираться на опыт языкознания и этнолингвистики.

В современных описаниях японской культуры часто присутствуют уважительные реплики авторов о способности японцев к восприятию и переживанию сотен оттенков цвета. По аналогии с этой сверхчувствительностью жителей Японии к цветовым градациям хочу подчеркнуть одну профессиональную черту Т. А. Бернштам — ее способность вслушиваться в говоры русской речи и обнаруживать в ней множество оттенков смысла. Наверное, эта способность определила и общее высокое литературное достоинство работы. Книга написана не только глубоким аналитиком, опирающимся

на научные представления и строгие теоретические построения, но и человеком, владеющим даром письма. Оттого книга убедительна и заставляет читателя выслушать все, что хотел сказать автор. Сочетание высокой научности труда с умением раскрыть его содержание многократно усиливает общественное значение книги. В период обострения межнациональных отношений и возникновения сложных проблем, касающихся истории и судеб народов нашей страны, полезно иметь образцы бережного отношения к истокам, традициям любой этнической культуры. Книга Т. А. Бернштам воспитывает уважение к корням этнической истории русских, к урокам, которые мы можем извлечь из «живой старины».

Рецензент не ослеплен достоинствами книги. Он пытался донести лишь то, что считал наиболее важным в ее содержании. Недостатки? Они есть. Главный из них: содержание вышло за рамки первоначально утвержденного названия. Изменить название написанной и объявленной в издательских планах книги оказалось делом трудным. В сущности подзаголовок «Половозрастной аспект традиционной культуры» в большей степени имеет право быть заглавием труда Т. А. Бернштам, ибо в поле зрения автора попала не только молодежь, но и все другие «возрасты» русской общины: дети, взрослые, старики.

Последнее. Книга опирается на самые разнообразные источники. Среди них вновь заметно выделяется фонд «Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева», хранимый Государственным музеем этнографии народов СССР. Дела этого фонда (вместе с материалами Географического общества СССР) обеспечили богатые и подробные эмпирические иллюстрации всех трех глав книги, посвященных соответственно половозрастной стратификации русской крестьянской общины и проблемам периодизации жизненного цикла; половозрастному разделению трудовых ролей и обрядовым функциям мужчин, женщин, детей, стариков и молодежи; формам поведения взрослых и молодежи в будни и праздники. Использование Т. А. Бернштам дел Тенишевского архива для достоверного отображения и исследования структур повседневности под углом их связи с половозрастной дифференциацией попутно с рецензированием книги позволяет поставить одну практическую проблему буквально в повестку дня. Не настало ли время публикации материалов Этнографического бюро В. Н. Тенишева в качестве памятника русской крестьянской культуры?

Б. М. Фирсов

О СИТУАЦИИ В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

(Заявление ученых-этнографов, принятое
на заседании Ученого совета
Института этнографии АН СССР 4 мая 1989 г.)

Мы, научные сотрудники Института этнографии АН СССР, считаем профессиональным и гражданским долгом публично выразить свое отношение к происходящим в нашей стране событиям в сфере межнациональных отношений. У тех, кто посвятил научную деятельность и десятилетия жизни изучению истории, культуры и современного положения народов, их чаяния и боль вызывают глубокое понимание и вполне понятное стремление своим опытом и знаниями помочь преодолеть нынешнюю кризисную ситуацию.

Невинные жертвы в Сумгаите, страдания десятков тысяч беженцев, аресты активистов национальных движений, ничем не оправданное использование вооруженных сил против мирных демонстраций — печальные свидетельства того, что насилие и страсти становятся все чаще инструментом решения национально-политических проблем и межнациональных конфликтов. Подобные методы лишь обостряют ситуацию, подрывают процесс демократизации и преобразования советского многонационального государства на основах подлинной законности, доверия и сотрудничества между народами.

Пролитая в Тбилиси кровь — это еще одно обвинение сохраняющимся традициям административного произвола. Казалось бы, прошлый год, отмеченный трагической печатью конфликта вокруг Нагорного Карабаха, должен был бы послужить уроком всем тем, кто ответственен за проведение политики в области межнациональных отношений, а также тем, чьи национально-окрашенные лозунги и действия обрели экстремистскую и провокационную форму. Этого ожидала широкая общественность. К этому призывали специалисты, которые неоднократно представляли научно обоснованные, апробированные практикой рекомендации по предупреждению и мирному урегулированию этнических конфликтов. Однако эти рекомендации не принимались во внимание.

Трагические, ошеломляющие события в Тбилиси, свидетельствуют, что власти союзной республики не смогли найти верных средств выхода из сложной ситуации. Бронетранспортеры и войска на улицах города — это не что иное, как показатель некомпетентности и политической несостоятельности тех, кто задумал подавить инакомыслие вооруженной силой. Вновь оказалась не на высоте система информированности общественности. Сообщения в прессе, по центральному телевидению и всесоюзному радио были подвергнуты цензуре, а допуск журналистов в город ограничен. По своему значению все происшедшее явилось внутривнутриполитическим кризисом, выходящим за рамки одной республики.

Множество вопросов возникает в связи с тбилисскими событиями:

- как могло произойти, что советские солдаты шли на своих сограждан как на неприятеля?
- какую роль в происшедшем сыграли высшие, общесоюзные органы — ЦК КПСС, правительство, МВД и МО СССР?
- кто разрабатывал операцию по разгону митинга?
- кто давал санкцию на применение шанцевого инструмента и химических средств?
- почему вообще так легко можно использовать воинские части против мирного населения?

Тбилисская трагедия должна заставить всех глубже задуматься над тем положением, в котором находятся межнациональные отношения в СССР, и усилить поиски путей их нормализации. Сложности усугубляются тем, что теория и принципы национальной политики, конституционно-правовая практика и само государственное устройство не только продолжают нести на себе груз сталинского наследия, но и нуждаются в принципиально новой системе подходов и решений, учитывающих реалии современной жизни и задачи создания в стране подлинно демократического правового гражданского общества.

Нужно признать, что истоки кризисных явлений — не только в деформациях социализма, они и в давнем наследии царской России, не давшей подлинного самоопределения народам, и в нивелирующем и обезличивающем воздействии технократической цивилизации, которой противостоят культурная самобытность и национальное сознание народов. Столь сложный узел национальных проблем в нашем государстве разрешить непросто, тем более сверху, быстро и силой. Каждый народ в мире, в том числе и народы нашей страны, вправе делать свой собственный выбор, но этот выбор должен быть шагом в выстраданную нашими народами современную благоустроенную жизнь.

Способны ли принципы нашего Союза и совершающиеся в нем революционные преобразования обеспечить такую жизнь как главное доказательство преимуществ осознанного и добровольного объединения? Здесь нужен спокойный и серьезный разговор вместо грозных окриков и ритуальных заверений с той и другой стороны. Исходя из глубокой убежденности и веры в то, что ход нашей перестройки обеспечит интересы и права всех народов СССР, мы обращаемся:

1. К предстоящему Съезду народных депутатов и к Верховному Совету СССР:

- а) создать авторитетную и компетентную парламентскую комиссию для выяснения всех обстоя-

тельств тбилисской трагедии, включая расследование превышений полномочий, некомпетентных и преступных действий должностных лиц и непосредственных исполнителей;

б) приступить к разработке правового механизма регулирования межнациональных отношений и принятия государственных решений на базе свободной конкуренции альтернативных программ и законопроектов;

в) учредить систему публичных слушаний и научной экспертизы в палатах и комиссиях Верховного Совета по вопросам межнациональных отношений в СССР и преодоления кризисных ситуаций;

г) разработать, представить на всенародное обсуждение и принять Декларацию прав народов Советского Союза, обеспечивающую самоопределение, социально-экономическое и культурное развитие больших и малых народов;

д) осуществлять курс на расширение прав республик, автономных образований, регионов и областей, местных самоуправлений, на основе которых народы могли бы обеспечивать свои коллективные права и интересы;

е) изменить законы и указы, ныне позволяющие использовать регулярную армию и специальные войска союзного подчинения против гражданского населения республик, как провоцирующие межнациональную рознь и антирусские настроения.

2. К Центральному Комитету КПСС в связи с предстоящим пленумом по вопросу о межнациональных отношениях:

а) осуществить подлинно революционную переоценку программно-теоретических положений, подходов к сфере межнациональных отношений, конституционным основам советской федерации, современному пониманию принципов независимости, суверенитета, самоопределения, автономии, прав и обязанностей субъектов федерации и общесоюзного государства;

б) не торопиться с созывом пленума до выработки новой концепции межнациональных отношений на основе широчайшего всенародного обсуждения альтернативных программ;

в) вступить в конструктивный диалог с оформившимися политическими силами народных движений и оказать содействие процессу создания национальных ассоциаций, культурно-просветительных, историко-мемориальных и иных движений;

г) в решении конкретных вопросов в сфере межнациональных отношений и принятии мер по устранению конфликтных ситуаций ограничить полномочия партийных органов, тем более работников партийного аппарата, подменяющих своей деятельностью государственные органы.

3. К высшим государственным органам союзных и автономных республик в связи с предстоящим расширением их прав и активной законотворческой деятельностью:

а) рассматривать свои образования как многонациональные гражданские сообщества, которые должны обеспечить на основе социально-экономического прогресса и общей демократизации равные права представителям всех народов;

б) исходить из того, что подлинная демократия невозможна без защиты национальных меньшинств и прав личности независимо от национального происхождения;

в) принимая законы о местном хозяйстве, гражданстве, языке, развитии национальной культуры, проявлять заботу о социальных и культурных запросах народов, не имеющих своих государственных образований, об индивидуальных правах граждан, которые гарантированы им общесоюзными законами и международно-правовыми актами.

4. К представителям национальной интеллигенции всех республик в связи с их активной ролью в общественной жизни и в процессах национального возрождения:

а) осознать свою огромную ответственность в интеллектуальном осмыслении и политическом формулировании чаяний и интересов своих народов, в руководстве массовыми движениями и политическими акциями, когда должны учитываться социальная психология, уровень сознательности и правовой культуры граждан, реалии нашего государства, еще не ставшего правовым;

б) понять, что современное материальное и культурное благополучие народов не может быть достигнуто исключительно поиском своих корней и собственных территорий, а насильственные массовые переселения и национальные размежевания могут принести новые страдания и невзгоды рядовым гражданам;

в) помнить, что национальные идеи играли и играют огромную прогрессивную роль, но они же становятся причиной кровавых войн, геноцида, дискриминации и ксенофобии, что путь к миру и спасению человечества на рубеже XXI в. не только в различии, но и в единстве культур, разрушающем как психологические, так и политические границы.

5. Мы обращаемся ко всем народам нашей страны:

как бы ни были остры переживания по поводу прошлых несправедливостей и сегодняшних проблем, только твердая и спокойная линия на демократизацию и на преобразование жизни государства на справедливых началах сохранит нам нашу культуру, обеспечит мир и благополучие.

SUMMARIES

Ethnic Problems in Leningrad and in the Leningrad Region

Having discussed some general problems (ethno-political aberrations during the periods of Stalinism and stagnation, abolition of numerous forms of ethno-political and ethno-cultural autonomy characteristic of the 1920s and the early 1930s), the author provides an analysis of the current ethnic situation in Leningrad and the Leningrad region, considering the historical background. About 0.5 million people living in Leningrad (nearly 1/9 of the city's population) belong to non-Russian ethnic groups. Their interests and cultural needs should be carefully taken into account. The ethnic structure of the Leningrad region is also far from homogeneous. The area has long been inhabited by Finno-Ugrian groups (the Vod', the Izhors, the Vepses and the Finns proper), now living under unfavourable conditions. Urgent measures are necessary to improve the situation (restoring Finnish schools in the rural areas and other ethnic schools in the city, re-introducing the Veps written language, supporting the incipient ethnic clubs and associations).

K. V. Chistov

Ethnography and Studying Political Traditions

The author raises the problem of cultural approaches in studying politics, stressing the role of ethnographic methods and giving a critical overview of approaches in researching political processes, hitherto dominant in Soviet social science. In the author's opinion, ethnography can be important for studying continuity in political evolution, the functions of tradition in political cultures. Ethnographic methods are vital in exploring modern political systems having originated in the last century within the framework of colonialism on the basis of pre-feudal and feudal ethno-social organisms. Political life in these systems is heavily dominated by archaic traditions. The author stresses the practical relevance of these problems, particularly in the USSR, inhabited by numerous ethnic groups with various political traditions.

V. V. Bocharov

Pre-Islamic Religious Syncretism among the Vainakhs

The data, provided by the authors, indicate that the religious beliefs of the Vainakhs (the Chechens and the Ingushes) were rather complex, being far from «primitive paganism». The rise of the new religious structure is supposed to have proceeded according to a universal scheme. The process included several stages: first — the collision between native paganism and Christianity, later — acquainting the population with the alien religion, assimilating the new practice of worship, mutual penetration and adaptation, and finally — the formation of the new syncretic system.

N. N. Velikaya, V. B. Vinogradov

A New Set of Anthropological Indices for Plastic Reconstruction

The article contains information on the current research taken up in the Laboratory of Plastic Anthropological Reconstruction. A special complex programme has been worked out for studying correlations between soft facial integuments and underlying cranial structures. The programme provides new approaches for reconstructing face from cranium and for comparing modern anthropological types with those of the past.

The new complex methodology was applied in a case study among a Buryat group. Up-to-date calculating procedures made it possible to characterize intergroup variability of indices related to soft facial tissues, revealing several intercorrelations between some facial elements and underlying cranial structures.

T. S. Baluyeva, Ye. V. Veselovskaya

CONTENTS

National Processes Today

K. V. Chistov (Leningrad). Ethnic Problems in Leningrad and the Leningrad Region. Discussing *V. A. Tishkov's* Article «On the Concept of Perestroika of Interethnic Relations in the USSR»: *A. I. Kuznetsov* (Moscow), *G. Ye. Markov* (Moscow), *S. V. Cheshko* (Moscow). *I. I. Krupnik*, *T. M. Mast'ugina*, *Ye. E. Nosenko* (Moscow). A Session of the Ethnic Politics Section on the Future Status of the Crimea.

Articles

V. V. Bocharov (Leningrad). Ethnography and Studying Political Traditions. *N. N. Velikaya*, *V. B. Vinogradov* (Groznyi). Pre-Islamic Religious Syncretism among the Vainakhs. *T. S. Baluyeva*, *Ye. V. Veselovskaya* (Moscow). A New Set of Anthropological Indices for Plastic Reconstruction.

Discussions

Discussing *V. V. Pimenov's* Article «Training Professional Ethnographers: The Problems of Perestroika». *L. P. Lashuk* (Moscow). *V. I. Naulko* (Kiev). Editorial Comment.

Communications

A. I. Kupriyanov (Moscow). Calendar Festivals of Russian Urban Dwellers in West Siberia in the First Half of the XIXth Century. *V. P. Ivanov*, *A. A. Trofimov* (Leningrad). The Chuvash Folk Art: Current Situation and Prospects. *I. V. Shtal'* (Moscow). Contributing to Paleoethnography of the Northern Caucasus: The Data of Narrative Sources and Pictorial Arts. *A. Yu. Sinitsyn* (Leningrad). Ancestor Cult and Ethnic Stereotypes of Behaviour among the Burmese. *A. R. Sadokova* (Moscow). Folk Poetry Genres in Japanese Calendar Rites.

Chronicle

A. Ye. Ter-Sarkis'ants (Moscow). The Work of the Institute of Ethnography, the USSR Academy of Sciences, in 1988.

Academic Life

V. A. Tishkov, *V. A. Shnirel'man* (Moscow). The XII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. *Yu. D. Anchabadze*, *L. T. Solovyeva* (Moscow). An All-Union Session on the Results of Anthropological and Ethnographic Research of 1986—1987. *V. V. Bocharov* (Leningrad). Some Results of a Seminar «Ethnic Aspects of Power in Contemporary World». *O. M. Fishman* (Leningrad). A Problem Exhibition «Man and His Environment: Settlement and Dwelling in Eastern Europe». Expeditions in Brief

Our Anniversaries

List of Scholarly Works by *R. G. Kuzeyev*, Doctor of Historical Sciences (to His 60th Birthday).

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *A. A. Belik* (Moscow). Ethnological Studies in Ethnology (Britain, West Germany, USA). General Ethnography. *T. A. Voronina* (Moscow). Food in Change. Eating Habits from the Middle Ages to the Present Day (in English). Peoples of the USSR. *B. M. Firsov* (Leningrad). *T. A. Bernshtam*. Youth in the Ritual Life of Russian Community (XIX—early XX c.). Sex and Age Aspects of Traditional Culture.

On interethnic Relations in the USSR Today

A Statement of Academic Ethnographers Issued at a Session of the Learned Council of the Institute of Ethnography on May 4, 1989).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР проводит в 1989 г. прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от производства по специальности:

этнография народов СССР;
этнография народов мира.

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет.

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Поступающие в аспирантуру должны сдать приемные экзамены по марксизму-ленинизму, общей этнографии, одному из западноевропейских языков и представить письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Прием заявлений до 25 августа 1989 г. Вступительные экзамены в сентябре.

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая объявляет прием в докторантуру по специальности «этнография» и «антропология». В докторантуру с отрывом от производства принимаются граждане СССР, кандидаты наук в возрасте до 40 лет, имеющие научные достижения в избранной области. Документы принимаются до 1 сентября 1989 г. Справки по телефону: 123-90-49.

Технический редактор Гришина Е. И.

Сдано в набор 13.03.89	Подписано к печати 05.06.89	Формат бумаги 70×100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 14,3	Усл. кр.-отт. 43,7 тыс.
		Уч.-изд. л. 19,4
	Тираж 3002 экз.	Бум. л. 5,5
	Зак. 2748	Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19;

тел.: 126-94-91, 123-90-97

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru